ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1832—1847 гг.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1896.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

Оглавленіе.

Глава I.

Вопросъ о формѣ управленія Царствомъ Польскимъ. — Отношенія къ этому вопросу европейскаго общественнаго мнѣнія и европейскихъ державъ: Пруссіи, Франціи, Англіи и Австріи. — Мнѣніе фельдмаршала объ отдѣльномъ управленіи Царствомъ Польскимъ. — Взглядъ и отзывъ Императора Николая Павловича. — Состояніе края наканунѣ введенія Уставной грамоты: земледѣльческій классъ; заводская и фабричная промышленность; города и ихъ населеніе; пути сообщенія; народное образованіе.—Солдаты и офицеры бывшей польской арміи. — Заграничные польскіе революціонные комитеты. -- Настроеніе жителей Варшавы. — Церковный вопросъ: уніаты, православные, католики. — Землевладѣльческое дворянство. — Бюджетъ Царства Польскаго на 1832 годъ. — Способы покрытія дефицита. — Пособія разоренным войною. -- Осложненіе учебнаго вопроса. — Краковскій университетъ. — Русскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ края. — Русская программа фельдмаршала. — Переименованіе польскихъ инженеровъ въ офицеры русскаго корпуса путей сообщенія. — Привлеченіе на русскую службу польскаго дворянства. — Письмо гр. Генриха Лубенскаго и отзывъ о немъ фельдмаршала. — Отношеніе Государя къ полякамъ, вѣрнымъ своему долгу. — Гостепріимный образъ жизни фельдмаршала и его вліяніе на высшее польское общество.

Съ окончаніемъ польскаго мятежа выступалъ вопросъ объ управленіи краемъ, — вопросъ нѣсколько сложный, въ особенности потому, что существованіе Царства Польскаго обусловливалось вѣнскимъ трактатомъ 1815 г.

Конституція въ томъ смыслѣ, въ которомъ принято понимать это слово, и въ той формѣ, въ которой она была введена въ Польшѣ Императоромъ Александромъ I по условіямъ этого трактата, вовсе не была обязательна. Самое наименованіе бывшаго герцогства Варшавскаго Царствомъ Польскимъ вызывало въ то время неудовольствіе сосѣднихъ государствъ, владѣющихъ остальными польскими землями*). При томъ и либеральныя учрежденія, дарованныя Польшѣ конституціей, не согласовались въ то время съ государственными основами какъ Австріи, такъ и Пруссіи. Но тѣмъ не менѣе въ вѣнскій трактатъ были включены указанія на автономное управленіе польскими землями, хотя указанія эти высказаны настолько уклончиво, что исполненіе ихъ вполнѣ зависѣло отъ договаривающихся державъ:

„Поляки, подданные высокихъ договаривающихся „сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и на„ціональныя государственныя учрежденія, согласныя съ „тѣмъ образомъ политическаго существованія, который „каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ за полез„нѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его вла„дѣній**)."

Послѣ паденія Варшавы въ европейскихъ кабинетахъ появились весьма разнородныя толкованія выше-

---

*) Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій т. III, стр. 217.

**) Les Polonais sujets respectifs des hautes Parties contractantes obtiendront une représentation et des institutions nationales réglées d'après le mode d'existence politique que chacun des Gouvernement, auxquels ils appartiennent, jugera utile et convenable de leur accorder (article V, Annexes, 1815, 21 avril, 13 mai). Traité concernant la Pologne conclu à Vienne.

приведеннаго текста вѣнскаго трактата. Опасались, что Государь Николай Павловичъ воспользуется правомъ завоевателя и найдетъ болѣе „приличнымъ и полезнымъ“ уничтожить отдѣльное отъ Имперіи управленіе Польши. Между тѣмъ въ Европѣ отдѣльное управленіе отъ Имперіи Царствомъ Польскимъ признавалось желательнымъ не только по смыслу вѣнскаго трактата, но и по внутреннимъ условіямъ политической жизни европейскихъ государствъ.

Во Франціи революція 1830 г. водворила правительство короля Людовика Филиппа, — правительство слабое тѣмъ болѣе, что, желая сохранить монархическое начало, оно вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждено было искать опоры во всѣхъ революціонныхъ и либеральныхъ партіяхъ страны. Такое положеніе Франціи несомнѣнно вліяло на всю Европу, гдѣ въ то время началось либеральное политическое броженіе, которое 18 лѣтъ спустя разразилось почти всеобщей революціей.

„Іюльская революція“, писалъ гр. Нессельроде *), „повлекла за собою революцію въ Бельгіи и серьез„ныя столкновенія въ Германіи, Италіи и Швейцаріи и „въ особенности въ Польшѣ. Нельзя не признать, что „вліяніе Іюльской революціи, сплотивъ либеральныя пар„тіи всѣхъ европейскихъ государствъ, установило враж„дебность отношеній ихъ ко всѣмъ законнымъ прави„тельствамъ. Мы признали короля Людовика Филиппа,

*) Записка гр. Нессельроде о политическомъ положеніи Европы, составленная, по приказанію Государя, для фельдмаршала въ 1831 г. (Сем. архивъ кн. Паскевича.)

„но только тогда, когда правительство его признало „всѣ международныя обязательства и трактаты, подпи-„санные правительствомъ Бурбоновъ старшей линіи. „Тѣмъ не менѣе сочувствіе Франціи проявляется ко „всѣмъ революціоннымъ движеніямъ въ Европѣ. . . и „это тѣмъ болѣе опасно, что революція въ Европѣ мо-„жетъ служить Франціи удобнымъ средствомъ для рас-„ширенія собственныхъ владѣній.“

Если правительство Людовика Филиппа вынуждено было угождать либеральнымъ и революціоннымъ партіямъ Франціи, то всѣ германскія правительства, съ прусскимъ во главѣ (сознательно или безсознательно), изъ страха къ политическому броженію, охватившему Германію, также подчинялись нѣсколько вліянію либеральныхъ партій. Въ этомъ отношеніи Пруссія находилась въ особенно трудномъ положеніи. Не довѣряя Австріи и находясь съ ней въ постоянной борьбѣ по вопросамъ внутренняго политическаго устройства Германскаго союза, она вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно опасалась нападенія со стороны Франціи. Къ этимъ внѣшнимъ затрудненіямъ присоединялись еще заботы внутреннія, т. е. боязнь общественнаго-германскаго либеральнаго и отчасти революціоннаго мнѣнія. — Конечно, либеральныя партіи всей Германіи питали ненависть къ сильной самодержавной Россіи, а прусское правительство, постоянно опасаясь раздражить эти партіи, вмѣстѣ съ тѣмъ искало тѣснаго союза съ русскимъ правительствомъ, безъ котораго Пруссіи трудно было удержать за собою положеніе великой державы. Эта

двойственность въ правительственномъ настроенiи проявлялась во всѣхъ дѣйствiяхъ и сношенiяхъ прусскаго правительства. Вотъ почему, напримѣръ, во время военныхъ дѣйствiй въ Польшѣ прусское правительство, не отказываясь исполнять требованiя Россiи, старалось предъ общественнымъ мнѣнiемъ Германiи, если не скрыть, то ослабить значенiе своихъ въ этомъ отношенiи дѣйствiй. Отсюда проистекали тѣ замедленiя въ доставкѣ продовольствiя Пруссiею и тѣ пограничныя затрудненiя, на которыя такъ часто жаловался кн. Варшавскiй при началѣ движенiя русской армiи на лѣвомъ берегу Вислы. Послѣ штурма Варшавы прусскiй кабинетъ выразилъ немалое безпокойство относительно будущей судьбы Польши. Онъ, конечно, не требовалъ конституцiи, но надѣялся успокоить либеральное общественное мнѣнiе Германiи, сохранивъ для Царства Польскаго отдѣльное нацiональное управленiе. Хотя прусское министерство не осмѣлилось положительно выразить Россiи свои въ этомъ отношенiи упованiя, но прусскiй король, пользуясь дружбой и родствомъ съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, высказалъ мнѣнiе, что „желательно, чтобы „Россiя дала Польшѣ такiя же права, какими поль„зуются Богемiя и Венгрiя подъ скипетромъ австрiй„скаго императора*).“

---

*) Le Roi croyait qu'il serait de tout point préférable que la Russie accorde à la Pologne les mêmes droits que ceux dont jouissent la Hongrie et la Bohême sous le sceptre de l'empereur d'Autriche.

Депеша гр. Аллопеуса, отъ 11 (23) февраля, и бар. Мальтица, отъ 10 (22) iюня 1831 г. (Архивъ М. И. Д. Дѣло сношенiй съ Пруссiею 1831 г.).

Отвѣтъ вице-канцлера гр. Нессельроде особенно обрадовалъ прусское министерство. „Государь Императоръ," писалъ министръ прусскій Ансильонъ въ своей депешѣ бар. Мальтицу, „вѣрный исполнитель „трактатовъ, основавшихъ публичное право (droit public „que) Европы, выразилъ твердое намѣреніе даровать „Польшѣ отдѣльное и національное управленіе*)." Относительно же формы этого управленія Ансильонъ добавляетъ, что „Европа можетъ предоставить Ему (Государю) съ полнымъ довѣріемъ рѣшеніе этого вопроса „въ твердомъ убѣжденіи, что Его Величество съумѣетъ „соединить осторожность съ великодушіемъ и съ дѣй„ствительными потребностями Царства Польскаго, спо„койствія Россіи и смежныхъ съ нею государствъ**)."

Заявленіе Пруссіи было только слабымъ отголоскомъ требованій Франціи и Англіи. Тамъ сочувствіе европейскаго либерализма Польшѣ высказывалось весьма рѣзко и упорно. Еще во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ французское правительство, подчиняясь требованіямъ либеральной партіи, рѣшилось на слабыя попытки вмѣшательства, оставшіяся со стороны Россіи

*) L'Empereur et Roi toujours fidèle aux traités qui servent de base au droit publique de l'Europe énonce la ferme resolution laisser le Royaume de Pologne subsister comme tel, de lui continuer une administration distincte et de lui donner des institutions nationales.

**) L'Europe peut Lui abandonner cette décision avec une entière confiance dans la ferme conviction qu'Il saura concilier la prudence avec la magnanimité et les vrais intérêts du Royaume de Pologne avec la sûreté de l'Empire de Russie et celles des états voisins (Archives de l'Etat, Min. des Affaires Etrangères. Dépêche d'Ancillion au baron Maltitz, 12 (24) novembre 1831, V).

безъ всякаго отвѣта. Такъ, напр., въ маѣ мѣсяцѣ 1831 г. первый министръ Франціи, маршалъ Себастіани, писалъ въ Петербургъ посланнику Франціи бар. Бургуону, что „война въ Польшѣ до такой степени усилила холерную „эпидемію, что она, несомнѣнно перейдя границы, рас„пространится въ Германіи и можетъ захватить Францію, „и что такимъ образомъ война Россіи съ Польшею „приметъ характеръ общественнаго бѣдствія (calamité „publique) для всей Европы.„

Основываясь на этихъ опасеніяхъ, Себастіани, отстраняя даже мысль о правѣ вмѣшательства въ дѣла Россіи съ Польшею, предлагалъ, однако, примирительными пріемами (par des moyens conciliants) приготовить почву для примиренія воюющихъ сторонъ. Послѣ паденія Варшавы Себастіани, въ депешѣ своей 24 декабря 1831 г., писалъ французскому послу въ Петербургѣ, что въ Парижѣ и въ Парламентѣ волненіе, вызванное извѣстіемъ о паденіи Варшавы, продолжалось въ теченіе 10 дней и едва успокоилось, причинивъ правительству не мало затрудненій и опасеній. Затѣмъ, продолжаетъ Себастіани, французское правительство надѣется, что Россія, даровавъ Польшѣ полную амнистію и конституцію, успокоитъ взволнованное общественное мнѣніе Франціи.

Депеша Себастіани осталась безъ отвѣта. Государь, прочитавъ ее, собственноручно написалъ на ней слѣдующую резолюцію: „Toute cette pièce est d'une impertinence telle à ne meriter aucune réponse; car s'il „fallait répondre, je devrais dire des choses trop fortes

„pour qu'elles n'entrainaient des complications désagré-„ables*)." Вслѣдъ за тѣмъ сынъ вновь назначеннаго первымъ министромъ Франціи Казиміра Перье былъ посланъ въ Лондонъ, чтобы предложить англійскому министерству вмѣстѣ съ представителями Франціи воздѣйствовать на русское правительство въ пользу Польши. Посольство это не имѣло успѣха; впрочемъ, какъ писалъ кн. Меттернихъ австрійскому послу въ Петербургѣ графу Фикельмону, „дѣйствительная цѣль этого пору-„ченія заключалась въ томъ, чтобы имѣть въ рукахъ „данныя и доказательства заботъ министерства къ участи „Польши, что при открытіи парламентской сессіи необ-„ходимо для существованія кабинета **)."

Англія отказалась отъ общаго съ Франціей воздѣйствія на русское правительство, но первый министръ сенъ-джемскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ, въ ноябрѣ 1831., въ депешѣ къ англійскому въ Петербургѣ послу лорду Хейтесбургу (Lord Heytesbourg), прикрываясь союзомъ и дружелюбіемъ къ Россіи, ставилъ вопросъ польскій на крайне рѣзкую почву. Помимо смысла вѣнскаго трактата, который, будто бы, обязываетъ Россію не отмѣнять въ Польшѣ прежняго консти-

---

*) Эта депеша до того дерзка, что не заслуживаетъ отвѣта, если бы отвѣчать, то пришлось бы высказаться рѣзко, что могло бы вызвать непріятныя осложненія. — Архивъ М. И. Д., переписка съ Франціею 1831-32 гг.

**) Le but réel de cette mission est d'avoir des pièces en mains pour prouver dès l'ouverture des chambres, que le gouvernement français n'a rien négligé de faire pour la nation polonaise (Archives de l'Etat, 1831. Min. des Aff. Etrang., dépêche du Prince de Metternich au Comte de Fiquelmont).

туціоннаго правленія, Пальмерстонъ напоминаетъ еще обязательство, принятое Императоромъ Александромъ I за себя и своихъ наслѣдниковъ, сохранять эту конституцію въ Польшѣ. Въ силу статьи 45 конституціонной хартіи, „Царь Польскій," напоминаетъ Пальмерстонъ въ своей депешѣ*), „вступая на престолъ, предъ Богомъ и Евангеліемъ обѣщается охранять, соблюдать и защищать хартію конституціонную."

Предвидя, что на подобные доводы легко отвѣтить, что представители Польши въ полномъ засѣданіи сейма торжественно объявили низложеніе съ польскаго престола дома Романовыхъ, и что затѣмъ Польша завоевана русскимъ оружіемъ, Пальмерстонъ высказываетъ весьма сомнительнаго свойства политическую теорію, что, будто бы, нарушеніе права одной стороной не вызываетъ нарушенія права другою стороною.

Отношенія Австріи къ Россіи были болѣе сложны.

Императоръ Францъ I и его всесильный министръ кн. Меттернихъ не сочувствовали управленію, введенному въ 1815 г. въ Царствѣ Польскомъ. Учрежденіе польской арміи и конституціонное правленіе противорѣчили слишкомъ рѣзко всему строю австрійскаго правительства того времени. Въ самомъ началѣ августа 1830 г. императоръ Францъ I уже предвидѣлъ, что поляки послѣдуютъ примѣру Франціи и предупреждалъ рус-

---

*) Le Roi de Pologne jure devant Dieu et sur l'Evangile de maintenir la Charte Constitutionnelle et de la faire exécuter par tous les moyens en son pouvoir (Dépêche de Lord Palmerston à Lord Heytesbourg. Foreign Office, le 23 novembre 1831).

скаго посла въ Вѣнѣ, Татищева, о политическомъ броженіи польскихъ революціонныхъ партій. Когда же вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, вѣнскій кабинетъ выразилъ искреннее сожалѣніе, въ особенности потому, что, какъ говорилъ императоръ Францъ Татищеву, „я „полагался на поддержку Россіи, это была моя наиболѣе „крѣпкая надежда на случай возмущенія у меня. Но „теперь вы сами заняты у себя дома*).“

Во время возстанія австрійское правительство добросовѣстно старалось содѣйствовать скорѣйшему его усмиренію**). Въ это время установились между Австріей и Россіею дѣйствительно тѣсныя союзныя отношенія. Вѣнскій кабинетъ забылъ несочувствіе свое къ первымъ дѣйствіямъ внѣшней политики царствованія Императора Николая I, т. е. къ турецкой войнѣ, оконченной Адріанопольскимъ миромъ.

Тѣмъ не менѣе вѣнскій кабинетъ не могъ не раздѣлять мнѣнія Пруссіи относительно смысла вѣнскаго трактата. Въ вопросѣ устройства управленія Польши вѣнскій кабинетъ, такъ же, какъ и берлинскій, полагалъ, что отдѣльное управленіе Царствомъ Польскимъ обязательно для Россіи. Значеніе вѣнскаго трактата для Австріи было въ то время особенно дорого. Охраняя условія этого международнаго акта, Австрія надѣялась остановить революціонное движеніе въ Европѣ. Въ то время разразившаяся революція въ Бельгіи особенно безпокоила австрійское правительство.

---

*) Депеша Татищева отъ 27 ноября (9 декабря) 1830 г.

**) Мартенсъ, собр. тракт. и конвенц. Т. IV., часть I., стр. 428.

Бельгія, вѣнскимъ трактатомъ присоединенная къ Голландіи, силою оружія отдѣлялась отъ владычества Оранскаго дома, а Франція и Англія (министерскій кабинетъ лорда Пальмерстона) явно ей покровительствовали. Французскія войска осаждали даже одну изъ бельгійскихъ крѣпостей, занятую голландцами, и хотя вооруженное французское вмѣшательство было впослѣдствіи устранено, тѣмъ не менѣе вѣнскій кабинетъ, опасаясь нарушенія европейскаго мира, требовалъ въ этомъ дѣлѣ точнаго исполненія вѣнскаго трактата. Само собою разумѣется, что Австрія, дѣйствуя по отношенію къ Бельгіи на основаніи вѣнскаго трактата, не могла не признать его значенія и по отношенію къ Польшѣ.

Россія и Пруссія по дѣламъ бельгійскимъ присоединились къ Австріи и заключили секретный актъ, въ силу котораго три сѣверныя державы, хотя и рѣшились уговорить короля нидерландскаго согласиться на отдѣленіе Бельгіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязались защищать его въ случаѣ вооруженнаго нападенія на его территорію.

Такимъ образомъ въ европейскихъ кабинетахъ, участвовавшихъ въ вѣнскомъ трактатѣ, существовало убѣжденіе въ правѣ нѣкотораго вмѣшательства въ дѣла польскія, и притомъ ни одна изъ этихъ державъ не признавала законнымъ полное сліяніе Царства Польскаго съ Россійской Имперіей. Если Англія и Франція, увлекаясь либерализмомъ, заявляли мнѣніе въ пользу конституціи, то общее мнѣніе всей Европы единогласно высказывало безусловную необходимость отдѣльнаго отъ Имперіи управленія Царствомъ. Русское правительство

въ извѣстной степени признавало законность вмѣшательства и требованій Европы. „Франція,“ писалъ гр. Нессельроде, „какъ участвовавшая въ трактатѣ, которому „Польша обязана своимъ существованіемъ, имѣетъ „право охранять условія этого трактата; вотъ почему,“ продолжаетъ Нессельроде, „мы поспѣшаемъ объявить, „что при будущемъ устройствѣ управленія Царства „Польскаго Государь не отступитъ отъ условій вѣнскаго „трактата“, т. е. отдѣльнаго отъ Имперіи управленія Царствомъ *). Это убѣжденіе на столько установилось въ нашемъ правительствѣ, что даже въ 1847 г. нашъ посолъ въ Лондонѣ бар. Бруновъ, по порученію гр. Нессельроде, оффиціально заявлялъ кабинету министровъ, что слухи о томъ, будто русское правительство рѣшительно стремится къ сліянію управленія Царства Польскаго съ Имперіей, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, и просилъ считать эти слухи ложно выдуманными. „Я также,“ писалъ въ то же время бар. Мейендорфъ, нашъ посолъ въ Берлинѣ, фельдмаршалу, „всегда считалъ такіе слухи баснями и увѣрилъ въ томъ же берлинскій кабинетъ, чему очень рады и успокоились.“ Фельдмаршалъ, съ своей стороны, желалъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не только усилить русскій элементъ въ Царствѣ Польскомъ, но и сосредоточить наи-

---

*) La France, comme partie contractante aux traités auxquels le Royaume de Pologne doit son existence, pouvait avec toute raison témoigner le désir que ces traités fussent maintenus. Aussi nous nous sommes empressés de Lui déclarer que dans les arrangements relatifs à l'administration future du Royaume, l'Empereur ne s'écarterait point de la lettre du recès de Vienne (Записки гр. Нессельроде, арх. М. И. Д.).

болѣе важныя, въ государственномъ отношеніи, отрасли администраціи преимущественно въ вѣдѣніи людей русскихъ. Но при этомъ онъ находилъ, что полное сліяніе управленія Польши съ Имперіей неудобно по многимъ причинамъ, которыя изложены имъ въ особой запискѣ для Государя *).

Императоръ Николай Павловичъ соглашался съ фельдмаршаломъ, полагая, что полное соединеніе Польши съ Россіею дѣло будущаго и что задача настоящаго времени заключалась въ уничтоженіи тѣхъ революціонныхъ началъ, которыя всегда причиняли несчастіе и кровопролитіе, какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ сосѣднихъ съ ней государствахъ. „Вопреки ихъ волѣ", писалъ Государь фельдмаршалу, „насильно ихъ (поляковъ) нужно „сдѣлать счастливыми." Трудность исполненія этой задачи Государь усматривалъ прежде всего въ политическихъ обстоятельствахъ Европы. Казалось, что либеральное броженіе, охватившее всю Европу, легко можетъ вызвать всеобщую войну. „Дай Богъ", писалъ Государь фельдмаршалу 4-го января 1832 г., „чтобы этотъ „годъ прошелъ мирно. Сумасбродство и нахальство „Франціи и Англіи превосходятъ всякія мѣры; чѣмъ „это кончится нельзя предвидѣть." Опасенія эти раздѣляли почти всѣ государственные люди и дипломаты того времени, напримѣръ: извѣстный посолъ нашъ въ Парижѣ графъ Поццо-ди-Борго тогда же увѣрялъ Государя, что во Франціи революція вспыхнетъ раньше

*) См. ниже, въ главѣ XI-й.

года и что „Людовикъ Филиппъ первый свалится, и за-„тѣмъ будетъ la terreur и война неизбѣжна" *).

Помимо внутренняго революціоннаго броженія, о которомъ мы уже упоминали и которое проявлялось во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, революція въ Бельгіи, вмѣшательство въ бельгійскія дѣла Англіи и въ особенности Франціи, революція въ Италіи, преимущественно въ папскихъ владѣніяхъ, и соперничество Австріи и Франціи за преобладаніе въ Италіи, наконецъ шаткое положеніе французскаго правительства и вліятельное положеніе во Франціи революціонныхъ партій — вызывали опасенія всеобщей войны. Въ настоящее время опасенія эти кажутся преувеличенными и, можетъ быть, недостаточно основательными, но Европа еще жила воспоминаніями первыхъ войнъ французской революціи, и въ самой Германіи, а тѣмъ болѣе въ Польшѣ, либеральныя партіи желали этой войны, надѣясь найти въ ней возможность осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ.

При такихъ обстоятельствахъ рѣшено было, даровавъ Польшѣ отдѣльное управленіе особымъ органическимъ статутомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточить въ рукахъ фельдмаршала сильную диктаторскую охранительную власть, занявъ Польшу 100 т. русскимъ войскомъ. Притомъ, не уничтожая отдѣльности управленія, усилить и организовать русскій элементъ въ Царствѣ Польскомъ.

Органическій статутъ немедленно послѣ штурма Варшавы составлялся въ Петербургѣ. Участіе въ немъ

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 29-го мая (10-го іюня) 1832 г. См. прил. № 1.

фельдмаршала несомнѣнно и высказывалось въ переискѣ его съ Государемъ; но покуда Петербургъ составлялъ этотъ основной актъ будущаго управленія и ждалъ пріѣзда фельдмаршала, для окончательнаго утвержденія его, гражданская жизнь въ Царствѣ устраивалась временнымъ правленіемъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ кн. Варшавскаго.

Бывшій предсѣдатель временнаго правленія Энгель, какъ уже намъ извѣстно, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности*) и фельдмаршалъ, въ виду труднаго положенія края, принялъ на себя обязанность предсѣдателя правленія.

Власть фельдмаршала въ Польшѣ въ то время основывалась на общемъ положеніи главнокомандующаго въ краѣ, занятомъ его арміею. Временное правленіе подъ его предсѣдательствомъ соединяло въ себѣ всѣ отдѣлы управленія страною:

1) Народнымъ просвѣщеніемъ и духовными дѣлами завѣдывалъ дивизіонный генералъ (бывшихъ польскихъ войскъ) Раутенштраухъ.

2) Юстиціею — дивизіонный генералъ (также бывшихъ польскихъ войскъ) Коссецкій.

3) Внутренними дѣлами и полиціею — свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ графъ Строгановъ.

4) Финансами и контролемъ — д. с. с. Фурманъ.

5) Генеральнымъ секретаремъ былъ Тымовскій (впослѣдствіи статсъ-секретарь Царства Польскаго).

---

*) См. Томъ IV, глава V.

Положеніе края дѣйствительно вызывало особую энергію правительства.

Годъ возстанія былъ губительнымъ для народнаго хозяйства всего Царства Польскаго.

Кромѣ бѣдствія войны, въ теченіе года отъ холеры погибло около 2 ½% всего народонаселенія, слишкомъ 80 тысячъ душъ.

Всѣ продовольственные запасы Царства были истощены. Появился голодъ, скотскій падежъ и страшная дороговизна предметовъ первой необходимости, такъ что въ 1832 г. вслѣдъ за холерой развились эпидеміи и смертность населенія превысила естественный приростъ до 3%. Крестьяне во многихъ мѣстностяхъ не только не могли приступить къ засѣву полей, но даже не въ состояніи были прокормиться. Приходилось спасать отъ гибели все земледѣльческое населеніе, котораго было тогда 3,300,000 изъ 4 милліоновъ общаго числа жителей. Въ удовлетворительномъ состояніи находились только хозяйства нѣмецкихъ колонистовъ (общее число которыхъ не превышало 60,000).

До революціи заводская и фабричная промышленность находилась въ слабомъ развитіи, а во время возстанія всѣ фабрики прекратили свои дѣйствія. Это было ощутительно въ особенности по отношенію къ процвѣтавшимъ до мятежа фабрикамъ суконнымъ и шерстянымъ. До 1830 г. фабрики эти производили до 7 ½ милліоновъ локтей тканей и занимали 54 тысячи рабочихъ, которые съ окончаніемъ войны остались безъ работы и хлѣба.

Общее разореніе края отозвалось и на городскомъ

населенiи. Въ Царствѣ Польскомъ въ то время насчитывалось 453 города; болѣе половины (240) изъ нихъ принадлежали частнымъ владѣльцамъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ тогдашняго Царства Польскаго числилось 500 тысячъ христiанъ и около 300 тысячъ евреевъ. Первые занимались хлѣбопашествомъ, вторые мелкою промышленностью. Земледѣльческое городское населенiе, по тѣмъ же причинамъ, какъ и сельское, было окончательно разорено, а мелкая промышленность, при общей дороговизнѣ и при повсемѣстномъ проявленiи разоренiя и голода, лишилась всякихъ средствъ къ существованiю. Во многихъ городахъ дома были сожжены и разрушены и часть жителей помѣщалась въ наскоро сколоченныхъ шалашахъ. Въ Варшавѣ, во время штурма, было разрушено 175 частныхъ домовъ и притомъ наибѣднѣйшаго населенiя.

Наконецъ, пути сообщенiя во время войны до того пострадали, что главныя шоссейныя дороги, а именно: Ковенская, Брестская и Калишская, были почти разрушены. Черезъ Вислу былъ одинъ только постоянный мостъ между Варшавой и Прагой.

Народное образованiе было прервано революцiей и затѣмъ, съ прекращенiемъ мятежа, почти всѣ воспитательныя учрежденiя Царства Польскаго оказались въ дѣйствительности несуществующими.

Воспитанники и преподаватели Варшавскаго университета и политехнической школы, принимавшiе дѣятельное участiе въ возстанiи, въ огромномъ большинствѣ эмигрировали; это доказывается уже тѣмъ, что имуще-

ство нѣсколькихъ сотенъ чел. учебнаго вѣдомства было объявлено конфискованнымъ, какъ принадлежавшее эмигрировавшимъ мятежникамъ. Единственныя спеціальныя въ Царствѣ Польскомъ школы: горная и лѣсная, бездѣйствовали, такъ какъ большинство учениковъ, поступивъ въ ряды польской арміи, въ школы не возвратились, а потому суммы на содержаніе ихъ не были внесены въ бюджетъ 1832 г. Среднія школы, соотвѣтствовавшія тогдашнимъ нашимъ уѣзднымъ училищамъ и гимназіямъ: обводовыя (уѣздныя) и воеводскія (губернскія), до революціи находились въ рукахъ монашествующаго ордена піаристовъ. Не смотря на то, что піаристы организовали изъ своей среды спеціальную и научно хорошо подготовленную корпорацію воспитателей, все преподаваніе ихъ проникнуто было духомъ крайней религіозной нетерпимости и фанатизма. Пользуясь пособіемъ отъ правительства, они держали въ своихъ рукахъ также приходскія и сельскія, при монастыряхъ, школы. Такимъ образомъ все польское юношество воспитывалось въ духѣ, крайне враждебномъ Россіи. Съ окончаніемъ мятежа, такое положеніе не могло быть терпимо; приходилось не только создавать учебныя заведенія по новому плану, но и перемѣнить личный составъ преподавателей во всѣхъ школахъ Царства. Изъ общаго положенія всѣхъ учебныхъ заведеній выдѣлялся только Калишскій кадетскій корпусъ *).

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 11 ноября 1831 г. См. прилож. № 2.

Въ числѣ общихъ бѣдствій края того времени необходимо упомянуть о положеніи солдатъ, въ особенности же офицеровъ бывшей польской арміи, оставшихся въ краѣ. Разойдясь по деревнямъ и усадьбамъ, они, при общемъ разореніи всего населенія, не могли найти средствъ для существованія.

Не смотря на столь бѣдственное положеніе отечества, польская эмиграція, немедленно организовавшись послѣ войны въ различные комитеты, не переставала изыскивать средства для возбужденія волненій въ краѣ.

Изъ Парижа высылались воззванія и черезъ границу старались проникнуть эмисары. Почти всѣ члены бывшаго революціоннаго правительства, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго въ возстаніи Бонавентуры Немоевскаго, основали такъ называемый Польскій комитетъ. А въ декабрѣ мѣсяцѣ 1831 г. въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ Іоахима Лелевеля, образовался демократическій Польскій народный комитетъ; къ нему въ особенности присоединялись эмигранты, бродившіе въ Италіи, Германіи и Галиціи. Въ немъ съ перваго же дня его существованія сосредоточились заговоры, съ тѣхъ поръ постоянно нарушавшіе спокойствіе Польши. Въ октябрѣ 1831 г., т. е. черезъ два мѣсяца послѣ штурма Варшавы, благодаря тайнымъ заграничнымъ эмисарамъ, постоянно распускались слухи, то о какомъ-то мщеніи, которое, будто бы, замышляетъ русское правительство и его армія, то о новомъ мятежѣ, готовящемся въ Варшавѣ. Слухи эти проникали во всѣ слои варшавскаго населенія и окрестностей. Благодаря имъ,

варшавяне волновались, на улицахъ боялись ходить, большинство жителей пряталось по домамъ. Въ городѣ всѣ чего-то ждали. Одни надѣялись, другими овладѣвалъ паническій страхъ. Такое настроеніе могло быть удобно для проявленій во всякомъ случаѣ не желательныхъ безпорядковъ. Въ виду этого фельдмаршалъ счелъ нужнымъ обратиться съ увѣщаніемъ къ жителямъ города Варшавы *) и писалъ Государю: „Я приказалъ на „одинъ пожаръ выходить одному баталіону, а если „разомъ два или три или больше, то на опредѣленные „пункты вывести всѣ войска.“

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ фельдмаршалъ усилилъ гарнизонъ пѣхотной бригадой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эмиграція старалась организовать за границей польскую вооруженную силу, полагая, что при европейской войнѣ она могла бы выразить собою отдѣльное политическое существованіе Польши. 18 (30) октября 1831 года Государь изъ Москвы писалъ фельдмаршалу, что Франція хочетъ создать отдѣльный, исключительно польскій отрядъ. Дѣйствительно, правительство Людовика Филиппа, увлекаясь воспоминаніями временъ Наполеона I-го и въ угоду либеральнымъ партіямъ, рѣшилось образовать изъ выходцевъ польской арміи „*польскій легіонъ*.“

Русскій посолъ въ Парижѣ гр. Поццо-ди-Борго, по приказанію Государя, объявилъ французскому министерству, „что сформированіе войскъ подъ именемъ польскаго

---

*) См. прилож. № 3.

„легіона принято будетъ какъ прекращеніе мирныхъ „сношеній Франціи съ Россіей."

Послѣ такого заявленія французское правительство отказалось отъ своего намѣренія и только впослѣдствіи рѣшилось сформировать иностранный легіонъ изъ выходцевъ всѣхъ странъ Европы.

Вопросъ церковный, т. е. положеніе церквей разныхъ вѣроисповѣданій въ Царствѣ, съ первыхъ же дней покоренія Варшавы не могъ также не обратить особеннаго вниманія кн. Варшавскаго.

Восточная часть Царства была населена малороссійскимъ племенемъ, три вѣка тому назадъ совращеннымъ изъ православія въ такъ называемое греко-уніатское вѣроисповѣданіе*).

Холмская Русь (восточная часть Царства Польскаго) была матеріально порабощена польскимъ дворянствомъ и духовенствомъ и находилась въ полномъ разобщеніи со всей Россіей. Вопреки основнымъ положеніямъ папскихъ буллъ, установившихъ греко-уніатскую церковь, восточная обрядность и самый языкъ вліяніемъ католическаго духовенства (въ особенности Базиліанъ) замѣнялись латинскимъ обрядомъ и польскимъ языкомъ.

---

*) По вѣроисповѣданіямъ населеніе Царства, въ круглыхъ цифрахъ, раздѣлялось на слѣдующія группы:

Католиковъ	3,280,000
Уніатовъ	216,000
Евангелическаго исповѣданія	182,000
Православнаго исповѣданія	100,000
Іудейскаго	420,000
Старообрядцевъ, Менонитовъ, Моравскихъ братьевъ и проч.	4,000

Уніатскіе храмы, долженствовавщіе по основнымъ папскимъ булламъ ни въ чемъ не отличаться по внѣшнему виду отъ православныхъ церквей, приняли видъ католическихъ костеловъ съ ихъ боковыми открытыми алтарями и органами. Уніатскіе священники, воспитанные Базиліанами, забыли свою природную русскую рѣчь, утратили чувство русской народности и даже приняли одежду католическихъ ксендзовъ. Русское населеніе Холмской земли, когда-то отторгнутое отъ Россіи и до раздѣла Польши упорно отстаивавшее свою народность, съ присоединеніемъ всего края къ Русской Имперіи, т. е. въ 1815 г., мало по малу сливалось съ польскимъ населеніемъ, утрачивая всѣ особенности своей народности. Окончательное распоряженіе, поставившее уніатскую церковь въ полную зависимость отъ католическаго духовенства, состоялось въ 1829 году. До того времени уніатская холмская церковь подчинялась галицкой митрополіи, въ которой точно и строго соблюдались постановленія флорентинскаго собора; вотъ почему тамъ славянская обрядность и языкъ русскій оставались неприкосновенными. Въ 1829 г. папскій нунцій въ Вѣнѣ, Петръ Уго, архіепископъ фиванскій, извѣстилъ галицкую митрополію, что, по желанію русскаго правительства, папа освобождаетъ холмскую епархію отъ подчиненія галицкой митрополіи и поставляетъ ее въ сношеніе съ римско-католическимъ епископомъ люблинскимъ. Распоряженіе это со стороны уніатовъ не встрѣтило ни жалобъ, ни сопротивленія. Это были дѣти и внуки того населенія, которое въ началѣ царствованія

Екатерины II-й постоянно взывало къ русскому правительству, умоляя оградитъ его отъ насилія польскаго католицизма.

Русскаго православнаго населенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ старообрядцевъ, въ краѣ вовсе не было. Православныхъ церквей въ Царствѣ всего было шесть*). Онѣ разновременно были устроены выселившимися изъ Турціи греческими купцами. Церкви эти до 1825 года находились въ вѣдѣніи буковинскихъ архіереевъ, но зависимость эта состояла лишь въ томъ, что священнослужители рукополагались буковинскими владыками, но въ дѣлахъ служенія и хозяйственныхъ зависѣли отъ греческихъ обществъ и управлялись выборными отъ нихъ попечителями. Церкви и причтъ церковный содержался на счетъ греческихъ обществъ. Въ 1825 году Высочайше повелѣно было подчинить православное духовенство въ Царствѣ Св. Сѵноду, а въ 1829 году утверждено было „положеніе о дѣлахъ греко-россійской церкви въ Царствѣ Польскомъ,“ въ силу котораго православное духовенство Царства подчинялось волынскому епархіальному начальству, а для ближайшаго завѣдыванія православными церквами былъ назначенъ въ Варшаву протоіерей благочинный. Тѣмъ не менѣе, послѣ штурма Варшавы, новое русское управленіе кн. Варшавскаго убѣдилось, что почти всѣ право-

*) *Варшавская,* Святотроицкая, на улицѣ Подвальной; *Опатовская,* во имя великомученика Георгія, въ Радомской губерніи; *Люблинская,* Рождество Богородичная; *Петроковская,* во имя всѣхъ святыхъ; *Калишская,* во имя святого Афонасія Александрійскаго и *Дрогичинская,* Преображенская.

славныя церкви въ Царствѣ Польскомъ находились въ разрушенномъ состояніи. Собственно даже отдѣльныхъ зданій для православныхъ церквей почти не было; такъ, напр., церковь Петроковская помѣщалась на чердакѣ каменнаго дома.

Кромѣ приходскихъ церквей въ Царствѣ Польскомъ находился, въ Радзивилловскомъ имѣніи Яблочинѣ, православный монастырь Яблочинскій. Монастырь этотъ, окруженный уніатами, не имѣлъ постоянныхъ прихожанъ и, потерявъ значительную часть своихъ земель, отошедшихъ въ собственность владѣтелей села Яблочина, едва существовалъ, не имѣя даже средствъ поддерживать полуразрушенныя монастырскія зданія.

Многочисленное католическое духовенство, хотя также нѣсколько матеріально пострадавшее отъ мятежа, находилось относительно остального населенія въ наиболѣе обезпеченномъ положеніи.

Наконецъ, дворянство, численность котораго доходила до 200,000 человѣкъ, избѣжало окончательнаго разоренія только благодаря устойчивости земскаго кредитнаго общества, билеты котораго постоянно ходили почти по номинальной цѣнѣ. Даже во время мятежа курсъ ихъ весьма мало понизился. Это учрежденіе спасло въ 1831 году дворянскую земельную собственность въ Польшѣ.

Администрація и суды, какъ во время, такъ и послѣ окончанія мятежа, дѣйствовали весьма слабо, неправильно и медленно. Значительное число чиновниковъ разбѣжалось. Много дѣлъ и зданій войсками и пожарами было уничтожено. По всѣмъ отраслямъ государ-

ственныхъ и общественныхъ учрежденій дезорганизація была полная.

Для устройства края необходимы были денежныя средства, а потому одна изъ главныхъ заботъ фельдмаршала въ концѣ 1831 года заключалась въ составленіи финансоваго бюджета на 1832 годъ.

По проекту бюджета, доходъ опредѣлялся приблизительно въ 13,000,000 рублей, а расходъ въ 15,000,000, причемъ изъ доходовъ Царства Польскаго 8,400,000 рублей подлежали отпуску на экстраординарные расходы: по военному управленію, по постройкѣ крѣпостей и по содержанію расположенной въ краѣ стотысячной арміи. Такимъ образомъ на расходы по гражданскому управленію Царствомъ, на полицію, народное просвѣщеніе и проч. оставалось менѣе 7,000,000 рублей, на которую сумму падалъ общій дефицитъ бюджета слишкомъ въ 2,000,000 рублей. Фельдмаршалъ полагалъ, что увеличить налоги при общемъ разореніи края немыслимо и что во всякомъ случаѣ такая мѣра не достигала бы желаемой цѣли: возвышеніе податей увеличило бы недоимки, а не дѣйствительное поступленіе денежныхъ суммъ въ казну.

Изыскивая средства для покрытія дефицита, управляющій финансовою частью Царства Польскаго, членъ временнаго правленія Фурманъ, предложилъ, между прочимъ, покрыть дефицитъ ожидаемыми въ 1832 году прибылями Польскаго банка. Но съ этимъ предложеніемъ фельдмаршалъ не согласился, находя его слишкомъ неопредѣленнымъ и нарушающимъ основныя пос-

тановленія Польскаго банка. Дѣйствительно, трудно было предвидѣть, какія прибыли получитъ Польскій банкъ черезъ годъ послѣ мятежа, столь гибельно повліявшаго на всѣ денежныя операціи страны.

Затѣмъ, временное правленіе предположило уменьшить содержаніе всѣмъ чиновникамъ гражданскаго вѣдомства и епископамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Отъ подобныхъ вычетовъ освобождались всѣ пенсіонеры, такъ какъ, по мнѣнію фельдмаршала, „пенсіонъ служащихъ долженъ почитаться священнымъ долгомъ правительства."

Утвержденный 4 % вычетъ изъ жалованія, получаемаго чиновниками, не былъ разорителенъ для служащихъ по гражданскому вѣдомству; но и казнѣ онъ не доставилъ сколько нибудь значительной поддержки. Этимъ путемъ собралось приблизительно около 30,000 рублей. Временное правленіе въ особенности настаивало на вычетахъ изъ содержанія епископовъ, на томъ основаніи, что ихъ жалованье служило вознагражденіемъ за отошедшія отъ нихъ имѣнія, а такъ какъ вообще доходность земель, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ страны, понизилась, то и суммы, отпускаемыя на содержаніе епископовъ, подлежали сокращенію. Государь, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, утвердилъ мнѣніе временнаго правленія относительно сокращенія содержанія епископовъ, но, по представленію фельдмаршала, приказалъ не только возмѣстить вычеты, но и увеличить содержаніе епископовъ изъ бюджетныхъ суммъ, предоставленныхъ въ личное распоряженіе Его Величества.

Трудный вопросъ бюджета на 1832 г. закончился Высочайшими повелѣніями, состоявшимися, по представленію фельдмаршала, 4 (16) февраля 1832 года.

Повелѣно было заложить въ земскомъ кредитномъ обществѣ всѣ недвижимыя имѣнія духовенства и вырученныя такимъ способомъ суммы передать въ распоряженіе временнаго правленія Царства Польскаго. Точно такъ же велѣно было поступить съ имѣніями, принадлежащими горному департаменту. Наконецъ, предписано было возвратить казнѣ поіезуитскіе капиталы, обезпеченные, недвижимыми частными имѣніями, т. е. повелѣвалось всѣмъ частнымъ владѣльцамъ, взявшимъ подъ залогъ своихъ имѣній поіезуитскіе капиталы, возвратить ихъ, заложивъ свою земельную собственность въ земскомъ кредитѣ. Этими распоряженіями покрылся бюджетный дефицитъ, и, не смотря на скудость средствъ, полезныя для края сооруженія не прекращались. Такъ, на работы по устройству и содержанію Августовскаго канала было ассигновано на 1832 годъ 60,000 рублей. Каналъ этотъ, по распоряженію фельдмаршала, поступилъ въ вѣдѣніе генеральной дирекціи дорогъ и мостовъ, а производимыя работы были поручены надзору дивизіоннаго генерала Малецкаго *).

Одновременно съ заботами по составленію бюджета фельдмаршалъ предложилъ временному правленію принять слѣдующія основанія для оказанія помощи разоренным войною жителямъ:

*) См. прилож. № 4, *а*, *б*, *в*, протоколы засѣданій временнаго правленія 7, 12 и 17 янв. 1832 г.

1) Тѣмъ, кои лишились домовъ, дать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ.

2) Тѣмъ, кои не имѣютъ хлѣба для пропитанія до новой жатвы, дать на каждый домъ по четыре четверти ржи и по полу-пуда соли, замѣняя часть ржи картофелемъ.

3) Тѣмъ, кои не имѣютъ зерна на весенній посѣвъ, дать на каждый домъ по одной четверти овса, по получетверти ячменя и по одной четверти картофеля.

4) Тѣмъ, кои лишились скота, дать на каждый домъ по одной парѣ воловъ, по одной коровѣ и одну лошадь.

Государь Императоръ, по представленію фельдмаршала, разрѣшилъ давать безплатно крестьянамъ лѣсъ для постройки домовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было выдать изъ казны 2,500,000 руб. ассигнаціями наиболѣе разоренным войною жителямъ и крестьянамъ заимообразно на три года съ тѣмъ, что по истеченіи льготныхъ лѣтъ сроки платежей назначить безъ отягощенія должниковъ *).

Между тѣмъ вопросъ учебнаго вѣдомства съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе острый характеръ. Варшавскій университетъ былъ закрытъ, причемъ изученіе законовѣдѣнія и медицины вовсе прекратилось. Все юношество Царства стремилось въ заграничные, въ особенности въ краковскій, университеты. Именно въ Краковѣ сосредоточивались тогда эмисары эмигра-

*) См. прил. № 5, прот. зас. врем. правл. 2 (14) марта 1832 г.

ціи и преимущественно оттуда шли въ Польшу прокламаціи, ложные слухи и крамольные замыслы. Такое положеніе дѣлъ побудило фельдмаршала вытребовать отъ русскаго резидента въ Краковѣ списки всѣхъ подданныхъ Царства Польскаго, обучающихся въ тамошнемъ университетѣ, и потребовать черезъ родителей и опекуновъ возвращенія ихъ въ предѣлы Царства *). Но тѣмъ болѣе ощущалась неотложная необходимость возстановить учебныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ. Среднія учебныя заведенія не были закрыты, но съ удаленіемъ піаристовъ преподаватели въ этихъ заведеніяхъ отличались только политической неблагонадежностью и слабой научной подготовкой.

Фельдмаршалъ, собираясь въ концѣ января 1832 г. въ Петербургъ, подготовлялъ основаніе воспитательныхъ учрежденій въ Царствѣ.

Важность и сложность этого вопроса требовала личнаго доклада Государю.

Не смотря на энергію фельдмаршала, теченіе дѣлъ временнаго правленія нѣсколько замедлялось, въ особенности потому, что дѣла правленія и вообще всѣхъ правительственныхъ учрежденій Царства Польскаго производились на трехъ языкахъ: польскомъ, французскомъ и русскомъ. Введеніе русскаго языка (наравнѣ съ польскимъ) въ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго послѣдовало по распоряженію фельд-

---

*) См. прил. № 6, прот. зас. вр. пр. 11 (23) марта 1832 г.

маршала. До революціи русская рѣчь вовсе не употреблялась въ польскихъ дѣлахъ. Такое нововведеніе на первое время неминуемо отразилось медленностью въ дѣлопроизводствѣ. Въ Польшѣ было слишкомъ мало русскихъ чиновниковъ, знающихъ польскій языкъ, а также и польскихъ чиновниковъ, знающихъ русскій языкъ.

Требованіе русскаго языка, исходя отъ фельдмаршала, имѣло въ основаніи первоначальную мысль князя Варшавскаго, который предполагалъ устроить „полицей-„скую и уголовную судную часть совершенно на рус-„скихъ основаніяхъ и положеніяхъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь усилить русскій элементъ въ Польшѣ, фельдмаршалъ предполагалъ конфискованныя земли „раздать „русскимъ, съ тѣмъ, чтобы они не могли продать оныя „иначе, какъ русскимъ же, исповѣдующимъ греко-рос-„сійскую вѣру *).“

По тѣмъ же первоначальнымъ соображеніямъ, фельдмаршалъ предполагалъ раздѣлить Польшу на губерніи, подъ начальствомъ военныхъ губернаторовъ, и стараться возвратить уніатовъ въ греко-россійскую вѣру. „Народу“, писалъ фельдмаршалъ, „хорошо извѣстны тѣ „насилія, которыя употреблялись для сего польскимъ „правительствомъ и духовенствомъ, а потому мѣра сія „будетъ менѣе затруднительна для русскихъ, при обра-

---

*) Замѣчанія о предположеніяхъ, относящихся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ Польши. Семейный архивъ князя Паскевича, XIII отдѣлъ. IV, № 103.

„щеніи уніатовъ въ прежнее вѣроисповѣданіе, чѣмъ была „для поляковъ къ отторженію ихъ отъ онаго.“

Дальнѣйшее развитіе такой программы дѣйствій вошло отчасти не только въ органическій статутъ, но и въ послѣдующую систему политики русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ.

Въ концѣ октября, т. е. едва мѣсяцъ спустя послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, фельдмаршалъ уже предпринялъ рядъ распоряженій по устройству путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ. Назначивъ, съ согласія Государя, опытнаго инженера Христіани завѣдующимъ путями сообщеній, фельдмаршалъ, съ Высочайшаго же разрѣшенія, предписалъ: „Начать работы насыпныхъ „дорогъ (т. е. шоссе) въ восьми направленіяхъ отъ Вар„шавы: на Ковно, Брестъ-Литовскъ, Калишъ, Познань „(на Слуцкъ), Модлинъ, Бѣлостокъ и отъ Владиміра „Волынскаго, черезъ Люблинъ и Пулавы, и отсюда по „правому берегу рѣки Вислы до Варшавы; и второе: „отъ Варшавы черезъ Кельце въ Краковъ.“

Работы эти производились на суммы Польскаго банка, по особому съ правительствомъ контракту.

Христіани до революціи исправлялъ должность главнаго директора королевско-польскаго корпуса инженеровъ. Фельдмаршалъ, убѣдившись, что не только Христіани, но и польскіе инженеры путей сообщенія, которые при настоящихъ усиленныхъ шоссейныхъ работахъ были призваны завѣдывать рабочими участками, въ бывшей революціи участія не принимали, исходатайствовалъ у Государя переименованіе Христіани въ

генералъ-маіоры корпуса русскихъ инженеровъ путей сообщенія, а также переводъ всѣхъ польскихъ инженеровъ путей сообщенія офицерами въ русскій корпусъ того же наименованія.

Это была тѣмъ болѣе выдающаяся милость, что польскіе инженеры не имѣли военныхъ чиновъ и были переведены офицерскими чинами, соотвѣтствующими классамъ, въ коихъ состояли до возмущенія. Вообще нельзя не замѣтить, что, не смотря на строгое отношеніе, какъ Государя, такъ и фельдмаршала, къ мятежникамъ, Его Величество и кн. Варшавскій вовсе не распространяли эту строгость на тѣхъ польскихъ сановниковъ и офицеровъ, которые не принимали участія въ бывшихъ въ краѣ безпорядкахъ. Польскіе сановники, остававшіеся вѣрными престолу, какъ напримѣръ гр. Красинскій, Потоцкій, Раутенштраухъ, Косецкій и мн. др., принимали участіе въ правленіи наравнѣ съ русскими: гр. Строгановымъ, Энгелемъ и др. Офицеры польскихъ отрядовъ, сдавшихся безусловно послѣ штурма Варшавы, были переводимы въ русскую армію тѣми же чинами, не утрачивая служебныхъ правъ.

Эта великодушная справедливость во многомъ содѣйствовала успокоенію края и только происки эмиграціи поддерживали ту непримиримую враждебность къ Россіи, которая существовала исключительно въ высшихъ слояхъ населенія Польши.

Фельдмаршалъ сознавалъ пользу привлеченія дворянства на службу и не допускалъ мысли, что меньшинство поляковъ въ русской арміи и въ русскихъ прави-

тельственныхъ учрежденіяхъ могло бы совратить съ пути чести и правды русскихъ служилыхъ людей.

Вообще фельдмаршалъ цѣнилъ людей способныхъ для дѣла, не придавая особаго значенія политической мечтательности, которая въ дѣлахъ не можетъ проявиться тамъ, гдѣ правительство, при проницательной твердости, неуклонно направляетъ дѣятельность всѣхъ своихъ представителей. Это направленіе высказалось еще въ 1831 г., напримѣръ въ дѣлѣ гр. Генриха Лубенскаго (Łubieński), директора польскаго банка.

Въ Петербургъ, въ концѣ 1831 г., доставлено было, посредствомъ перлюстраціи, письмо Лубенскаго къ одному изъ своихъ родственниковъ. Въ этомъ письмѣ Лубенскій придавалъ польскому банку значеніе учрежденія, въ которомъ сосредоточиваются послѣднія политическія упованія Польши. При томъ гр. Лубенскій выражалъ въ письмѣ своемъ убѣжденіе, что, занимаясь банкомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ спасаетъ въ странѣ не одно только матеріальное благосостояніе, но и чувство національнаго единства.

Позднѣе Государь приказалъ доставить письмо фельдмаршалу, прося его высказать, до какой степени онъ считаетъ возможнымъ оставить гр. Лубенскаго директоромъ банка.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ особой запиской, въ которой между прочимъ изложено: „поляки вообще расположены „къ намъ дурно; они всѣ желаютъ и будутъ всегда же„лать перемѣны, — это извѣстно; что Генрихъ и вся „фамилія Лубенскихъ не лучше другихъ, это также не

„безъизвѣстно. Остается одинъ вопросъ: въ какой мѣрѣ „полезенъ банкъ польскій и въ какой степени для банка „полезенъ гр. Лубенскій?

„Что банкъ есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ „благосостоянія края, въ этомъ нельзя сомнѣваться. „Входя въ нужды обывателей, поощряя промышлен„ность и земледѣліе, поддерживая кредитъ, онъ есть „главный двигатель всѣхъ капиталовъ. Этимъ самымъ „и собственными предпріятіями онъ приноситъ и казнѣ „прибыль... Нельзя также не признать, что самый „банкъ поддерживается способностями и трудами гр. „Генриха Лубенскаго. Тайный совѣтникъ Фурманъ счи„таетъ его первымъ своимъ помощникомъ. Сверхъ того „общее его поведеніе нынѣ весьма хорошо: не замѣчено „ни одной нескромности, ничего противъ правительства, „по крайней мѣрѣ ничего явнаго. Сына своего онъ по„сылалъ въ С.-Петербургъ учиться по русски, хочетъ „опредѣлить его въ русскую службу.

„Словомъ, гр. Лубенскій одинъ изъ тѣхъ полезныхъ „людей, которыхъ употреблять необходимо; но вмѣстѣ „надобенъ строгій надзоръ.

„Для сего и назначилъ нынѣ въ банкъ двухъ рус„скихъ директоровъ. Прежде было нельзя, ибо необхо„димо было приготовить людей“ *).

Государь съ этимъ мнѣніемъ согласился.

До какой степени самъ Государь относился справедливо и безпристрастно къ полякамъ, между прочимъ,

---

*) См. прилож. № 7, *а*, *б*.

доказывается слѣдующимъ. При учрежденіи верховнаго уголовнаго суда Государь писалъ фельдмаршалу: „ра-„дуюсь назначенію Франца Потоцкаго, онъ человѣкъ „хорошій*).“ А вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ фельдмаршалу, что генералъ-адъютантъ гр. Виттъ не можетъ быть назначенъ вице-предсѣдателемъ временнаго правленія, такъ какъ женился на извѣстной интриганкѣ, участвовавшей въ польскихъ революціонныхъ заговорахъ, Собанской**). Точно также, въ началѣ мятежа, Государь отклонилъ нареканія гр. Дибича на генерала Влодека, начальника дивизіи Литовскаго корпуса. „Я знаю,“ писалъ Государь, „что онъ полякъ, но онъ честный человѣкъ и хорошій офицеръ.“

Вслѣдствіе вышесказанной женитьбы гр. Витта, вицепредсѣдателемъ временнаго правленія Государемъ предназначался генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края гр. Ѳедоръ Паленъ. Назначеніе тѣмъ болѣе важное, что Палену приходилось бы въ отсутствіе кн. Варшавскаго управлять краемъ и арміею.

Въ концѣ января Государь ждалъ кн. Варшавскаго въ Петербургъ. Передъ тѣмъ Государь, по поводу выраженной фельдмаршаломъ благодарности за производство малолѣтняго сына его въ прапорщики полка кн. Варшавскаго, писалъ: „Я радуюсь, ежели назначеніемъ „твоего сына могъ тебѣ причинить удовольствіе, но „знай, что твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели

---

*) См. Т. IV, стр. 228.
**) См. тамъ же.

„мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки ми-„лостей для людей; но то сердечное чувство благодар-„ности, которое въ моемъ сердцѣ, *оно для твоей души*, „которая меня понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей „благодарности, моей искренней любви, дружбѣ и довѣ-„ренности, то и довольно.“

Приступая къ описанію управленія Царства Польскаго кн. Варшавскимъ, намъ кажется, нельзя не упомянуть о вліяніи, которое несомнѣнно имѣли на край (по крайней мѣрѣ на образованное его сословіе) частная жизнь фельдмаршала и его широкое гостепріимство.

Помимо весьма частыхъ официіальныхъ пріемовъ, баловъ и торжественныхъ обѣдовъ, на которые привлекалось все сколько нибудь образованное дворянство Царства и гдѣ русское общество соединялось съ польскимъ, фельдмаршалъ ежедневно къ обѣду приглашалъ нѣсколько человѣкъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ. На этихъ ежедневныхъ обѣдахъ фельдмаршалъ являлся любезнымъ хозяиномъ, всегда умѣвшимъ вызвать непринужденныя бесѣды, продолжавшіяся до поздняго вечера. Одинъ изъ современниковъ*), описывая этотъ гостепріимный бытъ фельдмаршала, удивляется свободѣ, съ которою велись ежедневные послѣобѣденные разговоры. Такъ, наприм., кн. Козловскій доказывалъ фельдмаршалу превосходство конституціоннаго образа правленія; гр.

---

*) Сенаторъ Крузенштернъ, 20-ть лѣтъ состоялъ при фельдмаршалѣ въ качествѣ правителя дипломатической канцеляріи, онъ оставилъ послѣ смерти записки свои, которыя къ сожалѣнію сгорѣли во время пожара усадьбы его имѣній, сохранились только отрывки, изъ которыхъ извлечено это повѣствованіе.

Ржевускій старался доказать, что крестьяне русскіе, какъ и польскіе, совершенно чужды національнаго чувства. Фельдмаршалъ выслушивалъ всѣхъ, иногда оспаривалъ мнѣнія, съ которыми не былъ согласенъ; но всегда придавалъ разговору оттѣнокъ частной, свободной бесѣды и гости его забывали за его столомъ и въ его гостиной диктаторскую власть хозяина.

Въ этихъ откровенныхъ разговорахъ фельдмаршалъ высказывалъ часто проницательность, выраженія которой, доходя до свѣдѣнія польскаго общества, могли служить полезнымъ поученіемъ и предупрежденіемъ.

Такъ, напримѣръ, тотъ же современникъ разсказываетъ, что Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ, проѣздомъ черезъ Варшаву обѣдая у фельдмаршала вмѣстѣ съ нѣсколькими магнатами польскаго общества, утверждалъ, что несравненно легче управлять губерніями западнаго края, гдѣ дворянство почти все польское, чѣмъ губерніями велико-русскими. „Повиновенія несрав„ненно больше въ этихъ губерніяхъ,“ говорилъ Бибиковъ, „легче справиться съ двѣнадцатью польскими „губерніями, чѣмъ съ одной чисто-русской.“ „Я охотно „этому вѣрю,“ отвѣчалъ фельдмаршалъ: „въ Россіи дво„ряне въ сношеніяхъ съ представителями власти откро„венны и въ большинствѣ случаевъ независимы, какъ „всѣ люди, у которыхъ совѣсть безупречна, а въ запад„номъ краѣ почти нѣтъ никого, который сознавалъ бы „себя политически вполнѣ безгрѣшнымъ. Повиновеніе „у нихъ это маска, съ помощію которой они часто „стараются скрыть свою виновность.“

Такого рода мнѣнія, проникая въ польское общество, вселяли убѣжденіе, что обмануть или увлечь лестью фельдмаршала едва ли возможно и что любезность и справедливость могутъ соединяться съ проницательностью и твердостью. А только въ этомъ убѣжденіи и кроется залогъ успѣшнаго управленія Польшею.

Глава II.

Особый уголовный судъ; достоинства и недостатки его организаціи; его личный составъ. — Уставная грамота 14-го февраля 1832 г. — Главнѣйшія черты этой грамоты: обезпеченіе личной свободы, вѣротерпимость, финансовая обособленность Царства Польскаго и его кредитныхъ установленій. — Совѣтъ управленія. — Государственный совѣтъ. — Статсъ-секретаріатъ. — Организація воеводскихъ управленій. — Предполагавшіяся собранія повѣтовыя, окружныя и областныя. — Возраженія съ польской стороны противъ §§ 9 и 5 уставной грамоты. — Ея торжественное объявленіе 13-го (25) марта 1832 г. — Рѣчь фельдмаршала. — Онъ объявляетъ себя намѣстникомъ раньше полученія о томъ Высочайшаго указа. — Главные директора. — Раутенштраухъ. — Пріемъ польскихъ депутатовъ въ С.-Петербургѣ. — Хороманскій и Немоевскій. — Отзывъ Государя. — Конскрипція и отзывъ о ней, данный Государю Немоевскимъ. — Закладка Александровской цитадели. — Цитадель въ Модлинѣ; сооруженіе новыхъ шоссейныхъ дорогъ; раздача хлѣба крестьянамъ. — Переустройство среднихъ учебныхъ заведеній. — Мнѣніе совѣта управленія о значеніи русскаго языка и русскихъ учителей въ школахъ Царства Польскаго. — Жалованье русскимъ учителямъ. — Личный составъ преподавателей по категоріямъ. — Участіе въ преподаваніи духовенства. — Школьная дисциплина и записка о ней гр. Строганова. — Крайняя мѣра, предложенная намѣстникомъ.

Въ 1832 г. первымъ и при томъ выдающимся правительственнымъ актомъ, по отношенію къ Польшѣ,

является манифестъ отъ 13 (25) февраля, коимъ учрежденъ былъ „особый уголовный судъ“ надъ участниками мятежа, неподходившими подъ амнистію, дарованную манифестомъ 20-го октября (1-го ноября) 1831 года *). Особый уголовный судъ, на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ Высочайшимъ манифестомъ онъ былъ установленъ, несомнѣнно долженъ былъ обратить вниманіе всѣхъ русскихъ и заслуживалъ признательность поляковъ. Почти всѣ гарантіи, существующія для обвиняемыхъ въ нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставахъ Императора Александра II, были введены манифестомъ 1832 г. въ учрежденный особый уголовный судъ надъ польскими мятежниками. И кромѣ того были гарантіи, еще неизвѣстныя нашему уголовному судопроизводству. Присяжныхъ не было, какъ и въ настоящее время ихъ нѣтъ въ судѣ по государственнымъ преступленіямъ, но за то на предварительное слѣдствіе обвиняемый являлся со своимъ защитникомъ (адвокатомъ). Въ статьѣ 26-й учрежденія суда это положительно и ясно выражено: „Приступая къ самому „слѣдствію, которое по судебному порядку должно про„исходить въ присутствіи адвоката или повѣреннаго, „надлежитъ спросить у подсудимаго: избралъ ли онъ „себѣ таковаго или нѣтъ? Если онъ того не сдѣлалъ, „то предсѣдатель обязанъ будетъ таковаго ходатая на„значить ему отъ себя.“

По окончаніи слѣдствія, до суда, назначалось срочное время, въ теченіе котораго обвиняемый или его адво-

*) См. прилож. № 8.

катъ, а также и прокуроръ, въ правѣ были потребовать пополненія слѣдственнаго дѣла опросомъ какъ свидѣтелей, такъ и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, или осмотромъ новыхъ, ими указываемыхъ документовъ.

Слѣдствіе производилось однимъ изъ членовъ суда, человѣкомъ испытаннымъ жизнью и долголѣтней службой, а потому менѣе склоннымъ къ увлеченіямъ, всегда въ уголовномъ слѣдствіи вреднымъ. По окончаніи слѣдствія оно представлялось въ судъ. Но слѣдователь не въ правѣ былъ излагать свое мнѣніе по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ представляемаго имъ дѣла. Судъ могъ, буде находилъ слѣдствіе въ чемъ-либо неполнымъ, потребовать его дополненія.

Прокуроры избирались, а адвокаты допускались къ назначенію только изъ лучшихъ юристовъ верховнаго суда Царства или кассаціонной палаты. По окончаніи слѣдствія подсудимому вручался обвинительный актъ, при описи всѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ актъ этотъ былъ составленъ; послѣ чего адвокатъ имѣлъ предъявить прокурору списокъ тѣхъ документовъ, прочтенія которыхъ онъ потребуетъ на судѣ.

Судебныя пренія происходили на судѣ въ порядкѣ, нынѣ въ Россіи введенномъ, т. е. защита имѣла слово всегда послѣ обвиненія. Прокуроръ долженъ былъ представить суду свое заключеніе „какъ о сущности дѣла, „такъ и примѣненіи къ оному закона, сообразуясь съ „постановленіями уголовнаго уложенія“ *). „Послѣ про-

*) Ст. 49.

курора“, какъ изображено въ ст. 50 учрежденія особаго уголовнаго суда „защитникъ обвиняемаго въ своей рѣчи „помѣститъ все, что къ оправданію извлечь можетъ не „токмо изъ сущности дѣла и изъ различныхъ обстоя-„тельствъ онаго, но даже и изъ самаго примѣненія за-„кона.“ Если притомъ адвокатъ доказывалъ, что имѣются обстоятельства и документы, которыхъ онъ не имѣлъ возможности предъявить во время предварительнаго слѣдствія, то ему дозволялось ихъ представить во время судебныхъ преній.

Когда предсѣдатель объявлялъ, что пренія окончены, тогда судъ приступалъ къ обсужденію дѣла, при чемъ ни прокуроръ, ни адвокатъ, ни обвиняемый присутствовать не могли. Судъ былъ обязанъ, при отсутствіи положительныхъ доказательствъ, основывать „сужденія свои на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти“ и прежде всего рѣшить вопросъ — не подходитъ ли обвиняемый къ разряду прощенныхъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 20-го октября (1-го ноября) 1831 г.

Рѣшеніе суда постановлялось большинствомъ голосовъ. Члены несогласные съ большинствомъ прилагали къ судебному приговору свои отдѣльныя мнѣнія. Аппеляцій не было на судебные приговоры, но разрѣшено было прибѣгать къ Монаршей милости и самый приговоръ приводился въ исполненіе съ Высочайшаго соизволенія.

Въ Россіи только тридцать лѣтъ спустя были приняты въ основаніе уголовнаго суда подобныя постановленія. Примѣненіе ихъ къ польскимъ мятежникамъ

въ 1832 году нельзя не признать замѣчательнымъ дѣйствіемъ Царскаго великодушія.

Въ отношеніи порядка судопроизводства „особый уголовный судъ“ обязанъ былъ руководствоваться прусскою уголовною ординаціею, а въ отношеніи примѣненія законовъ—уголовнымъ кодексомъ 1818 года *).

Но значительно обусловленная такимъ порядкомъ и непредвидѣнная медленность судебныхъ дѣйствій постоянно удивляла, а затѣмъ и раздражала Государя.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. Государь писалъ фельдмаршалу: „чѣмъ менѣе будетъ виновныхъ по суду, тѣмъ „лучше; но примѣръ нуженъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; „ибо долго тянуть не годится“ **), а спустя восемь мѣсяцевъ по открытіи суда, т. е. 16 (28) октября Государь уже видимо былъ недоволенъ и писалъ фельд-

---

*) Во времена герцогства Варшавскаго преступленія государственныя, наравнѣ съ прочими преступленіями, судимы были общими уголовными судами, и существовавшій по дѣламъ этимъ порядокъ судопроизводства ничѣмъ не отличался отъ порядка, соблюдаемаго по другимъ слѣдственнымъ дѣламъ. Но конституціоннымъ уставомъ, дарованнымъ Царству Польскому 15 (27) ноября 1815 г., дѣла о государственныхъ преступленіяхъ изъяты были изъ вѣдомства обыкновенныхъ судебныхъ мѣстъ и разсмотрѣніе ихъ поручено (ст. 152-ю) исключительно сеймовому суду. Съ упраздненіемъ же сейма, само собою разумѣется, упразднялся и сеймовый судъ.

Относительно защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ слѣдуетъ замѣтить, что обязанности ихъ подробно указаны въ обоихъ одновременно дѣйствовавшихъ въ Царствѣ уставахъ уголовнаго судопроизводства: австрійскомъ и прусскомъ, дополненныхъ инструкціей министра юстиціи (гр. Лубенскаго) 17-го мая 1808 г., и что еще декретомъ 26-го іюля 1810 г. категорически подтверждено, что „никто не можетъ быть судимъ уголовнымъ судомъ безъ защиты, подъ опасеніемъ недѣйствительности приговора“.

**) Письмо Государя съ Елагина острова, отъ 21-го мая (2-го іюня) 1832 г.

маршалу: „Мнѣ крайне жаль, что ты полагаешь, что „судъ продлиться еще долженъ шесть мѣсяцевъ и понять не могу отчего? Тѣмъ это непріятнѣе, что поддерживаетъ еще болѣе духъ недовѣрчивости и ненависти къ намъ, потому крайне мнѣ желательно ускорить симъ дѣломъ; не оставь, любезный Иванъ Федоровичъ, симъ особенно заняться."

На это сѣтованіе фельдмаршалъ отвѣчалъ 10 (22) ноября того же года: „Графъ Виттъ, который теперь „въ Петербургѣ, будетъ имѣть счастіе объяснить Вашему Императорскому Величеству причины, почему „судъ не можетъ скорѣе итти. Ибо на одну публикацію „къ тѣмъ, которые судятся заочно, нужно 2 мѣсяца съ „половиною; допросы продолжительны; защита адвокатовъ такова, что отъ нихъ зависитъ продолжить дѣло. „Перемѣнить же ничего нельзя, ибо такова прусская „процедура, взятая для сего суда. Я теперь велѣлъ „всякіе три дня входить съ рапортомъ прокурору и русскому переводчику о томъ, что дѣлается въ судѣ. „Большая остановка въ русскомъ переводчикѣ, ибо „только одного нашли, который знаетъ языкъ польскій, „законы прусскіе и русскій языкъ: ему надобно прусскіе „уголовные законы переводить."

Отсюда видно, что, кромѣ процессуальной медленности, затрудненія заключались еще въ томъ, что допросы, слѣдствіе, процессъ судоговоренія и допросъ свидѣтелей происходили на польскомъ языкѣ, но затѣмъ многое переводилось на русскій языкъ, а законы съ нѣмецкаго переводились на русскій и польскій языки.

Желая придать суду всѣ условія безпристрастія и устранить даже мысль о національномъ мщеніи, Государь потребовалъ, чтобы въ число восьми членовъ суда были назначены четыре польскихъ сановника. Преимущественно они исполняли обязанности слѣдственныхъ судей.

Назначеніе членовъ въ уголовный судъ особенно озабочивало фельдмаршала. Онъ относился къ этому дѣлу съ одинаковою осмотрительностью какъ при назначеніи русскихъ, такъ и польскихъ членовъ. „Русскихъ генераловъ", писалъ фельдмаршалъ Государю въ ноябрѣ 1831 года, „я назначилъ членами суда по со„вершенной увѣренности, что они исполнятъ сію обя„занность добросовѣстно. Я давно знаю генералъ-лей„тенанта Сулему, способности его весьма хороши, ха„рактеръ благороденъ. Съ генераломъ Панютинымъ я „познакомился, когда онъ отбилъ штурмъ Баязета. Тотъ, „кто могъ раненый дать духъ войску, будетъ имѣть „духу сказать правду въ судилищѣ. Голицынъ Вамъ „извѣстенъ; онъ, сколько я замѣтилъ, благородный человѣкъ." Кромѣ этихъ трехъ вышеназванныхъ русскихъ членовъ суда, былъ назначенъ еще генералъ Даненбергъ. Фельдмаршалъ называлъ его „умнымъ и честнымъ генераломъ." Назначеніе польскихъ членовъ въ уголовный судъ было нѣсколько затруднительно: „Я предлагалъ", писалъ фельдмаршалъ въ декабрѣ 1831 года, „генералъ-адъютанту Красинскому быть членомъ суда,— „онъ просилъ уволить его, говоря, что я еще буду го„диться Государю Императору для службы въ семъ

„краѣ; но что если онъ помѣщенъ будетъ въ сей судъ, „то совершенно потеряетъ довѣренность поляковъ. Онъ „одинъ изъ тѣхъ, которые болѣе доказали привержен- „ность къ престолу...“

„Прибавить къ тому, что сіе уже случилось и въ „первомъ судѣ (до революціи), гдѣ онъ одинъ настаи- „валъ, что подсудимые виновны (Вы можете сіе видѣть „изъ актовъ) и потому, когда случилась революція, „былъ въ совершенной недовѣренности отъ нихъ, отъ „чего и не могъ имѣть никакого вліянія.“

„Если я еще, говорилъ мнѣ Красинскій, буду „въ судѣ, то совершенно потеряю всякое довѣріе и „послѣ того я правительству стану безполезенъ.“

Вмѣсто гр. Красинскаго былъ назначенъ оберъ-шталмейстеръ гр. Александръ Потоцкій. Но еще до открытія суда фельдмаршалъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, писалъ Государю: „Графъ Потоцкій, который назначенъ „быть въ главный уголовный судъ, пишетъ ко мнѣ, что „онъ весьма боленъ и не можетъ присутствовать въ „судѣ и болѣзнь его такъ усиливается, что просится къ „Карлсбадскимъ водамъ. Зная всю важность сего обстоя- „тельства, — если гр. Потоцкій откажется, то и другіе „не захотятъ быть въ ономъ судѣ подъ разными пред- „логами,—я послалъ къ нему военнаго губернатора ска- „зать, что сіе обстоятельство весьма дурно будетъ при- „нято Правительствомъ; что я вѣрю, что онъ боленъ, „но чтобы превозмогъ себя и постарался бы быть въ „первыхъ засѣданіяхъ уголовнаго суда, покуда время „ѣхать въ Карлсбадъ не прійдетъ, иначе онъ долженъ

„ожидать много себѣ непріятностей. Графъ Виттъ донесъ, что онъ обѣщалъ быть въ судѣ, а намъ весьма „нужно, чтобы онъ былъ хотя при первыхъ засѣданіяхъ.“

Впослѣдствіи гр. Александръ Потоцкій былъ замѣненъ своимъ однофамильцемъ гр. Франциском Потоцкимъ, котораго какъ Государь, такъ и фельдмаршалъ считали вполнѣ преданнымъ русскому правительству.

Остальные три члена изъ польскихъ чиновниковъ, назначенные въ уголовный судъ, были: сенаторъ Чернецкій, директоръ правительственной коммисіи Шенявскій и членъ коммисіи юстиціи Войцеховскій. Назначеніе прокуроровъ и секретарей возложено было на временное правленіе. Предсѣдателемъ уголовнаго суда былъ назначенъ варшавскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ гр. Виттъ. Хотя, какъ мы уже знаемъ, Государь былъ крайне недоволенъ его женитьбой на Собанской и, не желая назначить его вице-предсѣдателемъ временнаго правленія, предполагалъ замѣнить его гр. Паленомъ, но это послѣднее назначеніе еще не состоялось. Фельдмаршалъ, не придавая, повидимому, особенно серьезнаго значенія женитьбѣ гр. Витта, старался удержать его въ Варшавѣ, находя, что въ данное время замѣнить его было бы трудно.

Вникая въ дѣлопроизводство суда, нельзя не замѣтить, что особая медленность движенія дѣлъ главнымъ образомъ происходила отъ тѣхъ способовъ защиты, которая предоставлялась обвиняемымъ какъ на слѣдствіи, такъ и на судѣ. На предварительномъ слѣдствіи опыт-

ные юристы — адвокаты обвиняемыхъ имѣли полную возможность (и пользовались ею) указывать слѣдователямъ обстоятельства, иногда крайне запутанныя, если не оправдывающія, то облегчающія участь ихъ кліентовъ. Кромѣ того, на судѣ являлись слишкомъ часто еще обстоятельства и документы, которые почему-либо не могли быть представлены адвокатами на предварительномъ слѣдствіи, а потому предъявлялись ими во время судебнаго разбирательства, что почти всегда вынуждало судъ отправлять дѣло для дослѣдованія. Это очевидно замедляло движеніе судебныхъ дѣлъ.

Фельдмаршалъ весьма строго слѣдилъ за законностью дѣйствій всѣхъ членовъ и слѣдователей суда и, какъ кажется, вполнѣ мирился съ медленностію, неизбѣжною при установленной процедурѣ *).

На слѣдующій день по изданіи указа объ учрежденіи особаго уголовнаго суда, т. е. 14-го февраля 1832 г., была подписана Государемъ *уставная грамота Царства Польскаго* (Statut Organiczny) **) этимъ основнымъ закономъ устанавливалось отдѣльное управленіе Царствомъ Польскимъ и учреждалось въ извѣстной степени національное представительство въ краѣ. Во многихъ отношеніяхъ (за исключеніемъ, конечно, государствен-

---

*) Изъ рапорта фельдмаршала по управленію краемъ за 25 лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича узнаемъ, что было привлечено къ слѣдствію и суду 896 мятежниковъ. Изъ нихъ подвергнуто наказаніямъ 24 и изгнано 265. Списокъ съ этого документа находится въ сем. архивѣ кн. Паскевича.

**) Высочайшій манифестъ 14-го февраля 1832 г. на русск. и польск. языкахъ. См. прил. № 9.

ныхъ преступленій и крамольныхъ происковъ) уставная грамота даровала жителямъ Польши права личной свободы, присущія конституціонному правленію. Такъ, напр., по ст. 8-й, „никто не могъ быть взятъ подъ стражу „или подвергнутъ суду, какъ лишь въ предписанныхъ „закономъ случаяхъ съ соблюденіемъ установленнаго по„рядка, а въ теченіе трехъ дней арестованный долженъ „былъ быть представленъ къ надлежащему судебному „мѣсту и ему должны были предъявить письменно его „обвиненіе." Конфискація имѣній допускалась только въ случаѣ государственной измѣны *). „Свобода вѣроиспо„вѣданія," какъ сказано въ ст. 5-й, „подтверждалась „въ полной мѣрѣ", но при томъ прибавлено, что „вѣра „римско - католическая, какъ исповѣдуемая большею „частью подданныхъ нашихъ Царства Польскаго, бу„детъ всегда предметомъ особенныхъ попеченій пра„вительства."

Вообще ст. 5-я уставной грамоты отличается религіозной терпимостью, еще въ Россіи небывалой. Она устанавливала, что „всякое Богослуженіе можетъ быть „отправляемо всѣми безъ исключенія, открыто и без„препятственно подъ защитою правительства и раз„личія въ ученіи разныхъ христіанскихъ вѣръ не мо„гутъ быть поводомъ ни къ какому различію въ пра„вахъ, всѣмъ жителямъ Царства дарованныхъ."

При томъ нельзя не замѣтить, что, по Высочайшему манифесту 14-го февраля, всѣ подданные Русской Импе-

*) Ст. 16, 17, 18 и 19-я.

ріи, переходя на жительство въ Царство Польское пользовались правами жителей Царства, такъ же, какъ жители Царства Польскаго въ Имперіи пользовались правами, установленными для всѣхъ русскихъ подданныхъ законами Имперіи. Нѣсколько странно, что такимъ образомъ наши раскольники, крайне стѣсненные въ Имперіи, относительно ихъ богослуженія, въ Царствѣ Польскомъ должны были въ этомъ именно отношеніи пользоваться покровительствомъ правительства.

Общее положеніе уставной грамоты устанавливало, что „финансы Царства Польскаго такъ же, какъ и про„чія части управленія, завѣдываются отдѣльно отъ „Имперіи“ и что „банкъ Царства Польскаго и су„ществовавшія донынѣ кредитныя для недвижимыхъ „имѣній учрежденія будутъ, какъ и прежде, подъ покро„вительствомъ правительства.“ Въ то время эта статья уставной грамоты имѣла громадное значеніе и успокоила жителей Польши, а въ особенности ея поземельныхъ собственниковъ. Послѣ революціи существовало въ правительственныхъ сферахъ мнѣніе, громко высказываемое, что кредитное поземельное общество, а равно и польскій банкъ, вмѣщая будто бы въ себѣ неблагонадежные элементы, поддерживали и покровительствовали національнымъ стремленіямъ поляковъ, а потому выражалось желаніе, если не совершенно ихъ закрыть, то, по крайней мѣрѣ, подчинить ихъ учрежденіямъ Имперіи. По отношенію къ поземельному кредитному обществу мнѣніе это внушало Польшѣ тѣмъ большія опасенія, что тогда въ Россіи еще вовсе не было

подобныхъ учрежденій *). Между тѣмъ кредитное поземельное общество въ экономическомъ быту Царства Польскаго имѣло въ высшей степени благодѣтельное вліяніе. И до настоящаго времени оно главнымъ образомъ поддерживаетъ всю поземельную собственность Царства Польскаго.

Государственный долгъ Царства Польскаго **), признанный русскимъ правительствомъ, долженствовалъ быть уплачиваемъ изъ доходовъ Царства.

Какъ послѣдствіе отдѣльнаго управленія Царствомъ Польскимъ, устанавливались на границахъ Польши и Россіи таможни. Отдѣльныя торговыя постановленія, съ надлежащими тарифами, имѣли быть разработаны и составлены управленіемъ Царства Польскаго, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ Имперіи.

Вторымъ отдѣломъ уставной грамоты устанавливались высшія правительственныя учрежденія Царства Польскаго: 1) совѣтъ управленія и 2) государственный совѣтъ.

Совѣтъ управленія былъ высшимъ административнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ Царства Польскаго. Въ немъ сосредоточивались дѣла всѣхъ правительственныхъ коммисій и высшей счетной палаты, т. е. дѣла вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія и государственнаго

---

*) Наши приказы общ. призр. оперировали на иныхъ основаніяхъ.

**) Долга этого по взятіи Варшавы оказалось 25.928,535 р. с., а въ государственномъ казначействѣ Царства найдено всего 1,500 р. с. — Данныя эти сообщаются въ вышеупомянутомъ рапортѣ фельдмаршала.

контроля. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника края, составлялся изъ главныхъ директоровъ правительственныхъ коммисій и членовъ, особо назначенныхъ Государемъ. Совѣтъ черезъ намѣстника предоставлялъ Государю кандидатовъ для замѣщенія всѣхъ высшихъ должностей гражданскаго и духовнаго управленія. Дѣла въ совѣтѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, но, въ случаѣ несогласія намѣстника съ мнѣніемъ большинства, дѣло представлялось на благоусмотрѣніе Государя. Въ уставной грамотѣ не было указано, какія собственно дѣла правительственныхъ коммисій имѣли поступать на разсмотрѣніе совѣта управленія. Не было опредѣлено, какія дѣла рѣшались единоличною властію главныхъ директоровъ правительственныхъ коммисій, а какія вносились въ совѣтъ управленія; — это главнымъ образомъ зависѣло отъ намѣстника Царства, а затѣмъ нѣкоторыя подробности дѣлопроизводства вообще должны были быть выработаны въ государственномъ совѣтѣ,— въ этомъ второмъ высшемъ учрежденіи Царства Польскаго. Дѣйствительно вѣдѣнію государственнаго совѣта подлежало разсмотрѣніе и составленіе новыхъ законовъ и уставовъ, относящихся къ общему управленію Царства. Затѣмъ государственный совѣтъ разрѣшалъ возникающіе между правительственными и судебными мѣстами и начальствами споры о предѣлахъ вѣдомства и власти ихъ, разсматривалъ годовыя смѣты расходовъ и доходовъ Царства, донесенія генеральнаго контролера и отчеты главныхъ директоровъ правительственныхъ коммисій.

Всѣ законодательныя дѣла, по существу своему подлежавшія соображенію и согласованію съ законодательствомъ Имперіи, а также и финансовыя годовыя смѣты, представляемыя на утвержденіе Государя, направлялись, по распоряженію намѣстника, въ государственный совѣтъ Имперіи, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ учреждался департаментъ дѣлъ Царства Польскаго. Замѣчательно, что фельдмаршалъ былъ назначенъ предсѣдателемъ этого департамента государственнаго совѣта Имперіи.

Наконецъ, въ ст. 32-й было изображено: „Находящійся при особѣ Нашей министръ статсъ-секретарь „Царства Польскаго докладываетъ Намъ по представляемымъ чрезъ намѣстника на усмотрѣніе Наше дѣламъ совѣта управленія и государственнаго совѣта и „онъ объявляетъ повелѣнія Наши намѣстнику Царства.“ Государственный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Царства, составлялся также изъ 8 главныхъ директоровъ правительственныхъ коммисій и членовъ, назначаемыхъ, по представленію намѣстника, Государемъ. Въ уставной грамотѣ было рѣшено, что „всѣ „правительственныя и судебныя въ Царствѣ Польскомъ „дѣла производятся на языкѣ польскомъ.“ На русскомъ языкѣ велись только дѣла канцеляріи намѣстника, т. е. всѣ дѣла политическія и высшей охранительной полиціи.

Кажется очевиднымъ, что первоначальная мысль учрежденія совѣта управленія и государственнаго совѣта Царства внушена существующими нынѣ учрежденіями комитета министровъ и государственнаго совѣта

Имперіи. Конечно, для Польши все было согласовано съ провинціальнымъ положеніемъ Царства Польскаго относительно Имперіи.

Уставная грамота учреждала для управленія воеводствами *) коммисіи. Они составлялись изъ предсѣдателя и коммисаровъ, обязанныхъ исполнять предписанія правительственныхъ коммисій. Кромѣ того, въ каждомъ воеводствѣ учреждался совѣтъ, въ которомъ и сосредоточивалось національное представительство Царства. Постановлено было, что въ каждомъ повѣтѣ (т. е. уѣздѣ), по созыву намѣстника, составлялось собраніе дворянства подъ предсѣдательствомъ назначеннаго намѣстникомъ Царства маршала (изъ дворянъ того же повѣта). Собраніе дворянства избирало двухъ членовъ въ совѣтъ воеводства, въ которомъ предсѣдательствовалъ одинъ изъ членовъ совѣта, также назначенный намѣстникомъ Царства. Дворянскія книги повѣта составлялись совѣтомъ воеводства и утверждались совѣтомъ управленія. Кромѣ того, города и села, раздѣленные на отдѣльные округа, составляли окружныя собранія, созываемыя по распоряженію намѣстника Царства и подъ предсѣдательствомъ назначаемаго имъ же маршала. Собранія эти избирали по одному члену изъ округа въ совѣтъ воеводства.

Окружныя собранія составлялись изъ лицъ слѣдующихъ категорій:

1) „Всякій не принадлежащій къ дворянскому со-

---

*) Которыя впослѣдствіи были переименованы въ губерніи.

„словію, но имѣющій недвижимую собственность гражданинъ, платящій какую-либо съ сей собственности „подать".

2) „Всякій фабрикантъ и хозяинъ рукодѣльнаго заведенія, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ „съ собственнымъ товаромъ, цѣною не менѣе какъ на „десять тысячъ польскихъ злотыхъ".

3) „Всѣ священники, настоятели и викаріи церквей".

4) „Профессоры, учителя и другіе, занимающіеся „воспитаніемъ юношества въ учебныхъ заведеніяхъ, со„стоящихъ въ вѣдѣніи правительства".

5) „Всякій художникъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ „своими дарованіями или же принесенною имъ народ„ной промышленности и торговлѣ или художествамъ „пользою."

Главныя обязанности совѣта воеводствъ заключались: 1) въ избраніи судей въ суды первыхъ двухъ инстанцій; 2) въ составленіи кандидатскихъ списковъ, которые представлялись въ совѣтъ управленія, для замѣщенія правительственныхъ должностей по воеводствамъ. Наконецъ, совѣту воеводства предоставлялось право представлять ходатайства въ совѣтъ управленія по дѣламъ общей пользы ихъ воеводствъ.

Въ уставной грамотѣ постановлялось учредить совѣщательное собраніе областныхъ чиновъ, „для разсужденій о дѣлахъ, относящихся къ общимъ пользамъ „Царства Польскаго" *).

---

*) Ст. 53.

Но это было только предначертаніе, не имѣвшее еще ничего опредѣленнаго, ибо было сказано, что „составъ и порядокъ дѣйствій сихъ собраній будетъ опредѣленъ особымъ положеніемъ“ *).

Предполагавшееся собраніе областныхъ чиновъ, повидимому, могло состояться только при особенно благопріятномъ политическомъ положеніи всего края. Оно выразило бы собою не законодательную, но совѣщательную палату представителей всего Царства. Въ общей связи съ дворянскими окружными собраніями и съ совѣтами воеводствъ, совѣщательное собраніе представителей всего края въ дѣйствительности приблизило бы управленіе Царства Польскаго къ конституціонному образу правленія. Несомнѣнно, что установившееся совѣщательное собраніе, составленное изъ представителей всей страны, со временемъ пріобрѣло бы значеніе законодательнаго собранія.

Судебная часть осталась въ Царствѣ безъ измѣненія. Для пересмотра дѣлъ, рѣшаемыхъ земскими и городскими судами и судами коммерческими, учреждался апелляціонный судъ. Такая высшая инстанція для всѣхъ судебныхъ дѣлъ Царства Польскаго и для общаго наблюденія за правильностью дѣйствій всѣхъ судебныхъ учрежденій страны учреждалась въ Варшавѣ подъ наименованіемъ судебной палаты.

Таковы были главныя основанія новаго управленія Царствомъ Польскимъ. При полномъ развитіи этихъ

---

*) Ст. 54.

основаній Польша пользовалась бы національными учрежденіями съ народнымъ представительствомъ, о которомъ въ то время Германія и Австрія могли только мечтать. Но развитіе этихъ учрежденій и этого представительства зависѣло отъ политическаго положенія страны. Конечно, при постоянномъ ожиданіи революціоннаго движенія, при постоянныхъ крамольныхъ происках и заговорахъ, національное представительство въ Польшѣ не могло быть допущено русскимъ правительствомъ.

Уставная грамота вызвала замѣчанія со стороны польскихъ сановниковъ и въ особенности статсъ-секретаря Царства Польскаго гр. Грабовскаго. Они, повидимому, стремились нѣсколько ограничить личную свободу, дарованную жителямъ Польши. „§ 9 Уставной „грамоты“,—писалъ гр. Грабовскій,—„заимствованъ изъ „прежней конституціонной хартіи, въ нарушеніи кото„рой правительство всегда было обвиняемо. Слѣдуетъ „предвидѣть, что и § 9 Уставной грамоты возбудитъ „подобныя же нареканія.

„Точное его исполненіе не согласовалось бы съ „общественною безопасностью. Напримѣръ: арестована „шайка воровъ, но въ теченіе трехъ дней не успѣли „собрать достаточныхъ доказательствъ ихъ виновности, „а потому судебныя учрежденія, на основаніи § 9 „Уставной грамоты, обязаны освободить ихъ отъ ареста. „Это трехдневное право заимствовано также изъ ста„рыхъ польскихъ узаконеній, но это не было общимъ „правомъ, а было только привилегіей дворянъ, позе-

„мельныхъ собственниковъ, которые тогда сами писали „законы. Въ настоящее время такого личнаго права не „существуетъ ни въ одной изъ европейскихъ кон„ституцій“ *).

Затѣмъ гр. Грабовскій протестуетъ противъ § 5 уставной грамоты. Онъ опасается, что свобода богослуженій, допускаемая въ уставной грамотѣ для „всѣхъ христіанскихъ вѣръ“, можетъ способствовать развитію сектантства, прозелитизма и переходу изъ одного вѣроисповѣданія христіанскаго въ другое, что, по мнѣнію гр. Грабовскаго, нарушило бы общественное спокойствіе.

Замѣчанія эти, представленныя гр. Грабовскимъ фельдмаршалу, остались безъ послѣдствій.

Несравненно важнѣе являлись соображенія относительно болѣе точнаго опредѣленія правъ и предметовъ вѣдѣнія правительственныхъ учрежденій, какъ центральныхъ, такъ и воеводскихъ. Впредь до особыхъ благопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, опредѣлить которыя предоставлялось намѣстнику Царства, администрація Польши должна была дѣйствовать безъ участія дворянскихъ собраній, совѣтовъ воеводствъ и, конечно, безъ собранія областныхъ чиновъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за обнародованіемъ уставной грамоты, потребовалась усиленная работа намѣстника Царства и совѣта его управленія, для всѣхъ разъясненій и развитій общихъ основаній уставной грамоты. Разъясненія

---

*) Арх. гос. сов., д. 1832 г. № 14.

эти, утвержденныя Государемъ, вошли въ законы Царства Польскаго (Дневникъ законовъ).

Объявленіе манифеста и уставной грамоты произошло въ Варшавѣ съ нѣкоторою торжественностью 13-го (25-го) марта 1832 г.

Къ этому дню въ Варшаву были вызваны всѣ предсѣдатели воеводскихъ коммисій и судебныхъ учрежденій и депутаты дворяне-помѣщики (по два отъ каждаго воеводства).

Въ залахъ королевскаго замка 13-го марта, въ 10 часовъ утра, собрались всѣ члены временнаго управленія, всѣ высшіе чины Царства, представители высшаго дворянства и чины, вызванные изъ воеводствъ. Предположено было всѣмъ, съ намѣстникомъ во главѣ, отслужить благодарственный молебенъ въ митрополичьей церкви, но передъ тѣмъ фельдмаршалъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Его Величество, Всемило„стивѣйшій Государь нашъ Николай I-й, Императоръ „Всероссійскій, Царь польскій, имѣя всегдашнимъ и „главнѣйшимъ попеченіемъ благоденствіе народовъ, Все„вышнимъ промысломъ скипетру Его ввѣренныхъ, обра„тилъ сердобольное вниманіе къ положенію сего края, „претерпѣвшаго неисчислимыя бѣдствія отъ буйнаго „возмущенія, произведеннаго крамольниками, забывшими „долгъ присяги и благодарности за всѣ благодѣянія, „оказанныя Царству Польскому возстановителемъ имени „Польскаго, блаженной памяти Императоромъ Але„ксандромъ I-мъ.

„Съ покореніемъ Варшавы, Всемилостивѣйшій Го-

„сударь учредить соизволилъ временное правленіе Царства Польскаго, доселѣ существовавшее, и вслѣдъ „затѣмъ, Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 20-го октября 1831 г., даровалъ всепрощеніе тѣмъ, кои вовлечены были въ преступное заблужденіе истинными „виновниками зла.

„Нынѣ, когда дѣла приняли постоянное теченіе, „Государь Императоръ и Царь, простирая благоволеніе „свое и попечительность о благѣ даже и заблудшихся „подданныхъ Его, даровать изволилъ Царству Польскому новую грамоту и образъ правленія, болѣе нуждамъ и пользамъ народа свойственные.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйшій Государь, Высочайше соизволилъ назначить меня въ Царствѣ „Польскомъ намѣстникомъ Его Величества.

„Собравъ васъ нынѣ здѣсь, приглашаю васъ, милостивые государи, содѣйствовать мнѣ со всею вѣрностью „къ законному престолу и всѣмъ усердіемъ къ истиннымъ пользамъ края сего, къ достиженію благой высокой цѣли Монарха, Отца чадолюбиваго всѣхъ подданныхъ Его, возвести Царство Польское на ту же „цвѣтущую степень благоденствія, быстрое развитіе „коего въ послѣднія 15 лѣтъ васъ самихъ удивляло“ *).

Подлинная уставная грамота и сопровождавшій ее манифестъ были переданы фельдмаршалу лично въ бытность его въ С.-Петербургѣ. По объявленіи же ихъ въ

*) Рѣчь эта была произнесена фельдмаршаломъ по французски. См. прилож. № 10.

Варшавѣ, акты эти, по желанію Государя, были доставлены обратно, для храненія ихъ въ госуд. архивѣ *).

Вѣроятно вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія, указъ о назначеніи фельдмаршала намѣстникомъ былъ подписанъ въ Петербургѣ только 22-го марта (3-го апрѣля), такъ, что 13-го марта, при объявленіи уставной грамоты, фельдмаршалъ объявилъ себя намѣстникомъ Царства, не получивъ еще на то указа Государя. Донося въ письмѣ своемъ къ Государю отъ 14-го марта о бывшемъ торжествѣ **) при объявленіи нанифеста и уставной грамоты, кн. Варшавскій писалъ Государю: зная „Вашу волю, но не получивъ указа, я самъ объявилъ „себя намѣстникомъ Царства."

Государь, въ письмѣ своемъ отъ 23-го марта, отвѣчалъ: „объявивъ себя намѣстникомъ, очень хорошо сдѣлалъ."

Затѣмъ послѣдовало Высочайшее утвержденіе главныхъ директоровъ правительственныхъ коммисій.

Гр. Строганову поручена была коммисія внутреннихъ, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; Косецкому — коммисія юстиціи, а Фурману — финансовая. Генералъ Раутенштраухъ назначался членомъ совѣта управленія и государственнаго совѣта. О Раутенштраухѣ Государь писалъ фельдмаршалу,***) „про него доходятъ „до Меня черезъ всѣхъ пріѣзжихъ весьма невыгодные

---

*) См. въ прил. № 11 письмо гр. Нессельроде отъ 1-го марта 1832 г.

**) Программу торжества см. въ прил. № 12.

***) Письмо Государя отъ 26-го мая 1832 г. См. прил. № 1, въ коемъ помѣщены всѣ письма Имп. Николая Павловича за 1832 г.

„слухи. Всѣ жалуются на его грубость и несправедли-„вость, такъ что сомнѣваются даже въ искренности его „намѣреній.“ Вообще Государь былъ дурно расположенъ къ этому генералу. Фельдмаршалъ, высоко цѣня способности Раутенштрауха, энергично его отстаивалъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ, до конца жизни своей, Раутенштраухъ пользовался довѣріемъ намѣстника, принимая дѣятельное участіе въ управленіи Царствомъ Польскимъ.

Въ то время въ Польшѣ всѣ политически развитыя и благоразумныя личности сознавали, что Высочайше дарованная уставная грамота превышала упованія большинства поляковъ и во всякомъ случаѣ выражала милосердіе и великодушіе монарха. Кн. Варшавскій, пользуясь этимъ настроеніемъ, поручилъ военному губернатору гр. Витту составить депутацію отъ Царства Польскаго, которая отправилась бы въ Петербургъ для изъявленія благодарности Государю. Дѣло это было нѣсколько трудное. Всякое принужденіе, въ какой бы формѣ и степени оно ни проявилось, возбудило бы за границей и въ самой Польшѣ неудобныя для русскаго достоинства нареканія. Нужно было предоставить почин составленія подобной депутаціи личностямъ изъ высшаго дворянства, пользующимся наибольшимъ въ странѣ уваженіемъ и вліяніемъ. Кн. Радзивиллъ и епископъ Хороманскій взялись за это дѣло, повидимому съ разрѣшенія или, вѣрнѣе, по негласному приглашенію гр. Витта. Депутація составилась изъ представителей высшаго дворянства и духовенства (всѣхъ депутатовъ

было 60 человѣкъ). „Третьяго дня,“ писалъ Государь 3-го (15-го) мая фельдмаршалу, — „въ воскресенье, со„вершился важный актъ: приношеніе повинной поля„ками, въ Георгіевской залѣ, съ должнымъ торжест„вомъ и при огромномъ стеченіи народа. Тебя одного „не доставало въ свидѣтели торжества великодушной „Россіи, тобою вновь прославленной. Поляки дрожали „во всей силѣ слова; но утѣшились послѣ отвѣта. Они „ведутъ себя хорошо и тихо. Я болѣе не считаю ихъ „депутатами, ибо порученіе, имъ данное, кончилось. Кн. „Радзивиллъ мнѣ очень нравится, также и епископъ „Хороманскій — препочтенный старикъ. Изъ прочихъ „мнѣ молодой Немоевскій весьма полюбился его скром„ной благородной наружностію. Радзивиллу далъ я „Александра, а Хороманскому 1 Анну.“

Отвѣтъ, о которомъ Государь упоминаетъ въ этомъ письмѣ, заключался въ томъ, что Государь объявилъ депутатамъ: „Россія зла не помнитъ и мнѣ дороги оди„наково всѣ вѣрноподданные безъ различія ихъ на„ціональности и вѣроисповѣданія.“

Фельдмаршалъ особенно былъ доволенъ составомъ депутаціи и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы расположить Государя къ гр. Витту, которымъ Государь, какъ намъ уже извѣстно, былъ недоволенъ за его семейныя дѣла. „Я никогда сего бы не ожидалъ,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, *) „чтобы лучшія фамиліи на „сіе согласились. Демагоги на нихъ полагались. Во-

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 20-го марта 1832 г.

„образите ихъ отчаяніе, они выдумали, что мы будто бы „депутатовъ подкупили, словомъ сіи компрометированы „и революціонисты сего имъ не простятъ. И такъ, сіи „фамилии теперь поневолѣ будутъ намъ преданы. Графъ „Виттъ умѣлъ сіе сдѣлать, онъ, Государь, вамъ вѣрой „и правдой служитъ“.

Въ концѣ марта мѣсяца того же года, т. е. вслѣдъ за объявленіемъ органическаго статута, рѣшено было произвести конскрипцію *) въ Царствѣ Польскомъ.

Государь опасался, что конскрипція возбудитъ въ странѣ безпорядки, не общіе конечно, но частные, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Въ Петербургѣ предполагали, что молодые люди Царства Польскаго, подлежащіе конскрипціи, толпами побѣгутъ за границу. Надлежало взять изъ Польши 20 т. человѣкъ и отправить ихъ на пополненіе войскъ, расположенныхъ въ Россіи. Эта мѣра была тѣмъ болѣе необходима, что въ то время въ Царствѣ Польскомъ среди населенія находилось значительное число молодыхъ людей, поступившихъ во время революціи въ ряды польской арміи и составлявшихъ въ краѣ вредный элементъ броженія. „Я рѣшилъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю**), „объявить положеніе, „по которому одинъ сынъ у отца или женатый не будетъ взятъ, если достанетъ конскриптовъ, до требуемаго числа.“ Мѣра эта подѣйствовала такъ, что конскрипція производилась при полномъ порядкѣ и тишинѣ. „Изъ воеводствъ доносятъ,“ писалъ фельдмар-

*) Рекрутскій наборъ.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю 15-го (27-го) мая 1832 г.

шалъ Государю, *) „что сами жители приводятъ тѣхъ, „которые уклоняются, боясь, что если недостанетъ, то „не взяли бы и женатыхъ.“

По поводу конскрипціи Государь писалъ фельдмаршалу: **) „о семъ имѣлъ я любопытный разговоръ, прощаясь съ депутатомъ Немоевскимъ, человѣкъ сей заслуживаетъ особаго твоего благосклоннаго вниманія „благородствомъ чувствъ и откровенностью; онъ мнѣ „сказалъ, что мѣра сія самая благодѣтельная для края, „но что мы должны крайне опасаться и принять самыя „строгія мѣры, дабы они не занесли заразы въ духъ „нашей арміи. Говоря о Краковѣ и о скверномъ семъ „гнѣздѣ, онъ меня убѣдительно просилъ, чтобъ я отдалъ „его, ежели можно, Австріи, дабы уничтожить независимость сего гнѣзда всему нынѣшнему злу.“

Въ концѣ іюня конскрипція окончилась вполнѣ успѣшно, „что доказываетъ“, писалъ Государь фельдмаршалу, ***) „сколь хорошо тобой приняты были мѣры „къ успѣшному и спокойному производству набора; надо „признаться, что успѣхъ превосходитъ наши ожиданія. „Мѣра же сія самая полезная и почти, полагаю, самая „рѣшительная, для упроченія спокойствія сего края и „большаго его слитія съ Россіею.“

Вообще первая половина 1832 года ознаменовалась въ Польшѣ особою дѣятельностью по всѣмъ отраслямъ

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 30-го мая 1832 года.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу 20-го мая (1-го іюня) 1832 г.

***) Письмо Государя къ фельдмаршалу 19-го іюня (1-го іюля) 1832 г.

управленія. Въ Варшавѣ торжественно закладывалась Александровская цитадель и фельдмаршалъ писалъ Государю „что на торжествѣ закладки поляковъ почти не было, даже народа не было на улицахъ.“

На что Государь отвѣчалъ фельдмаршалу: *) „что „касается до неприсутствія поляковъ при семъ тор„жествѣ, то, признаюсь, я понимаю, что было-бъ сіе „имъ черезчуръ тяжело.“

Строилась цитадель въ Модлинѣ.

Генералъ Христіани торопился постройкою шоссейныхъ дорогъ.

Въ воеводствахъ, одновременно съ конскрипціей, усиленно раздавался хлѣбъ для посѣвовъ крестьянскому населенію и скотъ для земледѣльческихъ работъ.

Въ Варшавѣ начали обстраивать разоренные штурмомъ кварталы, а въ центральныхъ управленіяхъ шли постоянныя засѣданія, для развитія положеній уставной грамоты по части административной.

Среди многочисленныхъ и дѣятельныхъ заботъ по устройству управленія Царствомъ Польскимъ, фельдмаршалъ обратилъ особенное вниманіе на переустройство и возобновленіе среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ. Относительно высшихъ учебныхъ заведеній рѣшено было: до времени посылать молодыхъ людей, приготовленныхъ къ университетскому курсу, въ русскіе университеты.

Среднія учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 29-го мая (10-го іюня) 1832 г.

учреждались на основаніяхъ общихъ съ учебными заведеніями Имперіи, по уставу министерства народнаго просвѣщенія 1828 года. Учебныя программы обводовыхъ училищъ, т. е. уѣздныхъ, согласовались съ программой первыхъ четырехъ классовъ восьмиклассныхъ гимназій.

Гимназій предполагалось учредить девять, т. е. 2 въ Варшавѣ и по одной въ каждомъ изъ семи воеводствъ. Что касается до обводовыхъ училищъ, т. е. уѣздныхъ, то прежде всего задались цѣлью поддержать существованіе тѣхъ, которыя уже имѣлись въ странѣ (ихъ было двадцать). А затѣмъ постановлено общимъ правиломъ разрѣшать учрежденіе новыхъ обводовыхъ училищъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, если ежегодный расходъ ихъ покрывался въ двухъ-третяхъ мѣстными средствами. Учебныя гимназическія программы были согласованы съ программами гимназій въ Имперіи, но преподаваніе русскаго языка стало такъ же обязательнымъ, какъ и польскаго. Для исполненія этого нововведенія коммисія народнаго просвѣщенія, съ утвержденія фельдмаршала, выписывала изъ Россіи тридцать русскихъ учителей. По этому поводу комитетъ устройства учебныхъ заведеній высказалъ въ протоколѣ своемъ слѣдующее мнѣніе, знаменательное въ томъ отношеніи, что въ немъ выразилось значеніе, которое придавалось преподаванію русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго: „Чтобы достигнуть цѣли въ рас„пространеніи здѣсь русскаго языка, весьма полезной „даже въ политическомъ отношеніи, по вліянію учите-

„лей на образъ мыслей учащихся, нужно бы избрать „такихъ учителей, кои, сверхъ знанія русскаго языка и „литературы, были бы люди вообще хорошаго образо-„ванія и отличной нравственности. Состоя большею „частью въ обводныхъ городахъ, на виду всѣхъ жите-„лей, которые, безъ сомнѣнія, неравнодушно увидятъ „ихъ посреди себя, каждый изъ учителей долженъ „собственными достоинствами дать себѣ нѣкоторый „между ними вѣсъ, и тѣмъ пріобрѣсть вѣрнѣйшій спо-„собъ вліять благонамѣреннымъ образомъ мыслей на „легкіе умы воспитанниковъ."

„Безъ поощренія, однако, правительства нельзя на-„дѣяться на успѣхъ мѣры, столь соотвѣтствующей ви-„дамъ его и столь близкой чувствамъ русскаго, поощре-„нія необходимаго и безусловнаго, чтобы обезпечить „безбѣдное каждаго учителя содержаніе" *).

По симъ соображеніямъ учителямъ русскаго языка въ гимназіяхъ назначалось содержаніе въ 6,400 злотыхъ **), а для обводовыхъ въ 4,000 злотыхъ ***). Такое вознагражденіе въ настоящее время, въ виду вышесказанныхъ цѣлей, кажется весьма незначительнымъ (960 руб. и 600 рублей), но въ Царствѣ Польскомъ въ то время злотый имѣлъ почти такую же покупательную силу, какъ въ Россіи ассигнаціонный рубль.

Предварительно открытія учебныхъ заведеній былъ

*) Рапортъ намѣстнику гр. Строганова, отъ 5-го сент. 1832 г. № 206. Варш. арх. ст. д. Sek. III. 4. a. № 4.105a. См. прилож. № 13.

**) Въ томъ числѣ добавочныхъ 2,200 злот.

***) Въ томъ числѣ добавочныхъ 1,600 злот.

разсмотрѣнъ вопросъ о личномъ составѣ имѣющихся въ странѣ преподавателей. Обсуждая этотъ вопросъ и принявъ въ соображеніе собранныя свѣдѣнія о всѣхъ преподавателяхъ, главный директоръ народнаго просвѣщенія составилъ докладъ совѣту управленія, впослѣдствіи утвержденный фельдмаршаломъ. Въ докладѣ этомъ всѣ наставники и преподаватели подраздѣлялись на шесть категорій:

1) Всѣ тѣ, которые по собраннымъ свѣдѣніямъ вполнѣ достойны оставаться на мѣстахъ преподавателей, ими до сего времени занимаемыхъ.

2) Лишившіеся мѣстъ по закрытію университета и высшей политехнической школы, но достойные и способные войти въ составъ новыхъ учреждаемыхъ учебныхъ заведеній.

3) Профессора и преподаватели, которыхъ спеціальности несовмѣстимы съ новоучреждаемыми учебными заведеніями, но не нуждающіеся въ пособіяхъ, имѣя собственныя средства къ жизни.

4) Профессора и преподаватели, находящіеся въ одинаковомъ положеніи съ предыдущей третьей категоріей, но лишенные всякихъ средствъ существованія.

5) Профессора медицинскаго университетскаго факультета, состоящіе въ настоящее время членами медицинскаго совѣта. Имъ сохранялось получаемое прежнее содержаніе.

6) Всѣ профессора и преподаватели, хотя въ какой бы то ни было степени участвовавшіе въ бывшей революціи, а потому навсегда лишенные права препода-

ванія юношеству, а также и пособія отъ правительства *).

Въ общей системѣ образованія духовенство получило не малое значеніе. Кромѣ преподаванія въ гимназіяхъ священнослужителями всѣхъ вѣроисповѣданій, на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ возлагалась обязанность, посѣщая уѣздныя училища, наблюдать за нравственностью воспитанниковъ и за преподаваніемъ религіи.

Разрѣшалось открывать частныя учебныя заведенія, но подвергая ихъ наблюденію особыхъ учебныхъ инспекторовъ и директоровъ гимназій.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ фабричныхъ городахъ разрѣшалось при уѣздныхъ училищахъ открывать ремесленные классы.

Все вышесказанное относительно воспитательныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ дополнялось школьной дисциплиной, по мысли Государя вводимой вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ страны. Суровость этой дисциплины объяснялась въ двухъ запискахъ, составленныхъ гр. Строгановымъ и черезъ статсъ-секретаря Туркула представленныхъ на утвержденіе Государя **).

Исходя изъ убѣжденія, что семейное воспитаніе въ

---

*) Варш. арх. стар. д. Sek. III. 4. а. № 4105а. См. прил. № 14.

**) 1. Секретная инструкція для училищнаго начальства относительно школьной дисциплины. Варшавскій архивъ старыхъ дѣлъ. Sek. III. 4. а. № 4105в.

2. Изложеніе причинъ, побуждающихъ къ дополненію правилъ до школьной дисциплины относящихся. Варшавскій архивъ старыхъ дѣлъ. Sek. III. 4. а. № 4105в. См. прил. № 15, а, б.

Польшѣ развращаетъ дѣтей, въ училищахъ правительства устанавливалось воспитаніе, долженствовавшее строгостію и дисциплиной возмѣстить недостатки и вредъ семейнаго вліянія. Это убѣжденіе подкрѣплялось еще тѣмъ, что распущенность и отсутствіе дисциплины, бывшія въ училищахъ до революціи, развратили юношество до того, что первыя мятежныя въ 1830 году вспышки въ Варшавѣ проявились среди воспитывающейся молодежи.

„А потому“, писалъ гр. Строгановъ, „школы должны „управлять съ такою властію, которая бы приблизилась „болѣе къ власти родительской, заимствуя сколько можно „менѣе наружнаго вида власти гражданской, дабы вос„питанники оставались дѣтьми, подчиненными той же „родительской власти, измѣнившей только въ лицѣ на„ставниковъ ихъ образъ свой.“

Начальники заведеній и директора гимназій несли серьезную отвѣтственность за поведеніе и направленіе воспитываемаго ими юношества. „Для воспитанниковъ“, писалъ гр. Строгановъ, „должна быть дѣтская безмолв„ная покорность, дабы никто изъ нихъ не осмѣливался „присвоивать себѣ какія-либо права разбирать дѣйствія „наставниковъ и учителей, одобряя или опорочивая ихъ, „а тѣмъ менѣе покушаться къ какому нибудь сопро„тивленію подъ предлогомъ несправедливости, будто бы „имъ оказываемой.“ Эта „дѣтская безмолвная покор„ность“ внѣдрялась системой суровыхъ наказаній, причемъ особенно указывались наказанія тѣлесныя. Главнымъ образомъ система воспитанія заключалась въ томъ,

что наказаніе слѣдовало немедленно за проступкомъ, а потому право наказывать предоставлялось всѣмъ учителямъ и всѣмъ воспитателямъ заведенія. Но среди этой суровости проглядывало дѣйствительное отеческое попеченіе. Почти запрещалось исключать изъ заведеній за проступки провинившихся учениковъ, „дабы", какъ сказано въ одной изъ этихъ записокъ, „въ конецъ не губить молодыхъ людей" *).

Эта послѣдняя мѣра допускалась въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ, причемъ фельдмаршалъ писалъ, „что такихъ негодныхъ учениковъ слѣдуетъ отда-„вать рядовыми въ армію, но безъ потери, конечно, „ихъ дворянскихъ правъ." При такомъ распоряженіи, во всякомъ случаѣ, для молодыхъ людей, исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній, открывалась возможность службою въ рядахъ арміи пріобрѣсти почетное положеніе въ обществѣ, средства жизни и восполнить, до нѣкоторой степени, недостаточность неудавшагося имъ первоначальнаго воспитанія.

---

*) Относительно мѣръ внѣ классналго надзора за учащимися см. въ прил. № 16-й мнѣніе ген. Рожнецкаго, извл. изъ д. № 4.105а. Варш. арх. стар. д.

Глава III.

Мнѣніе фельдмаршала о невозможности европейской войны. — Отвѣтъ Государя. — Попытки революціонной пропаганды. — Центръ польской революціонной эмиграціи. — Лелевель. — Заливскій. — Ліонскій съѣздъ. — „Наѣзды“ и эмисары. — Болѣзнь Государя и Царской семьи. — Вторженіе шаекъ Заливскаго, Дзѣвицкаго, Гецольда, Шпека, Бялковскаго и Лубенскаго. — Винницкій и Калишскіе помѣщики. — Завиша, Дуцкій и Воловичъ. — Слухъ о заговорѣ противу жизни фельдмаршала. — Письмо Государя по этому поводу. — Пріостановка милостиваго указа дворянству Царства Польскаго. — Казни. — Плата за пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ повстанцевъ. — Облавы. — Послѣдствія строгихъ мѣръ. — Слухи о намѣреніи убить Государя. — Сношенія фельдмаршала съ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ и прусскимъ правительствомъ. — Легкомысліе поляковъ. — Правительство сосредоточиваетъ свое вниманіе на охранительныхъ мѣрахъ. — Фельдмаршалъ настаиваетъ на занятіи Кракова. — Передвиженіе эмиграціи въ Дрезденъ. — Никто изъ русскихъ и польскихъ военныхъ пенсіонеровъ не замѣшанъ въ затѣяхъ эмиграціи. — Отзывъ Государя о населеніи Балтійскаго края и Финляндіи. — Безпокойство фельдмаршала за безопасность Государя. — Записки фельдмаршала объ объединеніи силъ трехъ союзныхъ державъ и о занятіи Кракова. — Переговоры съ Австріей о заключеніи конвенціи на началахъ, изложенныхъ въ этой запискѣ. — Возстаніе Мехмеда-Али. — Высочайше одобренная записка гр. Нессельроде и мнѣніе комитета 1829 г. относительно политики Россіи въ восточномъ вопросѣ. — Взглядъ фельдмаршала на египетскія дѣла. — Свиданія Государя съ королемъ прусскимъ и императоромъ

австрійскимъ. — Заблужденіе лорда Пальмерстона. — Увѣреніе Меттерниха. — Первая ст. мюнхенгрецкой конвенціи. — Соглашеніе по дѣламъ польскимъ. — Письмо Государя къ фельдмаршалу изъ Мюнхенгреца. — Участь Заливскаго. — Государь въ Царствѣ Польскомъ. — Пожалованіе фельдмаршалу портрета Его Величества. — Берлинская конвенція. — Свиданіе въ Шведтѣ. — Прусское общественное мнѣніе. — Вліяніе на короля Императора Николая Павловича. — Депеша Рибопьера. — Смиреніе французскаго правительства. — Казнь Завиши. — Письмо фельдмаршала къ вел. кн. Михаилу Павловичу. — Письмо Государя по поводу казни Завиши. — Революціонное сообщество въ Люблинѣ, открытое ген.-адъют. Ридигеромъ. — Предложеніе гр. Гуровскаго. — Совѣтъ, данный Государемъ фельдмаршалу. — Народныя бѣдствія 1833 г. — Переписка фельдмаршала съ Государемъ по дѣламъ персидскимъ. — Болѣзнь фельдмаршала.

Ожиданіе европейской войны не прекращалось въ Петербургѣ въ теченіе всего 1832 г. Къ войнѣ готовились, составляли на бумагѣ планы для усиленія арміи призывомъ резервовъ и заготовляли распоряженія для пополненія артиллерійскихъ и провіантскихъ магазиновъ.

Фельдмаршалъ, оцѣнивая взаимное недовѣріе Пруссіи и Австріи, ихъ нерѣшительную политику, не вѣрилъ въ возможность европейской войны. Онъ полагалъ что и французское правительство не рѣшится безъ союзниковъ начать военныя дѣйствія и тѣмъ вызвать европейскую коалицію. „Я думаю,“ писалъ фельдмаршалъ Государю 6-го (18-го) января 1833 года, — „что войны не „можетъ быть, ибо Пруссія и Австрія сего не хотятъ и „рѣшатся скорѣе на большія пожертвованія, нежели на„чать войну. Но еслибы прусское правительство рѣши-

„лось бы на войну, то не посмѣетъ начать, ибо будетъ „бояться, что Австрія ее не поддержитъ, а русскіе да-„леко: слѣдственно весь первый ударъ французовъ они „должны будутъ выдержать. Австрійцы же не начнутъ „войны, ибо Императоръ Францъ часто говорилъ Мет-„терниху: дѣлай, что хочешь, но только, чтобы войны „не было. Сіи слова такъ часто были повторены, что „сдѣлались всѣмъ извѣстны...... Австрійцы вооружаются, „но не поддерживаютъ своихъ дипломатическихъ нотъ.

„. . . . .

„. . . . .

„Изъ сего я заключаю, что Австрія захочетъ играть, „какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ, роль посредника; „Пруссія, боясь не быть поддержанной, не начнетъ „оной: и такъ, войны не будетъ. Съ большой недовѣр-„чивостью къ самому себѣ осмѣливаюсь мысли сіи по-„вергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго „Величества."

Государь соглашался съ доводами фельдмаршала, но полагалъ, что при общемъ либеральномъ броженіи революціонная пропаганда, пользуясь слабостью прусскаго правительства, а въ особенности средне-германскихъ государствъ, и въ мирное время не пріостановитъ своихъ дѣйствій, „Я начинаю раздѣлять надежду твою," отвѣчалъ Государь фельдмаршалу на вышеприведенное письмо, — „миръ на сей годъ видѣть еще охраненнымъ; „но, правду сказать, не знаю радоваться ли сему, ибо „зло съ каждымъ днемъ укореняется; наша же сторона „бездѣйствіемъ слабѣетъ, тогда какъ противная всѣми

„адскими своими способами подкапываетъ наше суще-„ствованіе“ *).

Государь, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что именно въ это время „зло“ стремилось проникнуть въ его владѣнія; но, къ счастію, оно въ предѣлахъ Польши встрѣтилось съ бдительностью новаго управленія фельдмаршала.

Въ теченіе 1832 года польская эмиграція образовала революціонные комитеты въ 22-хъ городахъ **). Центръ революціонной эмиграціи, въ концѣ 1831 года и въ началѣ 1832, такъ называемый „Польско-народный комитетъ“ или „комитетъ Іоахима Лелевеля,“ находился въ Парижѣ, но въ концѣ 1832 года онъ перебрался въ Ліонъ и туда же 4-го января (новаго стиля) 1833 года съѣхались всѣ депутаты эмиграціонныхъ польскихъ комитетовъ. Предсѣдатель комитета, Лелевель, бывшій профессоръ виленскаго университета, не обладалъ свойствами дѣятельнаго агитатора. Это былъ теоретикъ, способный произносить краснорѣчивыя, страстныя рѣчи, но не способный руководить дѣломъ и стать во главѣ движенія. Вотъ почему комитетъ Лелевеля до 1833 года проявлялъ свою дѣятельность только воззваніями: то къ венгерцамъ, то къ поль-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу изъ С.-Петербурга отъ 12-го (24-го) января 1833 года. — См. прилож. № 17, гдѣ помѣщены всѣ письма Императора Николая Павловича къ фельдмаршалу за 1833 годъ, въ числѣ 28-ми.

**) А именно: въ Буржѣ, Безансонѣ, Люневиллѣ, Авиньонѣ, Страсбургѣ, Шатору, Штутгартѣ, Фрибургѣ, Маингеймѣ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ, Карлсруэ, Ульмѣ, Вюрцбургѣ, Нюренбергѣ, Альтенбургѣ, Дрезденѣ, Львовѣ, Краковѣ, Тарновѣ и Познани.

скимъ воинамъ, то къ русскому народу и даже къ евреямъ Царства Польскаго. Воззванія эти, отличаясь страстностью и политическою безтактностью, не имѣли ни значенія, ни смысла. Но въ это время въ Ліонѣ находился сорокалѣтній поручикъ бывшихъ польскихъ войскъ Іосифъ Заливскій (выдававшій себя за полковника), одинъ изъ главныхъ виновниковъ революціоннаго взрыва въ Варшавѣ 29-го ноября 1830 года. Это былъ человѣкъ рѣшительный, малообразованный, но смѣлый, предпріимчивый и преисполненный чудовищнаго самолюбія и самомнѣнія. Въ теченіе 1832 года онъ съумѣлъ занять среди эмиграціи выдающееся положеніе стараго воина, предназначеннаго возстановить политическое величіе Польши. Его вліяніе было настолько сильно, что на Ліонскомъ съѣздѣ постановлено было: „возобновить революціонныя дѣйствія въ русской Поль-„шѣ. Заливскій былъ назначенъ предводителемъ и организаторомъ „*напъздовъ*", т. е. партизанскихъ отрядовъ, долженствовавшихъ вторгнуться въ Царство Польское и произвести въ немъ возстаніе. Ліонскій съѣздъ, подъ предсѣдательствомъ Заливскаго, тогда же раздѣлилъ Польшу на 18 округовъ и подъ названіемъ эмисаровъ назначилъ окружныхъ начальниковъ. Эти люди были выбраны изъ воинскихъ чиновъ бывшей польской арміи, отъ унтеръ-офицеровъ до поручиковъ включительно *).

*) Ихъ имена: Артуръ Чарный-Завиша, Каликстъ Божевскій, Леонъ Залѣсскій, Эдуардъ Шпекъ, Леопольдъ Бялковскій, Антонъ Винницкій, Касперъ Дзѣвицкій, Эдуардъ Дуньскій, Адамъ Сперчинскій, Фаустинъ

Предполагаемое движеніе захватывало эмигрантовъ изъ средняго шляхетскаго (т. е. мелко-дворянскаго) сословія, вообще мало образованнаго. Заливскій избѣгалъ людей сколько нибудь политически развитыхъ, образованныхъ, способныхъ разъяснить безсмысленность его начинаній. Ліонскій префектъ, желая избавиться отъ наплыва буйныхъ и безпокойныхъ пришельцевъ, спѣшилъ снабдить членовъ съѣзда паспортами — и заговорщики массами двинулись въ Швейцарію и Германію, но только часть ихъ дошла до сборнаго пункта, т. е. до Цюриха, а въ Царство Польское рѣшились проникнуть немногіе, наиболѣе отважные.

Вторженіе въ Царство назначено было Заливскимъ на 19-е марта; но уже 20-го февраля фельдмаршалъ получилъ изъ Познани извѣстіе о замыслахъ Ліонскаго съѣзда. Въ это время фельдмаршалъ собирался въ Петербургъ.

Передъ тѣмъ, въ январѣ и февралѣ, Государь въ Петербургѣ, а князь Паскевичъ въ Варшавѣ были больны тою же болѣзнію (гриппомъ), которая, какъ въ наше время инфлуэнца, эпидемически захватывала цѣлые города. „Я поручилъ графу Чернышеву", писалъ Государь фельдмаршалу 12-го (24-го) января 1833 года, „увѣдомить тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, о при„чинѣ моей невольной неисправности. Схвативъ про„студу на маскарадѣ 1-го числа, перемогался нѣсколько

Сулемирскій, Леопольдъ Потоцкій, Рохъ Рупневскій, Ушинскій, Степанъ Гецольдъ, Карлъ Борковскій, Ѳаддей Серпутовскій, Осипъ Гордынскій и Доконсъ Рынкъ.

„дней, какъ вдругъ сшибло меня съ ногъ до такой „степени, что (въ) два дня насилу отваляться могъ. „Въ одно со мной время занемогла жена, потомъ трое „дѣтей, наконецъ, почти всѣ въ городѣ переболѣли „или нынѣ занемогаютъ и рѣшили, что мы всѣ *гриппъ*, „но не грибъ, съѣли, — быть такъ: и скучно, и смѣш„но; сегодня въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ „не достало даже людей въ караулъ. Но, благодаря „Бога, болѣзнь не опасна, но слабость необычайная; „даже доктора валятся. Теперь началъ я выходить и „опять готовъ на службу“ *).

По возвращеніи фельдмаршала изъ Петербурга въ половинѣ апрѣля проявилась дѣятельность эмисаровъ въ Царствѣ Польскомъ. Нѣсколько шаекъ въ 10 и 30 человѣкъ вторгнулись изъ Галиціи въ Люблинское воеводство. Заливскій съ небольшою кучкой вооруженныхъ людей 19-го марта перешелъ границу близъ мѣстечка Уланова и углубился во внутрь страны по направленію къ Янову Люблинской губерніи. Въ тотъ же самый день банда въ 24 человѣка, подъ начальствомъ Каспара Дзѣвецкаго, вторгнулась въ Сандомірскій уѣздъ Радомской губерніи съ намѣреніемъ напасть ночью на казачій постъ у мѣстечка Паланца (при впаденіи рѣки Черной въ

---

*) Государь Николай Павловичъ, говоря о государственныхъ Царскихъ заботахъ, писалъ фельдмаршалу: „Дай Боже, чтобъ я полезенъ „могъ быть матушкѣ Россіи, которой служу отъ всей души и по крайнему разумѣнію.“ Письмо изъ Краснаго Села отъ 6-го (18-го) октября 1833 г.

Исторія отнесется съ почтеніемъ и благодарностью къ этимъ правдивымъ и искреннимъ словамъ великаго Государя.

Вислу) и, перебивъ казаковъ, захватить ихъ лошадей и оружіе; но казаки сумѣли ихъ предупредить и, захвативъ повстанцевъ, отправили ихъ въ Варшаву. Дзѣвецкій на дорогѣ отравился *).

Кромѣ того незначительныя шайки Гецольда, Шпека, Бялковскаго и Лубинскаго, вторгнувшись изъ Познани въ Польшу, бродили въ пограничныхъ лѣсахъ. 3-го (15-го) мая фельдмаршалъ доносилъ Государю: „шайки, ворвавшіяся въ Люблинское воеводство, разбѣжались или „возвратились въ Галицію. По послѣднимъ извѣстіямъ „въ Калишскомъ воеводствѣ никого еще не поймали: „ихъ тамъ показалось отъ 10 до 15 человѣкъ. Въ Плоц„комъ воеводствѣ шайка до 50 (человѣкъ), показавшаяся „у прусской границы, возлѣ Осѣка, проникла лѣсомъ „до Липно; объ нихъ еще вѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. По „исторіи Винницкаго **) открываются весьма важныя „открытія — нѣсколько помѣщиковъ замѣшаны въ сно„шеніяхъ съ нимъ, они находятся подъ слѣдствіемъ въ „Варшавѣ.“

Новыя мелкія шайки эмисаровъ прорывались постоянно: 29-го апрѣля появилась шайка Завиши въ Плоцкой губерніи; даже въ Подольскую губернію пробрался нѣкто Дуцкій, а въ Гродненскую губернію — Воловичъ.

Предпріятіе Заливскаго, какъ оно ни было безсмыс-

*) Въ Ліонѣ всѣхъ, отправлявшихся въ Царство Польское, эмисаровъ, снабжали ядомъ. „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“. Сочиненіе Н. Берга, стр. 27.

**) Антонъ Винницкій, унтеръ-офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ, былъ назначенъ эмисаромъ въ округъ Гостынино-Куявскій.

ленно и безцѣльно, поддерживало, однако, въ странѣ революціонное броженіе, тѣмъ болѣе опасное, что, утративъ всякій политическій смыслъ, оно привлекало въ свою среду всѣ безнравственные элементы страны. Угрозы, убійства и мелкій грабежъ входили въ програму дѣйствій этого сброда.

Среди этой безпорядочной толпы было много людей отчаянныхъ, готовыхъ на все, и слухъ о заговорѣ противъ жизни фельдмаршала, пройдя по всему Царству, дошелъ и до Петербурга. По этому поводу Государь писалъ фельдмаршалу:

„Одно имъ средство остается: лично насъ всѣхъ „истребить; способъ сей ими давно признанъ вѣрнѣйшимъ, и отъ того ли, что точно сіе намѣреніе хотятъ „нынѣ привести въ дѣйствіе, или съ тѣмъ только, чтобъ „насъ настращивать, но отвсюду слышно то же. Потому „я настоятельно прошу тебя усугубить осторожность „среди сихъ мерзавцевъ, я же обѣщаюсь также быть „осторожнымъ“ *).

Сочувствіе къ предпріятію Заливскаго помѣщиковъ и большинства мелкой шляхты вынудило фельдмаршала пріостановить обнародованіе милостиваго указа о присоединеніи дворянства Царства Польскаго къ дворянству Россійской Имперіи, какъ это предположено было сдѣлать еще въ концѣ 1832 года. „Осмѣлюсь доложить“, писалъ 3-го (15-го) мая фельдмаршалъ Государю, „что „теперь не время давать милостивый указъ здѣшнему

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 28-го апрѣля (10-го мая) 1833 года.

„дворянству о присоединеніи ихъ къ россійскому дво-
„рянству, ибо они сего недостойны; по всѣмъ свѣдѣ-
„ніямъ, мною полученнымъ, они даютъ пристанища и
„помощь возмутителямъ, пріѣхавшимъ изъ Франціи; Ка-
„лишскіе помѣщики отличаются дурнымъ поведеніемъ.
„Теперь покуда одна строгость можетъ ихъ удержать.
„Указъ Вашего Императорскаго Величества, по кото-
„рому возмутители предаются военному суду, весьма ихъ
„устрашилъ. Здѣсь теперь весьма трудно управленіе,
„ибо опять многіе замѣшаны, другіе имъ потворствуютъ,
„другіе ихъ боятся и также изъ трусости имъ потвор-
„ствуютъ; кто настояще виновенъ, кто въ половину;
„все сіе надобно разобрать, надобно людей способныхъ
„и не поляковъ; русскихъ же весьма мало, кто знаетъ
„языкъ и способенъ; по крайней мѣрѣ еще четыре мѣ-
„сяца нужно держать ихъ въ строгости, а тамъ можно
„увидѣть. Въ это время по судебнымъ приговорамъ каз-
„нены смертію 4 пойманные повстанца съ оружіемъ въ
„рукахъ. Не надѣясь на помѣщиковъ, я обѣщалъ кре-
„стьянамъ, которые поймаютъ вооруженнаго изъ зло-
„умышленниковъ, за каждаго такового правительство
„платитъ 500 злотыхъ *), также кто изъ жителей (т. е.
„безъ различія сословій) приведетъ вооруженнаго — я
„велю выдавать 500 злотыхъ; эта мѣра, какъ всѣ увѣ-
„ряютъ, должна удасться."

Дѣйствительно мѣра эта удалась и съ поимкой главарей какой-либо шайки выяснялось, что значительное

*) 75 руб. сер.

число помѣщиковъ, болѣе или менѣе скрытно, помогало дѣйствіямъ шайки; такъ, напр., фельдмаршалъ писалъ: „Винницкій много показываетъ и по его показанію многіе „арестованы.“ Главные начальники шаекъ, Завиша и Гецольдъ, и 8 человѣкъ другихъ крамольниковъ, менѣе важныхъ, были приговорены судною коммисіею къ смерти.

„Страхъ на край уже наведенъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю 10-го мая. Военно-судная коммисія, подъ предсѣдательствомъ полковника Стороженко, не переставала дѣйствовать. Почти каждый день крестьяне и казаки представляли повстанцевъ. Въ лѣсахъ пограничныхъ мѣстностей кавалерія, а въ особенности казачьи полки вмѣстѣ съ крестьянами облавами окружали появляющіяся шайки изъ Познани и Галиціи. Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, а также и строгости военно-судной коммисіи, въ началѣ мая отъ наѣзда Заливскаго остались только кое-гдѣ бродившіе одиночные люди. „Злоумышленныя шайки уменьшаютъ свои нападенія“, писалъ фельдмаршалъ Государю 16-го мая: „вотъ уже „двѣ недѣли не было происшествія; страхъ наказанія „привелъ ихъ, какъ видно, въ робость. За ними теперь „гоняются. Простой народъ большею частью въ нашу „пользу, а особливо въ Люблинскомъ и Подляшскомъ „воеводствахъ; но помѣщики весьма дурны, а особливо „въ Плоцкомъ и Калишскомъ; въ Плоцкомъ никого „еще не поймали.“

Государь, слѣдя за положеніемъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и получая почти ежедневно то донесенія военно-судной коммисіи, то письма фельдмаршала, зналъ

всѣ подробности появленія шаекъ и предпринимаемыхъ противъ нихъ мѣръ. „Ты предварилъ мои желанія мѣ-„рами, тобою принимаемыми противу бунтовщиковъ и „пристанодержателей,“ писалъ Государь 12-го (24-го) мая князю-намѣстнику: „мѣры сіи справедливы и совер-„шенно необходимы, дабы доказать нашу рѣшимость „не ослабѣвать, я увѣренъ, что другого нѣтъ способа „съ ними сладить. Ты совершенно правъ, что не время „теперь обнародовать милостивый указъ, пусть прежде „его заслужатъ“ *).

Но по мѣрѣ того, какъ исчезали вооруженныя шайки, усиливались слухи о намѣреніи убить Государя и фельдмаршала. Слухи эти имѣли нѣкоторое основаніе. Государь 20-го мая писалъ изъ Динабурга фельдмаршалу: „отвсюду извѣстія о намѣреніи меня убить въ дорогѣ; „даже изъ Парижа прислали мнѣ выписку изъ письма „поляка, но намъ неизвѣстнаго, гдѣ говорятъ, что въ „Петербургѣ сіе трудно исполнить, а что въ дорогѣ сіе „весьма легко. Какъ бы то ни было, сюда (т. е. въ „Динабургъ) я прибылъ благополучно и надѣюсь на „милость Божію, что такъ же и возвращусь; прочее въ „рукахъ Божіихъ и волѣ Его я спокойно покоряюсь. „Мѣры беру я всѣ, которыя благоразуміе велитъ.“

Принимая мѣры противъ наѣздовъ эмиграціи въ Царствѣ Польскомъ, фельдмаршалъ убѣдился, что эмисары,

---

*) Милость польскому дворянству на этотъ разъ ограничилась тѣмъ, что депутатамъ, бывшимъ съ повинною въ Петербургѣ, дозволено продолжать носить малиновые воротники (вмѣсто вновь введенныхъ красныхъ) „въ память того, что именемъ всего края первые были у меня“, писалъ Государь фельдмаршалу 1-го (13-го) августа 1833 г.

двинувшіеся изъ Франціи къ границамъ польскимъ, находили въ Познани и Галиціи средства и помощь для исполненія своихъ замысловъ. Войдя въ сношенія съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, управлявшимъ въ то время Галиціею, фельдмаршалъ убѣдилъ его исходатайствовать въ Вѣнѣ дозволеніе выслать изъ ея предѣловъ всѣхъ поселившихся тамъ поляковъ, участвовавшихъ въ польской революціи 1830 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ убѣждалъ и прусское правительство принять мѣры, клонящіяся къ прекращенію постоянныхъ эмисарскихъ „наѣздовъ“ изъ сосѣднихъ съ Польшею познанскихъ городовъ.

„На сихъ дняхъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „здѣшній прусскій консулъ объявилъ мнѣ, что король „велѣлъ просить меня, чтобы я сообщалъ о всѣхъ име„нахъ, которыя по слѣдствіямъ откроются, что прохо„дили черезъ Пруссію и у кого имѣли пристанище. Ка„жется, прусское правительство хочетъ наконецъ при„нимать противу ихъ (злоумышленниковъ) мѣры стро„гости.“

Въ іюнѣ мѣсяцѣ фельдмаршалъ писалъ: „шайки уже „совершенно окончились и я велѣлъ снять облавы, дабы „не отнять рабочаго времени у народа“, а въ началѣ іюля Государь получилъ отъ намѣстника донесеніе, что „въ Царствѣ вездѣ спокойно и благополучно.“

Общее впечатлѣніе этого безумнаго проявленія дѣятельности польской эмиграціи было крайне тягостное. Конечно, не появленіе мелкихъ вооруженныхъ шаекъ, а то содѣйствіе, которое оказывало имъ дворянство

Царства Польскаго, озабочивало фельдмаршала. При такихъ проявленіяхъ, всегда при существованіи эмиграціи возможныхъ, русскому правительству въ Царствѣ Польскомъ приходилось бороться не съ народнымъ движеніемъ, а съ постоянной безцѣльной крамолой, съ дѣтскимъ легкомысліемъ не щадившей ни спокойствія страны, ни жизни своихъ же соплеменниковъ. Значительная часть дворянства Царства Польскаго была не столько политически неблагонадежна, сколько политически легкомысленна и неразвита, а потому только одна строгость могла охранять спокойствіе и благоденствіе края.

Фельдмаршалъ, сознавая такое положеніе дѣлъ, писалъ: „и такъ сегодня оная (революціонная пропаганда) „открыта, заговорщики наказаны. Пройдетъ нѣкоторое „время и опять будутъ заговоры и опять бунтъ. Про„паганда революціонная не устаетъ заговоры дѣлать, „также правительство не должно уставать открывать „заговоры и наказывать бунты."

Благодаря этой открывающейся тяжелой будущности, основы учрежденій съ выборнымъ началомъ, указанныя въ органическомъ статутѣ, должны были на долго оставаться не примѣнимыми. Но за то на охранительныхъ мѣрахъ сосредоточилось главнымъ образомъ вниманіе фельдмаршала.

Во время „наѣзда" Заливскаго жители Кракова постарались еще разъ доказать, что въ ихъ средѣ всегда найдется опора для всякаго рода революціоннаго движенія, какъ бы оно безсмысленно ни было.

Обстоятельства эти побуждали фельдмаршала посто-

янно настаивать на необходимости занятія Кракова регулярными войсками (одной или всѣхъ трехъ союзныхъ державъ). „Изъ Кракова Тенгоборскій пишетъ, „что тамъ безъ нашихъ войскъ весьма трудно будетъ „управлять“, писалъ 25-го мая фельдмаршалъ Государю, — „я думаю, что нельзя ли воспользоваться те„перешнимъ случаемъ занятія Франкфурта; предложить „прусскому и австрійскому правительству, что какъ Кра„ковъ, будучи также вольнымъ городомъ и также не „можетъ безъ помощи (внѣшней) управлять самъ собою „въ теперешнихъ обстоятельствахъ, то его также для „общаго спокойствія занять.“

Наиболѣе осязательное доказательство недальновидности эмиграціи выясняется, между прочимъ, изъ того, что въ то время, т. е. въ началѣ іюня 1833 г., когда въ Царствѣ Польскомъ казаки и крестьяне облавой захватывали эмисаровъ и ихъ шайки, значительная часть эмиграціи польской переѣхала въ Дрезденъ, ожидая, что вслѣдствіе дѣйствій Заливскаго воспослѣдуютъ общіе безпорядки въ Германіи и въ Польшѣ и возгорится Европейская война. Надѣясь появиться въ Польшѣ вмѣстѣ съ воюющими съ Россіею войсками, эмиграція временно переселилась въ Дрезденъ, чтобы быть ближе къ границамъ Царства.

Обсуждая всѣ обстоятельства „наѣзда“ Заливскаго, князь-намѣстникъ, въ письмахъ своихъ къ Государю *), замѣчаетъ: „Но чѣмъ болѣе всего я обрадованъ, что

*) Отъ 7-го іюля и 3-го августа.

„изъ всѣхъ допросовъ, произведенныхъ болѣе, чѣмъ „надъ 2-мя стами разнаго рода людьми, ни одинъ рус- „скій не замѣшанъ; а не сумнительно, что если бы кто „изъ русскихъ хотя немного вошелъ бы съ ними въ „сношенія или подалъ бы хотя изъ сожалѣнія руку по- „мощи, то они вѣрно не упустили онаго выставить.“ Къ этому фельдмаршалъ добавляетъ, что „изъ военныхъ „поляковъ, которые находятся на пенсіонѣ трехлѣт- „немъ, ни одинъ не былъ замѣшанъ къ участію въ „шайкахъ.“

Въ концѣ мая мѣсяца Государь изъ Динабурга, черезъ Ригу, посѣтилъ Финляндію. 2-го іюня, сообщая фельдмаршалу о своемъ путешествіи, Государь писалъ: „хотя меня поминутно стращаютъ, но Богъ меня бла- „гословилъ и сберегъ и даже ничего подозрительнаго „не было.“ Молва о злодѣйскихъ намѣреніяхъ проникла въ среду населенія мѣстностей, посѣщаемыхъ Государемъ. „Всѣ наперерывъ“, писалъ Государь, „оказывали „мнѣ всю заботливость и предупрежденіе возможности „къ сему.“ Всѣ сословія Финляндіи представили Государю письменный адресъ, о которомъ Его Величество отзывался, что „если бы вездѣ такъ хорошо думали бы, куда какъ бы намъ легко было.“

Тѣмъ не менѣе фельдмаршала безпокоили слухи о заговорахъ противъ жизни Государя, тревожила необезпеченность въ этомъ отношеніи Его Величества. „Вы „получаете“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „со всѣхъ „сторонъ извѣстія о неслыханныхъ намѣреніяхъ зло- „дѣйства, о которыхъ и я говорилъ и нижайше просилъ

„быть осторожну. Въ мірѣ справедливости и порядка „Вы одни имъ препятствіе, другіе всѣ, я говорю *всѣ*, „смотрятъ на Васъ; поддерживаете Вы ихъ — они идутъ „хорошо; но если обстоятельствами не можете поддер„жать — они попадаются въ руки безпорядка, якобин„ства; мудрено ли послѣ сего, что Вы сей злодѣйской „партіи непримиримый врагъ — и *навсегда*. Вы не усту„пите злодѣямъ, не поддадитесь ихъ злодѣйскимъ на„мѣреніямъ, то будьте осторожны; на колѣняхъ умо„ляю: берегитесь“ *).

Государь отвѣчалъ: „Я слѣдую твоимъ совѣтамъ, „мой отецъ командиръ, и беру всѣ тѣ осторожности, „которыя здравый разсудокъ велитъ; твои вѣрные мо„лодцы линейные меня окружаютъ и всюду смотрятъ, „гдѣ я бываю; но повѣрь мнѣ, что вѣрнѣе всего поло„житься впрочемъ на милосердіе Божіе; Его волѣ пре„дался я не съ языка, но отъ всего сердца и совер„шенно спокойно жду, что Ему угодно будетъ рѣшить.“

Фельдмаршалъ, для обезпеченія Царства Польскаго отъ проявленій, подобныхъ „наѣзду“ Заливскаго, не довольствовался сношеніями съ правителемъ Галиціи, эрцгерцогомъ Фердинандомъ, и съ прусскими властями въ Познани.

Еще во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, въ 1831 году, фельдмаршалъ признавалъ, что исключительное положеніе города Кракова представляется постоянной опасностью для спокойствія всѣхъ польскихъ

---

*) Письмо отъ 4-го (16-го) іюня 1833 года.

земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ проникся убѣжденіемъ въ необходимости объединить и согласовать дѣйствія трехъ державъ (Австріи, Россіи и Пруссіи) противъ мятежныхъ замысловъ польской эмиграціи. Тамъ, гдѣ интересы одинаковы и гдѣ приходится бороться съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, тамъ естественно союзникамъ слѣдуетъ согласовать и объединить свои оборонительныя силы.

Задавшись этою цѣлію, фельдмаршалъ составилъ слѣдующую записку, подъ заглавіемъ:

„Мысли фельдмаршала князя Варшавскаго."

1) „Весьма полезно было бы заключить договоръ „съ австрійскимъ и прусскимъ правительствами, чтобы, „въ случаѣ возмущенія въ одномъ изъ трехъ государствъ, другія подавали руку помощи, обязываясь выставить, напримѣръ, до 20 тыс. войска.

„Договоръ сей можетъ быть полезенъ не потому, „чтобы государства имѣли дѣйствительную нужду въ „сей помощи, но онъ покажетъ, что договаривающіяся „стороны дѣйствуютъ единодушно и съ одною цѣлію.

2) „Въ договорѣ семъ помѣстить также, чтобы въ „случаѣ возмущенія или измѣны противъ одного государства, другія непремѣнно выдавали преступниковъ, „которые войдутъ въ ихъ земли; не поступать же таким образомъ какъ въ послѣднее возмущеніе въ „Польшѣ.

3) „Какъ многіе изъ поляковъ владѣютъ имѣніями „въ разныхъ государствахъ, то гдѣ бы ни проживалъ „человѣкъ, требующій надзора, за нимъ долженъ быть

„ровный присмотръ и свѣдѣнія о поведеніи сего лица „сообщаемы отъ одного государства другому.

4) „Краковъ необходимо занять войсками трехъ „державъ, безъ чего невозможно ожидать спокойствія „въ Польшѣ" *).

Государь, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Паскевича, поручилъ нашему послу въ Вѣнѣ Татищеву предложить австрійскому правительству заключить конвенцію, принявъ въ основаніе начала, указанныя княземъ Паскевичемъ. По этому поводу началась усиленная переписка между Вѣною и Петербургомъ. Хотя казалось, что австрійское правительство съ радостію соглашалось на заключеніе подобной конвенціи, но обсужденіе подробностей затягивало все дѣло на неопредѣленное время.

Между тѣмъ возникъ вопросъ о цѣлости Оттоманской имперіи. Столкновеніе Турціи съ Египтомъ грозило распаденіемъ турецкаго владычества на Босфорѣ. Побѣдоносная армія египетскаго паши Мехмеда-Али, подъ начальствомъ его сына Ибрагима-паши, двигалась по малоазіатскимъ берегамъ къ Босфору, угрожая Константинополю.

Государь Николай Павловичъ въ 1829 году учредилъ въ Петербургѣ особенный комитетъ, для обсужденія вопроса и опредѣленія мѣръ, которыя должны были быть приняты Россіею при распаденіи Оттоманской имперіи. Въ этомъ комитетѣ графъ Нессельроде про-

*) Сем. арх. кн. Варшавскаго. Полный текстъ записки см. въ прил. № 18.

челъ Высочайше одобренную записку, въ которой доказывалось, что Россія не можетъ желать распаденія Турціи. „Мы всегда были того мнѣнія,“ писалъ графъ, „что сохраненіе этого государства болѣе полезно, нежели вредно, дѣйствительнымъ интересамъ Россіи; что „никакой другой порядокъ вещей, который займетъ его „мѣсто, не можетъ возмѣстить намъ выгоду имѣть со„сѣдомъ государство слабое, постоянно угрожаемое ре„волюціоннымъ духомъ, которымъ проникнуты его вас„салы, и вынужденное счастливою войною покориться „волѣ побѣдителя. Если же Турція распадется, то воз„становленіе ея будетъ невозможно; во всякомъ случаѣ, „это не дѣло Императора Всероссійскаго“ *). Комитетъ 1829 года пришелъ къ окончательному и единогласному убѣжденію, что цѣль политики Россіи заключается не въ разрушеніи Турціи, не въ завоеваніи какихъ-либо владѣній Оттоманской имперіи, а въ сохраненіи „status quo“ на берегахъ Босфора и Дарданелъ **).

Въ 1833 году возмущеніе Египта угрожало Турціи распаденіемъ, тѣмъ болѣе нежелательнымъ, что рѣшительно нельзя было предвидѣть, какой государственный порядокъ возникнетъ на развалинахъ Оттоманской импе-

---

*) „Nous avons toujours considéré, que la conservation de cet Empire était plus utile que nuisible aux vrais interêts de la Russie, qu'aucun ordre de choses que l'on pourrait y substituer ne saurait balancer pour nous l'avantage d'avoir pour voisin un Etat faible, toujours menacé par l'esprit de révolte qui agite ses vassaux, réduit par une guerre heureuse à subir la loi du vainqueur. Si la Turquie venait à se dissoudre, sa restauration serait impossible et ne pourrait en aucune manière être l'oeuvre de l'Empereur de Russie.“

**) Мартенсъ, т. IV, ч. I, стр. 438.

ріи. Австрія, опасаясь вообще войны, „отдавала предпочтеніе,“ какъ говорилъ князь Меттернихъ, „турецкому „правительству предъ всякимъ другимъ порядкомъ, ко„торый могъ бы его замѣнить на Востокѣ.“ Такимъ образомъ, въ первый разъ на почвѣ восточнаго вопроса Австрія была вполнѣ согласна съ Россіею. Государь, слѣдуя воззрѣніямъ комитета 1829 года, въ первой же половинѣ 1833 года повелѣлъ русскому флоту демонстрировать на Константинопольскомъ рейдѣ съ цѣлью поддержать султана въ борьбѣ его съ Египтомъ. Фельдмаршалъ, извѣщенный письмами Государя, какъ о движеніи нашего черноморскаго флота, такъ и о посольствѣ Муравьева *) въ Египетъ, отвѣчалъ Его Величеству: „Осмѣливаюсь донести, что о дѣлахъ турецкихъ „теперь еще ничего сказать нельзя, по перемѣнившимся „обстоятельствамъ. Только надо приготовиться, *но ни „въ какомъ случаѣ не начинать безъ содѣйствія Австріи.* „Тѣмъ лучше, если и Англія приметъ въ семъ дѣлѣ „участіе. Если же мы одни вступимся, то будемъ имѣть „непріятелями всю Европу“ **). Австрійскій императоръ уже давно желалъ свиданія съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Назрѣли важные вопросы: восточный и польскій, которые требовали соглашенія этихъ государей.

---

*) Генералъ Муравьевъ былъ посланъ предложить султану помощь Россіи въ борьбѣ его съ египетскимъ хедивомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ порученіе предупредить Мехмеда-Али, что Россія не можетъ допустить, чтобы борьба его съ султаномъ продолжалась.

Это остановило движеніе арміи Ибрагима-паши въ Малой Азіи.

**) Письмо къ Государю отъ 24-го января (6-го февраля) 1833 года.

Какъ будто въ отвѣтъ на вышеприведенное письмо фельдмаршала, Государь, въ письмѣ своемъ отъ 16-го іюля, извѣщалъ: „Я получилъ рѣшительное приглаше-„ніе отъ австрійскаго императора, для свиданія съ нимъ „въ Богеміи, срокъ назначенъ къ 25-му августа (7-му „сентября), свиданіе будетъ самое короткое и не рѣ-„шено еще, хотя бы сіе очень было желательно, бу-„детъ ли туда король прусскій, или увижусь съ нимъ „въ другомъ мѣстѣ. Туда намѣренъ я ѣхать моремъ въ „Штеттинъ, но обратно будетъ поздно пускаться въ „море и придется возвращаться черезъ Пруссію, или, „что я бы предпочиталъ, черезъ Польшу, гдѣ я *отдамся* „тебѣ на руки и согласенъ на всѣ осторожности, ко-„торыя ты нужными сочтешь, я бы хотѣлъ въѣхать „черезъ Калишъ и, не заѣзжая въ Варшаву, направить „свой путь на Модлинъ и Ковно. Дорогой хотѣлъ бы „видѣть, что можно будетъ твоихъ войскъ,—но *ты рѣ-„шишь, можно ли* или *нѣтъ;* и для сего прошу мнѣ „отвѣтить какъ найскорѣе, вовсе никому сего не со-„общая и даже сбирая войска какъ бы для своего „смотра."

Фельдмаршалъ, конечно, признавалъ необходимость соглашеній, которыя онъ самъ же совѣтовалъ, а по отношенію къ польскимъ дѣламъ возбудилъ личной своей инициативой; но, повидимому, онъ не ожидалъ и не желалъ, чтобы Государь предпринялъ путешествіе, которое, какъ онъ писалъ, „въ теперешнее время, осмѣли-„ваюсь сказать, опасно. Страсти возбуждены до чрез-„мѣрности и есть люди, которые отравляютъ себя, когда

„ихъ поймаютъ“ *). Въ общемъ фельдмаршалъ ручался за безопасность пути въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ, но опасался за дорогу между Богеміею и Калишемъ.

Государь прибылъ въ Штеттинъ моремъ, а 20-го іюля, въ сопровожденіи наслѣднаго принца прусскаго и графа Нессельроде, встрѣтился въ Мюнхенгрецѣ съ императоромъ Францомъ I. Обмѣнъ мыслей по восточному вопросу привелъ не только къ личному сближенію государей, но и къ рѣшительному соглашенію, благодаря въ особенности общему желанію сохраненія status quo на Босфорѣ. Переговоры велись сколь возможно тайно, до такой степени, что первый министръ Англіи, лордъ Пальмерстонъ, былъ убѣжденъ, что Россія вошла въ соглашеніе съ Австріей для раздѣла Турціи**). Подобный планъ, писалъ лордъ Пальмерстонъ, встрѣтитъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Франціи и Англіи ***). Въ Мюнхенгрецѣ Меттернихъ увѣрялъ государей, что Франція стремится устроить на развалинахъ Турціи арабскую имперію, подъ главенствомъ Мехмеда-Али египетскаго, и что это будетъ одинаково опасно какъ для Россіи, такъ и для Австріи ****). Въ результатѣ

---

*) Какъ это сдѣлалъ Дзѣвецкій.

**) La perspicacité de Lord Palmerston est allée jusqu'à lui faire admettre comme une „probabilité très acceptable“ que l'Autriche et la Russie étaient tombées d'accord à Munchengraetz sur un partage de l'Empire Ottoman.

***) Мартенсъ, 4-й томъ (Bulwer's Life of Palmersten. Vol. 11, p. 109).

****) Le chancelier aborda le projet, attribué à la France, d'ériger sur les ruines de la Turquie un empire arabe sous le sceptre de Mehemet-Ali. Mais ni la Russie ni l'Autriche ne sauraient admettre la réalisation de cette pensée, qui leur serait également funeste (Martens, Tome IV, page 444).

явилась статья 1-я Мюнхенгрецкой конвенціи, которою принято рѣшеніе: „поддержать существованіе Оттоманской имперіи подъ управленіемъ нынѣшней династіи и посвятить для сей цѣли, въ совершенномъ „согласіи, всѣ вліяющія и дѣйствительныя средства, „какія находятся въ ихъ (Австріи и Россіи) власти“*). Вмѣстѣ съ тѣмъ положены были прочныя основанія для соглашенія по дѣламъ польскимъ. Рѣшено было осенью того же года, совмѣстно съ Пруссіею, облечь это рѣшеніе въ особую конвенцію.

Изъ Мюнхенгреца Государь писалъ фельдмаршалу: „Императоръ австрійскій говоритъ съ необыкновенной „откровенностью и тебя назначаетъ предводителемъ ар„міи на случай соединенія всѣхъ силъ (союзныхъ).“ Въ томъ же письмѣ Государь увѣдомлялъ фельдмаршала, что извѣстный Заливскій въ Австріи арестованъ и, по просьбѣ Его Величества, императоръ австрійскій даровалъ ему жизнь, но велѣлъ запереть его въ крѣпость Куфштейнъ (гдѣ онъ и содержался въ цѣпяхъ до 1848 г.).

Совершенно неожиданно для жителей Царства Польскаго Государь изъ Мюнхенгреца прибылъ въ Калишъ, куда фельдмаршалъ передъ тѣмъ пріѣхалъ будто бы для осмотра расквартированныхъ тамъ войскъ. Изъ Калиша Государь, минуя Варшаву, прослѣдовалъ въ Модлинъ, осматривалъ тамъ войска и крѣпостныя работы

---

*) Les cours d'Autriche et de la Russie s'engagent mutuellement à préserver dans la résolution qu'Elles ont prise de maintenir l'existence de l'Empire Ottoman sous la dynastie actuelle, et à consacrer à ce but, dans un parfait accord, tous les moyens d'influence et d'action qui sont en leur pouvoir.

и, снова минуя Варшаву, черезъ Ковно возвратился въ Россію, въ Царское Село.

19-го сентября вмѣстѣ съ портретомъ Его Величества, осыпаннымъ бриллiантами, фельдмаршалъ получилъ слѣдующее письмо: „Возвратясь сюда благополучно въ субботу вечеромъ, намѣреніе мое было сейчасъ къ тебѣ писать, любезный отецъ командиръ, но „пропасть дѣлъ меня о сю пору лишали возможности „сіе исполнить. Прими еще разъ мою искренную благодарность за все, чѣмъ я тебѣ обязанъ; войско, работы, край, все нашелъ я въ должномъ видѣ; однимъ „твоимъ неусыпнымъ трудамъ, твердости и постоянству „столь удовлетворительныя послѣдствія я приписать „могу. Да наградитъ тебя за сіе милосердный Богъ „и подкрѣпитъ на поприщѣ твоей славной и полезной „службы. Желалъ бы я съ тобой быть неразлучнымъ, за „невозможностью сего, прошу тебя въ замѣну оригинала принять и носить подобіе моей *хари*. Прими сіе „знакомъ той искренной сердечной благодарности и „дружбы, которая (къ) тебѣ останется во мнѣ неизмѣнною. Благодаря твоему попеченію о моей безопасной „поѣздкѣ, я доѣхалъ какъ нельзя лучше, въ горе фельдъегерямъ, въ три дня и 13 часовъ. Здоровъ, веселъ, счастливъ и дома нашелъ все здоровымъ и въ порядкѣ.“

Наконецъ въ октябрѣ мѣсяцѣ была подписана берлинская конвенція, въ главныхъ основаніяхъ совершенно согласная съ приведенной нами запиской фельдмаршала; но вмѣсто предполагаемаго фельдмаршаломъ вспомогательнаго корпуса въ 20 т. человѣкъ, въ кон-

венціи было поставлено выраженіе: достаточный „корпусъ войскъ", численность силъ котораго опредѣлялась стороной, требующей помощи. Особенно было важно то, что вспомогательный корпусъ двигался по требованію военной власти той провинціи, въ которой возникли смуты. Виновные въ государственной измѣнѣ, въ оскорбленіи Величества и вообще въ заговорѣ противъ безопасности престола и законнаго правительства, выдавались тому государству, въ предѣлахъ котораго они совершали преступныя дѣйствія. Относительно города Кракова постановлено было гарантировать строгій нейтралитетъ этого вольнаго города, а нарушеніемъ этого нейтралитета признавалось все то, что могло бы нарушить спокойствіе сосѣднихъ польскихъ земель. При нарушеніи такъ опредѣланнаго нейтралитета, державы, признавъ, что правительство вольнаго города не желаетъ или не въ состояніи преслѣдовать и прекращать дѣйствія, нарушающія спокойствіе сосѣднихъ земель, приступятъ къ немедленному военному занятію города и территоріи. Вотъ тѣ главныя основанія, столь близкія началамъ, преподаннымъ княземъ Варшавскимъ, которыя подписаны въ Берлинѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1833 года. Онѣ предвѣщали въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ уничтоженіе Краковской республики,—этой очевидной ошибки вѣнскаго трактата, на которую постоянно указывалъ фельдмаршалъ.

Помимо заключенія мюнхенгрецкой и берлинской конвенцій, путешествіе Государя въ Богемію имѣло еще

серьезное и непосредственное вліяніе на отношенія Россіи къ Англіи и въ особенности къ Франціи, именно по польскому вопросу.

На пути въ Мюнхенгрецъ Государь, въ городѣ Шведтѣ, встрѣтился съ королемъ прусскимъ. Здѣсь состоялось между Россіею и Пруссіею полное соглашеніе, которое и выразилось впослѣдствіи (въ октябрѣ того же года) въ берлинской конвенціи. Соглашеніе это состоялось благодаря энергіи Императора Николая I. Король Фридрихъ Вильгельмъ III-й искренно желалъ присоединиться къ дѣйствіямъ Россіи и Австріи противъ либеральной партіи, а тѣмъ болѣе противъ польскихъ революціонеровъ, но въ Пруссіи общественное мнѣніе, въ особенности средняго класса, высказывало явное сочувствіе къ революціи. „Это мнѣніе," писалъ нашъ посолъ въ Берлинѣ Рибопьеръ, „раздѣляемое, къ несча„стію, многими высшими должностными лицами, все „болѣе распространяется и стремится парализовать дѣй„ствія правительства и порвать узы, соединяющія его „съ Россіею, т. е. съ тою державою, противъ которой „либеральная партія возстаетъ съ наибольшею враждеб„ностью." Къ обстоятельствамъ этимъ присоединялся еще страхъ Пруссіи къ сосѣдней съ ней Франціи. При свиданіи въ городѣ Шведтѣ Государь Николай Павловичъ увлекъ прусское правительство на рѣшительный путь внѣшней политики общей съ Россіею и Австріею. Немедленнымъ послѣдствіемъ этого соглашенія была депеша Рибопьера князю Ливену въ Лондонъ и графу Поццо-ди-Борго въ Парижъ (28-го августа 1833 г.), въ

которой Рибопьеръ, по Высочайшему повелѣнію, сообщалъ, что „Государь Императоръ, будучи убѣжденъ „въ необходимости согласиться съ августѣйшими своими „союзниками на счетъ мѣръ наиболѣе дѣйствительныхъ „для пріостановленія, посредствомъ общаго и открытаго „противодѣйствія, страшныхъ успѣховъ, дѣлаемыхъ, къ „несчастію, революціоннымъ духомъ въ Европѣ, и съ „цѣлью создать новыя опоры для сохраненія законнаго „порядка и независимости государей и народовъ, Его „Императорское Величество могъ видѣть только съ „истиннымъ удовольствіемъ, что намѣренія Его Прусскаго Величества идутъ еще дальше мѣръ, которыя „Государь пріѣхалъ ему предложить. И такъ какъ полнѣйшее согласіе установилось въ этомъ отношеніи „между Ихъ Величествами, то они приняли, по общему „соглашенію, нижеслѣдующія рѣшенія, которыя будутъ „сообщены австрійскому двору, съ приглашеніемъ содѣйствовать ихъ исполненію.

„Рѣшенія эти заключались въ томъ, что три союзныя „державы рѣшились, во первыхъ, выяснить французскому „правительству опасность его собственнаго положенія „и всей Европы, благодаря господствующему во Франціи революціонному духу. Съ этою цѣлію они потребуютъ отъ французскаго правительства торжественнымъ манифестомъ немедленнаго прекращенія этой „революціонной пропаганды, которая не перестаетъ „устраивать новые заговоры противъ установленнаго порядка сохраненія престоловъ и спокойствія народовъ.

„Во вторыхъ, три союзные двора объявятъ въ тор-

„жественной декларацiи, что они намѣрены возстано-
„вить въ Европѣ истинныя начала права вмѣшатель-
„ства, заключающагося только въ правѣ оказывать другъ
„другу помощь и содѣйствiе въ политическихъ кризи-
„сахъ.“ На основанiи этого права вмѣшательства, каждый государь имѣетъ неопровержимое право призывать своихъ союзниковъ на помощь, если онъ собственными своими силами не въ состоянiи поддержать внутреннее или внѣшнее спокойствiе своего государства*). „Въ Парижѣ,“ писалъ Государь фельдмаршалу 12-го (24-го) октября, „проглотили нашу декларацiю весьма смиренно,
„какъ и ожидать было должно. Кажется, дѣла ихъ въ
„Испанiи очень озабочиваютъ.“

Дѣйствительно, правительство Людовика Филиппа въ это время съ безпокойствомъ слѣдило за нарушенiемъ древняго порядка престолонаслѣдiя, устроеннымъ послѣ смерти короля Фердинанда VII-го старанiями правительницы регентши королевы Марiи Христины въ пользу ея малолѣтней дочери Изабеллы и въ ущербъ правамъ старшей линiи испанскихъ Бурбоновъ. Безпокойствомъ французскаго правительства союзныя три державы воспользовались, чтобы заставить, какъ выражался Государь, „смиренно проглотить декларацiю.“

Въ Варшавѣ въ срединѣ ноября того же года окончился послѣднiй актъ кровавой драмы „наѣзда“ Заливскаго публичной казнью его главнаго пособника Завиши. Казнь эта произвела громадное впечатлѣнiе на

---

*) Мартенсъ, т. 8, стр. 186—187.

все народонаселеніе Царства Польскаго и Варшавы въ особенности. „Я не думаю,“ писалъ фельдмаршалъ 17-го ноября Великому Князю Михаилу Павловичу, „чтобы „господинъ Лелевель уговорилъ кого еще разъ войти „съ оружіемъ въ рукахъ (въ Польшу) и вѣрно ему бу„детъ отвѣтъ, чтобъ онъ самъ попробовалъ. Но все сіе „весьма грустно для меня.“ Въ томъ же письмѣ фельдмаршалъ прибавляетъ: „Я не люблю большихъ стро„гостей, но законъ выше всего; онъ, а не я, караетъ, „и я не вижу, когда въ семъ краѣ будетъ конецъ ихъ „возмущеніямъ.“ Получивъ извѣстіе о казни Завиши, Государь писалъ фельдмаршалу: „Жаль и больно быть „вынужденными къ подобнымъ мѣрамъ, но что намъ „остается дѣлать! Дай Богъ, чтобъ сіи примѣры изба„вили насъ отъ повторенія подобныхъ покушеній, вле„кущихъ за собою подобныя же послѣдствія; но трудно „сему повѣрить, и духъ, съ которымъ Завиша умеръ, „доказываетъ какъ они приготовлены на свое адское „дѣло!“*)

Несмотря на впечатлѣніе, произведенное казнью Завиши, одновременно съ ней въ Люблинѣ открыто было революціонное сообщество, составленное подъ предлогомъ „вспоможенія несчастнымъ, пострадавшимъ во время революціи.“ Князь намѣстникъ поручилъ генералъ-адъю-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу изъ Москвы отъ 29-го ноября (11-го декабря). Подробности казни Завиши находятся въ сочиненіи Н. Берга: „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ,“ стр. 36—37. Завиша передъ смертію, на эшафотѣ, громко сказалъ: „когда бы у меня было сто жизней, всѣ бы ихъ отдалъ отчизнѣ.“

танту Ридигеру изслѣдовать это дѣло, которое, впрочемъ, онъ же и открылъ *). Люблинскій заговоръ не могъ имѣть сколько нибудь важнаго значенія, но онъ какъ будто оправдывалъ опасенія фельдмаршала, „что не предвидится конца заговорамъ въ Польшѣ.“ Тѣмъ не менѣе, 6-го (18-го) декабря, въ день тезоименитства Государя, фельдмаршалъ освободилъ нѣсколько политическихъ преступниковъ, избавивъ ихъ отъ суда и взысканія. „Политическихъ преступниковъ,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „такъ много, что, вычтя уже „наказанныхъ и выпущенныхъ, остается еще виновныхъ до 80-ти человѣкъ, кромѣ новой категоріи въ „Люблинѣ, гдѣ до 20-ти человѣкъ замѣшанныхъ **). На это Государь отвѣчалъ: „Ты очень хорошо сдѣлалъ, „что 6-го (18-го) числа менѣе виновныхъ велѣлъ выпустить, жаль, что и безъ нихъ еще такъ много „остается“ ***). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ фельдмаршалъ неожиданно получилъ весьма оригинальное письмо изъ Парижа отъ эмигранта графа Адама Гуровскаго. „Это „было нѣчто въ родѣ предложенія эмиграціи“, какъ писалъ фельдмаршалъ, „взбунтоваться, возстановить Польшу, словомъ, сдѣлать, какъ Мегмедъ-Али-паша въ „Египтѣ сдѣлалъ.“ Это разсердило фельдмаршала до такой степени, что онъ намѣревался отвѣтить Гуровскому весьма рѣзко, но Государь отговорилъ его отъ

---

*) Записку Ридигера см. въ прил. № 19.

**) Письмо къ Государю отъ 11-го (23-го) декабря 1833 г.

***) Письмо къ фельдмаршалу отъ 20-го декабря 1833 г. (1-го января 1834 г.).

такого намѣренія. „Достойно ли тебя,“ писалъ Государь, „входить въ состязаніе съ такою тварью, которой „приличнаго названія не найдешь ни на какомъ языкѣ? „Ежели-бъ и дѣйствительно подобное и напечатано было, „то и тогда единое *презрѣніе* должно ему служить „отвѣтомъ“ *). Впрочемъ, польская эмиграція тревожила дерзкими письмами не только намѣстника Царства, но и Государя: „Благодарю за присылку ругательнаго письма изъ Безансона,“ писалъ Государь 20-го января (11-го февраля) фельдмаршалу, „не первое и не послѣднее.“

По внутреннему управленію Царства Польскаго, осенью 1833 года, намѣстникъ былъ особенно озабоченъ повсемѣстной дороговизной съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ продовольствія огромной по тогдашнему составу арміи и населеніе Польши, по недороду хлѣба, нуждалось въ помощи. Отъ засухи весь югъ Россіи голодалъ. Холера началась на Дону, въ Воронежѣ, Курскѣ, Тамбовѣ и Рязани. Это тяжело отзывалось и на бюджетѣ Царства Польскаго. Государь, сообщая въ письмахъ своихъ къ фельдмаршалу о бѣдствіяхъ, постигшихъ Россію **), относительно помощи нуждающемуся населенію Польши писалъ: „Раздачу помощи я считаю весьма „полезною... но надо быть осторожнымъ, чтобы, помогая „съ одной руки, мы не обирали другою“ ***).

*) Письмо Государя 8-го (20-го) декабря 1833 года.

**) Отъ 15-го августа 1833 г. и отъ 17-го (29-го) октября 1833 г. изъ Царскаго Села.

***) Письмо къ фельдмаршалу отъ 21-го января (2-го февраля) 1833 г.

Конецъ 1833 года ознаменовался почти одновременною смертью извѣстнаго наслѣдника персидскаго престола Аббаса-мирзы и шаха Фетъ-Али-хана. По этому поводу Государь требовалъ мнѣнія фельдмаршала. „Вчера получилъ я курьера отъ Розена," писалъ Государь 29-го ноября (11-го декабря) 1833 года, „съ „извѣстіемъ, что Аббасъ-мирза умеръ въ Мшидѣ, а шахъ „при смерти боленъ; хороша потѣха! что за вздоръ изъ „этого выйдетъ? Пишу къ Розену, чтобъ онъ сидѣлъ „покойно; отнюдь не хочу вмѣшиваться въ ихъ внутренніе раздоры, пусть ихъ дерутся между собою, мнѣ до „нихъ дѣла нѣтъ, лишь бы меня не трогали. Отъ „Аббасъ-мирзы получилъ письмо, гдѣ проситъ меня признать сына его Мегмедъ-мирзу наслѣдникомъ, но ежели „самъ шахъ его не признаетъ, то я въ это не вмѣшиваюсь. Скажи мнѣ, правъ ли я?"

Фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Весьма жаль, что Аббасъ-мирза умеръ: онъ вѣрный намъ былъ союзникъ, „ибо изъ опытовъ узналъ, что Россія настоящая его „покровительница. Если Мегмедъ-мирзѣ (старшему сыну „его) будутъ даны шахомъ *провинціи*, которыми управлялъ отецъ его, то симъ самымъ онъ дѣлается такъ „силенъ, что можетъ быть наслѣдникомъ престола; нашему министру послѣ полученія извѣстія, что шахъ „отдалъ ему провинціи, можно стараться, чтобы шахъ „сдѣлалъ его наслѣдникомъ; за что онъ будетъ благодаренъ, а то, иначе, онъ можетъ передаться въ руки „англичанамъ, которые даже и въ 1826 году были подстрекатели войны противъ насъ, то въ теперешнемъ

„положеніи дѣлъ должно ожидать отъ нихъ всѣхъ ин-„тригъ, дабы возбудить персіянъ противу насъ“ *).

Соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала, Государь приказалъ графу Симоничу, нашему уполномоченному министру въ Тегеранѣ, дѣйствовать согласно его указаніямъ. Мегмедъ-мирза утвердился на шахскомъ престолѣ. Когда стало извѣстно, что новый персидскій шахъ ослѣпилъ своихъ двухъ братьевъ, фельдмаршалъ писалъ Государю 28-го декабря 1834 года: „Происшествіе, „случившееся въ Персіи съ Хозроемъ и его братомъ, „доказываетъ, что Мегмедъ-Али дурно совѣтуемъ; ибо „по силѣ политики онъ сего не долженъ былъ сдѣлать: „это возрождаетъ месть... Я удивляюсь, что Симоничъ „не настоялъ у него, и я увѣренъ, что новый шахъ не „смѣлъ бы сдѣлать сего, если бы графъ Симоничъ по-„пугалъ его Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, *не-„годованіемъ*.“

Осенью 1833 года фельдмаршалъ занемогъ. На возвратномъ пути изъ Бреста съ нимъ сдѣлался довольно сильный припадокъ, лишившій его на нѣкоторое время памяти (обморокъ).

„Я съ ужасомъ узналъ о несчастномъ происшествіи“, писалъ Государь 31-го октября, — „бывшемъ съ тобою „по возвращеніи изъ Бреста. Богъ милосердный тебя „спасъ, но страшно и подумать, какъ опасность близка „была. Да хранитъ тебя Богъ!“

---

*) Письмо отъ 11-го (23-го) декабря 1833 года.

Глава IV.

Назначеніе Головина главнымъ директоромъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ, исповѣданій и народнаго просвѣщенія. — Принадлежность его къ сектѣ Татариновой. — Его чистосердечная исповѣдь. — Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ. — Необходимость обновленія личнаго состава воеводскихъ и обводовыхъ управленій. — Вопросы церковные. — Противодѣйствіе католическаго духовенства смѣшаннымъ бракамъ. — Подляшскій епископъ Гутковскій. — Его неправильныя распоряженія и отреченіе отъ нихъ. — Царская милость епископамъ. — Учрежденіе въ Варшавѣ римско-католической духовной академіи. — Политическая полиція. — Гр. Гуровскій, Корчевскій, Вернеръ. — Разговоръ фельдмаршала съ гр. Езерскимъ. — Эмисаръ Магурскій и его показанія. — Учрежденіе въ Варшавѣ православной архіерейской каѳедры. — Епископъ Антоній. — Первый въ Варшавѣ крестный ходъ православнаго духовенства. — Сближеніе Головина съ уніатскимъ епископомъ и первый шагъ послѣдняго къ возстановленію обрядности православной церкви. — Преподаваніе русскаго языка и русской исторіи. — Субсидія русскому книгопродавцу. — Александринскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. — Памятники: Александру I; полякамъ, падшимъ за вѣрность своему Государю; Вольская кладбищенская церковь. — Сооруженіе крѣпостей. — Государственные займы. — Отзывы пруссаковъ о крѣпостяхъ на Вислѣ. — Недоразумѣнія и споры съ министромъ финансовъ гр. Канкринымъ. — Поѣздка фельдмаршала въ Кенигсбергъ; ея показная и дѣйствительная цѣль. — Принцъ Адальбертъ въ Варшавѣ. — Намѣреніе короля прусскаго смотрѣть войска въ Калишѣ. — Соревнованіе

государей въ дѣлѣ строевого обученія войскъ. — Ихъ опасенія и приготовленія. — Безпокойство фельдмаршала. — Покушеніе на жизнь короля французовъ; броженіе умовъ въ Европѣ и въ Познани. — Опасность Калиша. — Приготовленія. — Калишское свиданіе. — Памятникъ. — Рѣчь Государя въ Лазенкахъ. — Ея впечатлѣніе. — Составленіе проекта положенія о маіоратахъ и его обнародованіе. — Существенно-важныя черты закона о маіоратахъ. — Устройство крестьянъ въ маіоратныхъ и конфискованныхъ имѣніяхъ. — Краковская республика и вопросъ объ ея присоединеніи къ Австріи. — Старанія гр. Валевскаго. — Мнѣніе фельдмаршала. — Отзывъ Императора Николая I. — Случай съ сокрытіемъ части имущества гр. Паца, свидѣтельствующій о великодушіи Государя и фельдмаршала.

Въ началѣ 1834 года Государь, занимаясь преобразованіемъ горнаго дѣла въ Россіи и желая поставить во главѣ его графа Строганова, поручилъ князю-намѣстнику избрать другое лицо для замѣщенія должности главнаго директора правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ, исповѣданій и народнаго просвѣщенія. Фельдмаршалъ доносилъ, что генералъ-лейтенантъ Головинъ „имѣетъ способности заступить сіе мѣсто весьма „хорошо“; но прибавлялъ тутъ же: „если бы генералъ „Головинъ Вашему Императорскому Величеству нуженъ „для другого мѣста“, то предполагалъ бы назначить на должность главнаго директора генераловъ Окунева или Панютина. Государь согласился на назначеніе Головина *).

Головинъ несомнѣнно былъ человѣкъ честный и способный; но нѣкоторыя странности его религіозныхъ

*) См. въ прил. № 20 отзывъ фельдмаршала о Головинѣ.

воззрѣній, въ другое время и при другихъ людяхъ менѣе проницательныхъ и образованныхъ, чѣмъ были Государь Николай Павловичъ и князь Варшавскій, преградили бы ему возможность не только занимать столь видное и отвѣтственное мѣсто, но, вѣроятно, вынудили бы его оставить службу. Въ концѣ царствованія Императора Александра I, Головинъ командовалъ лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ это время онъ познакомился съ извѣстной Татариновой, стоявшей въ Петербургѣ во главѣ особой религіозной секты, обыкновенно называемой „хлыстовской“. Выдающаяся особенность этой секты заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что „хлысты“ въ своихъ собраніяхъ (или, какъ они называли, „радѣніяхъ“), послѣ молитвъ и пѣнія религіозныхъ гимновъ, предавались быстрому круженію (въ особыхъ бѣлыхъ длинныхъ одѣяніяхъ), вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ приходили въ изступленіе и безсознательно произносили нѣсколько словъ или фразъ, которыя и принимались за пророчества. Головинъ до такой степени поддался вліянію Татариновой, что въ царствованіе Императора Николая I, года за полтора до польской кампаніи, повинуясь ея пророчествамъ, вышелъ въ отставку и въ весьма стѣсненномъ матеріальномъ положеніи проживалъ въ Нарвѣ. Въ началѣ польской кампаніи, поступивъ снова на службу въ дѣйствующую армію, онъ, командуя авангардомъ барона Розена, обратилъ на себя вниманіе фельдмаршала, который, приблизивъ его къ себѣ, призналъ въ немъ человѣка весьма честнаго и способ-

наго. Когда Головинъ получилъ извѣстіе о своемъ назначеніи, то счелъ обязанностію представить фельдмаршалу откровенное объясненіе, въ которомъ подробно изложилъ свои отношенія къ Татариновой и ея сектѣ (сама Татаринова и ея петербургскіе единомышленники были въ то время сосланы изъ столицы въ разныя провинціальныя мѣста Имперіи). Въ объясненіи этомъ, не отказываясь отъ вѣроисповѣданія православной церкви, онъ, какъ и всѣ хлысты того времени, находилъ возможнымъ, исповѣдуя православіе, предаваться выше приведеннымъ страннымъ обрядамъ круженія. Не осуждая правительство за ссылку Татариновой, онъ признавалъ ее женщиной святой и всѣ пророчества, слышанныя имъ на ея „радѣніяхъ", принималъ какъ исходившія отъ Св. Духа. „Быстрое круженіе", писалъ Головинъ, „изнуряя тѣло*), способствуетъ развитію духовному**)".

Если бы эта секта существовала въ Варшавѣ, то фельдмаршалъ, вѣроятно, нашелъ бы неудобнымъ назначеніе Головина на столь важную должность; но такъ какъ ничего подобнаго въ Царствѣ Польскомъ не было и даже въ Петербургѣ эта секта ссылками была уничтожена, то секретная исповѣдь Головина еще болѣе убѣдила князя-намѣстника въ его безусловной честности. Головинъ былъ дѣйствительно честнымъ и полезнымъ помощникомъ фельдмаршала по управленію Царствомъ.

Въ это же время было объявлено военное положеніе

---

*) Какъ и всякое усиленное тѣлодвиженіе. Головинъ изощрился до того, что клалъ по 5,000 поклоновъ къ ряду, безъ отдыха.

**) Сем. арх. кн. Варшавскаго.

въ Царствѣ Польскомъ. Это была мѣра, всю тяжесть которой фельдмаршалъ сознавалъ, но находилъ необходимою. „Безпрестанныя, такъ сказать, вспышки бунтовъ „въ Царствѣ Польскомъ", писалъ фельдмаршалъ въ отдѣльной запискѣ, „сдѣлали то, что нужно дать отдѣль„нымъ воинскимъ начальникамъ и даже ротнымъ коман„дирамъ, въ кругу ихъ расположеній, право арестовы„вать и представлять за карауломъ. Это есть одно „средство удержать дворянство и шляхту въ пови„новеніи. Они держали въ страхѣ хорошихъ и чест„ныхъ гражданъ, надобно и имъ отплатить за страхъ „страхомъ.

„Находясь постоянно подъ страхомъ быть арестован„ными, они смирятся. Разумѣется, что нѣкоторыя изъятія „личныя будутъ *)." Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ, благодаря строгому контролю фельдмаршала и главныхъ воинскихъ начальниковъ, не мѣшало правильному теченію внутренняго гражданскаго управленія. Это была мѣра характера охранительнаго, предоставляющая политической полиціи всѣ средства для быстраго предупрежденія крамольныхъ дѣйствій и замысловъ. Конечно, всѣ начальники въ арміи, до ротныхъ командировъ включительно, въ мѣстности расположенія своихъ частей не только имѣли право, но и обязанность арестовывать лицъ, коихъ дѣйствія казались имъ подозрительными, и несомнѣнно, что это могло даже навести панику на шляхту, на которую обращалось

*) Сем. арх. кн. Варшавскаго.

особенное вниманіе; но противовѣсомъ этой мѣры была та отвѣтственность, которую несли воинскіе начальники за неразумное и безпричинное арестованіе кого бы то ни было. Всѣхъ арестованныхъ воинскими начальниками представляли въ слѣдственную коммисію, въ Варшаву, и о каждомъ доносилось фельдмаршалу. При такой обстановкѣ трудно было ожидать злоупотребленій правомъ ареста, и они дѣйствительно были весьма рѣдки. Въ этомъ легко убѣдиться, просматривая дѣла военно-слѣдственной коммисіи въ Варшавѣ.

Между тѣмъ всѣ новыя учрежденія административныя, народнаго просвѣщенія и духовныя, всѣ административныя реформы, обусловленныя новымъ положеніемъ Царства Польскаго, находились еще въ зачаткѣ. Прежде всего необходимо было обновить личный составъ воеводскихъ и обводовыхъ властей, ибо, какъ писалъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Ридигеръ изъ Люблина, „почти всѣ неблагонадежны и въ огромномъ большин„ствѣ болѣе или менѣе участвовали въ послѣдней ре„волюціи *).“ Фельдмаршалъ приказалъ генералу Головину подробно ознакомиться съ личнымъ составомъ воеводскихъ управленій и по мѣрѣ того, какъ будутъ находиться способныя и подготовленныя для администраціи лица, увольнять отъ службы неспособныхъ и неблагонадежныхъ. Въ то время это былъ наиболѣе трудноразрѣшимый вопросъ. Только что окончившаяся революція поглотила очень значительное число людей сред-

*) См. прил. №. 19.

няго образованія, а людей съ высшимъ образованіемъ вообще было мало и они, принадлежа къ богатому классу страны, на службу не поступали.

Только время и новыя учебныя учрежденія могли хотя сколько нибудь упорядочить личный составъ провинціальныхъ управленій. „Нужно умѣть управлять хо„рошо, даже и съ плоховатыми чиновниками“, говорилъ фельдмаршалъ Головину. Затѣмъ являлась необходимость укротить по возможности фанатическія проявленія католическаго духовенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постараться привлечь его на сторону правительства. Кромѣ того, на очереди стоялъ сложный уніатскій вопросъ и надлежало обезпечить достойное положеніе въ краѣ православной церкви.

Проявленіе фанатизма въ католическомъ духовенствѣ выразилось въ особенности въ противодѣйствіи смѣшаннымъ бракамъ. Фельдмаршалъ находилъ, что смѣшанные браки вообще желательны, какъ наилучшее средство для слiянія національности русской и польской и во всякомъ случаѣ для искорененія національной вражды. Если при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ такого рода браки имѣли иногда послѣдствія неблагопріятныя въ смыслѣ русской народности, то въ силу такихъ исключеній, довольно впрочемъ рѣдкихъ, нельзя отрицать несомнѣнную ихъ общую пользу. Католическое духовенство всегда сознавало опасность смѣшанныхъ браковъ для польской національности и католицизма, а потому постоянно и усердно имъ противодѣйствовало. Подляшскій епископъ Гутковскій, въ концѣ 1832 года,

обнародовалъ по епархіи запрещеніе священникамъ благословлять браки между католиками и иновѣрцами. Затѣмъ „подляшская консисторія, отъ имени епископа, запретила священникамъ оглашать такіе браки до полученія епископскаго разрѣшенія, при чемъ консисторія признавала иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и православныхъ, „сомнительными христіанами", отступившими отъ истинной вѣры. Добавленіе это какъ бы предрѣшало невозможность епископамъ разрѣшать смѣшанные браки. По предложенію коммисіи юстиціи, распоряженія епископа подляшскаго были отмѣнены и постановленіемъ совѣта управленія епископамъ и епархіальнымъ консисторіямъ воспрещалось издавать какія-либо общія распоряженія безъ разрѣшенія правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ. „Иначе", писалъ совѣтъ управленія въ своемъ протоколѣ, „образуется правительство въ правительствѣ", вслѣдствіе чего „произойдутъ противныя одно другому „распоряженія, безпорядки и замѣшательства *)." Епископъ Гутковскій не хотѣлъ подчиниться этому распоряженію совѣта управленія. Приходилось его смѣстить съ епископской каѳедры, но, прежде чѣмъ принять эту рѣшительную мѣру, фельдмаршалъ потребовалъ его для личныхъ объясненій, послѣ которыхъ епископъ Гутковскій самъ отмѣнилъ новымъ циркуляромъ вышесказанныя свои распоряженія. „Отрицаніе подляшскаго „епископа", писалъ Государь фельдмаршалу, „подобно „Гуровскаго, довольно замѣчательное явленіе, которымъ

*) См. Пр. № 21.

„воспользоваться должно, но признать его не вполнѣ „заслуживающимъ довѣрія“ *).

Строго слѣдя за дѣйствіями католическаго духовенства, фельдмаршалъ хотѣлъ сохранить добрыя отношенія съ римскимъ дворомъ и доказать духовенству, что русское правительство, не допуская фанатизма и политическаго элемента въ дѣлахъ религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ относится заботливо къ нуждамъ духовенства и католической церкви въ Польшѣ. „При объясненіяхъ съ „вице-канцлеромъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, — „онъ далъ мнѣ замѣтить, что римскій дворъ не совсѣмъ „нами доволенъ, потому необходимо было бы стараться „привлечь на сторону правительства духовенство Царства Польскаго.

„Первымъ для того средствомъ представилось, въ „чемъ и я съ нимъ согласенъ, когда бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было съ утвержденіемъ нынѣ бюджета на 1834 годъ Всемилостивѣйше „повелѣть: дабы епископамъ Царства Польскаго, въ „добавокъ къ получаемому ими нынѣ содержанію, производить еще по *десяти тысячъ* злотыхъ въ годъ. „Распоряженіе сіе, вѣроятно, произведетъ хорошее вліяніе и будетъ пріятно римскому двору.“

„Государь“, какъ писалъ статсъ-секретарь Царства Польскаго графъ Грабовскій, „приказалъ уплачивать „католическимъ епископамъ 10 тыс. злотыхъ изъ § 5 „бюджета Царства Польскаго, т. е. изъ суммъ, предо-

*) Письмо Государя 16-го (28-го) октября 1835 года.

„ставленныхъ въ личное распоряженіе Его Величе-
„ства *).“

Заботливость правительства относительно католическаго духовенства выразилась затѣмъ учрежденіемъ въ Варшавѣ римско-католической духовной академіи. Недостатокъ высшаго богословскаго образованія уже давно ощущался въ средѣ католическаго польскаго духовенства. До революціи существовалъ при варшавскомъ университетѣ богословскій факультетъ, а по его упраздненіи высшее богословіе преподавалось въ главной варшавской семинаріи. Но какъ университетское преподаваніе, такъ и семинарское не удовлетворяли требованіямъ для занятія высшихъ мѣстъ церковной іерархіи. Князь-намѣстникъ рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ, испросивъ Высочайшее повелѣніе: „обсудить въ совѣтѣ „управленія основанія для учрежденія въ Варшавѣ „римско-духовной академіи.“ Именно въ то время учреждалась въ Вильнѣ такая же академія и уставъ ея былъ принятъ какъ образецъ для варшавской академіи. По выработанному, генераломъ Головинымъ и епископами Царства Польскаго, проекту все управленіе академіи сосредоточивалось исключительно въ рукахъ духовенства и находилось въ подчиненіи правительственной коммисіи народнаго просвѣщенія. Совѣтъ управленія, которому этотъ проектъ устава былъ представленъ, усмотрѣлъ, однако, что „такъ какъ католическое духо-

---

*) Письмо гр. Грабовскаго къ фельдмаршалу, на французскомъ языкѣ, отъ 2-го (14-го) апрѣля 1833 года, № 477, Варш. арх. стар. д., Sek. III, 3, № 127.

„венство признаетъ надъ собою власть папы римскаго, „которому оно присягаетъ такъ же, какъ своему Государю, то вслѣдствіе сего весьма легко могутъ произойти столкновенія между правительственной и духовной властью и что въ такихъ случаяхъ правительство „вполнѣ довѣриться едва ли можетъ правленію академіи, составленному исключительно изъ духовныхъ лицъ, „а потому находитъ необходимымъ включить въ составъ академическаго управленія представителя правительства, не принадлежащаго къ духовенству, главная обязанность котораго заключалась бы не только „въ наблюденіи за исполненіемъ всѣхъ требованій правительства, но и въ протестѣ всякому стремленію, не „согласному съ видами и направленіями правительства!“ *) 6-го (18-го) октября 1835 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Варшавѣ римско-католической академіи. Первымъ ректоромъ этой академіи назначенъ былъ прелатъ Осолинскій. Въ силу Высочайше утвержденнаго академическаго устава свѣтскимъ членомъ академическаго правленія, представителемъ правительства, могъ быть только исповѣдующій римско-католическую религію. Вновь основанная варшавская римско-католическая академія получила, такимъ образомъ, почти автономное управленіе. Это, конечно, несовмѣстимо было съ общимъ направленіемъ политики князя намѣстника; но въ данномъ случаѣ фельд-

---

*) О чемъ онъ всякій разъ обязанъ былъ бы доносить правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ.

маршалъ находилъ нужнымъ выказать особое довѣріе и уваженіе къ высшему учрежденію римско-католической церкви Царства Польскаго. Нельзя не замѣтить, что подобнаго рода автономныя учрежденія совершенно безвредны для правительства только при условіи, рѣдко встрѣчающемся въ государствѣ, но которое въ то время имѣлось, однако, на лицо въ Царствѣ Польскомъ. Дѣйствительно, что осмѣлилась бы духовная академія предпринять враждебнаго правительству въ Варшавѣ, когда, по словамъ искуснаго и правдиваго историка польскихъ заговоровъ и мятежей *), даже на берегахъ отдаленной отъ Варшавы рѣки Ниды, польскіе магнаты боялись громко говорить и чудилось имъ отъ страха, что шагаетъ по берегамъ ихъ рѣки, заглядывая во всѣ закоулки, грозный и величавый богатырь съ Георгіевской звѣздой. Грозному значенію фельдмаршала въ Царствѣ Польскомъ содѣйствовала отчасти замѣчательно искусно организованная политическая полиція. Вообще почти всѣ полководцы, какъ, напр., Фридрихъ II, Наполеонъ I, становясь во главѣ управленія страны, вносили въ администрацію общій принципъ всякой войны, т. е. требованіе наиболѣе подробныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, его силѣ и намѣреніяхъ. Для удовлетворенія этихъ требованій они всегда умѣли организовать отличную политическую полицію, для чего недостаточно дѣйствовать только денежнымъ подкупомъ; часто обаяніе славнаго и грознаго имени и то безусловное довѣріе, которое

---

*) Н. В. Берга.

оно всѣмъ внушаетъ, привлекаетъ къ нему людей ловкихъ, проницательныхъ, но нравственно слабыхъ, преклоняющихся передъ всякой дѣйствительною силою. Фельдмаршалъ имѣлъ хорошихъ агентовъ во всѣхъ слояхъ общества, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ эмиграціи. Въ числѣ ихъ были личности, которымъ по рожденію и по образованію никто бы не рѣшился предложить такого рода службу, но они сами, совершенно неожиданно, предлагали свои услуги *). Пере-

*) Даже такая личность, какъ графъ Гуровскій, котораго нельзя назвать агентомъ, тотъ самый, который предлагалъ князю намѣстнику отложиться отъ Россіи и стать во главѣ независимой Польши, вскорѣ потомъ изъявилъ раскаяніе и просилъ позволенія возвратиться въ Царство Польское или въ Россію. Онъ предназначенъ былъ на временное жительство въ Новгородъ, но фельдмаршалъ дозволилъ ему нѣкоторое время проживать въ своемъ имѣніи въ Калишскомъ воеводствѣ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. По прибытіи въ край, графъ Гуровскій просилъ у князя намѣстника позволенія пріѣхать въ Варшаву, дабы лично представить списокъ разнымъ лицамъ, числомъ болѣе 30, кои могутъ имѣть злонамѣренные виды на предстоявшемъ калишскомъ съѣздѣ Высочайшихъ особъ, при чемъ графъ Гуровскій писалъ фельдмаршалу, что онъ „не нашелъ совершенно никакой перемѣны въ духѣ и образѣ мыслей „помѣщиковъ и шляхты противу того, какъ было предъ возмущеніемъ, „во время возмущенія и какъ онъ оставилъ ихъ по возмущеніи. Тѣ же „надежды, та же легковѣрность, тѣ же поползновенія къ нарушенію „скучнаго для нихъ спокойствія, какое не водворить, а только удер„жать можно и то однѣми постоянно строгими мѣрами.“ По поводу такого рода заявленія Гуровскаго, фельдмаршалъ писалъ Государю: „для ближайшаго открытія источниковъ, указанныхъ Гуровскимъ, я „позволилъ ему пробыть еще нѣкоторое время въ имѣніи его, куда „заѣдетъ къ нему за свѣдѣніями генералъ-маіоръ Стороженко“ (генералъ-полицеймейстеръ арміи и предсѣдатель слѣдственной коммисіи по политическимъ преступленіямъ). Въ то же время бывшій офицеръ польскихъ войскъ эмигрантъ Іосифъ Корчевскій совершенно неожиданно сталъ присылать фельдмаршалу свѣдѣнія объ отправляемыхъ изъ эмиграціи въ Петербургъ и Варшаву убійцахъ. Фельдмаршалъ писалъ о Корчевскомъ Государю, что „можетъ быть изъ него выйдетъ второй „Вернеръ.“ Вернеръ былъ польскій дворянинъ, членъ эмиграціи и въ то же время лучшій агентъ политической полиціи.

числять подробно такого рода личности мы не считаемъ удобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ архивныхъ дѣлахъ ихъ слишкомъ много; но никогда русское правительство въ Царствѣ Польскомъ не имѣло столь подробныхъ свѣденій о враждебныхъ дѣйствіяхъ польскихъ революціонеровъ, какъ во время управленія князя Варшавскаго *).

Кромѣ того, фельдмаршалъ умѣлъ всѣхъ сколько нибудь выдающихся жителей Царства Польскаго привлекать въ Варшаву и вмѣстѣ съ тѣмъ внушать имъ убѣжденіе строгаго и постояннаго надъ ними надзора. Это достигалось не бюрократическими или полицейскими мѣрами, — нѣсколько словъ, сказанныхъ фельдмаршаломъ въ разговорѣ, расходясь по всѣмъ кругамъ польскаго общества, прямо вели къ желаемой цѣли. Самъ фельдмаршалъ разсказываетъ про одинъ замѣчательный въ этомъ смыслѣ разговоръ, который онъ имѣлъ въ 1835 году съ вліятельнѣйшимъ изъ богатыхъ польскихъ магнатовъ графомъ Иваномъ Езерскимъ: „Я говорилъ ему о не„обходимости строгихъ мѣръ въ отношеніи помѣщиковъ „и шляхты.

„Графъ Езерскій отозвался, что, вѣроятно, это относится не къ нему лично.

„Нѣтъ, отвѣчалъ я. Я васъ знаю за честнаго чело„вѣка, вы сами ко мнѣ явились. Но если бы вы оста„вались въ деревнѣ и въ домѣ у васъ замѣчено было

*) Объ образѣ мыслей раскаявшагося Гуровскаго можно судить по его письму, помѣщенному въ прилож. № 22.

„что нибудь подозрительное, то ближайшая военная „власть, отъ генерала до ротнаго командира, могла бы „васъ взять и привезти ко мнѣ. Я бы васъ, можетъ „быть, тотчасъ же отпустилъ, сказалъ бы, что вѣроятно „это ошибка; но прибавилъ бы: tenez vous pour averti *).

„Пора болѣе уважать, не говорю, законную власть, „но русскій мундиръ и зеленый цвѣтъ его. Въ нихъ вы „должны видѣть представителей законнаго порядка, „власти, васъ покровительствующей спокойныхъ и по„корныхъ, но карающей злоумышленниковъ и мятежни„ковъ" **).

Эмисаръ Магурскій, захваченный въ началѣ 1834 года, показывалъ, что эмисары изъ эмиграціи боятся переходить границу Царства Польскаго, но охотно ѣдутъ въ Познань и Галицію, а оттуда въ Волынскую губернію (въ числѣ ихъ впослѣдствіи былъ извѣстный Конарскій). Эмиграціонные агенты фельдмаршала подтверждали это показаніе. 16-го (28-го) іюня Государь по этому поводу писалъ фельдмаршалу: „Показанія Магурскаго столь „важны, что я тотчасъ же велѣлъ ихъ сообщить Мет„терниху и прусскому правительству; при этой ясности «показаній странно было бы, ежели они ничего не „найдутъ" ***).

Заботясь, какъ мы видѣли выше, объ устройствѣ римско-католической церкви въ Польшѣ, фельдмаршалъ

---

*) „Примите это за предупрежденіе."

**) См. прил. № 23.

***) Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1834 годъ помѣщены въ прилож. № 24.

хлопоталъ одновременно объ учрежденіи варшавской православной епархіи. Въ апрѣлѣ 1834 года Высочайше былъ утвержденъ докладъ Святѣйшаго Сѵнода по учрежденію въ Варшавѣ архіерейской православной каѳедры. Утвержденные штаты православной епархіи въ Варшавѣ не превышали 22 тыс. руб. сер., но главное затрудненіе, на первое время, заключалось въ томъ, что не было въ Варшавѣ ни собора православнаго, ни помѣщенія для архіерея и состоящихъ при немъ лицъ. Фельдмаршалъ рѣшилъ, что такъ какъ въ Варшавѣ имѣется упраздненная пока іезуитская коллегія, то удобно перевести туда піаровъ, а ихъ костелъ, вмѣстѣ со зданіями, отдать подъ православный соборъ и подъ помѣщеніе для архіерея. Піарамъ же, взамѣнъ получаемыхъ ими доходовъ отъ найма зданій, при костелѣ ихъ находящихся, отпущенъ былъ капиталъ приблизительно въ 280 тыс. злотыхъ.

Костелъ піаровъ находился на углу Медовой и Долгой улицъ. „Церковь будетъ стоять на лучшихъ улицахъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „архіерей со „всѣмъ причтомъ будетъ имѣть прекрасное помѣщеніе, „деньги на постройку церкви и вообще на устройство „всего, 300 тыс. руб., найдутся. Генералъ Головинъ „вошелъ во всѣ обстоятельства сего дѣла“ *). Первымъ епископомъ варшавскимъ былъ избранъ намѣстникъ Почаевской Лавры архимандритъ Антоній, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій. Уроженецъ Волынской гу-

---

*) Письмо къ Государю отъ 25-го іюля 1834 года.

берніи, получившій первоначальное образованіе въ Верховскомъ базиліанскомъ монастырѣ, онъ хорошо зналъ польскій и латинскій языки и отличался въ высшей степени почтенными качествами, заслужившими ему уваженіе князя-намѣстника. Когда 6-го января 1835 года состоялся первый въ Варшавѣ крестный ходъ православнаго духовенства на іордань, Государь писалъ фельдмаршалу: „Церковная процессія 6-го (18-го) января въ „виду поляковъ мнѣ очень пріятна, ибо докажетъ имъ, „какъ мы чтимъ нашу церковь и что всѣ исповѣданія „подъ россійскимъ скипетромъ равно терпимы" *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Головинъ, по порученію князя-намѣстника, вошелъ въ ближайшія сношенія съ уніатскимъ духовенствомъ, въ особенности съ холмскимъ епископомъ. Благодаря этому сближенію холмскій епископъ рѣшился на первый шагъ правильной постановки обрядности въ церквахъ его епархіи. Мы уже говорили, что вообще въ уніатскихъ церквахъ Царства Польскаго обрядность православной церкви, узаконенная флорентинскимъ соборомъ и папскими буллами, благодаря вліянію католическаго духовенства, мало по малу замѣнилась латинскою обрядностью и что вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннее устройство храмовъ удалилось отъ типа, также буллами папскими утвержденнаго, православныхъ церквей. Холмскій епископъ, соглашаясь съ доводами Головина, началъ съ того, что сталъ вводить въ церквахъ своей епархіи устройство иконостаса и цар-

---

*) Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1835 годъ помѣщены въ приложеніи № 25.

скихъ вратъ по установившемуся типу православныхъ церквей, какъ, повторяемъ, это было прежде во всѣхъ греко-уніатскихъ храмахъ.

Вообще стремленія фельдмаршала и его помощника по управленію вѣроисповѣдными дѣлами, генерала Головина, относительно греко-уніатской церкви вполнѣ согласовались съ законными основами этого вѣроисповѣданія. Постановка греко-уніатскаго вопроса на почву папскихъ буллъ и флорентинскаго собора, т. е. на почву для этой церкви вполнѣ законную, въ результатѣ выразилась бы тѣмъ, что со временемъ громадное большинство народа, присутствуя на уніатскихъ богослуженіяхъ, едва ли замѣтило бы его различіе отъ православнаго служенія. Такимъ путемъ легко было, избѣгая всякаго рода волненій въ народѣ, приступить къ присоединенію греко-уніатовъ къ православію. Уніатское духовенство, съ холмскимъ епископомъ во главѣ, подъ вліяніемъ доводовъ Головина склонялось, конечно, не разомъ, но мало по малу къ тому, чтобы уничтожать въ своихъ храмахъ нововведенія римскихъ католиковъ. Государь по этому важному дѣлу писалъ фельдмаршалу: „Первый шагъ сближенія съ уніатскимъ епископомъ мнѣ „также весьма пріятенъ; желалъ бы я только познако„мить и сблизить его съ нашимъ почтеннымъ еписко„помъ. Унитская часть идетъ быстро и твердо впередъ „(въ Литвѣ); надѣюсь, что примѣръ сей подѣйствуетъ „и на польскихъ уніатовъ“ *).

---

*) Письмо 19-го мая 1835 года.

Генералъ Головинъ, объѣзжая, по порученію фельдмаршала, Царство Польское, обязанъ былъ обратить особое вниманіе на вновь преобразованныя среднія и низшія учебныя заведенія. Судя по отчету ревизіи генерала Головина, слѣдуетъ предполагать, что за послѣднее двухлѣтіе учебныя заведенія въ воеводствахъ Царства Польскаго реорганизовались съ неимовѣрнымъ успѣхомъ. Головинъ въ особенности остался доволенъ преподавателями Закона Божія, т. е. преподавателями католическими священниками, но находилъ, что преподаваніе русскаго языка вообще было слабо. „Изученіе грамматики“, писалъ онъ, „переводы съ иностранныхъ языковъ „на русскій, наконецъ даже упражненія въ сочиненіяхъ „на заданныя темы не даютъ въ результатѣ практи„ческаго знанія русскаго языка.“ Для распространенія знаній русскаго языка Головинъ полагалъ нужнымъ ввести преподаваніе русской исторіи на русскомъ языкѣ. При чемъ, кромѣ практическаго изученія русскаго языка, имѣлось въ виду преподавать русскую исторію, не извращенную предвзятыми взглядами *).

Мнѣніе Головина, утвержденное фельдмаршаломъ, трудно было примѣнить на дѣлѣ за недостаткомъ учителей и даже русскихъ учебныхъ книгъ въ частной продажѣ. Такъ, напримѣръ: министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ увѣдомилъ князя-намѣстника, что изъ обучающихся въ московскомъ университетѣ никто не изъявилъ желанія занять должности учителей въ Цар-

---

*) См. прил. № 26.

ствѣ Польскомъ, такъ что на первое время съ большими усиліями и лишь при объявленіи особыхъ льготъ удалось установить преподаваніе русской исторіи на русскомъ языкѣ, и то только въ трехъ гимназіяхъ Царства Польскаго *). Наконецъ, приходилось даже устраивать частную продажу учебныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, для чего выдавалась довольно значительная субсидія русскому книгопродавцу въ Варшавѣ Скворцову **).

Въ концѣ 1834 года, по представленію фельдмаршала, былъ основанъ въ Варшавѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ имѣлось въ виду давать образованіе дочерямъ какъ уроженцевъ Царства, такъ и русскихъ служащихъ въ краѣ ***).

Русское государственное начало водворялось въ краѣ не только путемъ школьнаго преподаванія, но и постановкой памятниковъ на площадяхъ Варшавы. Въ ноябрѣ 1835 года происходило въ Варшавѣ открытіе памятника Императору Александру I.

Фельдмаршалъ писалъ, что „стеченіе народа было „необыкновенное и что все было сдѣлано какъ въ Пе„тербургѣ, по церемоніалу открытія Александровской „колонны, но самый памятникъ вчетверо менѣе.“

Церемонія была „трогательна, поляки были въ боль„шомъ порядкѣ, и, кажется, тоже тронуты *до* оконча-

---

*) См. прил. № 27.

**) См. прил. № 28.

***) Этотъ институтъ вѣдомства 4-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, названный Александринскимъ, переведенъ въ 1843 году въ мѣстечко Пулавы, переименованное, въ 1848 г., въ Новую Александрію. Тамъ онъ помѣщался на берегу Вислы въ конфискованномъ у князя Чарторыйскаго двухъ-этажномъ домѣ.

„нія церемоніи: ибо, прочитавши надпись на памятникѣ, „имъ весьма не понравилось слово *покоритель*, ибо пер„вая надпись, о которой и они знали, была: *возстано*„*витель*“ *).

Затѣмъ, въ томъ же году, по повелѣнію Государя, былъ составленъ проектъ извѣстнаго монумента въ Варшавѣ, на Саксонской площади, полякамъ, погибшимъ за вѣрность своему Государю.

Но величественный памятникъ, на которомъ сосредоточилась наибольшая дѣятельность и участіе фельдмаршала, это было Вольское кладбище съ его церковью, украшенною скрижалями съ именами воиновъ, падшихъ въ дни штурма варшавскихъ укрѣпленій **).

Въ это же время фельдмаршалъ былъ особенно озабоченъ постройкою крѣпостей. Въ Царствѣ Польскомъ, послѣ 31-го года, приступлено было къ сооруженію не только Александровской цитадели въ Варшавѣ, но еще и крѣпостей: Иванъ-Городской, у устья Вепржа, и Новогеоргіевской, у слiянія Нарева съ Бугомъ, на мѣстѣ бывшаго Модлина. Государь требовалъ отъ фельдмаршала, чтобы возведеніе крѣпостей производилось, не обременяя финансы Имперіи, на средства Царства Поль-

---

*) Государь отвѣчалъ на это 28-го ноября (10-го декабря) 1835 г.: „Вѣрю, что полякамъ надпись на монументѣ не понравилась, но пусть „она свидѣтельствуетъ потомству истину и неблагодарность ихъ къ „памяти благодѣтеля.“

**) Всѣ работы по устройству кладбища и церкви, въ составленіи плана коихъ принималъ дѣятельное участіе самъ фельдмаршалъ, закончены въ 1841 году. См. брошюру протоіерея Корженевскаго: „Надписи „на мѣдныхъ доскахъ Варшавско-Вольской кладбищенской церкви.“ Варшава, 1887 г.

скаго. Это представлялось совершенно невозможнымъ: годовыя бюджетныя средства Царства Польскаго не покрывали даже расходовъ по содержанію непомѣрно многочисленной для того времени арміи, расположенной въ Польшѣ. Положеніе еще усложнялось тѣмъ, что такъ какъ казначейство Имперіи считало за Царствомъ Польскимъ долгъ въ 27 мил. рублей, къ которому присоединилось за время революціи еще долговыхъ обязательствъ за различные расходы, понесенные Имперіей во время мятежа, 69 милліоновъ злотыхъ, то въ виду затруднительнаго состоянія финансовъ Имперіи приходилось еще изыскать средства для уплаты этихъ обязательствъ. Очевидно, приходилось прибѣгнуть къ займамъ, и фельдмаршалъ изыскивалъ наиболѣе выгодный по обстоятельствамъ того времени заемъ черезъ посредство варшавскихъ банкировъ: Френкеля и Эпштейна. Прежде всего необходимо было уплатить долгъ казначейству Имперіи и обезпечить содержаніе въ Царствѣ Польскомъ арміи, затѣмъ уже выдѣлить средства на возведеніе крѣпостей. Фельдмаршалъ, для данныхъ цѣлей, предположилъ заключить два займа; но общія основанія и условія этихъ займовъ были одинаковы. Выгоды займа суть слѣдующія, писалъ фельдмаршалъ Государю:

1) „Менѣе $5^1/_2$ процентовъ, въ томъ числѣ и погашеніе.

2) „Крѣпости будутъ симъ выстроены.

3) „Остатокъ отъ нынѣшняго расхода на крѣпости „будетъ обращенъ на содержаніе войскъ.

4) „27 милліоновъ будутъ уплачены Имперіи и отъ

„министра финансовъ будетъ зависѣть получить и 69 „милліоновъ прежняго долга; ибо банкиры ожидаютъ „разрѣшенія и на заемъ сихъ 69 милліоновъ злотыхъ.

5) „Преміи же составляютъ менѣе $1^1/_2$ процентовъ.

„Исполняя симъ повелѣніе Вашего Императорскаго „Величества, найду себя счастливымъ, если удостоюсь „Высочайшаго одобренія. Осмѣлюсь при семъ доложить, „что это есть одно средство, дабы содержаніе войскъ „по Царству Польскому менѣе государству стоило.“

Первый заемъ состоялся весьма скоро. Проектъ его былъ переданъ въ польскій комитетъ и затребовано было мнѣніе министра финансовъ, графа Канкрина; но еще до рѣшенія комитета Государь писалъ фельдмаршалу:

„Невольно замѣшкалъ отвѣтомъ на письмо твое, любезный отецъ командиръ; желая дать рѣшительный „отзывъ на проектъ займа, ждалъ отвѣта отъ министра „финансовъ и, только сегодня узнавъ мысли его, могу „тебя *предварительно* увѣдомить, что я проектъ сей „совершенно одобряю и надѣюсь на дняхъ о томъ офиціально увѣдомить. Поляки здѣсь на это поморщатся, „да мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, цѣль наша исполнится, „т. е. долгъ Имперіи уплатится и казна ея получитъ „слѣдующую ей помощь, досель ею не получаемую.

Наконецъ, 22-го февраля 1835 г., съ препровожденіемъ Высочайше утвержденнаго журнала комитета, Государь писалъ фельдмаршалу: „Сегодняшній фельдъ„егерь везетъ тебѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, пол„ное разрѣшеніе на заключеніе предложеннаго займа и „согласіе заключить и другой для уплаты стараго долга

„королевства Имперіи. Условія столь выгодны, что и „самъ министръ финансовъ таковыми ихъ нашелъ, что̀ „съ нимъ не часто бываетъ.“

Первый заемъ заключенъ былъ на 20 милліоновъ рублей серебромъ въ Амстердамѣ черезъ посредство банкирскаго дома Гоппе и Комп. по 87,02 за 100; на его погашеніе надлежало отчислять ежегодно въ особые фонды по 1% съ первоначальной нарицательной суммы займа. Государь былъ особенно доволенъ результатомъ этимъ, хотя реализація займа была нѣсколько тяжела. Голландскіе банкиры объясняли, что низкій курсъ займа между прочимъ происходитъ отъ того, что заемъ гарантированъ только Польшей, а не всѣмъ Россійскимъ государствомъ. „Весьма радуюсь, “писалъ Государь фельдмаршалу 15-го (27-го) марта, „что заемъ нашъ заключенъ и еще столь удачно, и весьма тебя благодарю. „Теперь можемъ доканчивать устройство крѣпостей, не „отвращая отъ казначейства суммы, коими Польша можетъ оному помогать, что крайне намъ нужно.

„Надѣюсь, что и министръ финансовъ, который не„охотникъ до одобренія чужихъ дѣлъ, сдастся и согла„сится, что дѣло сіе хорошо.“

Заключеніе второго займа оказалось нѣсколько сложнѣе, хотя условія его были тѣ же. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, рѣшительно возставалъ противъ заключенія его, находя, что бюджетъ арміи въ Царствѣ Польскомъ вообще слѣдовало бы сократить, но что, какъ онъ говорилъ, „строить противъ поляковъ еще „крѣпости это уже не соотвѣтственно дѣйствительнымъ

„потребностямъ.“ Такое мнѣніе Канкрина могло быть до нѣкоторой степени справедливымъ по отношенію къ Александровской цитадели, но Ново-Георгіевская и Иванъ-Городская крѣпости, очевидно, имѣли цѣлію не поляковъ, а государственную оборону. Пруссаки это вполнѣ понимали и, несмотря на дружеское отношеніе ихъ къ Россіи, эти крѣпости были имъ, какъ кажется, весьма непріятны. Фельдмаршалъ не разъ имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться. „Зависть пруссаковъ,“ писалъ онъ 28-го октября (10-го ноября) 1834 года, въ бытность свою въ Пруссіи, „на построеніе крѣпостей на Вислѣ „существуетъ. Многіе изъ нихъ мнѣ намекали, но я на „это отвѣтилъ, что мы не сильнѣе дѣлаемся этимъ для „внѣшней войны и, слѣдовательно, нечего насъ бояться; „для внутренней же войны, или дефансивной, крѣпости „сіи насъ конечно дѣлаютъ сильнѣе. Но теперь я вспо„мнилъ на сіе отвѣтъ мнѣ прусскаго министра въ Пе„тербургѣ, который сказалъ, что вы теперь и для на„ступленія сильнѣе, ибо вы на сихъ крѣпостяхъ можете „основать вашъ базисъ операцій; мнѣ кажется, что онъ „правъ.“

Тѣмъ не менѣе второй заемъ былъ заключенъ и такимъ образомъ, безъ обремененія бюджета, исполнилась воля Государя по постройкѣ крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ и по уплатѣ долговъ казначейству Имперіи. Для окончанія дѣлъ по займамъ и по утвержденіи бюджета Царства Польскаго, въ особенности по статьѣ расходовъ на армію, фельдмаршалъ былъ принужденъ прожить конецъ апрѣля и начало мая въ Петербургѣ.

Государь большую часть этого времени пробылъ въ Москвѣ. „Два еще дѣла остановили меня здѣсь,“ писалъ фельдмаршалъ Государю въ Москву 8-го мая 1835 года: 1) „Утвержденіе бюджета на нынѣшній годъ; 2) „какимъ „образомъ сдѣлать положеніе, дабы и на будущее время „не выходило никакихъ недоумѣній съ министромъ фи-„нансовъ и военнымъ.“

Недоумѣнія, о которыхъ писалъ фельдмаршалъ, было довольно трудно прекратить. Графъ Канкринъ жаловался, что для покрытія военнаго бюджета онъ постоянно принужденъ прибѣгать къ средствамъ экстраординарнымъ; что, сравнивая бюджеты 27-го года съ 35-мъ, оказывается, что послѣдній превышаетъ первый болѣе чѣмъ на 50 милліоновъ, которые главнымъ образомъ уплачиваетъ казна Имперіи, а не Царства Польскаго. Военное министерство и фельдмаршалъ отвѣчали Канкрину, что 27-й годъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ 35-мъ, такъ какъ по таблицамъ продовольственнымъ видно, что цѣны на продукты составляютъ разницу въ 33 милліона, и что казна Царства Польскаго не въ состояніи содержать войска, тамъ расположенныя, какъ бы это желалъ министръ финансовъ. Графъ Канкринъ, съ трудомъ соглашаясь на эти доводы, настаивалъ на необходимости перевести на бюджетъ Царства Польскаго наибольшую сумму расходовъ по содержанію арміи, расположенной въ Польшѣ, на что, конечно, фельдмаршалъ не соглашался *). Пререканія эти

*) См. прил. № 29.

кончились тѣмъ, что Государь изъ Москвы 11-го (23-го) мая писалъ фельдмаршалу: „Дѣло о бюджетѣ Царства „кончилось согласно твоему мнѣнію. Министръ финан-„совъ будетъ на меня гнѣваться, но вольно ему не со-„глашаться на то, что справедливо.“

Въ августѣ 34-го года, по порученію Государя, фельдмаршалъ ѣздилъ въ Кенигсбергъ представляться королю прусскому и присутствовать на маневрахъ прусскихъ войскъ, расквартированныхъ вблизи русскихъ границъ. Въ дѣйствительности, поѣздка фельдмаршала въ Пруссію была вызвана желаніемъ Государя заключить предварительное соглашеніе на случай европейской войны „не съ цѣлью,“ писалъ Государь, „согласиться на счетъ „плана кампаніи, котораго нельзя составить, не имѣя „предъ собою непріятеля; но для того, чтобъ облегчить, „въ случаѣ надобности, вступленіе арміи въ 200,000 че-„ловѣкъ въ чужую землю, отдаленную болѣе чѣмъ на „400 миль отъ центра Россіи. Это операція, требую-„щая настоятельнымъ образомъ соображеній, сдѣлан-„ныхъ со всею возможною осторожностью и не съ „поспѣшностью, которая навѣрно имѣла бы мѣсто, если „бы все было отложено до послѣдней минуты.“

Такъ какъ съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнялись, то Государь находилъ нужнымъ постоянно возвращаться къ этимъ предварительнымъ соглашеніямъ. Порученіе, данное фельдмаршалу, прикрывалось изъявленіемъ благодарности королю прусскому за присылку депутаціи на церемонію открытія памятника Императору Александру I-му. Соглашеніе состоялось. Были

заключены условія по продовольствію и по расчету движенія войскъ и опредѣлены мѣстности восточной Пруссіи, въ которыхъ предназначено было сосредоточить русскія войска. Но кромѣ соглашенія на случай войны, Государь поручилъ фельдмаршалу воздѣйствовать на прусское правительство въ смыслѣ рѣшительныхъ мѣръ противъ эмисаровъ эмиграціи, затрудненія были все тѣ же: король соглашался во всемъ съ Императоромъ Николаемъ I, но его министры опасались навлечь на себя гнѣвъ то Франціи, то общественнаго мнѣнія Пруссіи, старались только обѣщаніями и увѣреніями удовлетворить требованіямъ Россіи.

Въ то время, когда съ необыкновеннымъ почетомъ король прусскій принималъ фельдмаршала, пріѣхалъ въ Варшаву, проѣздомъ изъ Москвы въ Силезію, прусскій принцъ Адальбертъ. За отсутствіемъ фельдмаршала его принимали генералы: Головинъ, Ридигеръ и Бергъ. Принцу былъ показанъ маневръ послѣдняго штурма Варшавы.

Въ концѣ 34-го года получилось извѣстіе, что король прусскій лѣтомъ намѣренъ пріѣхать въ Калишъ и къ его пріѣзду для смотровъ и парадовъ долженъ былъ составиться отрядъ изъ русскихъ и прусскихъ войскъ. Мысль такого военнаго торжества особенно занимала Государя. Король Фридрихъ Вильгельмъ III не отличался знаніями боевого дѣла, но былъ знатокъ и любитель красоты строя. Въ этомъ отношеніи и Государь Николай Павловичъ былъ требователенъ не менѣе короля прусскаго. Между государями, какъ кажется, су-

ществовало нѣкоторое соревнованіе въ дѣлѣ строевого образованія ихъ войскъ. „Начинаю бояться“, писалъ Государь фельдмаршалу, „какъ-то мы ихъ (т. е. войска) „покажемъ нашему батюшкѣ-королю, знатоку и судьѣ „строгому. Надо усугубить старанія пользоваться по„слѣднимъ временемъ, чтобы все привести въ поря„докъ.“ Съ своей стороны и король прусскій выражалъ тѣ же опасенія. Генералъ-адъютантъ Мансуровъ, возвратясь въ Петербургъ изъ Берлина, разсказывалъ, что король совершенно поглощенъ приготовленіемъ къ калишскому смотру. Онъ постоянно производитъ ученія отряду, предназначенному прибыть къ августу мѣсяцу въ Калишъ (3½ баталіона, 8½ эскадроновъ и 6 орудій).

Предполагаемый въ августѣ 35-го года калишскій смотръ не могъ быть особенно пріятенъ фельдмаршалу. Помимо заботъ охранительнаго свойства, весьма затруднительныхъ по близости Калиша къ Пруссіи (городъ Калишъ находится въ 3-хъ верстахъ отъ границы), въ это время, т. е. въ концѣ 34-го года, фельдмаршалъ былъ особенно занятъ устройствомъ финансовыхъ дѣлъ Царства Польскаго и, какъ мы уже знаемъ, эти дѣла принудили его прожить въ Петербургѣ начало весны 35-го года. Нѣсколько странно, что мысль о калишскомъ сборѣ пришла именно королю прусскому, изъ владѣній котораго постоянно прорывались эмисары въ Царство Польское. Именно въ теченіе лѣта 35-го года фельдмаршалъ постоянно получалъ свѣдѣнія, что въ Познани заговоры усиливаются и, вѣроятно, не безъ участія прибывшихъ изъ Франціи эмигрантовъ. Въ это же время

получено было извѣстіе о покушеніи на жизнь французскаго короля Луи Филиппа *).

Вообще движеніе революціонной партіи въ Европѣ и въ особенности въ Познани безпокоило фельдмаршала, который могъ ручаться за безопасность въ Калишѣ, но не въ Познани, между тѣмъ Государь ѣхалъ въ Пруссію моремъ для слѣдованія оттуда черезъ Торнъ въ Калишъ, т. е. именно черезъ Познань.

Король Фридрихъ Вильгелмъ III, кажется, смутно сознавалъ политическое броженіе въ его польскихъ владѣніяхъ, но въ дѣйствительности не легко было ограждать границы калишскаго воеводства отъ познанскихъ эмисаровъ въ теченіе предстоявшаго калишскаго съѣзда.

Русскій отрядъ сталъ лагеремъ въ Калишѣ въ маѣ мѣсяцѣ 35-го года; къ нему въ іюлѣ должны были присоединиться прусскія войска. Въ началѣ іюня фельдмаршалъ отправился въ Калишъ смотрѣть войска и провѣрить распоряженія относительно пріема августѣйшихъ гостей. Начались заботы по устройству помѣщеній, фейерверковъ, театровъ и т. п. Заботы не малыя. Прусскій король расчитывалъ провести въ Калишѣ шесть

---

*) Покушеніе 28-го іюля н. ст. на бульварѣ du Temple.

По этому поводу Государь писалъ фельдмаршалу: „Происшествіе „въ Парижѣ ужасное, но послужитъ Филиппу въ усиленіи, ибо явственно показана необходимость строгихъ мѣръ. Важно будетъ знать, „*которой партіи* принадлежитъ мысль сего гнуснаго предпріятія, — „срамъ, ежели лежитимистамъ.“ 31-го іюля (12-го августа). Извѣстно, что виновникомъ покушенія былъ корсиканецъ Фіэски, искатель приключеній и бродяга, въ сообществѣ съ сѣдельщикомъ Мореемъ, однимъ лавочникомъ и двумя мастеровыми.

или семь дней; очевидно, что смотрами войскъ нельзя было довольствоваться: необходимо было придумать и подготовить рядъ праздниковъ и увеселеній. Государь входилъ во всѣ мелочи приготовляемаго пріема. „Рисунки фейерверка“, писалъ Его Величество фельдмаршалу 11-го (23-го) мая изъ Москвы, „я одобрилъ... „бомбардированіе городка должно довершить праздникъ. „Стихи очень хороши; музыку подъ 2-ю пѣсню вчера „мнѣ Вьельгорскій пропѣлъ; кажется, хорошо и незна„комый напѣвъ.“

Въ это время изъ Петербурга въ Калишъ постоянно пріѣзжали спеціалисты по красотѣ строя: нѣсколько гвардейскихъ генераловъ, адъютанты Великаго Князя Михаила Павловича, къ которымъ Государь присоединилъ „своего Грессера“, ибо „твердо знаетъ фронтъ.“ „Что у васъ дѣлается въ Калишѣ“, писалъ Государь фельдмаршалу въ іюнѣ мѣсяцѣ: „не дозволяй мучить, а „вели учить умѣренно, но съ толкомъ и я увѣренъ, что „Богъ поможетъ представить войска, какъ должно.“

Фельдмаршалъ, возвратясь изъ Калиша, заканчивалъ въ Варшавѣ распоряженія по займамъ и по разсчетамъ за постройку крѣпостей, а 3-го августа отправился снова въ Калишъ встрѣчать августѣйшихъ гостей. 19-го августа пріѣхалъ Государь, а 28-го того же мѣсяца король прусскій.

Калишское свиданіе не ознаменовалось какими-либо политическими совѣщаніями, но оно не могло не имѣть вліянія на мѣстныхъ жителей и отчасти на европейскіе кабинеты, какъ явное выраженіе тѣснаго союза Россіи

съ Пруссіей, въ которомъ несомнѣнно преобладало вліяніе русскаго Императора.

Рядъ блестящихъ смотровъ и праздниковъ наполнили семидневное пребываніе государей въ Калишѣ; и на главной площади Калиша поставленъ былъ монументъ въ память этого выраженія дружескаго союза Пруссіи съ Россіей. Изъ Калиша Государь и фельдмаршалъ прибыли въ Варшаву. Государь на пріемѣ въ Лазенковскомъ дворцѣ произнесъ собравшимся представителямъ польскаго общества извѣстную рѣчь, отозвавшуюся во всей Европѣ*). Либеральныя партіи всѣхъ европейскихъ государствъ отнеслись крайне враждебно къ откровенной и нѣсколько рѣзкой рѣчи русскаго Императора. Но въ Царствѣ Польскомъ эта рѣчь имѣла благотворное вліяніе.

Поляки, къ сожалѣнію, въ то время въ особенности увлекались слишкомъ часто крайне странными и, казалось бы, мало вѣроятными, не столько слухами, сколько вымыслами; такъ, напримѣръ, они постоянно уповали на вмѣшательство европейскихъ державъ и, не сознавая силы русской Имперіи, допускали мысль, что русское правительство опасается или, вѣрнѣе, боится силы ихъ революціонныхъ направленій. Откровенная рѣчь Государя нѣсколько отрезвила эту мечтательность. „Дѣйствіе моихъ комплиментовъ (т. е. варшавской рѣчи)", писалъ Государь фельдмаршалу, „полякамъ, кажется, произвело на нихъ желаемое (дѣйствіе); здѣсь же совершенный восторгъ; ожидаю новыхъ ругательствъ въ иностранныхъ журналахъ."

*) См. прил. № 30.

„Ругательства," какъ выражался Императоръ, дѣйствительно посыпались во всей журналистикѣ Европы.

Въ политической программѣ управленія Царствомъ Польскимъ, составленной фельдмаршаломъ немедленно по взятіи Варшавы, было, между прочимъ, изображено: „Отъ всѣхъ измѣнниковъ и сообщниковъ ихъ отобрать „землю и раздать русскимъ, съ тѣмъ, чтобы они не „могли продать оной иначе, какъ русскимъ же, испо-„вѣдывающимъ греко-россійскую вѣру" *). Разработка этой мѣры началась въ исходѣ первой половины 35-го года. 30-го іюня (12-го іюля) 1835 года фельдмаршалъ писалъ Государю: „съ Фурманомъ съ *однимъ* и весьма „секретно занимаюсь приготовленіемъ проекта о даро-„ваніи русскому дворянству земель въ Царствѣ Поль-„скомъ."

Государь придавалъ весьма важное значеніе предположеніямъ фельдмаршала относительно раздачи земель русскому дворянству въ Польшѣ. Его Величество полагалъ, что русское землевладѣніе, укореняясь въ Царствѣ Польскомъ, со временемъ завладѣетъ краемъ и подчинитъ его нравственному вліянію Россіи, во всякомъ же случаѣ значительно затруднитъ въ Царствѣ Польскомъ революціонное польское движеніе.

Вопросъ о томъ, въ какой степени русское землевладѣніе оправдало возлагавшіяся на него въ то время надежды, намъ въ настоящемъ изслѣдованіи не приходится рѣшать; но нельзя не замѣтить, что постепенное

---

*) См. выше, гл. I.

введеніе нѣмецкаго землевладѣнія въ Познани почти достигло результатовъ, о которыхъ мечтали Государь и его намѣстникъ для Царства Польскаго. Слѣдовательно, при основаніяхъ, приблизительно одинаковыхъ, возможно было разсчитывать на одинаковые же результаты. 4-го (16-го) октября 1835 года Высочайше утверждено составленное фельдмаршаломъ положеніе: „Объ устройствѣ имѣній, которыя поступятъ въ част„ную собственность по Всемилостивѣйшему пожало„ванію.“ Имъ устанавливались маіораты, т. е. имѣнія, не подлежащія ни раздѣлу, ни продажѣ, но долженствовавшія всегда остаться во владѣніи старшаго въ родѣ. Наслѣдникъ маіората долженъ былъ быть русскимъ потомственнымъ дворяниномъ и исповѣдовать греко-россійскую вѣру. Если, какъ сказано въ § 15 положенія, „не станетъ преемника изъ званія родового „дворянства и греко-россійскаго исповѣданія или если „поколѣніе вовсе прекратится, въ такомъ случаѣ имѣ„ніе признавать выморочнымъ.“ Тогда же состоялась первая раздача маіоратовъ 17-ти лицамъ *).

Въ дѣлѣ учрежденія маіоратовъ существенное значеніе имѣло предварительное поземельное устройство крестьянъ въ имѣніяхъ, предназначенныхъ поступить во владѣніе русскихъ дворянъ.

---

*) Эти лица были: генералы Ридигеръ, баронъ Гейсмаръ, князь Горчаковъ, Бергъ, Денъ, Гилленшмидтъ, Панкратьевъ, графъ Ностицъ, Тимофѣевъ, Головинъ, Фурманъ (д. ст. сов.), Купріановъ, Панютинъ, Викинскій, Стороженко и генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи, 4-го класса, Погодинъ. Всѣхъ маіоратовъ во время намѣстничества князя Паскевича роздано 130.

Постановлено было отвести въ этихъ имѣніяхъ каждому крестьянскому двору не менѣе одной уволоки новопольской мѣры, что составляетъ, приблизительно, 30 морговъ или около 22½ десятинъ, и при томъ, какъ сказано въ § 1 положенія, „оставляя впрочемъ за хозяевами неотъемлемо то количество земли, которымъ „они понынѣ пользуются, хотя бы и болѣе показанной пропорціи.“ Устроеннымъ такимъ образомъ деревнямъ отводились еще пастбища и лѣсныя дачи въ томъ количествѣ, какъ сказано въ положеніи, „какое правительство признаетъ нужнымъ для лѣсного продовольствія, а именно для построекъ и отопленія.“ По оцѣнкѣ, производимой землямъ отходящимъ къ крестьянамъ, опредѣлялся чиншъ, т. е. плата за землю (деньгами или въ натурѣ и работахъ). Крестьянамъ предоставлялось право выкупа этого чинша сполна въ одинъ разъ или по частямъ, при чемъ вносилась 3-я часть капитала, равняющагося 20-ти лѣтнему доходу, полагая по 5% на 100. Выкупъ чинша по частямъ допускался въ суммахъ не менѣе 100 польскихъ злотыхъ. Мы приводимъ эти главныя основанія маіоратныхъ земель, какъ выраженіе особыхъ заботъ фельдмаршала по устройству вообще крестьянскаго населенія. Эти же основанія были приняты во всѣхъ конфискованныхъ имѣніяхъ, о чемъ послѣдовалъ особый Высочайшій указъ, одновременно съ обнародованіемъ положеній о маіоратахъ, т. е. 4-го (16-го) октября 1835 года.

Въ этомъ указѣ изображено, что „конфискація имѣній была вызвана необходимостью лишить закостнѣ-

„лыхъ враговъ закона и порядка способовъ и впредь „употреблять достоянiе свое на совершенiе преступныхъ „замысловъ. Но дабы сiя мѣра, изводя добро изъ са„маго зла, обратилась ко благу сельскихъ обывателей, „прiуготовивъ имъ лучшую будущность, дабы соверши„лись великодушныя намѣренiя любезнѣйшаго брата На„шего, Блаженныя памяти, Императора Александра I-го, „въ декретѣ 8-го февраля 1820 года предначертанныя, „и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ преподать примѣръ и основа„нiя, на которыхъ должны бы быть совершаемы дого„воры между владѣльцами частныхъ имѣнiй и крестья„нами, указанныя декретомъ 21-го декабря 1807 года*), „постановили мы и постановляемъ слѣдующее“ **).

Затѣмъ изложены постановленiя по устройству крестьянскихъ надѣловъ въ конфискованныхъ имѣнiяхъ, почти тождественныхъ съ положенiями по устройству крестьянъ въ маiоратныхъ имѣнiяхъ.

Изъ переписки 1835 года фельдмаршала съ Государемъ выясняется, что въ разговорахъ, при свиданiи съ Государемъ, фельдмаршалъ нѣсколько разъ возбуждалъ вопросъ о Краковѣ. „Нельзя было лучше приду„мать,“ говорилъ фельдмаршалъ, „чтобъ установить „постоянные бунты въ польскихъ земляхъ, какъ учре„дить почти въ центрѣ польскихъ земель безопасный „притонъ для всѣхъ эмисаровъ и революцiонеровъ“ (т. е. учредивъ краковскую республику). Изыскивая средства для прекращенiя такого положенiя дѣлъ, Государь

---

*) При отмѣнѣ крѣпостного права.

**) См. прилож. № 31.

выразилъ желаніе, чтобы жители Кракова сами подали прошеніе о присоединеніи ихъ территоріи къ Австріи. Хотя это казалось невѣроятнымъ, однако графъ Александръ Валевскій, помѣстья котораго граничили съ краковской территоріей, по желанію фельдмаршала, съумѣлъ составить значительную партію жителей Кракова, согласныхъ подписать въ этомъ смыслѣ прошеніе. Но они соглашались присоединиться къ Царству Польскому, а не къ Австріи *).

„Краковскія извѣстія весьма важны," писалъ Государь 23-го іюня 1835 года, „но повторяю, что никогда „не соглашусь ихъ принять къ намъ; имъ натуральнѣе „принадлежать Австріи и менѣе будетъ отъ того шуму. „Ежели бы дѣло сіе касалось однихъ насъ, то скоро-бъ „его кончили; но, къ несчастію, Англія и Франція „участники созданія сего, и потому безъ ихъ согласія „сіе сбыться не можетъ. Одно общее и рѣшительное „желаніе сей республики можетъ дать намъ право основываться на ономъ при преніяхъ съ сими державами; „но я добраго успѣха не жду, напротивъ, боюсь новаго „повода къ распрямъ **).

Съ своей стороны, фельдмаршалъ полагалъ, что жители города Кракова ни въ какомъ случаѣ не изъявятъ согласія присоединить свою территорію къ Австріи и что хотя графъ Валевскій дѣйствительно составилъ значительную партію изъ жителей Кракова, согласныхъ подписать прошеніе на Высочайшее имя Государя Ни-

*) См. прилож. № 32.
**) Письмо изъ Александріи близъ Петергофа, 30-го іюня 1835 г.

колая Павловича о присоединеніи ихъ территоріи къ Царству Польскому, но что правительственныя учрежденія вольнаго города, т. е. сенатъ и сеймъ, никогда ничего подобнаго не подпишутъ. Въ этомъ вопросѣ, по мнѣнію фельдмаршала, слѣдовало дѣйствовать на почвѣ экономической, т. е. увеличивать на сколько возможно таможенныя затрудненія. „Строгости таможенъ,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „доведутъ ихъ до нищенства „почти, что̀ они теперь начинаютъ чувствовать, то „тогда можно будетъ думать, что они всѣ согласятся на „присоединеніе.“

Въ теченіе 1835 года обнаружилось обстоятельство, не имѣющее историческаго или политическаго значенія, но которое освѣщаетъ личныя качества Государя Николая Павловича и князя Паскевича. Одинъ изъ наиболѣе богатыхъ дворянъ Царства Польскаго, графъ Пацъ, послѣ штурма Варшавы, былъ вынужденъ бѣжать за границу. Часть своего имущества въ капиталахъ и драгоцѣнныхъ вещахъ онъ отдалъ на сохраненіе генералъ-лейтенанту Коссецкому. Коссецкій, по различнымъ обстоятельствамъ жизни своей, былъ когда-то облагодѣтельствованъ графомъ Пацомъ. Предсѣдатель военно-слѣдственной коммисіи, генералъ-маіоръ Стороженко, составляя опись оставшагося въ Царствѣ Польскомъ имущества графа Паца, убѣдился, что часть этого имущества скрыта. Затѣмъ явилось подозрѣніе, что генералъ Коссецкій завладѣлъ этимъ имуществомъ. Когда же открылось, что Коссецкій сохраняетъ это имущество по порученію Паца, то Стороженко представилъ

все дѣло на благоусмотрѣніе фельдмаршала, указывая на преступность Коссецкаго, какъ скрывшаго имущество, подлежащее конфискаціи. Коссецкій, бывшій генералъ польскихъ войскъ, былъ въ то время членомъ совѣта управленія Царства Польскаго и засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ Царства. Тѣмъ не менѣе, по взводимому на него, впрочемъ, совершенно справедливому обвиненію, онъ подлежалъ суду и, конечно, отрѣшенію отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, какъ изобличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ эмиграціею и какъ скрывшій имущество въ пользу эмигранта. Но фельдмаршалъ, вникнувъ въ это дѣло, съумѣлъ его представить Государю такъ, что, соглашаясь съ нимъ, Государь писалъ: „признаюсь, на его бы мѣстѣ такъ же „сдѣлалъ, ибо, бывъ одолженъ жизнью кому, тяжело „выдать довѣренное на храненіе. Но зная твою душу, „пришелъ бы къ тебѣ и откровенно признался въ затруднительномъ положеніи и просилъ бы тебя изъ „онаго вывесть, въ этомъ Коссецкій глупо поступилъ. „Признаюсь, все сообразивъ, не вижу достаточной причины за симъ его отставить отъ службы; говорили мы „объ томъ съ Чернышевымъ и остались однихъ мыслей; „вмѣсто того призови его къ себѣ и вымой ему голову „за то, что не довѣрился твоему благородству, которое „умѣло бы вывести его изъ затрудненія, а на прочее „плюнь“ *).

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 22-го января 1835 г.

Глава V.

Кончина императора Франца I. — Письмо императора Фердинанда.—Депеши и письмо къ Государю Меттерниха.— Свиданіе императоровъ въ Теплицѣ и рѣшеніе судьбы Кракова. — Неудавшаяся политика краковскаго сената. — Окруженіе Кракова таможнями.—Убійство агента Павловскаго.— Протестъ резидентовъ трехъ державъ-покровительницъ.— Переговоры о занятіи Кракова союзными войсками.—Уклончивость Пруссіи.—Требованіе выдачи эмигрантовъ-революціонеровъ и дѣйствительная выдача 185 человѣкъ бродягъ и воровъ.—Занятіе Кракова австрійскими войсками подъ начальствомъ ген. фонъ-Кауфмана.—Недовольство Государя пруссаками. — Русскія войска.—Требованіе въ Берлинѣ и Вѣнѣ дипломатическихъ представителей Англіи и Франціи.—Намѣреніе обратить краковскій сенатъ въ простой муниципалитетъ. — Оставленіе краковской территоріи прусскими и русскими войсками.—Спокойствіе въ Варшавѣ.—Банкротство учрежденнаго въ Парижѣ польскою эмиграціею банка Ельскаго.—Законъ о смѣшанныхъ бракахъ.—Княгиня Голицына.— Русскія поселенія вокругъ Новогеоргіевска.—Лысковскій домъ заключенія для ксендзовъ-демеритовъ.—Судебная льгота русскимъ торговымъ и промысловымъ людямъ.—Генеральная прокураторія.—Прокурорскій надзоръ и данныя ему руководящія предписанія, инструкція судамъ полиціи исполнительной.— Указаніе совѣту управленія, преподанное Императоромъ Николаемъ I.—Хиротонія архіепископа Хоромянскаго.—Мысль Государя о подчиненіи католическихъ церквей Имперіи и Царства одному митрополиту.—Несчастный случай съ Государемъ.—Холера въ Царствѣ.—Настроеніе умовъ въ Венг-

ріи. — Смерть А. С. Пушкина. — Мнѣніе фельдмаршала о Пушкинѣ.—Переименованіе воеводствъ въ губерніи.—Замѣна въ дѣлопроизводствѣ французскаго языка русскимъ.—Постановленіе о вольноопредѣляющихся. — Второй рекрутскій наборъ въ Царствѣ.—Дѣло унтеръ-офицера Плавильщикова.— Gazeta Powszechnia. — Смерть ген.-адъют. Панкратьева. — Царскій подарокъ фельдмаршалу и пріобрѣтеніе послѣднимъ Гомеля.

Въ началѣ 1835 года скончался австрійскій императоръ Францъ I-й. Сынъ его, вступившій на австрійскій престолъ, императоръ Фердинандъ, въ день смерти своего отца, писалъ Государю Николаю Павловичу, что, „помимо упованій на Бога, онъ, прежде всего, пола„гается на сохраненіе прежняго тѣснаго союза съ „Россіею.“

Въ то же время князь Меттернихъ наполнялъ депеши свои австрійскому послу въ Петербургѣ графу Фикельмону увѣреніями въ томъ, что „ничего не измѣ„нено и не будетъ измѣнено.“ Вскорѣ затѣмъ (2-го марта) Меттернихъ писалъ Государю, что „свиданіе въ „Мюнхенгрецѣ осталось до той минуты, когда Импера„торъ отдалъ свою душу Богу, однимъ изъ наиболѣе „драгоцѣнныхъ воспоминаній его долговременной жизни, „пройденной имъ среди стольких бурь... Продолжайте „питать къ императору Фердинанду тѣ же чувства, „которыя вы имѣли къ его отцу. Ничего, ни въ прин„ципахъ, ни въ ихъ примѣненіи не будетъ измѣнено.“ На эти заявленія Императоръ Николай I-й отвѣчалъ, что „онъ сохранитъ неприкосновеннымъ начало, на

„основанiи котораго союзъ монарховъ (австрiйскаго и „русскаго) составляетъ силу ихъ государствъ и единственную опору европейскаго мира“ *).

Послѣ калишскаго съѣзда, Государь, посѣтивъ Варшаву и осмотрѣвъ войска, расквартированныя близъ восточной границы Царства Польскаго, поѣхалъ въ Теплицъ, гдѣ имѣлъ свиданiе съ императоромъ Фердинандомъ. Въ Теплицѣ было принято рѣшенiе, относительно краковской республики, согласное съ желанiями фельдмаршала. Рѣшено было прекратить существованiе Кракова, какъ самостоятельной республики, присоединивъ ея территорiю къ Австрiи, но, въ виду могущихъ быть затрудненiй со стороны Францiи и Англiи, постановлено составить предварительный планъ постепеннаго исполненiя принятаго рѣшенiя. Составленiе такого плана принялъ на себя вѣнскiй кабинетъ. Онъ составлялъ его въ теченiе, приблизительно, 10-ти лѣтъ, а покуда фельдмаршалъ настаивалъ на необходимости окружить краковскую территорiю таможнями, которыя стѣснили бы экономическую жизнь Кракова, и ждалъ случая, чтобъ занять его войсками.

Краковскiй сенатъ, вѣроятно, хотя отчасти увѣдомленный о намѣренiяхъ трехъ союзныхъ державъ, готовился противодѣйствовать имъ, войдя въ постоянныя дипломатическiя сношенiя съ европейскими державами. Предложивъ русскому правительству акредитовать дипломатическаго агента въ Петербургѣ, сенатъ краковскiй

---

*) Мартенсъ, IV.

предполагалъ одновременно назначить консуловъ въ Лондонъ и Парижъ.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ отклонило назначеніе въ Петербургъ краковскаго дипломатическаго агента, а затѣмъ представители трехъ сѣверныхъ державъ напомнили краковскому сенату, что, на основаніи трактатовъ 1815 года, онъ можетъ находиться въ дипломатическихъ сношеніяхъ только съ тремя покровительствующими державами, что̀ и достигается пребываніемъ въ Краковѣ представителей Австріи, Россіи и Пруссіи.

Австрія, соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала, учреждала рядъ таможенъ на границахъ краковской республики. Со стороны Царства Польскаго въ этомъ смыслѣ тогда же быстро были приняты надлежащія мѣры.

Въ январѣ 1836 года, т. е. едва черезъ 3 мѣсяца послѣ Теплицкаго свиданія, въ Краковѣ, во время одного изъ уличныхъ безпорядковъ, убили русскаго агента Павловскаго. Нашъ дипломатическій резидентъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ вмѣстѣ съ представителями Австріи и Пруссіи составили протоколъ объ этомъ происшествіи и за общей подписью подали краковскому сенату протестъ отъ имени трехъ союзныхъ державъ.

Получивъ это извѣстіе, фельдмаршалъ немедленно предложилъ австрійцамъ занять войсками Краковъ, заявивъ при томъ готовность, буде Австрія и Пруссія пожелаютъ, выслать небольшой отрядъ русскихъ войскъ, поручивъ его начальству австрійскаго генерала. Фельд-

маршалъ зналъ, что державы рѣшили присоединить Краковъ къ австрійской Имперіи, а слѣдовательно поспѣшность съ его стороны занять русскими войсками краковскую территорію возбудила бы опасеніе и подозрѣніе Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ потребовалъ и отъ прусскаго правительства согласія на занятіе Кракова. Вѣнскій кабинетъ немедленно предписалъ командующему австрійскими войсками на краковской границѣ генералу Кауфману войти въ Краковъ съ 2 баталіонами пѣхоты и 6 эскадронами кавалеріи и такой же отрядъ держать въ резервѣ.

„И такъ, первая роль въ занятіи Кракова будетъ „принадлежать австрійцамъ,“ писалъ фельдмаршалъ Государю*), „весьма счастливо, что сіе дѣло взяло такой „оборотъ, и австрійцы такъ горячо принялись за сіе „дѣло, ибо сей державы будетъ три баталіона, а на„шихъ только одинъ баталіонъ, слѣдственно симъ испол„няется повелѣніе вашего Императорскаго Величества, „чтобы австрійцы были впереди, а мы вторую ролю „играли въ семъ дѣлѣ. Я разъяснилъ нашему резиденту „въ Краковѣ, г. Унгернштернбергу, что когда отъ прус„скаго правительства получится разрѣшеніе, то онъ „имѣетъ право дать повелѣніе и нашему баталіону „войти въ Краковъ, если того также и австрійскій ге„нералъ потребуетъ, ибо онъ назначается командовать „всѣми войсками. При томъ же, какъ нашъ посолъ въ „Вѣнѣ говоритъ, что ненадобно дать простынуть сему

*) 18-го (30-го) января 1836 г.

„расположенію австрійцевъ, также опасно дать по„дозрѣніе сему двору, что мы настаивали въ продолже„ніи долгаго времени о семъ дѣлѣ, а въ минуту испол„ненія онаго какъ будто не согласны съ ними.“

Еще австрійскія войска не успѣли перейти краковскую границу, какъ фельдмаршалъ получилъ изъ Берлина нѣсколько странное сообщеніе. Прусское правительство казалось на все было согласно, но только предлагало предварительно потребовать отъ краковскаго сената согласія на занятіе Кракова войсками трехъ державъ. Прусскій дипломатическій агентъ объявилъ это рѣшеніе берлинскаго кабинета краковскому сенату.

Послѣ бурныхъ преній сенатъ постановилъ не соглашаться на занятіе краковской территоріи войсками союзныхъ державъ, но приказалъ объявить въ газетахъ требованіе Австріи, Россіи и Пруссіи. „Сіе сдѣлано,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „что бы со временемъ протестовать противъ занятія тремя державами“.

Послѣ такого постановленія сената, допломатическіе резиденты Австріи и Пруссіи предложили барону Унгернштернбергу немедленно ввести русскія войска, не ожидая австрійскихъ и прусскихъ. Фельдмаршалъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, но, по его настоянію, резиденты трехъ державъ потребовали отъ краковскаго сената выдачи всѣхъ выходцевъ, т. е. эмигрантовъ и извѣстныхъ революціонеровъ, какъ необходимой мѣры для прекращенія безпорядковъ въ городѣ. Сенатъ выдалъ всего 185 человѣкъ, преимущественно изъ со-

державшихся въ тюрьмахъ бродягъ и мелкихъ воровъ. Тогда, за общими подписями, резиденты извѣстили сенатъ о занятіи вольнаго города войсками и на другой день, 5-го (17-го) февраля, генералъ Кауфманъ вошелъ въ Краковъ. По соглашенію съ этимъ генераломъ фельдмаршалъ выслалъ ему 50 казаковъ, а пограничную часть краковской территоріи приказалъ занять 3 ротами, подчинивъ ихъ по наружной части австрійскому генералу. Въ это время Пруссія все еще не рѣшалась выслать отрядъ своихъ войскъ на краковскую территорію.

„Занятіе Кракова исполнено,“ доносилъ фельдмаршалъ Государю, „но я думаю, что необходимо воспользоваться симъ случаемъ и стараться, чтобы австрійскія войска уже не выходили изъ сего города и Краковъ остался бы за Австріею, какъ то условлено“ *).

Государь былъ доволенъ занятіемъ Кракова, но недоволенъ пруссаками и писалъ фельдмаршалу: „Жаль, „что въ семъ случаѣ прусское правительство оказало ту же систему малодушія, которая всегда прорывается и которая приведетъ ихъ къ чему нибудь „худому **).

„Слава Богу, что дѣло краковское пошло въ ходъ, „какъ мы того желали; я совершенно одобряю, любезный Иванъ Федоровичъ, всѣ твои распоряженія по „сему случаю. Желаніе наше видѣть австрійцевъ впе-

---

*) Письмо къ Государю отъ 8-го (20-го) февраля 1836 года.
**) 10-го (22-го) февраля 1836 года.

„реди—удачно исполнилось; примѣтно, какъ они лакомы „на Краковъ—чего намъ и надо. Нѣтъ сомнѣнія, что во „Франціи и Англіи будутъ на это кричать. Дургамъ (англійскій посолъ въ Петербургѣ) „сего не скрываетъ, „признавая однако, что другого ничего не оставалось „намъ дѣлать и что мы въ своемъ правѣ“ *).

Въ концѣ февраля вступили наконецъ въ Краковъ и прусскія войска (всего 2 эскадрона). Но уже въ первой половинѣ марта въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ представители Франціи и Англіи потребовали, чтобы союзныя державы очистили отъ своихъ войскъ краковскую территорію. Прусское правительство, только что съ неохотой отправившее два эскадрона въ Краковъ, поторопилось изъявить согласіе на требованіе французскаго и англійскаго кабинетовъ. Въ Вѣнѣ дѣло это нѣсколько затянулось и приступлено было къ разсмотрѣнію вопроса: когда и при какихъ условіяхъ возможно будетъ вывести союзныя войска?

Нашъ посолъ въ Вѣнѣ Татищевъ предложилъ, до вывода войскъ, образовать новую полицію въ городѣ Краковѣ и усилить таможенный надзоръ на границахъ краковской территоріи. Кромѣ того, вѣнскій кабинетъ, вмѣстѣ съ Татищевымъ и съ представителемъ прусскаго правительства, изыскивалъ средства къ уничтоженію политическаго значенія краковскаго сената, обративъ его исключительно въ муниципальное управленіе.

---

*) Письмо отъ 15-го (27-го) февраля 1836 г. См. въ прилож. № 33 всѣ письма Государя къ фельдмаршалу, въ числѣ 19-ти, за 1836 годъ.

„Цѣль весьма хорошая,“ писалъ фельдмаршалъ Госу-„дарю, но исполненіе, мнѣ кажется, весьма трудное „будетъ.“ Это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе.

Въ Краковѣ резиденты трехъ державъ, получивъ общее распоряженіе вѣнской конференціи, подъ вліяніемъ требованій фельдмаршала предложили вывести русскіе и прусскіе отряды, оставивъ на неопредѣленное время австрійскія войска въ Краковѣ.

„Удаленіе нашихъ и прусскихъ войскъ,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „успокоитъ Европу и можетъ „подать австрійскому правительству рѣшимость удер-„жать долѣе свои войска. Французамъ и англичанамъ „можно отвѣчать, что войска двухъ державъ уже выве-„дены, что третьей державы войска остаются только для „нѣкоторыхъ распоряженій. На выводъ нашихъ войскъ „буду дожидать повелѣнія вашего Императорскаго Ве-„личества“ *). Между тѣмъ въ Краковѣ отношенія прусскихъ войскъ къ нашимъ и къ австрійскимъ были нѣсколько натянуты. Пруссаки неохотно подчинялись австрійскому генералу и считали себя обиженными за то предпочтеніе, которое оказывали австрійцы русскимъ войскамъ **). Это давало поводъ къ постояннымъ мелкимъ недоразумѣніямъ, имѣвшимъ вліяніе на прусское правительство, которое, съ своей стороны, опасаясь Англіи и въ особенности Франціи, настаивало на ско-

*) 11-го (23-го) марта 1836 г.

**) Тамъ же и письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 19-го (31-го) марта 1836 г.

рѣйшемъ очищенiи краковской территорiи отъ союзныхъ войскъ. Вотъ почему Государь писалъ фельдмаршалу: „Хотя бы желательно было занятiе Кракова долѣе продлить, неловко-бъ было однако противорѣчить нашимъ „союзникамъ, когда они рѣшительно настаиваютъ объ „выводѣ войскъ. Впрочемъ, повидимому, чуть ли не „лучше сiе будетъ, чѣмъ давать случай новымъ непрiятностямъ съ пруссаками.“

Такимъ образомъ въ Краковѣ остались только австрiйскiя войска. Фельдмаршалъ, имѣя въ виду, что въ декабрѣ мѣсяцѣ долженствовали быть выборы на всѣ должности по управленiю Кракова и его территорiи, требовалъ, чтобы австрiйцы не выводили своихъ войскъ ранѣе этого мѣсяца, надѣясь, что австрiйскiй генералъ Кауфманъ, устранивъ революцiонные элементы населенiя, съумѣетъ направить предстоящiе выборы. Въ этомъ отношенiи требованiя фельдмаршала вполнѣ согласовались съ невысказываемыми желанiями вѣнскаго двора, который, соглашаясь съ Англiею и Францiею, одновременно стремился, подъ предлогомъ „окончательнаго водворенiя спокойствiя,“ продлить занятiе своими войсками Кракова, а при случаѣ и присоединить его къ Австрiи, согласно Теплицкому рѣшенiю.

Въ Царствѣ Польскомъ занятiе Кракова прошло безмолвно. „Всѣ удивляются,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „спокойствiю въ Варшавѣ въ то время, какъ „въ Краковѣ происходятъ неистовства. Въ публичныхъ „маскарадахъ бывало до двухъ тысячъ человѣкъ и все „спокойно.“

Спокойствіе это имѣло, кажется, непосредственное соотношеніе съ банкротствомъ банка Ельскаго, учрежденнаго въ Парижѣ польской эмиграціею. Банкротство этого дома, случившееся въ февралѣ 1836 года, разорило значительное число членовъ эмиграціи и прекратило на время революціонную ихъ дѣятельность. Не смотря, однако, на спокойствіе края, весною 1836 года фельдмаршалъ убѣдился, что помѣщики во всѣхъ воеводствахъ, а въ Калишскомъ и Августовскомъ въ особенности, выбрали въ члены поземельнаго кредитнаго общества, какъ писалъ фельдмаршалъ, „самыхъ злыхъ революціонеровъ."

Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою диктаторскую власть, князь Паскевичъ не хотѣлъ нарушить законное право свободныхъ выборовъ кредитнаго общества. „Нечего дѣлать," писалъ онъ Государю, „законъ за нихъ". Только со временемъ фельдмаршалъ намѣревался разсмотрѣть, въ какой степени возможно устранить законодательнымъ путемъ неблагопріятныя въ политическомъ отношеніи послѣдствія свободныхъ выборовъ общества поземельнаго кредита.

Во время краковскихъ дѣлъ, раннею весною 1836 года, фельдмаршалъ провелъ черезъ государственный совѣтъ по департаменту дѣлъ Царства Польскаго новое постановленіе относительно смѣшанныхъ браковъ. Вопросъ этотъ обращалъ на себя особое вниманіе князя-намѣстника, и для Царства Польскаго онъ имѣлъ несомнѣнно особое и весьма существенное значеніе. Высочайше утвержденное въ концѣ марта (н. ст.) 1836 года, „по-

„ложеніе о союзѣ брачномъ“ *) дѣйствуетъ и въ настоящее время.

Главное основаніе этого положенія заключается въ томъ, что, во первыхъ, смѣшанные браки расторгаются по узаконеніямъ Имперіи, а не Царства Польскаго; во вторыхъ, при совершеніи брака православнаго съ иновѣрцемъ существенно только вѣнчаніе по православному обряду, оно одно узаконяло бракъ. Затѣмъ, всѣ дѣти, рождающіяся отъ такихъ браковъ, должны быть крещены и воспитаны въ вѣрѣ православной. Что же касается до браковъ католиковъ съ протестантами, лютеранами и вообще съ лицами остальныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (не православныхъ), то вѣнчаніе таковыхъ браковъ могло быть, по желанію, предоставлено священнику того или другого вѣроисповѣданія и при такихъ бракахъ сыновья воспитывались въ вѣрѣ отца, а дочери въ вѣрѣ матери, если не было въ этомъ отношеніи условія до брака.

Основная мысль этихъ узаконеній заключается въ постепенномъ обрусеніи посредствомъ смѣшанныхъ браковъ всѣхъ иновѣрческихъ элементовъ русскаго государства.

Для Царства Польскаго новое узаконеніе имѣло еще болѣе серьезное значеніе. Отношеніе польской къ русской національности опредѣлилось такъ, что полякъ по рожденію, носитель чисто польскаго родового имени,

---

*) Высочайшій манифестъ 16-го (28-го) марта, „Дневн. Закон.“, т. 18, стр. 46—54.

но исповѣдующій православную религію, въ силу исторически сложившихся условій быта, становился вполнѣ русскимъ, чуждымъ польской національности. Въ этомъ смыслѣ русско-польскіе браки уничтожаютъ польскую національность. Фельдмаршалъ это сознавалъ, и, благодаря его предположеніямъ по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, извѣстная часть польскаго дворянства, въ Литвѣ въ особенности, дѣйствительно „обрусѣла", не смотря на то, что русское правительство за послѣднія десятилѣтія затрудняетъ административными мѣрами заключеніе такихъ браковъ.

Государь Николай Павловичъ весьма благосклонно относился къ смѣшаннымъ бракамъ и, насколько возможно, поощрялъ ихъ; такъ, напр., въ декабрѣ 1837 года Государь писалъ фельдмаршалу: „Вчера познакомился „я съ княгиней Голицыной, урожденной Езерской; она „не дурна и, кажется, довольно умна: я ее обласкалъ, „какъ первую польку, за русскаго вышедшую" *).

Римско-католическое духовенство относилось къ этимъ узаконеніямъ сдержанно, но крайне враждебно и, какъ мы увидимъ, возбудило впослѣдствіи вопросъ о пересмотрѣ ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ связи съ этими постановленіями, въ томъ же году, сдѣлана была попытка посредствомъ колонизаціи водворить русскій православный элементъ въ среду католическаго крестьянскаго населенія.

---

*) Всѣ письма Императора Николая Павловича, за 1837 годъ, въ числѣ 16-ти, помѣщены въ прилож. № 34.

На первое время предположено было скупить имѣнія кругомъ Новогеоргіевской крѣпости и поселить тамъ государственныхъ крестьянъ изъ смежныхъ къ границамъ литовскимъ русскихъ губерній. Фельдмаршалъ имѣлъ въ виду купить имѣніе Гуры въ окрестностяхъ Новогеоргіевска. Но такъ какъ владѣлецъ предъявилъ слишкомъ невыгодныя для казны условія, то рѣшено было устроить русскія колоніи на казенныхъ земляхъ по обоимъ берегамъ Вислы: между мѣстечкомъ Закрочимомъ и деревнею Коссевскою. „Заведеніе колоній „на сказанныхъ участкахъ“ (казенныхъ), писалъ фельдмаршалъ Государю, „представляетъ еще и тѣ выгоды, „что поселенія эти будутъ находиться ближе къ крѣ-„пости, нежели имѣніе Гуры“ *). На этихъ казенныхъ участкахъ поселено было 95 семействъ, прибывшихъ изъ Псковской губерніи. Переселяемыя семьи входили въ готовые, особо для нихъ обстроенные, дворы **), получали земледѣльческія орудія, домашнюю посуду и снабжались продовольствіемъ до сбора перваго урожая. Кромѣ того, поселенцы и ихъ дѣти освобождались отъ рекрутской повинности и отъ всякихъ податей въ теченіе шести лѣтъ ***).

Первая попытка колонизаціи Царства Польскаго русскими поселенцами, при всемъ стараніи удешевить

*) Арх. гос. сов., дѣло 1839—40 гг., № 45.

**) Дворы эти выстроены были 20-ю вызванными изъ Россіи плотниками, такъ какъ всѣ эти постройки, по Высочайшей волѣ, должны были быть сооружены по типу русскихъ избъ и дворовъ.

***) Варш. арх. стар. д., Seк. II. 8. a. № 5575 a.

се, выяснила дороговизну этой мѣры. Кромѣ цѣнности земли, первое устройство каждаго крестьянскаго двора обходилось приблизительно въ 2,000 руб. При постоянно же возрастающей цѣнности земли въ Царствѣ Польскомъ и при развитіи колонизаціи, каждая семья переселенцевъ обходилась бы правительству отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ рублей. Переселенныя въ Польшу русскія крестьянскія семьи, убѣдясь въ болѣе высокой агрономической культурѣ населенія Царства Польскаго, старались заимствовать земледѣльческіе его пріемы, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоили польскій языкъ, отчасти и мѣстные обычаи и нравы, сохраняя только русское вѣроисповѣданіе. Въ общемъ итогѣ, русское населеніе у Закрочима утратило свою національность, но ни въ чемъ не повліяло на сосѣднихъ съ ними польскихъ крестьянъ. Выражаясь яснѣе, русскіе ополячились, но поляки не обрусѣли.

Такимъ образомъ первая попытка колонизаціи русскаго крестьянскаго населенія выяснила, что, по дороговизнѣ своей, она возможна только въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, а что при такихъ размѣрахъ она не приноситъ никакой существенной пользы. Впрочемъ, фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что крестьянское населеніе въ Царствѣ Польскомъ, чуждое революціонныхъ стремленій польскаго дворянства, въ политическомъ отношеніи вполнѣ благонадежно *).

---

*) Того же убѣжденія были всѣ русскіе дѣятели въ Царствѣ Польскомъ, какъ, напр.: Николай Алексѣевичъ Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ, а по отношенію къ Литвѣ графъ М. Н. Муравьевъ.

Вотъ почему русская колонизація ограничилась первыми попытками незначительнаго поселенія около крѣпости Новогеоргіевска.

Несомнѣнно, что общее неудовольствіе, возбужденное въ римско-католическомъ духовенствѣ положеніемъ о смѣшанныхъ бракахъ, стало проявляться въ 1836 году дѣйствіями, хотя не явно преступными, но въ политическомъ отношеніи неблаговидными; это побудило фельдмаршала придумать для духовенства мѣру взысканій порядка дисциплинарнаго, т. е. учредить нѣчто въ родѣ болѣе или менѣе долговременныхъ арестовъ для священниковъ, въ чемъ-либо провинившихся. Это взысканіе должно было быть тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что арестованные священники отстранялись отъ своихъ приходовъ. Для этой цѣли въ 1836 году учрежденъ былъ особый для духовенства домъ заключенія „священниковъ демеритовъ, т. е. подлежащихъ исправительному „наказанію за поведеніе предосудительное или непристойное ихъ сану.“ Домъ этотъ, бывшій доминиканскій монастырь, находился въ пустынной мѣстности Августовскаго воеводства (при селѣ Лысково) и состоялъ въ вѣдѣніи августовскаго епископа *).

Въ томъ же 1836 году фельдмаршалъ обратилъ особое вниманіе на положеніе русскихъ торговыхъ и промысловыхъ людей, прибывающихъ въ Царство Польское. Русскіе купцы и промышленники, не имѣя постоянной осѣдлости въ Царствѣ Польскомъ, при возникно-

*) См. прил. № 35, а, б.

веніи какихъ-либо гражданскихъ исковъ, не зная языка и не знакомые съ судоустройствомъ Царства Польскаго, въ огромномъ большинствѣ случаевъ подвергались притѣсненіямъ и задержкамъ, отъ которыхъ терпѣли не малые убытки. Фельдмаршалъ, для облегченія русскихъ торговцевъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго судебные ихъ иски и дѣла разсматривались и рѣшались варшавскимъ коммерческимъ судомъ ранѣе всѣхъ дѣлъ, стоящихъ на очереди, и при томъ съ участіемъ добавочныхъ судей, избранныхъ изъ среды торговыхъ русскихъ людей, проживающихъ въ Варшавѣ.

Въ апелляціонномъ судѣ апелляціи торговыхъ русскихъ людей разсматривались также при участіи двухъ выборныхъ русскихъ купцовъ или промышленниковъ, „хотя бы и не записанныхъ въ сословіе мѣстнаго ку- „печества“ *).

Постановленія эти, на сколько было возможно, облегчили въ то время торговыя сношенія Царства Польскаго съ Россіею.

Въ теченіе 1836 года, подъ вліяніемъ стремленія объединить учрежденія Царства Польскаго съ имперскими, возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи учрежденія, существовавшаго только въ Польшѣ. Это была такъ называемая генеральная прокураторія. Учрежденіе это сосредоточивало въ себѣ судебную защиту по искамъ всѣхъ казенныхъ вѣдомствъ съ частными лицами, а также вѣдѣніе судебныхъ дѣлъ по имуществамъ, со-

*) Дневн. закон., т. 17, № 61.

стоящимъ подъ особымъ покровительствомъ правительства, какъ, напр.: дѣла сельскихъ гминъ, благотворительныхъ заведенiй, казенныхъ арендныхъ имѣнiй и т. д. Дѣла подобнаго рода разсматривались въ Варшавѣ, при варшавскомъ гражданскомъ судѣ. Предположено было передать дѣла эти подлежащимъ судамъ по мѣсту жительства отвѣтчиковъ.

Но при обсужденiи вопроса оказалось, что не было достаточныхъ основанiй къ тому, чтобы уничтожить учрежденiе, существовавшее въ Царствѣ болѣе 15-ти лѣтъ. Въ совѣтѣ управленiя, при весьма оживленныхъ пренiяхъ, выяснилось, что, уничтожая центральную прокураторiю, придется одновременно созидать прокураторiи при каждой правительственной коммисiи, и что при такой организацiи нѣтъ основанiй предполагать, чтобы защита казенныхъ интересовъ велась успѣшнѣе.

При уничтоженiи генеральной прокураторiи, при каждой правительственной коммисiи учреждалась бы въ дѣйствительности, въ маломъ видѣ, такая же прокураторiя.

Фельдмаршалъ, выслушавъ мнѣнiе по сему предмету совѣта, отклонилъ закрытiе генеральной прокураторiи; но 10 лѣтъ спустя, въ 1845 году, вопросъ этотъ снова возникъ, что и дастъ намъ поводъ возвратиться къ нему съ большею подробностью.

Почти одновременно съ вопросомъ о генеральной прокураторiи разсматривался въ совѣтѣ управленiя вопросъ о прокурорскомъ надзорѣ. Прокуроры въ Царствѣ Польскомъ, хотя на основанiи законоположенiй и

декретовъ 1810 года имѣли обязанностью изготовлять обвинительные акты и поддерживать обвиненіе на судѣ, однако никогда не примѣняли этихъ обязанностей на дѣлѣ. Это происходило отъ того, что судебно-уголовныя учрежденія, введенныя въ 1810 году по образцу французскихъ, оставили въ полной силѣ прежній порядокъ судопроизводства, заимствованный изъ судебныхъ уставовъ прусскаго и австрійскаго. Уставы эти, не допуская состязательнаго процесса, не могли, слѣдовательно, допустить и примѣненіе обвинительной системы, а потому прокуроры въ судахъ не могли дѣйствовать въ качествѣ обвинителей. Такимъ образомъ обязанности прокурора, какъ блюстителя закона, ограничивались наблюденіемъ за ходомъ дѣлъ особой важности, представленіемъ заключеній по судебнымъ опредѣленіямъ и приговорамъ и наконецъ подачею протестовъ на приговоры, если они не согласовались съ существующими законами. Главныя обязанности прокуроровъ, заключающіяся въ протестѣ на судебные приговоры, никогда не были обстоятельно указаны и опредѣлены. Въ 1834 году фельдмаршалъ подписалъ руководящія предписанія прокурорамъ по предмету принесенія протестовъ въ суды высшихъ инстанцій на приговоры низшихъ *). По этой инструкціи, прокурорамъ вмѣнено, между прочимъ, въ обязанность непосредственно представлять намѣстнику Царства срочныя вѣдомости о ходѣ дѣлъ, въ особенности арестантскихъ; копіи съ этихъ вѣдомостей прокуроры

*) Сборн. адм. пост. Царства Польскаго, вѣд. юст., т. XIII, приб. 242 и прилож. къ нему.

обязаны были доставлять правительственнымъ коммисіямъ и губернаторамъ. Въ вѣдомостяхъ, прокурорамъ обязательно было выяснять причины проявившейся медленности по движенію уголовныхъ дѣлъ, при чемъ выработана была инструкція 25-го ноября (7-го декабря) 1836 г. для судовъ полиціи исправительной, главнѣйшая обязанность которыхъ, состояла въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ *). Вообще фельдмаршалъ усилилъ дѣятельность прокурорскаго надзора, расширивъ его права протеста предоставленіемъ ему права переносить дѣла въ высшія инстанціи въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, наказаніе за уголовное преступленіе, назначенное приговоромъ суда, не согласовалось со строгостью закона или когда судъ не разсмотрѣлъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ писалъ въ своей инструкціи: „не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть приговоровъ „постановляется судами согласно съ законами. Вообще „слѣдуетъ полагать, что суды дѣйствуютъ въ духѣ „общественнаго порядка. Уклоненія ихъ отъ обязательныхъ законовъ всегда слѣдуетъ считать исключеніями. „Поэтому, къ чему безъ всякой надобности протестовать противу всѣхъ безъ изъятія судебныхъ приговоровъ? Для гражданскаго общества достаточно ручательства въ томъ, что мѣра протеста будетъ употреблена тамъ, гдѣ представится въ ней дѣйствительная, „неоспоримая необходимость.“

---

*) Тамъ же, прибавл. № 316.

Инструкція, данная прокурорамъ, а также инструкція для судовъ исправительной полиціи имѣли характеръ временныхъ мѣръ; тогда вырабатывался въ коммисіи юстиціи новый порядокъ уголовнаго судопроизводства и уголовнаго суда, который фельдмаршалъ подготовлялъ для представленія въ государственный совѣтъ Имперіи.

По поводу вообще судебныхъ дѣлъ 1836 года, намъ кажется, нельзя не упомянуть о назидательномъ указаніи, преподанномъ Императоромъ Николаемъ I-мъ совѣту управленія Царства Польскаго. Совѣтъ этотъ склонялся удовлетворить просьбу супруговъ Мрозовскихъ, домогавшихся освобожденія отъ суда сына ихъ, бывшаго почтоваго экспедитора, за растрату казенныхъ денегъ, которыя онъ внесъ послѣ обнаруженія преступленія. „Я нахожу,“ надписалъ Государь на журналѣ совѣта управленія, „что деньгами отплачиваться отъ заслу„женнаго взысканія за безчестность вовсе противно „смыслу законовъ и правиламъ службы; молодость не „есть отговорка.“

Въ началѣ 1837 года варшавское населеніе было обрадовано торжественнымъ хиротонисаніемъ католическаго архіепископа Хоромаyскаго. По этому поводу фельдмаршалъ писалъ Государю: „въ простомъ народѣ „есть религія, а въ среднемъ, и въ особенности у муж„чинъ, она почти не существуетъ“ *).

Новый архіепископъ, пользовавшійся довѣріемъ какъ

*) 9-го (21-го) января 1837 г.

Государя, такъ и князя Варшавскаго, умеръ въ половинѣ февраля слѣдующаго года, и съ тѣхъ поръ, до конца намѣстничества князя Паскевича, въ Варшавѣ не было католическаго архіепископа. Это происходило отъ того, что русское правительство, по указанію Государя, съ 1837 года постоянно старалось склонить римскій дворъ къ учрежденію единаго архіепископства для всѣхъ католиковъ, подданныхъ русскаго государя *).

Мысль соединить въ одно духовное управленіе всѣхъ католиковъ русскаго государства была приведена въ исполненіе Императрицей Екатериной II-й. Но Государь Николай Павловичъ надѣялся примѣнить ее при болѣе трудныхъ условіяхъ, т. е. съ присоединеніемъ къ Россіи Царства Польскаго.

Преклонные года римскихъ владыкъ давали поводъ надѣяться, что если не тотъ, то другой папа согласится исполнить желаніе русскаго Государя. Между тѣмъ князь Варшавскій былъ другого мнѣнія; еще въ январѣ 1837 года онъ писалъ Государю: „На счетъ соединения обоихъ архіепископствъ: петербургскаго и вар-

---

*) „Съ удовольствіемъ узналъ я,“ писалъ Государь фельдмаршалу 14-го (26-го) января, „что посвященіе варшавскаго епископа произвело „хорошее впечатлѣніе; сколь ни нелѣпы были слухи, распускаемые на „счетъ мнимыхъ намѣреній нашихъ обратить ихъ къ нашему исповѣданію, хорошо, однако, симъ дать имъ формальный démenti. Полагаю, „однако, что со временемъ хорошо будетъ подчинить всю католическую церковь въ Россіи и Польшѣ одному митрополиту, дабы въ семъ „отношеніи сдѣлать сліяніе сильнѣе и легче находить достойныя лица „на замѣщеніе сей важной должности. Здѣсь епископъ Павловскій—человѣкъ почти русскій и предостойный, я его прочу въ митрополиты.“

„шавскаго въ одно, имѣю счастіе донести, что сіе дѣло „весьма бы хорошо было; но я не думаю, что римскій „дворъ когда нибудь на сіе согласится, ибо въ семъ „распоряженіи онъ видитъ уменьшеніе его власти.“

Дѣйствительно, и по настоящее время русскому правительству не удалось склонить римскій дворъ къ исполненію завѣтной мысли Императора Николая I-го, несомнѣнно выгодной для русскаго государства.

Въ началѣ осени 1836 года Государь намѣревался прибыть въ Варшаву и произвести смотры войскамъ, расположеннымъ въ лагеряхъ Царства Польскаго; но въ августѣ мѣсяцѣ, при проѣздѣ изъ города Пензы въ Тамбовъ, ночью 26-го августа, былъ опрокинутъ въ закрытой коляскѣ и при паденіи на лѣвое плечо переломилъ ключицу. Такимъ образомъ Государь былъ принужденъ отказаться отъ предполагаемаго путешествія въ Царство Польское. При этомъ Государя въ особенности огорчала невозможность осмотрѣть крѣпостныя работы, которыми фельдмаршалъ былъ очень доволенъ. Получивъ о томъ донесенія князя Варшавскаго, Государь писалъ: „Теперь съ радостью предвидѣть можно близкое окончаніе сихъ огромныхъ работъ.“

Вслѣдъ за тѣмъ, въ ту же осень, въ концѣ октября мѣсяца, появилась въ Царствѣ Польскомъ холера, однако, благодаря энергично принятымъ гигіеничнымъ мѣрамъ, она не дошла до Варшавы. Въ это же время фельдмаршалъ сообщалъ Государю, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ общее настроеніе въ Венгріи предвѣщаетъ возможность въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ

политической катастрофы. На что Государь отвѣчалъ: „Венгерскія новости крайне непріятны; признаюсь, при „нынѣшнемъ положеніи управленія Австріею ничто меня „столько не безпокоитъ, какъ расположеніе Венгріи; „уже покойный Императоръ мнѣ говорилъ, что не знаетъ, „чѣмъ все это въ семъ краѣ кончится и что во вся„комъ случаѣ онъ правъ своихъ не дастъ нарушить; и „хотя и силою оружія, но не уступитъ. Но для сего „нужна была его твердость, его умъ и всеобщая къ „нему любовь; а нынѣ, ежели личная привязанность и „существуетъ, но за то всякій знаетъ, кто его именемъ „правитъ, и къ этимъ лицамъ можетъ ли быть довѣріе „и любовь, какъ подобаетъ отъ подданныхъ къ Госу„дарю. Страшно.“

Въ февралѣ мѣсяцѣ Государь увѣдомлялъ фельдмаршала о смерти А. С. Пушкина. „Жаль Пушкина,“ писалъ въ отвѣтъ фельдмаршалъ, „какъ литератора: „(его не стало) въ то время, когда его талантъ созрѣ„валъ.“ Фельдмаршалъ высоко цѣнилъ Пушкина-поэта, который не разъ прославлялъ въ своихъ неподражаемыхъ стихотвореніяхъ подвиги князя Паскевича и всегда съ благодарностью къ бывшему главнокомандующему кавказской арміи вспоминалъ о своемъ пребываніи при его штабѣ подъ Эрзерумомъ, во время послѣдней Турецкой кампаніи.

Въ началѣ 1837 года фельдмаршалъ составилъ проектъ декрета о переименованіи воеводствъ въ губерніи, при чемъ президенты воеводствъ должны были быть переименованы въ гражданскихъ губернаторовъ,

а воеводскія коммисіи въ губернскія правленія *). Мазовецкое воеводство въ то же время переименовывалось въ Варшавскую губернію. Это нововведеніе объяснялось фельдмаршаломъ тѣмъ, что старое наименованіе воеводствъ, при настоящемъ управленіи Царства Польскаго, утратило всякое значеніе и смыслъ. Кромѣ того это переименованіе, до нѣкоторой степени, облегчало въ будущемъ объединеніе управленія Царства Польскаго съ управленіемъ Имперіи. Государь съ удовольствіемъ подписалъ декретъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество, задаваясь цѣлями наибольшаго сближенія Польши съ Россіей, приказалъ въ канцеляріи министра секретаря Царства Польскаго замѣнить французскій языкъ, употребляя во всѣхъ случаяхъ русскій.

„Спасибо Туркулю,—онъ сіе исполнилъ усердно и „весьма исправно, не худо сдѣлать то же и тебѣ,“ писалъ фельдмаршалу Государь, „дабы французскій языкъ „пересталъ быть официальнымъ и замѣнился бы совер„шенно русскимъ. Ожидаю, что поляки будутъ крѣпко „морщиться, да то-то бѣда, что меня оно ни чуть не „пугаетъ, а я таки все ихъ на свое поставлю“ **).

Ставя успѣшное обсужденіе дѣлъ выше вопроса о томъ, на какомъ языкѣ обсужденія эти происходятъ, Фельдмаршалъ, не находилъ возможнымъ немедленно исполнить волю Государя, а потому и писалъ: „Вашему „Императорскому Величеству угодно, чтобы французскій „языкъ въ управленіи Царствомъ Польскимъ былъ за-

*) Арх. гос. сов., д. 1837 г., № 12.

**) Письмо изъ Москвы отъ 14-го ноября 1837 года.

„мѣненъ русскимъ. Осмѣливаюсь доложить, что это „можно будетъ сдѣлать во всѣхъ сношеніяхъ съ Тур-„кулемъ, въ сношеніяхъ администраціоннаго совѣта и „его представленіяхъ; но разсужденія о дѣлахъ не мо-„гутъ иначе быть какъ на французскомъ языкѣ, ибо въ „администраціонномъ: три польскіе члена не знаютъ по „русски, три члена русскіе не знаютъ по польски, или „тѣ и другіе не знаютъ достаточно, чтобы дѣло могло „быть хорошо обсуждено. Въ государственномъ совѣтѣ „еще хуже; тамъ кромѣ русскихъ или тѣхъ, которые „въ русской службѣ служили, какъ-то: графъ Ожаров-„скій и Влодекъ, другіе весьма мало знаютъ по русски. „И такъ, совершенно французскій языкъ истребить не-„возможно, но всѣ старанія приму, дабы исполнить по-„велѣніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь“ *).

Государь согласился съ мнѣніемъ фельдмаршала и писалъ ему: „Мѣры, тобой принимаемыя къ постепен-„ной отмѣнѣ французскаго языка въ дѣлахъ, совершенно „согласны съ моими желаніями; другое дѣло говорить, „ибо съ людьми, которые другого языка не знаютъ, „какъ французскій, иначе объясняться нельзя; и это „уже большой шагъ къ будущему“ **).

Одна изъ постоянныхъ заботъ фельдмаршала со-стояла въ томъ, чтобы, сдерживая неумолимой стро-гостью революціонные порывы, вмѣстѣ съ тѣмъ достав-лять полякамъ наравнѣ съ русскими легкій доступъ на всѣ поприща государственной и общественной службы.

*) Письмо отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1837 года.
**) Письмо отъ 1-го (13-го) декабря изъ Москвы.

Систему явныхъ подозрѣній, въ силу которыхъ поляки не пользовались бы одинаковыми служебными правами съ русскими, фельдмаршалъ считалъ политическою ошибкою. Въ особенности, согласно съ желаніемъ Государя, князь-намѣстникъ, на сколько возможно, поощрялъ поступленіе молодыхъ людей изъ высшаго и средняго классовъ польскаго населенія въ ряды арміи.

Въ то время для поступленія въ армію дворянъ, потомственныхъ гражданъ, дѣтей купцовъ 1-й гильдіи, священниковъ, оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ существовали особыя льготы и права, заключавшіяся въ томъ, что они, поступая вольноопредѣляющимися и прослужа въ арміи 4 года унтеръ-офицерами, производились въ офицеры; при чемъ научныя требованія для вольноопредѣляющихся были весьма ограничены. Въ Польшѣ эти льготныя права для вольноопредѣляющихся не могли быть примѣняемы, потому что въ польскихъ законоположеніяхъ, дѣйствовавшихъ въ то время, сословій не существовало. Фельдмаршалъ въ началѣ 1837 года возбудилъ этотъ вопросъ и обсуждалъ его въ совѣтѣ управленія Царства Польскаго. Льготы, дарованныя въ Россіи вольноопредѣляющимся, предоставляли бѣдному среднему классу возможность выйти на служебное поприще, въ общественномъ мнѣніи почитаемое особенно почетнымъ и обезпечивающимъ матеріальное существованіе служащихъ.

При общемъ уровнѣ образованія того времени и при слабомъ развитіи общественной дѣятельности нельзя не признать, что права эти представляли собою молодымъ

людямъ средняго сословія дѣйствительное благодѣяніе. Съ другой стороны, какъ Государь, такъ и князь Варшавскій были убѣждены, что, хотя исключенія всегда возможны, но что въ общемъ служба въ рядахъ арміи, прививая правильное пониманіе отношеній къ власти, пріучаетъ къ порядку и сдержанности, а слѣдовательно служба эта крайне полезна именно молодымъ людямъ Царства Польскаго. Но для Польши приходилось опредѣлить, какія категоріи лицъ могутъ быть приравнены къ сословіямъ Имперіи, пользовавшимся правами вольноопредѣляющихся, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было не распространять эти права на лицъ, заподозрѣнныхъ въ явной политической неблагонадежности или на тѣхъ, которые занимаются какимъ-либо видомъ промышленности, мелкой торговлей и землепашествомъ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, совѣтъ управленія, съ утвержденія фельдмаршала, постановилъ ходатайствовать о распространеніи правъ вольноопредѣляющихся: *во первыхъ*, на сыновей дворянъ, включенныхъ въ это сословіе воеводскими совѣтами, утвержденныхъ бывшимъ сенатомъ Царства Польскаго и владѣющихъ въ предѣлахъ Царства Польскаго землями; *во вторыхъ*, на дѣтей поручиковъ и подпоручиковъ бывшей польской арміи, не принимавшихъ участія въ мятежѣ, равно и всѣхъ чиновниковъ служащихъ и оставшихся за штатомъ, не уличенныхъ въ сношеніяхъ съ эмиграціею и вообще не заподозрѣнныхъ въ участіи революціонной партіи; *въ третьихъ*, на дѣтей лицъ, производящихъ банкирскія заграничныя дѣла, оптовую торговлю и вообще

на всѣхъ купцовъ, исповѣдывающихъ христіанскую религію, кои по своему имущественному цензу не принадлежатъ къ мелкому торговому классу.

Затѣмъ та же льгота распространялась на всѣхъ окончившихъ курсъ гимназіи и на иностранцевъ, которые докажутъ, что принадлежали въ отечествѣ своемъ къ родовымъ дворянамъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности правами вольноопредѣляющихся не могли воспользоваться только мелкіе торговцы и землепашцы и, конечно, лица, уличенныя въ явной политической неблагонадежности. Первые, т. е. мелкіе торговцы, почти исключительно составлялись изъ еврейскаго населенія Царства Польскаго.

Въ маѣ 1837 года представленіе это было разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ по департаменту Царства Польскаго и утверждено Государемъ *). Съ этого времени въ русскую армію ежегодно поступало значительное число польскихъ уроженцевъ средняго класса и, по мнѣнію князя Варшавскаго, нерѣдко высказываемому, за весьма ничтожнымъ исключеніемъ они отличались добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и къ данной присягѣ.

Въ 1836 году состоялся второй рекрутскій наборъ въ Царствѣ Польскомъ; онъ былъ быстро оконченъ — въ теченіе 4-хъ недѣль. Побѣговъ почти не было и вообще спокойствіе во время набора доказывало, что русское управленіе въ Царствѣ окончательно укрѣпилось и что

*) Законъ 18-го мая 1838 г.

внутренніе безпорядки возможны только при наплывѣ эмигрантовъ *). Во время набора фельдмаршала встревожило только слѣдующее странное и сумасбродное проявленіе въ арміи: унтеръ-офицеръ изъ дворянъ, гусарскаго принца Оранскаго полка, Плавильщиковъ, былъ уличенъ въ томъ, что вмѣстѣ съ нѣсколькими гимназистами подбрасывалъ прокламацію революціоннаго содержанія, оканчивающуюся словами: „да здравствуетъ Леопольдъ I-й, король польскій.“ Государя это дѣло обезпокоило, но при подробномъ его разслѣдованіи оказалось, что выходка Плавильщикова происходила отъ психическаго его разстройства. По существу это пустое дѣло еще разъ доказало, до какой степени Государь внимательно слѣдилъ за духомъ арміи и какое важное значеніе онъ придавалъ малѣйшему проявленію революціоннаго духа. Но при томъ Государь не терпѣлъ и заискиванія, извращающаго чувство вѣрноподданничества въ лицемѣрное низкопоклонство; такъ, напр.: въ Варшавѣ газета Всеобщая (Gazeta powszechnia), желая угодить русскому правительству, заговорила о самодержавіи въ такихъ выспренныхъ и преувеличенныхъ выраженіяхъ, что возможно было предположить даже нѣкоторую скрытую иронію. Государь, прочитавъ эти статьи, былъ ими крайне недоволенъ и заподозрилъ въ составленіи ихъ князя Козловскаго, стараго и замѣчательно образованнаго и умнаго дипломата, къ которому Государь не благоволилъ, но который жилъ у князя

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 1836 года 7-го (19-го) сентября.

Варшавскаго въ качествѣ друга дома, состоя при немъ по особымъ порученіямъ. Фельдмаршалъ спѣшилъ успокоить Государя и оправдать неповиннаго въ этой журнальной безтактности князя Козловскаго. „Газету Повшехню,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „я запре-„тилъ: ибо хотя и до сихъ поръ не найдено, чтобы сіи „статьи были съ дурнымъ намѣреніемъ писаны, что даже „и по всѣмъ секретнымъ розыскамъ ничего не найдено „и что издатель говоритъ, что онъ симъ самымъ хотѣлъ „угодить правительству; но какъ можетъ быть со вре-„менемъ откроется, что онъ былъ виновнымъ, то я за-„претилъ его газету; если же ничего чрезъ нѣсколько „мѣсяцевъ не откроется, то можно будетъ позволить подъ „другимъ именемъ ему имѣть газету; цензоръ былъ бо-„ленъ и вчера умеръ, и тоже говорилъ, что онъ про-„пустилъ, думая, (что) сіи статьи въ монархическомъ „смыслѣ. О князѣ Козловскомъ имѣю счастье донести, „что, по всѣмъ секретнымъ свѣдѣніямъ, онъ и не чи-„талъ этой газеты и не знакомъ съ издателемъ“ *).

Въ концѣ 1836 года умеръ военный губернаторъ Варшавы, сподвижникъ боевыхъ подвиговъ фельдмаршала, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ.

Фельдмаршалъ писалъ, что въ Панкратьевѣ потерялъ вѣрнаго друга и помощника, и сейчасъ же исходатайствовалъ у Государя для его семейства по тому времени значительную пенсію (40,000 злот.) и назначеніе его дочери фрейлиной **).

---

*) Письмо къ Государю отъ 22-го февраля (6-го марта) 1837 г.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю 26-го іюня 1836 года.

Къ этому времени относится Высочайшее пожалованіе князю Варшавскому недостроеннаго Гомельскаго замка съ садомъ и нѣсколькими домами въ городѣ Гомелѣ. Передъ тѣмъ, въ 1834 году, фельдмаршалъ купилъ у графа Румянцова громадное Гомельское имѣніе, приблизительно 200,000 десятинъ земли при 20,000 душъ крестьянъ. На эту покупку употребленъ былъ милліонъ рублей, пожалованный фельдмаршалу послѣ персидской кампаніи изъ суммъ, уплаченныхъ шахомъ русскому правительству, согласно условіямъ туркменчайскаго трактата.

Глава VI.

Мнѣніе фельдмаршала о бар. Розенѣ, какъ правителѣ Кавказа. — Это мнѣніе оправдывается черезъ пять лѣтъ. — Посѣщеніе Государемъ Кавказа и письма его къ фельдмаршалу о тамошнихъ дѣлахъ. — Назначеніе Головина на мѣсто Розена. — Ген.-адъют. Шиповъ. — Итоги дѣятельности Розена на Кавказѣ. — Осмотръ Государемъ Ахалцыха. — „Гостинецъ" второй дочери фельдмаршала. — Царская характеристика народовъ Закавказья и тамошнихъ „управляющихъ." — Награжденіе Головина орденомъ Александра Невскаго. — Предположенія по учебной части. — Статсъ-совѣтникъ Козловскій. — Планъ устройства Вольскаго кладбища. — Отзывъ Государя о Татариновой. — Пожаръ Зимняго дворца. — Тяжелая торговая зависимость Царства Польскаго отъ Пруссіи. — Домогательства послѣдней. — Проектъ чугунно-конной дороги отъ Варшавы до австрійской границы. — Несогласія съ государственнымъ совѣтомъ и гр. Канкринымъ. — Царскій декретъ. — Важныя послѣдствія желѣзной дороги. — Уніатскій вопросъ. — Дѣятельность эмисаровъ. — Скшинецкій на бельгійской службѣ. — Опасеніе войны и соотвѣтственныя распоряженія. — Близость неизбѣжной борьбы двухъ началъ (добра и зла), по мнѣнію Государя. — Гимназическіе заговоры. — Образованіе варшавскаго учебнаго округа и подчиненіе его русскому министру народнаго просвѣщенія. — Вопросъ объ интернатахъ при гимназіяхъ. — Форменная одежда воспитанниковъ. — Шоссейныя дороги въ Царствѣ Польскомъ. — Проектъ образованія акціонернаго общества для постройки такихъ же дорогъ въ Имперіи. —

Переписка по этому поводу съ гр. Воронцовымъ. — Комитетъ 5 лицъ. — Упорно непріязненное къ проекту отношеніе гр. Канкрина. — Злоупотребленія по герольдіи. — Вопросъ о княжескихъ и графскихъ титулахъ. — Сообщничество русскихъ офицеровъ съ польскими заговорщиками. — Конфедерація стражей польской народности. — Впечатлѣніе, произведенное на поляковъ ссылкою въ Сибирь политическихъ преступниковъ.

Послѣ штурма варшавскихъ укрѣпленій, командиръ 6-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ, преслѣдуя отрядъ Ромарино къ австрійскимъ границамъ, получилъ назначеніе командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющаго гражданскою частью Кавказской области.

Назначеніе это было неожиданно; по крайней мѣрѣ, фельдмаршалъ узналъ о немъ, когда оно уже состоялось. Но еще баронъ Розенъ не успѣлъ изъ Петербурга доѣхать до Тифлиса, какъ фельдмаршалъ рѣшился высказать свое мнѣніе о вновь назначенномъ правителѣ Кавказа. „Баронъ Розенъ,“ писалъ князь Варшавскій Государю *), „не можетъ остаться на Кавказѣ; рано или поздно Вы будете принуждены перемѣнить его, чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше, ибо онъ запутаетъ дѣла такъ тамъ, что послѣ трудно ихъ кончить будетъ. Первое достоинство въ томъ краѣ въ правителѣ есть мужество и твердость. Вы изволите знать „Розена, имѣетъ ли онъ хотя мало характера? Начиная

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 20-го марта 1832 года.

„съ Преображенскаго *) полка, до теперешняго вре-
„мени онъ не имѣлъ характера и такта."

Государь не отвѣчалъ на столь откровенно высказанное мнѣніе и фельдмаршалъ уже не повторялъ его.

Пять лѣтъ спустя, осенью 1837 года, Государь черезъ Воронежъ прибылъ въ Тифлисъ и объѣзжалъ Закавказье.

Письма Государя къ фельдмаршалу о посѣщеніи Кавказа крайне интересны; въ нихъ Государь отдавалъ какъ бы отчетъ о всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ, сообщая свои мысли и мнѣнія. Въ общемъ Государь былъ очень недоволенъ Кавказомъ, т. е. управленіемъ барона Розена. „Бѣдный Розенъ всѣми поставленъ въ „дураки," писалъ Государь: „такъ оно остаться не „можетъ... должно сознаться, что его (Розена) непо„мѣрная слабость и недостатокъ способностей сему „краю въ *прямой вредъ* **).

Государь былъ пораженъ массою злоупотребленій по всѣмъ отраслямъ Кавказскаго управленія: присутственныя мѣста, чиновники, мѣстныя власти — всѣ безнаказанно и безконтрольно, какъ выражался Государь, „грабили до крайности; эта зараза своекорыстья до„стигла и военную часть, до невѣроятной степени, даже „до того, что я вынужденъ былъ сдѣлать неслыханный „примѣръ, на собственномъ моемъ флигель-адъютантѣ,

---

*) Баронъ Розенъ началъ службу въ Преображенскомъ полку въ 1781 году и служилъ въ немъ до 1806 года; въ 1826 году онъ получилъ 6-й (Литовскій) корпусъ.

**) Письмо изъ Тифлиса отъ 11-го октября 1837 г., см. прил. № 34.

„командирѣ Ериванскаго полка князѣ Дадіанѣ, даромъ „что онъ женатъ на дочери бѣднаго Розена.“ Флигель-адъютантъ князь Дадіанъ былъ уличенъ дѣйствительно въ невѣроятныхъ злоупотребленіяхъ. Весь его полкъ, почти въ цѣломъ составѣ, едва одѣтый, исключительно работалъ въ имѣніяхъ командира полка. Государь, въ Тифлисѣ, на разводѣ, громогласно высказавъ свое негодованіе Дадіану, приказалъ военному губернатору снять съ него флигель-адъютантскіе аксельбанты и эполеты и съ фельдъ-егеремъ отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія суду. Желая нѣсколько смягчить впечатлѣніе, Государь тутъ же назначилъ флигель-адъютантомъ сына барона Розена, о которомъ писалъ фельдмаршалу, что „онъ храбрый и добрый малый“ *).

Собственно къ правителю Кавказа, барону Розену, Государь относился довольно мягко и даже благосклонно. „Бѣдный Розенъ... онъ дѣлалъ по крайнему разумѣнію, „но его не переродить и порокъ его все портитъ. „Стало, себя виню, что не умѣлъ лучше выбрать.“

Затѣмъ, далѣе, Государь пишетъ: „полагаю, что Розенъ самъ попросится прочь и я его не удержу, надо „знать впередъ, какъ его прилично и надежно замѣнить „можно, а потому обращаюсь къ тебѣ съ вопросомъ, „кого совѣтуешь мнѣ назначить? У меня ввиду теперь „только Головинъ, думаешь ли ты, чтобъ былъ онъ на „сіе совершенно способенъ и ежели такъ, то кѣмъ мнѣ „его замѣнить у тебя? вопросъ важный и который не

---

*) См. въ томъ же приложеніи.

„умѣю разрѣшить. Поспѣши мнѣ отвѣтомъ“ *). Государь ожидалъ съ нетерпѣніемъ отвѣта фельдмаршала. Пять дней спустя послѣ перваго письма, Государь писалъ фельдмаршалу, что Розенъ рѣшительно проситъ оставить мѣсто командующаго на Кавказѣ, и что, не получая отвѣта отъ фельдмаршала, Государь ни на что рѣшиться не можетъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ, въ отвѣтъ на запросъ Государя, отвѣчалъ: „Генералъ-лейтенанта Головина я „считаю способнымъ на мѣсто Розена и если угодно „его будетъ туда назначить, то осмѣливаюсь просить „на мѣсто его генералъ-губернатора Западной Сибири „князя Горчакова, ибо на сіе мѣсто, кромѣ способнаго „человѣка, надо просвѣщеннаго, который бы въ мое „отсутствіе могъ управлять и не былъ бы кичливъ“ **).

Государь, получивъ отвѣтъ фельдмаршала, немедленно назначилъ командующимъ на Кавказѣ генерала Головина, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что отдать Горчакова считаетъ невозможнымъ; что „давно въ Сибири нуженъ „начальникъ, который, подобно ему, умѣлъ бы видѣть „вещи съ настоящей точки. Его пріемами я очень до„воленъ и надѣюсь, что, наконецъ, и Сибирь увидитъ „свѣтъ Божій“ ***). На мѣсто Головина Государь предлагалъ генералъ-адъютанта Шипова, но не рѣшался назначить его, не получивъ на то согласіе фельдмар-

---

*) См. въ томъ же приложеніи.

**) Письмо отъ 25-го октября 1837 г.

***) Письмо отъ 31-го октября (12-го ноября) 1837 г. См. прил. № 34.

шала. Фельдмаршалъ на назначеніе Шипова былъ согласенъ и вслѣдъ за тѣмъ Шиповъ и былъ назначенъ главнымъ директоромъ коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Съ назначеніемъ генерала Головина, на Кавказѣ сталъ вводиться проектъ преобразованія управленія Кавказомъ, составленный княземъ Паскевичемъ еще въ 1830 году. Первымъ дѣйствіемъ Головина на Кавказѣ было учрежденіе совѣта управленія, безъ котораго князь Паскевичъ полагалъ невозможнымъ управлять и въ особенности контролировать присутственныя мѣста и мѣстныя управленія.

Баронъ Розенъ, пріѣхавъ на Кавказъ, рѣшительно отказался отъ предположеній князя Паскевича, съ главными основаніями которыхъ соглашалась и сенаторская ревизія, назначенная по просьбѣ фельдмаршала въ послѣдній годъ его управленія Кавказомъ. Въ особенности Розенъ былъ противъ учрежденія совѣта управленія, какъ нарушающаго, будто бы, единоличную власть главноуправляющаго гражданскою частью Кавказской области (т. е. его собственную власть).

Подводя итоги дѣятельности барона Розена на Кавказѣ, Государь отдавалъ справедливость той пользѣ, которую онъ принесъ, проведя дороги отъ Редутъ-Кале и отъ Ахалцыха черезъ Боржомское ущелье и отъ Ахалцыха до Гумри, а затѣмъ на Сардаръ-Абадъ, Эривань и Тифлисъ; но Головину предстояло обуздать злоупотребленія по всѣмъ частямъ управленія, возбуждавшія „всеобщій вопль“, какъ писалъ Государь фельд-

маршалу, а безъ помощниковъ, собранныхъ въ совѣтѣ управленія, это было бы слишкомъ трудно.

Осматривая Ахалцыхъ, Государь вспомнилъ знаменитый штурмъ ахалцыхскихъ укрѣпленій княземъ Паскевичемъ. „Удивлялся на мѣстѣ тому“, писалъ Государь фельдмаршалу, „чему по описаніямъ досель дивился“... „ты вѣрно самъ догадаешься, любезный мой отецъ-командиръ, что первая мысль моя былъ *ты.*“ Государь подробно осматривалъ ахалцыхскія укрѣпленія, при чемъ генералъ Эспехо на мѣстѣ объяснялъ Его Величеству ходъ штурма и главные его эпизоды; въ тотъ же день Государь писалъ фельдмаршалу: „прими еще разъ отъ „меня, изъ самаго мѣста пріобрѣтенной тобою славы, „мое искреннее и душевное спасибо.“

Въ этомъ же письмѣ Государь добавилъ: „найденный „мною здѣсь гостинецъ прошу отъ меня вручить второй твоей дочери,“ — это былъ фрейлинскій шифръ.

Возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, на пути, изъ Воронежа, Государь написалъ фельдмаршалу весьма вѣрную характеристику народовъ Закавказья. „Полагаю, „что тебѣ любопытно будетъ имѣть понятіе объ общемъ „впечатлѣніи, на меня произведенномъ тѣмъ, что въ короткое время успѣлъ видѣть или слышать. За Кавка„зомъ вообще христіане народъ предобрый, благодарный „за всякое добро и способный ко всѣмъ будущимъ ви„дамъ правительства. Армяне — полезные, но великіе „проныры и почти подобны польскимъ жидамъ; они намъ „вѣрны по расчету, ихъ надо вести твердо, справедливо, „но безъ всякаго баловства. Татары — храбрые, усерд-

„ные, жадные наградъ, *но не введи насъ во искушенiе,* „ихъ тоже должно вести справедливо, твердо. Ново-„прiобрѣтенные персiяне, курды и турки смирны, бла-„годарны за добро, но требуютъ еще большей осто-„рожности въ обхожденiи съ ними. Изъ всего этого „слѣдуетъ, что въ семъ краѣ столько различныхъ со-„ставныхъ частей, что ежели вездѣ нужны умные и „честные исполнители, то тѣмъ паче здѣсь. Но, къ не-„счастiю, убѣжденiя, что сiе непремѣнное условiе къ „общему благоустройству здѣсь исполнено, у меня нѣтъ, „и по всѣмъ вѣроятiямъ немногiе изъ управляющихъ „поняли свою обязанность, или даже честными названы „быть могутъ.“

Желая наградить службу Головина въ Польшѣ, фельдмаршалъ исходатайствовалъ ему орденъ Александра Невскаго. Награда эта имѣла особое значенiе для Головина; она, по словамъ его „поставила его въ уровень“ съ его сверстниками, отъ которыхъ онъ во время отставки „отсталъ.“

Головинъ, выѣзжая изъ Польши, оставлялъ только что имъ начатое дѣло о преобразованiи вѣдомства учебныхъ заведенiй. Намѣстникъ Царства хотѣлъ, насколько возможно, связать это вѣдомство съ министерствомъ народнаго просвѣщенiя Имперiи и ввести въ среднiя заведенiя Царства программу преподаванiя гимназiй Имперiи.

Въ этихъ видахъ поручено было Головину, взявъ съ собою статсъ-совѣтника Козловскаго, ознакомить его съ учебными заведенiями Петербурга и Москвы. Коз-

ловскій, старый и весьма образованный чиновникъ, былъ указанъ Головинымъ, какъ наиболѣе способный дѣятель для предстоящей по учебной части реформы.

Не смотря на лестные отзывы Головина о Козловскомъ, фельдмаршалъ относился къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Козловскій былъ католикъ и въ дѣлахъ, относящихся до католическаго духовенства, онъ дѣйствовалъ не вполнѣ согласно съ видами правительства. „Хорошо, что взяли съ собою Козловскаго", писалъ фельдмаршалъ Головину въ Петербургъ, „но я долженъ „сказать Вамъ, что онъ, какъ начальникъ отдѣленія „духовныхъ дѣлъ, заслуживаетъ если не обвиненія, то, „по крайней мѣрѣ, упрека по дѣлу уніатскаго епископа. „Сей послѣдній обнаруживается самымъ недоброжела-„тельнымъ къ намъ человѣкомъ; доказано, что въ одномъ „мѣстечкѣ обратили 100 душъ уніатовъ въ католическую „вѣру и епископъ не могъ не знать этого" *).

Тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ признавалъ возможнымъ употреблять на службѣ несомнѣнно способнаго Козловскаго, но при этомъ говорилъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, что „смотрѣть за ними нужно, а „это дѣло наше начальническое и безъ этого ничѣмъ „управлять нельзя, потому люди всегда бываютъ съ „недостатками."

Такая снисходительность была тѣмъ болѣе необходима, что въ это время, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, русскіе люди университетскаго образованія не

---

*) Письмо 22-го января 1838 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

рѣшались поступать на службу въ Царство Польское и при дарованныхъ льготахъ все-таки нельзя было, напримѣръ, ввести преподаванie во всѣхъ гимназiяхъ Польши русской исторiи на русскомъ языкѣ. Приходилось, слѣдовательно, по всѣмъ отраслямъ управленiя и народнаго образованiя пользоваться мѣстнымъ служебнымъ людомъ. При этомъ фельдмаршалъ не признавалъ возможнымъ, отстраняя отъ служебной дѣятельности мѣстный элементъ, создавать изъ образованныхъ классовъ населенiя всегда наиболѣе вредный въ политическомъ отношенiи пролетарiатъ.

Козловскiй подробно осматривалъ учебныя заведенiя въ Петербургѣ и Москвѣ, и, какъ мы увидимъ, его наблюденiя вскорѣ пришлось примѣнять къ учебнымъ заведенiямъ Польши.

Кромѣ того, фельдмаршалъ поручилъ Головину доложить Государю дѣло по устройству церкви и кладбища въ Вольскомъ укрѣпленiи. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ дѣлѣ; имъ князь Паскевичъ лично занимался, воздвигая прочный памятникъ погибшимъ соратникамъ своимъ при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленiй. По этому поводу Головинъ писалъ фельдмаршалу изъ Петербурга: „При вчерашней прощальной аудiенцiи „я имѣлъ счастiе доложить Государю Императору о „предположенiи, дабы, не переустраивая Вольскiй ко„стелъ, оставить его въ томъ видѣ по наружности, въ „какомъ онъ былъ при взятiи укрѣпленiя штурмомъ, „какъ памятникъ этого важнаго событiя, сообразно съ „цѣлiю, съ которою Вольское укрѣпленiе возобновлено,

„съ обращеніемъ въ красиво устроенное православное „кладбище, а затѣмъ передѣлать только одну внутренность костела этого въ русскую церковь, гдѣ имѣютъ „быть устроены бронзовыя доски съ надписями. Его „Императорское Величество безъ малѣйшаго возраженія изволилъ согласиться на это предположеніе, какъ „вполнѣ соотвѣтствующее общему плану."

Предположеніе это вскорѣ было выполнено; и до настоящаго времени Вольская церковь — наиболѣе выдающійся памятникъ главныхъ подвиговъ русской арміи подъ стѣнами Варшавы въ 1831 году.

Нельзя при этомъ еще разъ не отмѣтить обстоятельство, наиболѣе свидѣтельствующее о вѣротерпимости Государя и его ближайшаго помощника, князя Варшавскаго. Мы уже знаемъ, что фельдмаршалу были извѣстны религіозныя убѣжденія генерала Головина; тѣмъ не менѣе, князь Варшавскій совѣтовалъ Государю вручить ему управленіе цѣлымъ краемъ.

Передъ отъѣздомъ на Кавказъ, на прощальной аудіенціи, Государь, пишетъ Головинъ фельдмаршалу: „изволилъ говорить мнѣ о знакомствѣ моемъ съ госпожей „Татариновой и хотя весьма милостиво, но съ весьма „невыгоднымъ для нея заключеніемъ. Его Величество „изволилъ, впрочемъ, ограничиться только тѣмъ, что „взялъ съ меня обѣщаніе прервать съ нею сношенія" *). Сношенія эти уже давно были прерваны; но

*) Письма Головина къ фельдмаршалу изъ Петербурга и по пути. См. въ прил. № 36, всего 6 писемъ.

конечно, въ другія времена, человѣкъ, какихъ бы онъ ни былъ способностей, завѣдомо принадлежащій къ сектѣ, въ сущности, хлыстовской, едва ли получилъ бы управленіе Кавказомъ.

Передъ пріѣздомъ Головина въ Петербургъ произошелъ пожаръ, до тла истребившій старый Зимній дворецъ. Государь писалъ объ этомъ фельдмаршалу 3-го января 1838 года: „Надо благодарить Бога, что пожаръ случился не ночью и что, благодаря общему усердію „гвардіи, Эрмитажъ мы отстояли и спасли почти все „изъ горѣвшаго дворца. Жаль старика, хорошъ былъ; „но подобныя потери можно исправить, и съ помощью „Божіею надѣюсь къ будущему году его возобновить „не хуже прошедшаго и, надѣюсь, безъ большихъ „издержекъ. Усердіе общее и трогательное; одно здѣшнее „дворянство на другой день хотѣло мнѣ представить „12 милліоновъ, тоже купечество и даже бѣдные люди. „Эти чувства для меня дороже Зимняго дворца; разумѣется, однако, что я ничего не принялъ и не приму: „у русскаго Царя довольно и своего; но память этого „подвига для меня новое драгоцѣнное добро!“ *).

Въ это время по управленію Польшей фельдмаршала особенно озабочивала тяжелая торговая зависимость, въ которой находилось Царство Польское отъ Пруссіи. Пользуясь свободнымъ транзитомъ черезъ Царство Польское на Одессу, Пруссія одновременно взи-

---

*) Всѣ письма Императора Николая Павловича къ фельдмаршалу за 1838 годъ, въ числѣ 15-ти, помѣщены въ прил. № 37.

мала огромныя пошлины съ польскихъ товаровъ, проходившихъ транзитомъ черезъ прусскія границы. Въ торговомъ отношеніи стремленія Пруссіи состояли въ томъ, чтобы присоединить Царство Польское къ германскому таможенному союзу, иначе говоря—отодвинуть для своей торговли русскую государственную границу до старой польской границы 1772 года.

Въ 1825 году былъ заключенъ торговый договоръ съ Пруссіей на 9 лѣтъ; по истеченіи этого срока Пруссія отказалась возобновить его и стали домогаться вышесказанныхъ, невозможныхъ для Россіи условій.

Между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетами переговоры по этому поводу продолжались медленно и довольно безуспѣшно, а между тѣмъ Пруссія, какъ писалъ графъ Нессельроде нашему послу въ Берлинѣ Рибопьеру, „своимъ таможеннымъ тарифомъ довела Польшу до всеобщаго вопля.“

Фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что насколько Пруссія въ политическихъ дѣлахъ готова слѣдовать указаніямъ русскаго правительства, на столько по торговымъ вопросамъ слѣдуетъ всегда ожидать, въ сношеніяхъ съ нею, трудно разрѣшимыхъ несогласій. Вотъ почему князь Варшавскій искалъ возможности направить польскіе товары, съ одной стороны, на Австрію, а съ другой—на Виндаву или Либаву, т. е. въ обходъ Пруссіи *).

Задавшись такою цѣлью, фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ

*) Подробности о торговыхъ домогательствахъ Пруссіи см. у Мартенса, т. VIII, стр. 242—254.

тѣмъ, хотѣлъ соединить польскіе горные заводы съ Варшавою и Австріей; именно въ это время австрійское правительство приступило къ проведенію желѣзной дороги отъ Вѣны до Тріеста и Бохніи. На первое время фельдмаршалъ желалъ провести дорогу отъ Варшавы до главнаго горнаго завода въ Нивкахъ, и такимъ образомъ осталось бы не болѣе трехъ миль до оконечности дороги изъ Вѣны въ Бохнію. Конечно, при дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла князь Варшавскій разсчитывалъ соединить обѣ линіи, т. е. русскую и австрійскую. Предполагалось, какъ тогда выражались, провести „чугунно-конную дорогу,“ содержа на каждой станціи до 30-ти лошадей для возки вагоновъ.

При содѣйствіи главнаго директора правительственной коммисіи финансовъ Фурмана нашлась компанія для постройки такой дороги. Банкиръ Штейнкеллеръ предлагалъ построить дорогу въ 4 года уже не на Нивки, а на Бохнію, стоимостью примѣрно до 20 милліоновъ злотыхъ (т. е. 3 милліона рублей). Штейнкеллеръ принималъ на себя реализацію этой суммы, при томъ, все желѣзо, потребное для постройки дороги, доставлялось бы исключительно заводами Царства Польскаго. Акціонерная компанія Штейнкеллера испрашивала отъ правительства поручительство въ ежегодной уплатѣ „недо„стающаго отъ дохода дороги къ 4% дивиденда отъ „капитала, на постройку употребленнаго.“ Предполагалось, что компанія, какъ только постройка дороги окончится, получитъ полные 4% съ затраченнаго капитала, а затѣмъ, весь доходъ, превышающій эти 4%,

пошелъ бы на уплату выданныхъ правительствомъ во время постройки денегъ съ процентами. Послѣ чего доходъ свыше 4% поступалъ бы на погашеніе акціонернаго капитала, съ тѣмъ, что, за уплатою послѣдняго, дорога съ подвижнымъ составомъ перейдетъ въ собственность казны *).

Фельдмаршалъ горячо и энергично взялся за это дѣло; но въ Петербургѣ государственный совѣтъ и въ особенности министръ финансовъ графъ Канкринъ не соглашались съ его мнѣніемъ, находя, что вообще дѣло постройки желѣзной дороги слишкомъ рисковано и что обязательство гарантировать 4% съ капитала, затраченнаго на постройку, не обезпечивается доходностью дороги. Государственный совѣтъ находилъ, при этомъ, что предполагаемая желѣзная дорога не въ состояніи будетъ покрыть и со временемъ затраченный на ея постройку капиталъ. Повидимому, вообще польза въ торговомъ отношеніи желѣзной дороги не вполнѣ тогда сознавалась государственнымъ совѣтомъ. Тѣмъ не менѣе Государь подписалъ декретъ о постройкѣ дороги изъ Варшавы въ Бохнію; но въ частномъ письмѣ, отъ 28-го января, писалъ фельдмаршалу: „Дѣло о желѣзной до-„рогѣ считаю весьма полезнымъ, ежели австрійское пра-„вительство не запретъ намъ свои границы на подобіе „Пруссіи, чѣмъ всѣ наши расчеты рушились бы. Какъ „сіе предупредить — не придумаю“ **).

---

*) См. въ прилож. № 38 докладную записку Фурмана.

**) Всѣ письма Императора Николая Павловича къ фельдмаршалу, за 1839 годъ, въ числѣ 12-ти, помѣщены въ прилож. № 39.

Нѣсколько странно, что декретъ, подписанный Государемъ, былъ препровожденъ вмѣстѣ съ журнальнымъ постановленіемъ государственнаго совѣта, Государемъ не утвержденнымъ, а фельдмаршалу предоставлялось или исполнить декретъ, или, согласясь съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, отказаться отъ постройки желѣзной дороги. По этому поводу фельдмаршалъ писалъ Государю: „Дѣйствительный статскій совѣтникъ Туркулъ сообщилъ мнѣ декретъ Вашего Императорскаго „Величества и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаніе департамента „государственнаго совѣта по дѣлу о желѣзной дорогѣ „къ австрійской границѣ. Мнѣ предоставлено или привести въ исполненіе декретъ, или остановить все дѣло, „если я раздѣляю мнѣніе совѣта. Между тѣмъ оказалось, что всѣ сомнѣнія совѣта разрѣшаются объясненіями, почерпнутыми изъ бумагъ, которыя я представилъ прежде. Дѣло же само по себѣ такъ ясно, просто и выгодно, что казна, рискуя употребить 370 тысячъ злотыхъ, будетъ имѣть желѣзную дорогу, которая, принося ей пользы по 780 тысячъ въ годъ, обратится, наконецъ, въ собственность казны, что составитъ капиталъ въ 21 милліонъ, по цѣнѣ постройки, и „въ 50 милліоновъ, по ожидаемому доходу. Въ бумагахъ, которыя я вмѣстѣ съ симъ посылаю господину „Туркулу, подробно объяснены всѣ причины, по которымъ я рѣшился привести въ исполненіе декретъ Вашего Императорскаго Величества“ *).

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

Опасенія Государя, къ счастію, не оправдались, Австрія не послѣдовала примѣру Пруссіи и постройка желѣзной дороги началась въ 1839 году и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, изъ конной дороги превратилась въ паровую. По расчетамъ, оказавшимся вполнѣ вѣрными, въ первое же время чугунно-конная дорога доставила казнѣ значительную выгоду уменьшеніемъ цѣнъ на перевозку соли и замѣною дровъ каменнымъ углемъ. Выгоды эти выразились въ ежегодной суммѣ 780 тысячъ злотыхъ, но, конечно, желѣзный путь отъ Варшавы въ Вѣну, проходя черезъ горные заводы и плодоноснѣйшія земли Царства Польскаго, оживилъ и обогатилъ промышленность и торговлю всего края.

Государь особенно радостно встрѣтилъ 1839 годъ. Отвѣчая на поздравленіе фельдмаршала, Государь писалъ: „Благодарю тебя искренно, мой любезный отецъ „командиръ, за добрыя желанія на наступившій годъ. „Вѣрю твоей дружбѣ и прошу тебя ея продолженія. „Прошлымъ годомъ намъ пожаловаться нельзя; будемъ „молить Бога намъ даровать подобный же. Наше положеніе недурно: финансы никогда не были въ лучшемъ положеніи; армія твоими трудами въ хорошемъ „состояніи; запасы полны; духъ вообще хорошъ; торговля процвѣтаетъ. Есть за что благодарить Бога и „молить только о продолженіи сего благополучія *).

Радостное настроеніе Государя происходило, какъ

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 4-го (16-го) января 1839 года. См. прил. № 39.

кажется, отчасти отъ подготовлявшагося въ то время присоединенія уніатовъ Бѣлоруссіи и Литвы къ православію. Это важное событіе завершилось въ Полоцкѣ 12-го февраля 1839 года. Для нашего времени оно тѣмъ болѣе назидательно, что событіе это не вызывалось административнымъ вмѣшательствомъ или какими то ни было понудительными мѣрами. Собравшись въ Полоцкѣ, греко-уніатское духовенство единодушно подписало соборное постановленіе о присоединеніи къ православію. Святѣйшій Сvнодъ въ началѣ марта того же года опредѣлилъ: „по правиламъ святыхъ отцевъ, принять епископовъ, священниковъ и всю паству греко-„уніатской церкви въ полное и совершенное общеніе „святой православно-каѳолической восточной церкви и „въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской."

Присоединеніе 2-хъ милліоновъ уніатовъ къ православію несомнѣнно усилило русскую народность Бѣлоруссіи и Литвы, и тѣмъ болѣе прочно, что оно совершилось безъ волненій, съ полнымъ согласіемъ всего народа. Это объясняется тѣмъ, что съ 1828 года уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ установилъ богослуженіе на точномъ основаніи папскихъ буллъ 1595 года, положившихъ начало уніи. Такимъ образомъ народъ въ дѣйствительности не сознавалъ себя отдѣленнымъ отъ православной церкви. Это возможно было сдѣлать еще и потому, что всѣ іерархи греко-уніатскіе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, русскіе по происхожденію, всегда чуждались польскаго католическаго элемента, исторически имъ враждебнаго, а затѣмъ, основанная въ томъ же

году, полоцкая духовная академія и губернскія семинаріи греко-уніатскаго вѣроисповѣданія воспитали цѣлое поколѣніе священно-служителей въ духѣ православной религіи.

Въ Царствѣ Польскомъ уніатскій вопросъ находился въ положеніи иномъ и, въ смыслѣ единенія съ православіемъ, крайне неблагопріятномъ. Высшее духовенство греко-уніатскаго вѣроисповѣданія утратило сознаніе русской національности и вліяніе римско-католическаго духовенства было настолько сильно, что унія въ Польшѣ, издавна усвоивъ обрядность почти римско-католическую, тяготѣла скорѣе къ Риму, чѣмъ къ россійскому Святѣйшему Сѵноду.

Въ управленіе краемъ фельдмаршала, въ первый разъ со времени существованія уніи въ Польшѣ, были сдѣланы попытки возстановить славянскую обрядность въ греко-уніатскихъ церквахъ. Но это были только первые шаги для достиженія цѣли въ далекомъ будущемъ.

Такимъ образомъ присоединеніе уніатовъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не имѣло непосредственнаго вліянія на греко-уніатскую церковь въ Польшѣ.

Еще съ конца 1838 года фельдмаршалъ постоянно получалъ извѣстія о новыхъ проискахъ польской эмиграціи. Снова Лелевель отправлялъ эмисаровъ преимущественно изъ остатковъ „наѣзда“ 1835 года. Въ Варшавѣ получены были списки этихъ эмисаровъ, предназначаемыхъ въ Польшу и Литву, и одновременно, во Франціи, съ паденіемъ министерства Молле, 36 тысячный корпусъ, подъ начальствомъ герцога Орлеан-

скаго, придвинулся къ сѣвернымъ границамъ Франціи. Эти проявленія совпадали съ нѣсколько загадочнымъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: главнокомандующій бывшей польской арміи Скшинецкій, проживавшій въ Прагѣ, съ обязательствомъ, подъ честнымъ словомъ, не выѣзжать оттуда, бѣжалъ въ Бельгію и былъ принятъ королемъ Леопольдомъ на службу, не смотря на протесты Австріи и Пруссіи, при чемъ первая прервала дипломатическія сношенія съ брюссельскимъ кабинетомъ. При этихъ данныхъ фельдмаршалъ допускалъ возможность войны. „Скржинецкій,“ писалъ онъ Государю, „какъ главнокомандующій, не выказалъ особенной талантливости, тѣмъ не менѣе онъ способнѣе всѣхъ остальныхъ бельгійскихъ генераловъ“ *).

Затѣмъ фельдмаршалъ, обсуждая появленіе Скшинецкаго въ рядахъ бельгійской арміи, не могъ допустить, чтобы король Леопольдъ, принявъ его на службу и тѣмъ отказываясь отъ добрыхъ отношеній съ тремя сѣверными державами, не имѣлъ серьезныхъ воинственныхъ намѣреній. Движеніе арміи герцога Орлеанскаго могло имѣть значеніе вспомогательнаго корпуса, приданнаго бельгійской арміи, а можетъ быть и авангарда французской арміи въ наступленіи на Германію и Пруссію. Государь не только раздѣлялъ опасенія фельдмаршала, но значительно преувеличивалъ ихъ. „Вызовъ Скржинецкаго,“ писалъ Его Величество фельдмаршалу, „пріемъ его на службу вопреки Австріи

---

*) Особую записку фельдмаршала о Скшинецкомъ см. въ прил. № 40.

„и Пруссіи, по моему, не есть простое дѣйствіе Бель-„гіи; но явный признакъ, что подъ симъ именемъ нынѣ „таится или является *общая* пропаганда съ характе-„ромъ революціонно-католико-фанатическимъ. Самый „выборъ Скржинецкаго *не что иное.* Отважность же „отказать Австріи и Пруссіи и то тогда, когда, *пови-„димому*, никогда союзъ пяти державъ не былъ едино-„душнѣе въ цѣли своей, есть *дерзость* (которая) не въ „характерѣ... Леопольда, у котораго все расчетъ. Я „полагаю, что этотъ... чувствуя, что ему не удержаться, „рѣшился испытать послѣдній ему предлагавшійся спо-„собъ, т. е. стать головой, вмѣсто Луи Филиппа, всѣхъ „революціонистовъ и этимъ оружіемъ намъ противо-„борствовать. Не знаю какъ и въ какой мѣрѣ Англія „и Францiя захотятъ и возмогутъ принудить Бельгію „покориться изреченному конференціей*); но ежели сіе „сбудется, то, полагаю, не на долго, и предвижу все „неизбѣжную войну. Эта война будетъ не обыкновен-„ная, но ужасная свалка двухъ началъ: *зла* противъ „*добра*. Сомнѣваюсь, чтобъ при слабомъ устройствѣ „Германіи успѣхъ былъ на сторонѣ добра и, при-„знаюсь, опасаюсь большихъ несчастій и распростране-„нія зла быстро и далеко. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда „закричатъ къ намъ, требуя помощи. Въ ней отказу не „будетъ, ибо, защищая *добрую* сторону, мы себя бу-„демъ защищать. Но не иначе пойду на помощь, какъ „съ тѣмъ, чтобъ другихъ заставить дѣлать по нашему,

*) О ея нейтралитетѣ и относительно владѣнія Люксенбургомъ.

„и потому не 50 тысячъ поведу, но по крайней мѣрѣ „300 тысячъ, иначе (не) пойду ни на шагъ; а буду „ждать, чтобъ объ насъ сломились. Обдумать и приго-„товить все для этого есть предметъ нынѣшнихъ моихъ „попеченій.

„Я намѣренъ двинуть за границу 1-й, 2-й, 3-й и 4-й „гренадерскіе и гвардейскій пѣшіе корпуса и гвардей-„скіе 2-й и 3-й резервные кавалерійскіе корпуса. Гдѣ, „сколько и какихъ лошадей и во сколько времени за-„купить можно, и сколько мѣстными способами можно „заготовить продовольствія для пути сихъ войскъ, ихъ „сосредоточенія и составленія, по крайней мѣрѣ, двух-„мѣсячнаго на польской границѣ запаса—вотъ вопросы „къ твоему разсмотрѣнію и возможному рѣшенію" *).

Фельдмаршалъ приступилъ къ обсужденію вопросовъ, предложенныхъ Государемъ **), но въ теченіе конца февраля обстоятельства нѣсколько выяснились, о войнѣ не помышляла ни Францiя, ни Бельгія, но замыслы эмиграціи проявились и въ Литвѣ, и въ Польшѣ. Почти во всѣхъ гимназіяхъ Царства Польскаго (конечно, въ старшихъ классахъ) открылись заговоры, составленные по инструкціямъ и подъ руководствомъ прибывшихъ изъ-за границы эмисаровъ. Въ то время эмисары эмиграціи не осмѣливались, какъ это было въ 1835 году, образовывать вооруженныя шайки. Научен-

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 7-го (19-го) февраля 1839 года. См. прил. № 39.

**) Письмо къ Государю отъ 17-го февраля 1-го марта 1839 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

ные опытомъ, они, на этотъ разъ, составляли, преимущественно изъ учебной молодежи, тайныя общества, связывающія Польшу съ Литвою *).

При столь тревожныхъ обстоятельствахъ фельдмаршалъ въ концѣ марта 1839 года выѣхалъ въ Петербургъ. Государь все-таки вѣрилъ еще въ возможность войны, и для обсужденія движенія русской арміи за границу ждалъ фельдмаршала въ Петербургъ.

Фельдмаршалъ пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца. Опасенія войны уже не существовали, но слухи о заговорахъ въ Польшѣ и Литвѣ усиливались.

Въ Петербургѣ фельдмаршалъ окончательно условился съ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ относительно реформы учебныхъ заведеній въ Польшѣ. Реформа эта была тѣмъ болѣе необходима, что въ большинствѣ среднихъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго обнаружилась наклонность къ постояннымъ заговорамъ и сношеніямъ съ прибывающими изъ-за границы эмисарами. Главныя основанія этой реформы заключались въ томъ, что въ Польшѣ всѣ гимназіи приспособлялись для подготовленія юношей къ поступленію въ русскіе университеты и др. высшія учебныя заведенія Имперіи. Затѣмъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ для усиленія воспитательнаго элемента и надзора за учениками гимназій. Тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ

*) Тайное сообщество обнаружено среди учениковъ кѣлецкой гимназіи, изъ коихъ двое пытались пробраться за границу, но были пойманы. Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 6-го (18-го) марта 1839 г. Сем. арх. кн. Паскевича. См. также Сборн. пост. по министерству нар. просв., т. II, отд. втор., стр. 14—15, изд. 2-е. Спб. 1876.

русскихъ учителей, нашли возможнымъ только увеличить число часовъ для преподаванія русскаго языка. Главное и выдающееся постановленіе этой реформы состояло въ образованіи варшавскаго учебнаго округа, входящаго въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія *). Такимъ образомъ народное образованіе Польши въ 1839 году поступило въ вѣдѣніе русскаго министерства народнаго просвѣщенія. Это было первое и знаменательное сліяніе одного изъ главнѣйшихъ отдѣловъ управленія Царства съ Имперіею. Этимъ способомъ фельдмаршалъ, между прочимъ, надѣялся пріобрѣсти для учебныхъ заведеній Польши наибольшій контингентъ русскихъ учителей, безъ которыхъ поступленіе изъ гимназій Царства въ университеты (хотя то входило въ смыслъ самой реформы) было слишкомъ затруднительно.

По управленію вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія Польши были установлены отношенія намѣстника Царства къ министру народнаго просвѣщенія. Отношенія эти выражались, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ распоряженія министра народнаго просвѣщенія приводились не иначе въ исполненіе, какъ съ согласія намѣстника, и попечитель округа, въ дѣйствительности, подчинялся во всѣхъ отношеніяхъ распоряженіямъ князя Варшавскаго. Но главенство министра народнаго просвѣщенія надъ учебными заведеніями Польши должно было проявиться въ единствѣ образовательнаго на-

---

*) Декретъ 20-го ноября (2-го декабря) 1839 года.

правленія и учебныхъ программъ, введенныхъ Уваровымъ для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи, въ системѣ надзора и дисциплины и наконецъ въ пополненіи личнаго состава преподавателей изъ казеннокоштныхъ студентовъ университета и педагогическаго института *).

Государь настаивалъ на учрежденіи при гимназіяхъ интернатовъ, т. е. закрытыхъ пансіоновъ, но фельдмаршалъ отклонилъ исполненіе въ этомъ отношеніи воли Его Величества **). Въ Польшѣ, по мнѣнію фельдмаршала, интернаты были невозможны уже потому, что освобождали бы гимназистовъ отъ общаго за ними надзора полицейскихъ властей Царства, а при тогдашнемъ личномъ составѣ воспитателей учебнаго вѣдомства Царства интернаты легко могли оказать скорѣе вредное, чѣмъ полезное вліяніе.

Кромѣ того, при интернатѣ, родители освобождались бы отъ отвѣтственности за поведеніе гимназистовъ и отъ надзора за ними. Наконецъ, учрежденіе интерната отстранило бы значительное число малоимущихъ учениковъ отъ поступленія въ гимназіи.

Вообще фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что только при постепенномъ преобразованіи личнаго состава воспитателей интернаты могутъ быть полезны. „Хотя жаль,“ писалъ Государь фельдмаршалу, „что мысль пансіоновъ

---

*) Попечителемъ варшавскаго учебнаго округа былъ назначенъ генералъ-маіоръ Окуневъ.

**) Письмо къ Государю отъ 8-го (20-го) декабря 1839 года. Сем. арх. кн. Варшавскаго.

„невозможна въ исполненіи, но совершенно согласенъ „съ тобою въ причинахъ, которыя должны удержать „насъ въ исполненіи сего преждевременнаго дѣла“ *).

Государь прадавалъ не малое значеніе мундирамъ, введеннымъ въ среднія учебныя заведенія Польши; они, по мнѣнію начальства, облегчая надзоръ за учебной молодежью, обязывали ее къ нѣкоторой сдержанности и дисциплинѣ **).

Въ 1839 году принятая система въ Царствѣ Польскомъ сооруженія шоссейныхъ дорогъ оказала замѣчательно успѣшные результаты. По всѣмъ 8-ми направленіямъ, указаннымъ въ 1832 году генералу Христіани фельдмаршаломъ, шоссированіе дорогъ было почти окончено.

Система эта заключалась въ томъ, что Польскій банкъ, подъ техническимъ надзоромъ генерала Христіани и офицеровъ вѣдомства путей сообщенія, производилъ работы по шоссированію всѣхъ указанныхъ правительствомъ дорогъ. Правительство уплачивало банку съ затраченнаго капитала 5% и опредѣляло, по своему усмотрѣнію, постепенное погашеніе капитала.

Быстрое сооруженіе шоссейныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ приготовленіе къ постройкѣ желѣзо-конной дороги акціонернымъ обществомъ Штейнкеллера, въ то время, было нѣчто необычайное, вызывавшее удивленіе всего современнаго общества.

---

*) Письмо 14-го декабря 1839 г.

**) Всеподданнѣйшій докладъ министра нар. просв. отъ 31-го марта 1840 г.

Въ концѣ мая 1839 года фельдмаршалъ отправился въ Карлсбадъ для пользованія минеральными водами. Передъ его отъѣздомъ, одинъ изъ директоровъ Польскаго банка, графъ Лубенскій, участвовавшій въ сооруженіи шоссейныхъ дорогъ въ Царствѣ, предложилъ фельдмаршалу составить акціонерное общество для постройки шоссейныхъ дорогъ въ *Россіи* на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, на коихъ это было сдѣлано относительно шоссейныхъ дорогъ въ Польшѣ *). Фельдмаршалъ разрѣшилъ составленіе такого акціонернаго общества, но окончательное разсмотрѣніе его условій отложилъ до своего возвращенія изъ-за границы. Фельдмаршалъ, повидимому, не былъ убѣжденъ, что акціонерное общество для сооруженія въ Россіи шоссейныхъ дорогъ, какъ бы оно ни было выгодно, будетъ утверждено въ Петербургѣ. Министръ финансовъ графъ Канкринъ, отъ котораго главнымъ образомъ это дѣло зависѣло, не любилъ, по выраженію Государя, „соглашаться на дѣла, не имъ придуманныя“, и кромѣ того графъ Канкринъ былъ тогда особенно раздраженъ за проектъ акціонернаго общества Штейнкеллера, утвержденный вопреки его мнѣнію.

Между тѣмъ, еще до поѣздки фельдмаршала на воды въ Карлсбадъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, слѣдуя изъ Одессы чрезъ Варшаву за границу (въ Англію и Шотландію), былъ пораженъ количествомъ и качествомъ шоссейныхъ дорогъ

---

*) См. прил. № 41.

въ Польшѣ. „Прекрасныя ваши шоссе,“ писалъ онъ фельдмаршалу изъ Лондона 11-го марта 1839 года, „особливо возбудили мое вниманіе, удивленіе, не скажу „зависть, потому что это далеко отъ моихъ мыслей; но „сожалѣніе, что у насъ кромѣ московскаго шоссе ни„чего нѣтъ подобнаго. Дружескія сообщенія, сдѣланныя „вашими властями и дѣловыми людьми въ Варшавѣ на „счетъ устроенія сихъ шоссе и расходовъ, съ ними „сопряженныхъ, были для меня чрезвычайно интересны „и особливо тѣмъ, что построеніе сихъ шоссе далеко „не стоило того, что у насъ полагается необходимымъ „для таковаго дѣла, хотя по многимъ причинамъ у насъ „нигдѣ не должно сіе стоить болѣе, нежели въ Цар„ствѣ, а въ мѣстностяхъ, изобильныхъ камнемъ, оно „должно стоить дешевле. Не хочу никого хулить и „особливо приписывать кому бы то ни было дурныхъ „или нечистыхъ намѣреній; но письмо сіе не есть оф„фиціальное, и я могу вамъ сказать откровенно, что, по „моему мнѣнію, хотя я не знаю, по какой причинѣ, во „всѣхъ смѣтахъ и работахъ вѣдомства нашего депар„тамента путей сообщенія есть какой-то безпрестан„ный порокъ, отъ котораго расходы всегда дѣлаются „неимовѣрны; 15 лѣтъ безпрестанныхъ сношеній по „сей части, къ несчастію, не позволяютъ мнѣ въ семъ „сомнѣваться, и я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ „предлагалъ правительству на счетъ нѣкоторыхъ важ„ныхъ предположеній, вмѣсто обыкновеннаго рода, пред„ложить таковыя работы капиталистамъ, какъ своимъ „русскимъ, такъ и въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ только,

„чтобы правительство обезпечило для предпріятія во „всякомъ случаѣ умѣренный дивидентъ. Предложенія „мои не были приняты; теперь я вижу въ газетахъ, „что важное дѣло желѣзныхъ дорогъ отъ Варшавы до „Кракова исполняется именно по сей системѣ — вѣр„нѣйшая и, я думаю, дешевлѣйшая изъ всѣхъ; но обра„тясь опять къ дѣлу нашихъ шоссе, въ нѣкоторомъ „размѣрѣ столь для насъ необходимыхъ, я слышалъ въ „Варшавѣ отъ господъ Шипова, Поля и Лубинскаго, „что Варшавскій банкъ, столь много сдѣлавшій по сей „части въ Царствѣ, предлагалъ нашему министру фи„нансовъ сдѣлать у насъ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ „верстъ, не помню сколько, шоссе подобныхъ вашимъ, „употребивъ на это отъ 100 до 200 милліоновъ зло„тыхъ, съ однимъ только условіемъ — получать 20 лѣтъ „отъ нашего правительства по 8 процентовъ. Если это „такъ, то я никакъ не могу понять, почему сіе пред„положеніе не было принято; опытъ доказалъ, что си„стема шоссе въ Царствѣ и хороша, и дешева; въ ва„шихъ дорогахъ нѣтъ ничего лишняго, но находится „все, что нужно для хорошаго и вѣрнаго сообщенія; „ширина оныхъ не роскошная, но совершенно доста„точная для всякихъ проѣздовъ; нѣтъ чугунныхъ вы„золоченныхъ мостовъ, но вездѣ, гдѣ нужно, есть про„стые, но солидные и красивые мосты, хорошія, пра„вильныя гати, сильныя перила, словомъ сказать, все „это для безпрестаннаго сообщенія и, слѣдовательно, „для благоденствія по сей части края нужно; съ дру„гой стороны, опытъ, къ несчастію, доказалъ, что та-

„ковыя работы у насъ стоятъ такъ несоразмѣрно до-
„рого, что дорогъ или не дѣлаютъ, или дѣлается оныхъ
„несравненно менѣе, нежели бы можно сдѣлать по ва-
„шей системѣ. Конечно, въ Имперіи столь пространной
„нельзя ожидать, чтобы, по крайней мѣрѣ на долгое
„еще время, были вездѣ хорошія дороги; со всѣмъ тѣмъ,
„въ теперешнемъ положеніи нашего народонаселенія,
„внутренней торговли и мануфактурной дѣятельности,
„нѣкоторыя легкія постоянныя сообщенія необходимы,
„и нѣкоторыя линіи шоссе должны быть изъ важнѣй-
„шихъ предметовъ правительства.“

Графъ Воронцовъ не успѣлъ узнать въ Варшавѣ подробности этого дѣла. Не Польскій банкъ, а акціонерное общество графа Лубенскаго предполагало представить дѣло на заключеніе министра финансовъ, но только послѣ того, какъ фельдмаршалъ одобритъ всѣ условія, предлагаемыя обществомъ правительству.

Затѣмъ, въ томъ же письмѣ, графъ Воронцовъ писалъ: „Я знаю, что въ Петербургѣ чувствуютъ нужду
„таковой мѣры; споръ идетъ только на счетъ нужныхъ
„на то расходовъ и какимъ образомъ приступить къ
„работѣ. Повторяю, что если поручить сіе важное дѣло
„нашему департаменту путей сообщенія, то расходы въ
„смѣтахъ и на дѣлѣ будутъ столь огромны, что или къ
„дѣлу не приступятъ, или сдѣлаютъ гораздо менѣе, или
„надобно будетъ времени вдвое или втрое болѣе, не-
„жели нужно, и мы все остаемся на долгое время и
„совершенно неизвѣстное безъ необходимыхъ сообще-
„ній; обратясь же къ системѣ вашей, я увѣренъ, что

„все это сдѣлается легко, хорошо, скоро и съ расхо-„дами умѣренными и, слѣдовательно, возможными. По „всему, что я слышалъ, я долженъ заключить, что вы „сами, почтенный князь Иванъ Федоровичъ, не далеки „отъ того же мнѣнія; если это такъ, то я имѣю боль-„шую надежду, что, съ важнымъ подкрѣпленіемъ вашего „покровительства, благодѣтельная для Россіи сія мѣра „правительствомъ нашимъ примется. Сдѣлайте милость, „осчастливьте меня двумя строками на сей счетъ, и „если вы полагаете сіе возможнымъ, то скажите, какъ „вы полагаете можно бы приступить къ такому проекту, „я готовъ о семъ писать и представлять все, что вы „почтете возможнымъ и приличнымъ, чтобы я сдѣлалъ, „но отъ меня ничто не примется съ надеждою успѣха, „если вашъ голосъ меня не поддержитъ“ *).

Военный министръ графъ Чернышевъ, съ своей стороны, готовъ былъ содѣйствовать тому же дѣлу; онъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ былъ сторонникомъ системы князя Варшавскаго по устройству шоссейныхъ дорогъ.

Фельдмаршалъ представилъ Государю проектъ акціонернаго общества графа Лубенскаго, а графъ Воронцовъ, съ своей стороны, оффиціально заявилъ о необходимости учрежденія акціонернаго общества приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ. Основанія эти заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что общество

---

*) См. въ прил. № 42, а, б, в, переписку фельдмаршала съ М. С. Воронцовымъ.

принимало на себя постройку всѣхъ шоссейныхъ дорогъ, которыя ему будутъ указаны. Въ представленномъ общемъ планѣ работъ общества предполагалось шоссировать 7,000 верстъ въ теченіе 5 или 10 лѣтъ. Общество требовало гарантію, заключающуюся въ 5% съ затрачиваемаго капитала, при амортизаціи, которую предоставлялось опредѣлить самому правительству. Кромѣ того, общество принимало, по дѣйствительной стоимости, всѣ матеріалы, заготовленные по предполагаемымъ къ шоссированію линіямъ.

Всѣ смѣты работъ общества утверждались правительствомъ.

Для обсужденія этого проекта въ Петербургѣ былъ учрежденъ комитетъ изъ князя Васильчикова, графа Толя, графа Чернышева, графа Канкрина и графа Строганова *).

Комитетъ не принялъ проекта Лубенскаго, какъ кажется, вслѣдствіе упорно непріязненнаго къ нему отношенія министра финансовъ. Князь Варшавскій, по административнымъ дѣламъ, относящимся къ Имперіи, не могъ дѣйствовать съ тою же энергіей, которую онъ проявлялъ въ дѣлахъ Царства Польскаго. При весьма почтительномъ отношеніи къ намѣстнику Царства Польскаго, большинство государственныхъ дѣятелей въ Петербургѣ скрывало затаенную къ нему зависть и, по внутреннимъ дѣламъ Имперіи, старалось отклонять его

*) См. въ прилож. № 43 объяснительное письмо фельдмаршала, отъ 8-го (20-го) декабря 1839 г., № 368, къ гр. Чернышеву.

вліяніе. Впрочемъ, князь Варшавскій, вѣроятно сознавая это настроеніе, не участвовалъ въ обсужденіяхъ вышесказаннаго комитета; къ тому же, въ то время, дѣла Царства Польскаго всецѣло поглощали его вниманіе и дѣятельность.

По смыслу органическаго статута, дворянство въ Польшѣ пріобрѣтало права извѣстной представительности. Кромѣ того, Государь, какъ мы уже знаемъ, предполагалъ уравнять права дворянства польскаго съ русскимъ. Въ этихъ видахъ при правительственной коммисіи юстиціи было учреждено отдѣленіе герольдіи, для пересмотра правъ на дворянство.

Въ концѣ 1838 года утверждено въ правахъ на званіе потомственныхъ дворянъ 3,863 лица *). Но командированные фельдмаршаломъ ревизоры открыли нѣсколько фальшивыхъ свидѣтельствъ, выданныхъ на дворянство архивомъ герольдіи. Тогда фельдмаршалъ назначилъ члена государственнаго совѣта гр. Курнатовскаго для пересмотра дѣйствій герольдіи. Открылись злоупотребленія, главнымъ образомъ заключавшіяся въ признаніи потомственнаго дворянства по фальшивымъ документамъ **). Виновные были отданы подъ судъ, а главному директору юстиціи Коссецкому предполагалось дать отставку.

Тогда же былъ возбужденъ вопросъ о княжескихъ

---

*) Отношеніе фельдмаршала къ статсъ-секретарю гр. Грабовскому въ ноябрѣ 1838 г. Арх. гос. сов., д. 1838 г., № 13.

**) Письмо къ Государю 31-го января (12-го февраля) 1838 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

и графскихъ титулахъ дворянъ Царства Польскаго. „Коммисія, наряженная для сего,“ писалъ фельдмаршалъ Государю 29-го декабря 1838 года (10-го января 1839 года), „въ ясномъ и хорошо изложенномъ отчетѣ своемъ „изложила, что титуловъ никогда не было въ королев„ствѣ польскомъ; что это только дурнымъ и слабымъ „правленіемъ сего государства позволялось, и что се„натъ, признавъ сіи титулы, вышелъ изъ наставленія, „ему даннаго, и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ все „это пересмотрѣть? Но какъ сіи лица были, по пове„лѣнію Императора Александра I-го, покойнаго Госу„даря, опубликованы, то я далъ направленіе здѣшнему „государственному совѣту: что мы, по симъ причинамъ, „не имѣемъ права разсматривать. При томъ же я зналъ „мнѣніе про сіе обстоятельство Вашего Императорскаго „Величества, которое мнѣніе Ваше угодно было Вамъ, „Всемилостивѣйшій Государь, мнѣ объявить два года „тому назадъ, т. е.: какъ сіи лица и фамиліи были по „повелѣнію покойнаго Государя опубликованы, то Вамъ „угодно ихъ оставить при титулахъ. Въ семъ смыслѣ „я это дѣло и представлялъ“ (чрезъ статсъ-секретаря Туркула).

1839 годъ окончился крайне грустно для Царства Польскаго. Заговорщики среднихъ учебныхъ заведеній и заграничные эмисары, учреждавшіе эти тайныя крамолы, были арестованы. Въ Вильнѣ открыто, что нѣсколько офицеровъ (русскихъ по рожденію) участвовали въ польскихъ заговорахъ. Въ особенности они уличались въ сношеніяхъ съ Конарскимъ, разстрѣлян-

нымъ въ Вильнѣ 15-го (27-го) февраля 1839 года. Князь Паскевичъ посылалъ въ Вильно, для присутствія при разслѣдованіи этого дѣла, генерала-полицеймейстера своей арміи Стороженко, а затѣмъ, по порученію Государя, и своего начальника штаба, кн. Горчакова *). Слѣдствіе обнаружило обширный заговоръ, обнимавшій Литву, юго-западныя губерніи и Царство Польское и имѣвшій правильную организацію, народную кассу и типографію. Онъ носилъ названіе „Конфедераціи стражей польской народности.“ Командиръ 1-го корпуса, къ которому принадлежали русскіе офицеры, обличенные въ сообщничествѣ съ польскими заговорщиками, генералъ-лейтенантъ баронъ Гейсмаръ, былъ замѣщенъ, по предложенію князя Варшавскаго, генераломъ Тимофѣевымъ **).

Въ Варшавѣ, по конфирмаціи, въ первый разъ политическіе преступники были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. „Къ удивленію моему,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „публикація въ газетахъ о здѣшнихъ „политическихъ преступникахъ, сосланныхъ въ Сибирь, „не только не произвела противнаго противу прави„тельства раздраженія, но даже говорили, что прави„тельство хорошо сдѣлало, что высылаетъ изъ обще„ства людей, которые ихъ такъ безславятъ“ ***).

*) Письма фельдмаршала къ Государю отъ 16-го (28-го) мая, 6-го (18-го) іюня и 29-го іюня (11-го іюля) 1839 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю, отъ 20-го іюля (1-го августа) 1839 г.

***) Письмо 29-го іюня (11-го іюля) 1839 г.

Глава VII.

Неурожай 1840 г. — Возвращеніе къ вопросу о сосредоточеніи управленія римско-католическою церковью въ Имперіи и Царствѣ въ одной общей коллегіи. — Уніатская церковь въ Царствѣ: Шумборскій и его викарій Гриневецкій; патроны-католики. — Подляшскій епископъ Гутковскій; его фанатическія выходки. — Отношеніе къ дѣлу Гутковскаго римскаго двора. — Записка польскаго духовенства. — Рѣшительный отвѣтъ фельдмаршала. — Учрежденіе православнаго архіепископства въ Варшавѣ. — Русское духовное училище. — Заслуги архіепископа Антонія. — Его отзывъ объ уніатахъ. — Присоединеніе къ православію уніатовъ с. Люхова. — Противодѣйствіе Шумборскаго. — Кончина короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III. — Завѣщаніе короля. — Новый король, его политическія убѣжденія и намѣренія. — Двойственность его направленія. — Піэтическій проектъ короля. — Египетскія дѣла. — Согласіе русскаго правительства съ сенъ-джемскимъ кабинетомъ по египетскому вопросу. — Изолированность Франціи. — Лондонскій договоръ четырехъ державъ 3-го (15-го) іюля. — Военныя приготовленія Франціи. — Порученіе, данное фельдмаршалу къ королю прусскому. — Предложеніе, сдѣланное фельдмаршаломъ королю. — Торговые переговоры фельдмаршала съ прусскимъ правительствомъ. — Несогласіе Государя относительно степени участія русскихъ войскъ въ европейской войнѣ. — Окончаніе египетскаго вопроса.—Исправленіе денежной системы (реформа Канкрина).— Отмѣна внутреннихъ таможенъ Царства (по границѣ съ Имперіей).—Пожалованіе фельдмаршалу имѣнія Демблинъ.— Институтъ сельскаго хозяйства. — Реальная гимназія. —

Юридическіе курсы и юридическое образованіе польскаго юношества въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ.— Правительственный контроль надъ частнымъ воспитаніемъ юношества въ Царствѣ. — Права польскихъ татаръ на государственную службу. — Познанское собраніе земскихъ чиновъ и политическое броженіе среди поляковъ. — Конвенція 1841 года.

Въ началѣ 1840 г. отъ неурожая озимыхъ хлѣбовъ грозилъ голодъ народонаселенію средней Россіи.

„Требованія помощи“, писалъ Государь фельмаршалу 3-го (15-го) января, „непомѣрныя; въ двѣ губерніи тре-„буютъ 28 милліоновъ, гдѣ ихъ взять? Всего страшнѣе, „что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ буду-„щемъ году будетъ уже рѣшительный голодъ, но врядъ ли „успѣемъ закупить и доставить во-время“ *).

Дѣло доходило до того, что Государь опасался, что и Петербургъ будетъ нуждаться въ хлѣбѣ. Государь просилъ фельдмаршала изыскать средства для доставки изъ Царства Польскаго въ Россію хлѣба по удешевленнымъ цѣнамъ. Князю Паскевичу удалось направить въ среднюю Россію часть хлѣба Царства Польскаго, но вслѣдствіе невыгодныхъ условій транспортированія хлѣбныхъ грузовъ, цѣны на польскій хлѣбъ въ продажѣ оказались слишкомъ невыгодными, а потому сбытъ его въ Россію былъ весьма ограниченъ. Фельдмаршалъ писалъ тогда, что, по его мнѣнію, „голодъ всегда возмо-„женъ тамъ, гдѣ нѣтъ значительныхъ посѣвовъ кар-

---

*) Всѣ письма Императора Николая Павловича къ фельдмаршалу, за 1840 г., въ числѣ 27-ми, помѣщены въ прилож. № 44.

„тофля, такихъ, какъ въ Германіи и какъ теперь въ „Польшѣ, ибо только съ тѣхъ поръ онаго (т. е. голода) „не существуетъ въ Германіи, когда начали въ большомъ „количествѣ сѣять картофель.“

„Фридриху Великому“, добавлялъ фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ къ Государю, „много трудовъ стоило „ввести это; даже были законы, чтобы заставлять сѣ-„ять этотъ продуктъ“ *).

Заботы по продовольствію голодающей средней Россіи не отвлекли Государя отъ дѣлъ и по внутреннему устройству Царства Польскаго.

Государь Николай Павловичъ не легко отказывался отъ разъ имъ усвоенной мысли. Въ 1840 г. онъ снова возвращается къ предположенію о сосредоточеніи управленія римско-католическою церковью Царства Польскаго въ Петербургѣ, „въ одно цѣлое, для всей Имперіи и „для всего Царства, въ коллегіи, учрежденной самимъ „папою, какъ это было при батюшкѣ (Императорѣ „Павлѣ)“ **).

Фельдмаршалъ оспаривалъ возможность такого учрежденія. „Осмѣливаюсь доложить“, писалъ онъ Государю***), „что присоединеніе духовенства католическаго въ Польшѣ къ консисторіи с.-петербургской поведетъ насъ „къ нескончаемымъ спорамъ съ папою и даже можетъ „случиться, что многіе епископы сдѣлаются ослушными.

---

*) Письмо къ Государю изъ Варшавы отъ 7-го (19-го) іюля 1840 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо къ фельдмаршалу отъ 1-го (13-го) мая 1840 г.

***) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 7-го (19-го) мая 1840 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

„Притомъ и самому папѣ нельзя, не потерявши ува-
„женія отъ своихъ, согласиться, чтобы архіепископство
„въ Царствѣ было уничтожено; они даже до сихъ поръ
„не уничтожили еще именъ епископствъ, находящихся
„триста лѣтъ въ турецкомъ владѣніи, и даютъ эти на-
„званія другимъ епископамъ, пребывающимъ въ другой
„части свѣта“ *).

Вопросы по управленію римско-католическою церковью были въ 1840 году возбуждены Государемъ по поводу осложненій, проявившихся въ то время какъ въ уніатской, такъ и въ римско-католической церквахъ Царства Польскаго.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что въ 1829 г., по просьбѣ русскаго правительства, папскій нунцій въ Вѣнѣ, Петръ Уго, отдѣлилъ холмскую уніатскую епархію отъ галицкой митрополіи, поставивъ ее въ непосредственное сношеніе съ римско-католической люблинской епископской каѳедрой. Послѣ усмиренія мятежа, фельдмаршалъ, сознавая, что вышесказанная мѣра усиливаетъ вліяніе латинства въ средѣ уніатскаго духовенства, старался возвратить въ уніатскихъ церквахъ славянскую обрядность и богослуженіе. Такимъ образомъ, по указанію фельдмаршала, главный директоръ духовныхъ дѣлъ, генералъ Головинъ, успѣлъ уговорить уніатскаго епископа Шумборскаго приступить къ исправленію литургикона. При исправленіи обрядовъ и богослуженія, приводимыхъ къ первоначальному славянскому

*) Письмо 7-го (19-го) іюля 1840 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

ихъ виду и формѣ, постепенно уничтожается въ сознаніи народномъ различіе уніатской церкви отъ православной. Вмѣстѣ съ тѣмъ викарій епископа Шумборскаго, Гриневецкій, занимался преподаваніемъ русскаго языка въ средѣ холмскаго населенія.

Въ 1839 г., въ то время, когда литовскіе уніаты были присоединены къ православной церкви, въ холмской семинаріи уже началось преподаваніе русскаго языка, а въ каѳедральномъ уніатскомъ соборѣ города Холма устроены были, согласно православной обрядности, царскія врата.

Иниціатива Шумборскаго къ водворенію въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ устройства православныхъ церквей могла имѣть громадное значеніе.

Но, къ сожалѣнію, примѣръ холмскаго собора не былъ принятъ въ церквахъ холмской епархіи. У Шумборскаго не хватило на то ни умѣнія, ни энергіи. Считая себя до нѣкоторой степени подчиненнымъ вообще римско-католическому духовенству, Шумборскій подпалъ подъ вліяніе католическаго подляшскаго епископа Гутковскаго, крайне враждебнаго всѣмъ начинаніямъ въ духѣ русской народности. Притомъ, приходскія уніатскія церкви находились въ Польшѣ подъ покровительствомъ такъ называемыхъ „патроновъ русскихъ (т. е. „греко-уніатскихъ) церквей“ *).

---

*) Только въ царствованіе Императора Александра II уничтожена зависимость уніатскаго духовенства отъ иновѣрныхъ ктиторовъ и патроновъ. См. „соборный актъ холмскаго духовенства“ 18-го февраля 1875 г. въ книгѣ Корженевскаго.

Патроны эти были католики — въ большинствѣ случаевъ мѣстные помѣщики, которые всѣ привыкли относиться къ греко-уніатской церкви какъ къ переходной ступени къ чистому римскому католичеству, а потому они постоянно и упорно отстаивали всѣ новизны, введенныя латинствомъ въ среду уніатскую.

Такимъ образомъ начинанія фельдмаршала по греко-уніатскому вопросу въ Царствѣ Польскомъ были въ 1840 г. парализованы, главнымъ образомъ, вліяніемъ подляшскаго епископа Гутковскаго. Монахъ-доминиканецъ, Гутковскій всегда отличался ярымъ фанатизмомъ, но со временемъ, достигнувъ епископства, онъ, казалось, утратилъ чувство всякой мѣры и законности.

Въ 1840 г. онъ потребовалъ публичнаго съ каѳедръ церквей своей епархіи оглашенія анаѳемы всѣмъ некатоликамъ и всѣмъ смѣшаннымъ бракамъ, а приходскаго священника, старшаго своего родного брата, за неисполненіе такого его требованія, подвергъ публичному тѣлесному наказанію“ *).

Фельдмаршалъ немедленно назначилъ надъ Гутковскимъ слѣдствіе. Въ слѣдственную коммисію, согласно каноническимъ правиламъ, назначенъ былъ депутатъ отъ духовенства подляшской епархіи. Съ данными, добытыми слѣдствіемъ, былъ посланъ курьеръ въ Римъ, а епископъ Гутковскій, по Высочайшему повелѣнію, былъ заключенъ въ православный монастырь въ Вильнѣ.

---

*) Оффиціальное письмо фельдмаршала къ И. Л. Туркулу отъ 26-го апрѣля (8-го мая) 1841 г., № 1234. Варшавскій арх. старыхъ д., Sek. III, 10, в, № 156.

Папа и римскій дворъ отнеслись къ дѣлу Гутковскаго крайне неблагопріятно; въ особенности вліятельный кардиналъ статсъ-секретарь не расположенъ былъ къ нашему правительству. Русскій посланникъ въ Римѣ графъ Потемкинъ совѣтовалъ, по наущенію кардинала Капачини, помощника статсъ-секретаря (къ Россіи, будто бы хорошо расположеннаго) послать папѣ собственноручное письмо Его Величества, въ которомъ Государь, „подтверждая обѣщаніе Высочайшаго покро-„вительства римско-католической церкви въ государствѣ, „объяснилъ бы, что Гутковскій уволенъ по политиче-„скимъ, а отнюдь не по религіознымъ видамъ, а потому „Его Величество надѣется, что римскій первосвящен-„никъ самъ приметъ нужныя мѣры для понужденія Гут-„ковскаго сложить съ себя званіе подляшскаго епи-„скопа“ *). Фельдмаршалъ полагалъ опаснымъ послѣдовать совѣтамъ Потемкина. „Послушается ли папа „Вашихъ предложеній“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „не откажетъ ли онъ, прочитавши даже письмо, „а потомъ и опубликуетъ съ хвастовствомъ въ конклавѣ „отказъ свой на оное. Вотъ мысли, которыя возникли „при чтеніи сего донесенія. Если бы можно увѣрену „быть, что письмо примется съ должнымъ уваженіемъ, „то въ такомъ случаѣ можно бы согласиться“ **).

При этихъ обстоятельствахъ Государь хотѣлъ обра-

---

*) Записка фельдмаршала, приложенная къ письму отъ 9-го (21-го) іюня 1840 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Тамъ же.

титься къ папѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ сосредоточить управленіе римско-католическою церковью, назначивъ общаго митрополита для Царства Польскаго и Россіи. Благодаря убѣжденіямъ фельдмаршала, дѣло это было пріостановлено. Но Его Величество все-таки не отказался отъ своей завѣтной мысли. „Изъ Рима", писалъ фельдмаршалъ въ то же время Государю, „самыя дурныя извѣстія я имѣю на счетъ папы, „онъ совершенно противу насъ, о дѣлѣ епископа „Гутковскаго папа говоритъ какъ въ XV вѣкѣ."

Вѣроятно, настроеніе римскаго двора возымѣло вліяніе на все католическое духовенство Царства Польскаго, потому что тогда же, не смотря на удаленіе Гутковскаго, остальные епископы и администраторы католическихъ епархій Царства Польскаго подали князю-намѣстнику записку, въ которой въ нѣсколькихъ пунктахъ излагались просьбы и желанія по неважнымъ обстоятельствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражалось весьма искусно стремленіе ослабить правительственный надзоръ за дѣйствіями епархіальной власти и за преподаваніемъ въ духовныхъ школахъ.

Отвѣтъ фельдмаршала былъ на столько рѣшителенъ, что, за все время его намѣстничества, духовенство уже никогда не рѣшалось выражать подобнаго рода стремленія и желанія *).

Въ томъ же 1840 г. произошло существенное измѣненіе въ управленіи православною епархіею въ Царствѣ.

---

*) См. прилож. № 45, а, б, в.

Варшавское викаріатство, бывшее въ подчиненіи волынской епархіи, преобразовано въ самостоятельную епархію и варшавскій епископъ Антоній возведенъ въ санъ архіепископа. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ писалъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, что въ Царствѣ Польскомъ, сверхъ шести епархіальныхъ церквей и причтовъ, находится около 60 священниковъ при войскахъ дѣйствующей арміи, при госпиталяхъ и при крѣпостныхъ церквахъ, и что число православнаго духовенства еще увеличивается въ краѣ съ учрежденіемъ самостоятельной варшавской епархіи. Между тѣмъ въ Царствѣ нѣтъ ни одного училища, въ которомъ дѣти православнаго духовенства могли бы получить образованіе, соотвѣтственное ихъ званію. Нѣтъ даже ни одного свѣтскаго училища, въ которомъ преподаваніе было бы вполнѣ русское, т. е. въ которомъ читались бы всѣ предметы на русскомъ языкѣ. Въ виду сего фельдмаршалъ предполагалъ учредить въ Варшавѣ духовноучебныя заведенія трехъ разрядовъ: приходское, уѣздное и семинарію.

На сихъ главныхъ основаніяхъ, въ 1840 г., открыто въ Варшавѣ духовное училище, которому былъ приданъ общій характеръ средне-образовательной классической школы (свѣтскіе ученики освобождались отъ уроковъ по греческому языку, церковному уставу и нотному пѣнію) *).

---

*) Архіепископъ Антоній самъ составилъ программу духовныхъ училищъ. По его плану преподавались слѣдующіе предметы: *а)* въ приготовительномъ классѣ (двухгодичный курсъ): 1) чтеніе по славянски, чтеніе и письмо русское и польское; 2) сокращенный катехи-

Архіепископъ Антоній пользовался довѣріемъ намѣстника Царства, и управленіе его Варшавской епархіей заслужило общую признательность и добрую о немъ память. При немъ открылось 11 новыхъ приходовъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ съумѣлъ призвать наилучшихъ представителей русскаго духовенства какъ для служенія въ православныхъ церквахъ Царства Польскаго, такъ и для преподаванія въ гимназіяхъ русскаго языка и Закона Божія. Но одна изъ главныхъ заслугъ архіепископа Антонія заключалась въ томъ, что, зная хорошо польскій языкъ и не чуждаясь иновѣрцевъ, онъ внушилъ къ себѣ уваженіе всего мѣстнаго населенія и благотворно вліялъ на уніатское населеніе. Такъ, напримѣръ: при освященіи имъ новопостроенной церкви въ Яблочинскомъ монастырѣ присутствовало все мѣстное уніатское населеніе, въ томъ числѣ пять уніатскихъ священниковъ. По сему поводу архіепископъ Антоній писалъ Св. Сѵноду: „готовность быть православными, „какъ въ мірянахъ, такъ и въ священникахъ уніатскихъ, „весьма замѣтна; остается только пожелать, чтобъ епар„хіальное ихъ начальство подало имъ собою примѣръ „къ тому“ *).

зисъ; 3) церковное простое пѣніе; 4) первыя четыре правила ариѳметики; 5) начала русской грамматики; *b)* въ общихъ классахъ (четырехгодичный курсъ): 1) пространный катехизисъ; 2) уставъ церковный; 3) нотное обиходное пѣніе; 4) краткая священная и церковная исторія; 5) продолженіе и окончаніе русской, славянской и польской грамматикъ; 6) продолженіе и окончаніе ариѳметики; 7) грамматика латинская; 8) грамматика греческая; 9) начала языка нѣмецкаго; 10) начала языка французскаго; 11) исторія Россійскаго государства и 12) географія.

*) Рапортъ Св. Сѵноду отъ 20-го декабря 1840 г. за № 1010.

Вѣроятно, вслѣдствіе его вліянія крестьяне села Люхова въ началѣ 1840 г. подали намѣстнику Царства просьбу о присоединеніи ихъ къ православной церкви, съ тѣмъ, чтобы по ихъ бѣдности построенъ былъ для нихъ православный храмъ на счетъ казны; что̀ по Высочайшему повелѣнію и было исполнено.

Тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что единичный примѣръ жителей села Люхова не можетъ имѣть сколько нибудь серьезнаго значенія. Уніатскій вопросъ могъ быть рѣшенъ въ русскомъ православномъ и національномъ смыслѣ не народонаселеніемъ, а уніатскимъ духовенствомъ. Для народа, исповѣдующаго такъ называемую уніатскую вѣру, догматическая часть религіи представляется весьма смутно и неясно, одна обрядность имѣетъ въ глазахъ ихъ первенствующее значеніе. Мирное и спокойное возвращеніе уніатовъ въ лоно православной церкви, по мнѣнію фельдмаршала, могло быть совершено только доброй волей уніатскаго духовенства, какъ это и было въ литовскихъ губерніяхъ въ 1839 г. Къ сожалѣнію, въ то время, высшее уніатское духовенство было воспитано въ духѣ латинства и римской нетерпимости. Вотъ почему уніаты польскіе не послѣдовали примѣру литовскихъ. Епископъ Шумборскій, по приказанію Государя, былъ вызванъ въ Петербургъ. Государь надѣялся, что Шумборскій, переговоривъ съ прежними, какъ выражался Государь Николай Павловичъ, „его товарищами,“ т. е. литовскими епископами, присоединившимися къ православію, подчинится ихъ вліянію. Но „прежніе товарищи“ Шум-

борскаго постепенно подготовлены были воспитаніемъ къ переходу въ православіе, а Шумборскій, наоборотъ, смолоду былъ преисполненъ воззрѣній римско-католическихъ и, не смотря на свою кажущуюся податливость, не могъ отказаться отъ чисто римско-католическихъ убѣжденій. Возвратясь изъ Петербурга, Шумборскій, хотя неуспѣшно, но, на сколько могъ, стремился удержать жителей селенія Люхово въ уніи, а затѣмъ постоянно преслѣдовалъ уніатскихъ священниковъ, обнаруживавшихъ наклонность подчиняться вліянію архіепископа Антонія.

Въ первой половинѣ мая Государь изъ Петербурга ѣхалъ въ Царство Польское черезъ Сувалки. Изъ Остроленки Государь писалъ фельдмаршалу, что вмѣстѣ съ Императрицей и Наслѣдникомъ престола намѣревается прибыть около 29-го мая, черезъ Новогеоргіевскъ, въ Варшаву, но, получивъ извѣстіе объ опасномъ положеніи здоровья короля прусскаго, Государь съ августѣйшимъ семействомъ поспѣшно повернулъ въ Берлинъ.

Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III-й умиралъ. Онъ скончался 26-го мая (7-го іюня) 1840 года.

У смертнаго его одра стояли Императоръ Николай, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. „Богъ сподобилъ меня,“ писалъ Государь фельдмаршалу изъ Берлина, „застать „еще въ живыхъ почтеннаго короля и быть имъ еще „узнаннымъ; и казалось, что это была послѣдняя ему „пріятная минута; и черезъ 4 часа послѣ онъ скончался „какъ праведникъ, безъ боли, безъ вздоха, безъ судо-

„рогъ—заснулъ! Мы, всѣ русскіе, должны въ немъ „оплакивать друга нашего Александра Павловича и „искренняго друга Россіи, *что онъ въ завѣщаніи под-„твердилъ своимъ дѣтямъ.*"

Къ завѣщанію короля было приложено письмо къ его наслѣднику престола, гдѣ вмѣнялось ему въ обязанность „поддерживать во всѣхъ обстоятельствахъ „наитѣснѣйшій союзъ съ Россіею и Австріею, состав-„ляющій основаніе спокойствія и тишины міра." Самое завѣщаніе было написано рукой князя Витгенштейна и составлено подъ главнымъ руководствомъ Государя Николая Павловича. Оно заключало въ себѣ три главные пункта. Въ первомъ предписывалось сохранять въ Пруссіи первенствующее значеніе протестантской церкви, во второмъ—утверждался семейный фидеикоммисъ; наконецъ, въ третьемъ—король убѣждалъ сохранить неприкосновенность правъ суверенитета, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, съ тѣмъ, чтобы передать ихъ неприкосновенными преемникамъ.

Немедленно по вступленіи на престолъ новый король Фридрихъ Вильгельмъ IV-й объявилъ, что его царствованіе будетъ продолженіемъ предшествующаго и никакихъ перемѣнъ онъ не сдѣлаетъ. Дружба съ Россіею закрѣплялась близкими родственными отношеніями съ Императоромъ Николаемъ I-мъ. Въ дѣйствительности же взгляды и политическія убѣжденія Фридриха Вильгельма IV-го не вполнѣ согласовались съ міровоззрѣніемъ русскаго Императора.

Нашъ посолъ въ Берлинѣ баронъ Мейендорфъ пи-

салъ, что король признавалъ за принцами прусскаго дома право протеста противъ всякаго отчужденія суверенитета, а потому не считалъ себя въ правѣ ограничить унаслѣдованныя имъ верховныя права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ король находилъ, что какъ для заключенія государственныхъ займовъ, такъ и для узаконенія новыхъ налоговъ слѣдуетъ выслушивать представителей народа. Такимъ образомъ, по дѣламъ государственныхъ займовъ, предполагалось созывать генеральные штаты (Etats généraux) изъ 32-хъ членовъ, къ которымъ должны быть присоединены 32 члена изъ государственнаго совѣта. Въ провинціяхъ должны были собираться выборные провинціальные чины для обсужденія новыхъ налоговъ.

Если консерваторы успокоивались увѣреніями короля, что конституція не будетъ дарована Пруссіи, то либеральная партія усматривала въ участіи выборнаго начала при рѣшеніи финансовыхъ дѣлъ государства начало новой либеральной, конституціонной эры. Эта двойственность направленія предвѣщала въ будущемъ постоянныя осложненія въ отношеніяхъ съ Россіею. Народное представительство, въ какомъ бы ни было видѣ въ Познани, не могло не повліять и на народонаселеніе Царства Польскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ IV-й подчинялся отчасти и вліянію піэтической партіи въ Пруссіи, въ то время довольно значительной. Партія эта, при высоконравственномъ уровнѣ, лишена была всякаго политическаго пониманія, но стремилась занять всѣ

сколько нибудь вліятельныя мѣста по управленію государствомъ. Подъ вліяніемъ піэтистовъ Фридрихъ Вильгельмъ IV-й составлялъ иногда политическіе проекты нѣсколько фантастическіе. Такъ, напр., въ 1841 г., онъ предложилъ Николаю I-му обратить Іерусалимъ въ вольный христіанскій городъ. „Русское правительство,“ отвѣчалъ по этому поводу берлинскому кабинету графъ Нессельроде, „не можетъ не признать законныхъ правъ „Турціи на Палестину и можетъ только настаивать на „уваженіи, со стороны турецкихъ властей, признан„ныхъ за христіанскою религіею правъ.“

При такихъ разнообразныхъ вліяніяхъ, прусское правительство не могло имѣть того твердаго и постояннаго консервативнаго направленія, которымъ отличалась политика Императора Николая I-го и которая обусловливала всѣ международныя отношенія русскаго правительства.

Въ то время, когда умиралъ Фридрихъ Вильгельмъ III-й, на Востокѣ происходили событія, послѣдствія которыхъ легко могли бы вызвать европейскую войну. Войска Мехмеда-Али, вице-короля Египта, овладѣли почти всею Сиріею. Египетская армія, подъ начальствомъ сына вице-короля, Али-паши, вытѣсняла изъ Малой Азіи войска природнаго и верховнаго ихъ повелителя-султана.

Франція, расчитывая имѣть преобладающее вліяніе въ Сиріи, управляемой египетскими властями, поддерживала вице-короля въ борьбѣ его съ Турціею. Отклоняя исходившіе отъ прочихъ державъ проекты умиротворе-

нія спора между султаномъ и вице-королемъ Египта, Францiя была убѣждена, что въ этомъ вопросѣ безъ ея участія европейскія державы не придутъ къ общему соглашенію, а что осложненія на Востокѣ неминуемо разъединятъ союзъ сѣверныхъ державъ. Во всякомъ случаѣ, Францiя, въ видахъ политическихъ своихъ цѣлей, стремилась сохранить по возможности на долгое время настоящее положеніе вещей въ Сиріи и Малой Азіи, при чемъ ей пришлось пожертвовать добрымъ согласіемъ съ правительствомъ Англіи, въ интересахъ котораго было поддержать неприкосновенность Оттоманской имперіи. Въ данномъ случаѣ русское правительство вполнѣ сочувствовало сенъ-джемскому кабинету. При такихъ обстоятельствахъ явилось предположеніе примирить воюющія стороны (Турцію и Египетъ) безъ участія Франціи. Особенно сильно настаивала на этой мысли Россія, представителемъ которой въ Лондонѣ былъ тогда баронъ Бруновъ. Ни Тьеръ, первый министръ французскаго кабинета, ни Гизо, замѣнившій его впослѣдствіи, несмотря на предостереженія посла Франціи въ Лондонѣ, не вѣрили соглашенію державъ по вопросу о войнѣ Египта съ Турціею. Они были убѣждены, что въ этомъ дѣлѣ Франція можетъ своею медлительностію только выиграть и уже, конечно, ничего не потерять.

Тѣмъ не менѣе 3-го (15-го) іюля четыре державы съ участіемъ Порты подписали въ Лондонѣ договоръ, по которому у вице-короля отнимались всѣ его завоеванія въ Малой Азіи, Аравіи и Сиріи, за исключеніемъ

пашалыка Акки. Египетское вице-королевство признавалось наслѣдственнымъ, въ потомствѣ Мехмеда-Али, съ условіемъ, чтобы Египетъ платилъ дань Турціи. Владѣніе пашалыкомъ Аккою было объявлено только пожизненнымъ для Мехмеда.

Египетскому вице-королю назначенъ былъ десятидневный срокъ для принятія этихъ условій, по истеченіи котораго онъ терялъ пашалыкъ Акку и долженъ былъ ограничиться только пожизненнымъ владѣніемъ Египтомъ. Въ то же время Портѣ была обѣщана военная защита и помощь четырехъ державъ противъ Мехмеда-Али, и, наконецъ, было рѣшено тотчасъ же привести въ исполненіе заключенное соглашеніе. „Конвенція,“ писалъ Государь фельдмаршалу, „между Англіей, Пруссіей, Австріей, мною и Турціею подписана, „безъ Франціи!! Это важное дѣло, и новая эпоха въ „политикѣ, ибо въ первый разъ Англія отстала отъ „Франціи“ *).

„Объявленіе конвенціи 15-го іюля,“ пишетъ историкъ Рохау, „подѣйствовало на французское правитель„ство какъ оглушительный ударъ грома, а на фран„цузскій народъ какъ воспламеняющая молнія.“

Неожиданный оборотъ дѣла поставилъ правительство короля Луи-Филиппа въ опасное положеніе. Всѣ партіи въ странѣ волновались и требовали удовлетворенія за оскорбленіе національнаго чувства и достоинства первостепенной державы. Воинственное настроеніе

---

*) Письмо изъ Петербурга, отъ 13-го (25-го) августа 1840 г.

весьма рѣзко выражалось во всѣхъ журналахъ Франціи, даже и въ „Journal des Débats,“ органѣ средняго, богатаго, наиболѣе миролюбиваго сословія. Министерство рѣшилось удовлетворить народнымъ требованіямъ и приступило къ мѣропріятіямъ, очевидно воинственнымъ. Армія была увеличена 18-ю новыми полками, всѣ дѣйствующія войска были мобилизованы, морскія силы увеличены. Палаты на первое время открыли кредитъ въ 100 милліоновъ франковъ. Приступлено было къ укрѣпленію Парижа. Воодушевленіе, казалось, было всеобщее. Въ Парижѣ, въ журналахъ, театрахъ, публичныхъ собраніяхъ, громко рѣшалась участь Рейнскихъ провинцій, и на парижскихъ бульварахъ съ утра до вечера раздавались воинственные возгласы, вызывающіе Европу на смертный бой.

Эта воинственность могла имѣть цѣлью запугать европейскіе кабинеты и однѣми только угрозами помѣшать исполненію рѣшенія 15-го іюля. Однако, военныя приготовленія начались съ такою энергіею, что война казалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятною.

Государь Николай Павловичъ, стараніями котораго состоялась конвенція 15-го іюля, рѣшился дѣятельно, вооруженною силою поддерживать своихъ союзниковъ.

Фельдмаршалу князю Паскевичу Государь поручилъ войти въ соглашеніе съ королемъ прусскимъ на случай ожидаемой войны. Ему, какъ главнокомандующему дѣйствующей арміей, предстояло рѣшить общій планъ дѣйствій русскихъ войскъ на театрѣ предстоящей войны.

Въ началѣ сентября фельдмаршалъ отправился въ Берлинъ. Отчетъ о его тамъ переговорахъ помѣщенъ въ письмѣ къ Государю, отъ 24-го сентября (6-го октября) 1840 года, которое мы приводимъ дословно:

„Возвращаясь къ свиданію въ Санъ-Суси, имѣю „счастіе донести, что король также говорилъ о поли-„тическихъ дѣлахъ, но уже не съ тою увѣренностію о „мирѣ. Такъ какъ Вы, Всемилостивѣйшій Государь, „приказали мнѣ быть откровеннымъ передъ королемъ, „я взялъ на себя и сказалъ ему почти въ этихъ словахъ:

„Дѣла, кажется, принимаютъ неблаговидное поло-„женіе: австрійцы не скоро вооружаются, Вашему Ве-„личеству надобно резервъ, но нужно, чтобы оный былъ „близко къ Вамъ. Всю армію, мною командуемую, „поставить на военную ногу, когда еще неизвѣстно, со-„стоится ли война, дорого. И потому я думаю, что че-„тыре дивизіи пѣхоты, двѣ кавалерійскихъ, 40 сотенъ „казаковъ и 184 орудія достаточно для перваго хоро-„шаго резерва. Оный долженъ быть на границахъ, въ „Калишѣ, такъ, чтобы черезъ двѣ недѣли могъ высту-„пить или даже по первому требованію можно бы было „переходить границу. Король, казалось, доволенъ (былъ) „моимъ предложеніемъ и благодарилъ за оное. Онъ го-„ворилъ, что прежде марта или апрѣля мѣсяца (1841 г.) „нельзя ничего ожидать, ибо они (французы?) прежде „не будутъ готовы; что онъ хочетъ мира, но не боится „войны, и что въ 6 недѣль соберетъ четыре корпуса „противу французовъ. На другой день король удостоилъ „меня своимъ визитомъ, гдѣ почти то же онъ говорилъ

„и я то же повторилъ. Теперь, обращаясь къ тому, что „меня заставило это сдѣлать, имѣю счастіе донести: „неувѣренность на (счетъ) австрійцевъ, которые до сихъ „поръ ничего не предпринимаютъ: ихъ теперешнее „странное правленіе, то можно ли отдать одну Пруссію „на первый натискъ французовъ. Я разсуждалъ, что „Пруссія соберетъ четыре корпуса: два на Рейнѣ, два „сзади Майнца, но французы переходятъ между Страс-„бургомъ и Балемъ и бросаются на баденцовъ, дарм-„штатскія войска и виртембергскія, и такимъ образомъ „берутъ во флангъ прусскую армію. Я боюсь Іенскаго „сраженія. Я знаю, что великаго человѣка нѣту уже „на челѣ французовъ; но многолюдствомъ можетъ быть „замѣненъ талантъ, а линія прусская очень растянута „будетъ. Въ такомъ положеніи 80,000 резервъ, который „форсированными маршами можетъ быть скоро около „Лейпцига, не только не лишній, но можетъ быть спа-„сеніемъ и съ другими прусскими корпусами дѣйство-„вать. Притомъ, сдѣлавши расчетъ, я видѣлъ, что весьма „мало будетъ стоить. Но можно взять также въ раз-„сужденіе и вліяніе на французовъ нашихъ приготовле-„ній въ Польшѣ. И кто знаетъ, осмѣлятся ли они пе-„реходить Рейнъ, когда знаютъ, что 100 тыс. армія „готова къ переходу (границы) въ Калишѣ? Я думаю „что это есть одно даже средство удержать ихъ отъ „войны. Послѣ долгаго свиданія съ королемъ я ви-„дѣлся съ принцемъ прусскимъ и съ министромъ Ра-„хомъ. Принцъ прусскій совершенно входитъ въ мои „мысли: только и спрашивалъ, какъ король принялъ

„мои предложенія.Раухъ больше всѣхъ любитъ Рос-„сію, ибо онъ увѣренъ, что Россія одна должна быть „союзница Пруссіи. Онъ увѣренъ въ войнѣ, и все время „въ этомъ смыслѣ говорилъ. Онъ мнѣ сказывалъ... что „король нарядилъ комитетъ изъ принца прусскаго и „министровъ военнаго, иностранныхъ (дѣлъ), финан-„совъ: что должно ли отказать французамъ покупку „лошадей. Комитетъ отказалъ единогласно покупку, но „дѣло лежало три дня у короля и при моемъ отъѣздѣ „еще не кончено. Если отказано будетъ, то это знакъ „большой рѣшимости короля.

„Послѣдній день я много говорилъ съ министромъ „Раухомъ. Онъ мнѣ далъ нѣкоторое понятіе о ихъ „арміи и сказалъ, что если мнѣ нужно будетъ, то адре-„совался бы къ нему черезъ Мансурова“ *).

Помимо политическихъ и военныхъ соображеній, фельдмаршалу пришлось въ Берлинѣ войти въ переговоры относительно торговыхъ сношеній Царства Польскаго и Россіи съ Пруссіею.

Берлинскій кабинетъ и прусское общественное мнѣніе были недовольны торговою политикою русскаго министра финансовъ графа Канкрина. Пруссія добивалась сбавки пошлинъ съ товаровъ, для производства которыхъ въ то время въ Россіи учреждались заводы и фабрики (издѣлія изъ хлопка, шерсти, льна, шелка, желѣза и стекла). Еще лѣтомъ 1839 г. Канкринъ, въ бытность свою въ Берлинѣ, доказывалъ прусскимъ ми-

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

нистрамъ, что русское правительство прежде всего обязано покровительствовать зарождающейся промышленности своего государства. Но насколько легко было входить въ соглашеніе съ прусскимъ министромъ по политическимъ вопросамъ, настолько затруднительны были переговоры по торговымъ и таможеннымъ дѣламъ...

Относительно Польши требованія прусскаго правительства казались еще болѣе преувеличенными. Пруссія требовала, чтобы „товары, вывезенные изъ Польши „на ярмарки въ Пруссію, могли бы затѣмъ безпошлинно „быть провозимы обратно, если они остались не про-„данными.“ Такое правило вызвало бы слишкомъ много злоупотребленій, и фельдмаршалъ заявилъ прусскому правительству, что готовъ на многое, дабы облегчить сношенія Пруссіи съ Польшею, но вышесказанное требованіе удовлетворить рѣшительно отказывался. Желая, однако, до нѣкоторой степени удовлетворить Пруссію, князь Варшавскій согласился увеличить число пограничныхъ таможенъ и переходныхъ пунктовъ. Отдавая отчетъ Государю о торговыхъ и таможенныхъ переговорахъ съ Пруссіею, фельдмаршалъ писалъ. „Насчетъ „торговли я имѣлъ счастіе донести ему (королю), что „Ваше Императорское Величество, тотчасъ по пріѣздѣ „изъ Берлина, изволили приказать нарядить комитетъ „для разсматриванія вновь сего дѣла, что комитетъ „приступилъ къ оному и я ему могу доложить, что „кромѣ домогательствъ ѣздить на наши ярмарки безъ „пошлинъ, на другіе предметы мы будемъ согласны съ „требованіями Пруссіи. Король этими объясненіями

„былъ доволенъ. На счетъ же таможни я доложилъ, „что у насъ никогда не было споровъ таможенныхъ и „что контрабандисты не вторгались къ нимъ, какъ на „русскія границы, то этотъ предметъ останется по „прежнему. Король изволилъ говорить на счетъ паспор-„товъ. Я отвѣтилъ, что тотчасъ по возмущеніи въ „Польшѣ мы не могли быть не строги въ разсужденіи „паспортовъ; но что теперь можно смягчить. Этими „объясненіями король былъ доволенъ“ *).

Государь не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ князя Варшавскаго относительно участія русскихъ войскъ въ ожидаемой войнѣ. „Касательно же могущей потребо-„ваться отъ насъ помощи“, писалъ Государь фельдмар-шалу, „или нашего участія въ борьбѣ съ Франціею, я „другого мнѣнія. Не говоря уже о томъ, можетъ ли „быть, или нѣтъ, вѣроятіе, чтобъ при нынѣшнемъ по-„ложеніи вещей была возможность ожидать нападенія „Франціи на Германію, должно однако полагать, что „силы Западной Германіи и 4-хъ прусскихъ корпусовъ „достаточны будутъ, дабы встрѣтить французовъ и бо-„роться съ ними мѣсяцъ или болѣе, до прихода осталь-„ныхъ германскихъ силъ, т. е. прусскихъ пяти корпу-„совъ и австрійской арміи, которая, при всей ихъ без-„печности, не можетъ же исчезнуть съ лица земли. „Наше появленіе должно быть только въ одномъ случаѣ: „недостатка силъ или ихъ неудачи; но тогда наше по-

---

*) Письмо къ Государю изъ Варшавы отъ 24-го сентября (6-го октября) 1840 г.

„явленіе должно быть достойно Россіи, оно должно „быть огромно, и съ помощью Божіею рѣшить дѣло „однимъ ударомъ. Я рѣшительно и никогда не соглашусь на раздробленіе нашихъ силъ въ видѣ частной „помощи. Время намъ собственно вооружаться или „стать на военную ногу еще не настало; въ декабрѣ „мѣсяцѣ, вѣроятно, вопросъ войны или мира рѣшится; „тогда въ 6 недѣль мы будемъ готовы, и, съ половины „февраля двинувшись, будемъ перваго мая на театрѣ „войны. Для сего мы явимся съ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ пѣ„хотными и 1-мъ и 3-мъ кавалерійскими корпусами при „нужномъ числѣ казаковъ, а гренадеры, гвардія и гвар„дейскій кавалерійскій корпусъ — въ резервѣ, вслѣдъ „за арміей. Однако я нынѣ же разрѣшаю тебѣ присту„пить къ закупкѣ провіанта, и даже большей пропор„ціи, чѣмъ ты предлагаешь. Движеніе 2-го корпуса зна„чительно ускорится, ежели король дозволитъ сему кор„пусу прослѣдовать на Торунь и Красинъ, въ чемъ я „не сомнѣваюсь...

„Вчера я сильно писалъ въ Вѣну на счетъ ихъ без„печности или по крайней мѣрѣ неумѣстной противъ „насъ утайки своихъ мѣръ“ *).

Между тѣмъ вице-король египетскій, слѣдуя совѣтамъ французскаго посланника въ Александріи, графа Валевскаго, отвергнулъ предложеніе, сдѣланное ему державами на основаніи конвенціи 15-го іюля. Вслѣдствіе

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу изъ Царскаго Села, отъ 2-го (14-го) октября 1840 г.

чего въ началѣ сентября англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Непира, присоединивъ къ себѣ нѣсколько австрійскихъ и турецкихъ военныхъ кораблей, подошелъ къ берегамъ Сиріи и съ 11-го сентября, въ теченіе 9-ти дней, бомбардировалъ Бейрутъ, который затѣмъ былъ очищенъ отъ египетскихъ войскъ и занятъ англійскимъ дессантомъ. Въ то же время населеніе Ливана (друзы и марониты), подстрекаемое агентами Англіи, возстало противъ египетскихъ властей и египетскимъ войскамъ пришлось обороняться отъ безчисленныхъ партизанскихъ партій мѣстнаго населенія. Графъ Паленъ, нашъ посолъ въ Парижѣ, писалъ, что взятіе Бейрута произвело сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Ожидали войны, но король Луи-Филиппъ отозвалъ французскій флотъ въ Тулонъ.

Франція къ войнѣ не была готова, не было достаточно ни оружія, ни лошадей, но въ особенности король Луи-Филиппъ опасался войны и на этотъ разъ съумѣлъ прекратить уличныя волненія и съ стоическимъ терпѣніемъ перенесъ взрывы негодованія, наполнявшіе всѣ газеты и журналы того времени.

Въ 1840 г. преобразована была въ Россіи, по плану Канкрина, денежная система, что дало возможность и въ Царствѣ Польскомъ ввести счетъ на русскія серебряныя деньги.

1840 годъ и для князя Варшавскаго ознаменовался приращеніемъ его матеріальныхъ средствъ. Еще во время весенняго пріѣзда своего въ Царство, именно 21-го мая (2-го іюня), Государь пожаловалъ фельдмар-

шалу „въ вѣчное и потомственное владѣніе, со всѣми „правами, угодіями и принадлежностями, и съ неограниченнымъ правомъ распоряженія по произволу“, очищенное отъ всякихъ долговъ, казенное имѣніе Демблинъ. Имѣніе это расположено на берегахъ рѣкъ Вислы и Вепржа, въ Подляшской губерніи, Луковскомъ обводѣ, въ Зелеховскомъ повѣтѣ. Имѣніе было названо селомъ *Ивановскимъ*, по имени генералъ-фельдмаршала. Пожаловано оно было, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, въ изъявленіе монаршей признательности къ намѣстнику, за его заслуги, которыя онъ оказываетъ Государю выполненіемъ важныхъ обязанностей, на него возложенныхъ.

На землѣ этого имѣнія построена Ивангородская крѣпость, такъ названная въ честь фельдмаршала *).

Заботы по развитію и улучшенію земледѣлія въ странѣ наиболѣе соотвѣтствовали организаторскимъ и административнымъ наклонностямъ фельдмаршала, кромѣ того и въ политическомъ отношеніи фельдмаршалъ находилъ въ высшей степени полезнымъ привлечь умы средняго и высшаго сословія Царства Польскаго къ занятіямъ по сельскому хозяйству, промышленности и вообще къ дѣятельности, развивающей производительность и богатство края. Въ этихъ видахъ, въ концѣ 1840 г., въ Ма-

---

*) См. въ приложеніи № 46 отношеніе статсъ-секретаря Туркула къ князю Варшавскому, отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1840 г. № 1067; отношеніе фельдмаршала къ Туркулу, отъ 29-го мая (10-го іюня) того же года № 5760; всеподданнѣйшій докладъ Туркула; Высочайшій указъ, данный въ Петергофѣ 20-го іюня (2-го іюля) 1840 г.

римонтѣ былъ основанъ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства *). Преподаванiе въ этомъ учрежденiи было теоретическое и практическое. Въ первый же годъ въ институтъ поступило 95 воспитанниковъ; впослѣдствiи число ихъ еще болѣе увеличилось. При институтѣ, по мысли фельдмаршала, была устроена сельская школа, цѣль которой состояла въ подготовленiи искусныхъ сельскихъ работниковъ, винокуровъ, овчаровъ и садовниковъ. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1840 г., открыта была въ Варшавѣ (въ Казимiровскомъ палацѣ) реальная гимназiя, какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ положенiи ея **), „для доставленiя дѣтямъ средняго сословiя „средствъ прiобрѣтать познанiя въ практическомъ при„ложенiи точныхъ наукъ къ ремесламъ и промышлен„ности". Въ заведенiе это въ первый же годъ поступило 325 человѣкъ учащихся.

Оба учебныя заведенiя (институтъ и реальная гимназiя) несомнѣнно способствовали развитiю въ странѣ сельскаго хозяйства и промышленности, доказательствомъ чего можетъ служить относительно высокая сельская культура, которая удержалась въ Царствѣ Польскомъ и до настоящаго времени, не смотря на постоянное политическое броженiе всѣхъ сословiй Царства.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы имѣли случай высказать, что съ закрытiемъ варшавскаго университета (послѣ мятежа въ 1831 г.) судебное вѣдомство и от-

---

*) Высочайше утвержденное положенiе 31-го августа 1840 г.
**) 28-го ноября 1840 г.

части административныя управленія не могли уже пополняться молодыми людьми изъ мѣстнаго населенія, юридически образованными. Пробѣлъ этотъ былъ пополненъ въ 1840 г. слѣдующими двумя учрежденіями, возникшими по мысли князя Варшавскаго: во первыхъ, при варшавской губернской гимназіи были открыты курсы для спеціальнаго изученія юридическихъ наукъ *); во вторыхъ, изъ казны Царства Польскаго назначенъ былъ особый спеціальный отпускъ ежегодныхъ суммъ, для содержанія въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ 60 студентовъ-юристовъ **). Такіе казеннокоштные студенты обязаны были, по окончаніи курса, прослужить въ гражданскомъ вѣдомствѣ Царства Польскаго не менѣе 10 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію фельдмаршала, черезъ три года по открытіи юридическихъ курсовъ при варшавской губернской гимназіи, всѣ судебныя должности отъ 8-го класса, а равно всѣ нотаріусы и адвокаты обязательно должны были быть назначаемы изъ лицъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ.

Въ то же время въ Царствѣ Польскомъ, относительно воспитанія юношества, была принята мѣра весьма своеобразная, которая подчиняла правительственному контролю домашнее воспитаніе. Установлено было, что черезъ каждые два года домашніе воспитатели и учителя, вмѣстѣ со своими воспитанниками, должны были

---

*) Высочайшее повелѣніе 23-го апрѣля (5-го мая) 1840 г.

**) То же. См. прил. № 47.

являться на экзамены въ гимназіи, въ обводовыя училища или вообще въ мѣстное государственное учебное заведеніе *).

Важнымъ нововведеніемъ въ Царствѣ къ концу 1840 г. явился законъ о сравненіи татаръ, въ правахъ на государственную службу по судебному и административному вѣдомствамъ, съ прочими жителями *христіанскихъ* исповѣданій. Законъ этотъ состоялся въ формѣ Высочайше утвержденнаго 8-го (20-го) декабря доклада намѣстника.

Въ 1840 г. воинственное настроеніе, бывшее во Франціи и въ особенности въ Парижѣ, не имѣло особеннаго вліянія на Царство Польское, но за то внутренняя политика короля Фридриха Вильгельма IV вызвала въ населеніи Царства весьма понятное, по обстоятельствамъ того времени, волненіе. Въ Познани, по мысли короля, образовалось постоянное провинціальное собраніе. Конечно, Варшава слѣдила за проявленіями этой неожиданной для поляковъ конституціонной формы и весьма скоро оказалось, что среди обсужденій о новыхъ налогахъ большинство депутатовъ стало произносить рѣчи, преисполненныя политической мечтательности. Въ особенности депутатъ Рачинскій отличался патріотическими рѣчами. Нашъ посолъ баронъ Мейендорфъ, предугадывая мысли Государя, энергично протестовалъ противъ допущенія столь опасныхъ тенденцій. Онъ напоминалъ прусскому правительству, что

*) См. прил. № 48.

такого рода терпимостью оно нарушаетъ договоръ, подписанный имъ въ Мюнхенгрецѣ. Но въ Варшавѣ все населенiе ознакомилось изъ познанскихъ газетъ съ рѣчами депутатовъ, а протесты барона Мейендорфа извѣстны были только берлинскому и петербургскому кабинетамъ. Неменѣе сильно повлiяло въ Царствѣ Польскомъ дозволенiе, данное прусскимъ правительствомъ, католическому духовенству входить въ непосредственныя и прямыя сношенiя съ римскимъ дворомъ. Если епископы могли изъ Познани помимо своего правительства писать папѣ, то гдѣ же были основанiя воспрещать это дѣлать изъ Варшавы? Фельдмаршалъ не сомнѣвался, что въ такой политикѣ короля прусскаго заключается большая опасность, какъ для него, такъ и для насъ. Неудовольствiе Государя, вызванное познанскими дѣлами и протесты нашего посланника въ Берлинѣ испугали, какъ кажется, короля прусскаго. Въ апрѣлѣ прiѣхалъ въ Петербургъ принцъ Вильгельмъ прусскiй, съ увѣренiями, что въ скоромъ времени король закроетъ провинцiальное собранiе.

Одновременно съ Россiею Австрiя протестовала противъ познанскаго собранiя. „Австрiйцы“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „подали ноту прусскому правитель-„ству: для чего вводить нацiональность въ Позенѣ? это „есть противу мюнхенгрецкой конвенцiи.“

Но Австрiя, какъ кажется, боялась не провинцiальнаго собранiя, а общаго собранiя изъ представителей всѣхъ провинцiй (Etats Généraux). Князь Меттернихъ усматривалъ въ этомъ зачатокъ распаденiя всего коро-

левства и крайне опасный примѣръ для Австріи. Протестуя противъ провинціальныхъ собраній, Меттернихъ старался отклонить короля отъ мысли когда-либо собрать общее собраніе представителей всей страны.

Пруссія, какъ бы довершая неудовольствіе сосѣднихъ союзныхъ ей державъ, учредила при своихъ университетахъ каѳедры польскаго и славянскаго языковъ. Казалось, что прусскій король стремится возродить польскую національность, но въ дѣйствительности эта группировка фактовъ была случайною и происходила отъ разнородныхъ вліяній, окружавшихъ короля Фридриха Вильгельма IV, который самъ лично всегда былъ готовъ отказаться отъ только что имъ принятаго новаго направленія. Но въ Царствѣ Польскомъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, эта двойственность прусскаго правительства отзывалась политическими волненіями, тѣмъ болѣе грустными, что они всегда причиняли немалыя человѣческія страданія. Впрочемъ, въ то время отношенія наши и къ Австріи были не вполнѣ удовлетворительны, и это отзывалось на пограничныхъ дѣлахъ Царства Польскаго съ Галиціею. Австрія была недовольна близкими и дружескими сношеніями Россіи съ Англіей. Можетъ быть, послѣдствіемъ этого неудовольствія были нѣкоторыя послабленія въ Галиціи относительно польскихъ эмисаровъ, постоянно дѣйствовавшихъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго и скрывавшихся въ Галиціи.

Еще въ 1839 году Россія настаивала на закрытіи проливовъ, соединяющихъ Черное море съ Средизем-

нымъ. Государь Николай Павловичъ находилъ это условіе необходимымъ для окончанія войны между Портою и Египтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оговоренъ былъ свободный проходъ нашихъ черноморскихъ судовъ въ Архипелагъ. Въ началѣ 1841 г. въ этомъ смыслѣ заключена была съ Оттоманскою Портою конвенція.

Въ то время, т. е. въ 1840 и 41-мъ годахъ политическія дѣла въ Европѣ, казалось, рѣшались только Государемъ Николаемъ Павловичемъ, по соглашенію съ сенъ-джемскимъ кабинетомъ. Это вызывало зависть и неудовольствіе Австріи и пугало не столько прусское правительство, сколько многочисленную либеральную партію Пруссіи.

Глава VIII.

Дѣятельность польской революціонной пропаганды.—Ея слѣды въ Ревельскомъ пѣх. полку и развитіе въ Галиціи.— Окончаніе школьной реформы.—Состояніе народнаго образованія въ Царствѣ.—Расходы казны на эту часть.—Значеніе духовенства въ дѣлѣ начальнаго обученія.—Скудость бюджета.—Заботы фельдмаршала о народномъ образованіи.—Обученіе русскому языку.—Воспитаніе женщинъ.— Его политическое значеніе.—Визитаторы и визитаторши.— Экзаменаціонные комитеты.—Пересмотръ учебныхъ книгъ.— Преподаваніе славянскаго языка.—Отношеніе католическаго духовенства къ дѣлу народнаго образованія.—Настроеніе умовъ духовенства.—Письмо папы.—Митрополитъ Павловскій и духовная католическая коллегія въ С.-Петербургѣ.— Требованіе Государемъ присылки изъ Царства двухъ епископовъ въ эту коллегію.—Постановленіе буллы папы Пія VII, отъ 30-го іюня 1813 г., подтвержденное конкордатомъ 1847 г.—Епископы калишскій и августовскій.—Свящ. Терашкевичъ и базиліане Дубровскій и Краевскій.—Оклеветаніе Шумборскаго.—Его повинная.—Присоединеніе къ православію уніатовъ с. Бабичи.—Открытіе памятника на Саксонской площади; молебствіе еписк. Хмѣлевскаго, проповѣдь аббата Котовскаго.—Освященіе церкви Вольскаго кладбища.—Обмѣнъ писемъ между фельдмаршаломъ и вел кн. Михаиломъ Павловичемъ.—Преувеличенныя опасенія.—Дѣло Кениссе.—Подозрѣнія фельдмаршала.—Его болѣзненное состояніе.—Лѣченіе въ Скерневицахъ.—Открытіе памятника въ Калишѣ въ присутствіи принца прусскаго.—Пріѣздъ Государя въ Варшаву.—Обсужденіе вопроса объ учрежденіи

сената въ Царствѣ. — Несчастный случай съ фельдмаршаломъ. — Предположенія о займѣ. — Упраздненіе таможенъ по границѣ Царства съ Имперіей. — Мѣры къ сокращенію расходовъ по арміи. — Соображенія фельдмаршала. — Предположеніе уменьшить на половину число бригадныхъ командировъ, или же и вовсе упразднить ихъ въ мирное время. — Отмѣна выдачи войскамъ жалованья „по грузинскому положенію.“ — Поѣздка короля прусскаго въ Англію и вызвавшія ее причины. — Замѣчаніе фельдмаршала о новыхъ государяхъ.

Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года, подъ вліяніемъ возбужденныхъ надеждъ въ Познани, польская революціонная пропаганда несомнѣнно усилилась. Извѣстная революціонная организація, подъ названіемъ „Демократическое общество,“ направила преимущественно дѣятельность свою на войска и на чиновниковъ гражданскаго вѣдомства въ странахъ польскаго „захвата.“ Центры дѣйствующей пропаганды находились, главнымъ образомъ, въ Галиціи и Познани и революціонная пропаганда особенно успѣшно дѣйствовала въ предѣлахъ Австріи. Въ австрійскихъ войскахъ, расквартированныхъ въ Галиціи, въ теченіе одного мѣсяца арестовано было слишкомъ 20 человѣкъ офицеровъ и слишкомъ 60 юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ, изобличенныхъ въ принадлежности къ демократическому революціонному обществу. Въ Вѣнѣ предполагали смѣнить войска, стоявшія въ Галиціи. „Но австрійское правительство,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „дѣйствуетъ слабо, ибо баронъ Кригъ (губернаторъ Галиціи), чтобы пріобрѣсть популярность, не настаиваетъ

„на строгія мѣры“ *). Революціонная пропаганда изъ Галиціи, Познани и Восточной Пруссіи проникала въ Царство Польское, Литву и даже Малоросію **). Польскіе эмисары старались проникнуть и въ русскую армію. Въ Ревельскомъ пѣхотномъ полку найдены были слѣды ихъ попытокъ. Три офицера были арестованы и сосланы въ сибирскія войска. Хотя попытка пропаганды въ русскихъ войскахъ не имѣла особыхъ послѣдствій, но Государь былъ встревоженъ и требовалъ отъ фельдмаршала усиленнаго надзора и строгости во ввѣренныхъ ему войскахъ. Затѣмъ и въ Австріи нѣсколько испуганы были успѣхами тайныхъ революціонныхъ обществъ; начались строгости и тамъ, кажется, уже въ слишкомъ большихъ размѣрахъ. „Гдѣ долго потакали,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „потомъ должны строгости употребить, которыя ожесточаютъ.“ Дѣйствительно, въ Галиціи, въ мартѣ 1841 г., началось сильное преслѣдованіе тайныхъ революціонныхъ обществъ и казематы австрійскихъ крѣпостей были переполнены арестованными. Впрочемъ, и въ Царствѣ Польскомъ слѣдственныя политическія коммисіи не прекращали своей дѣятельности. Въ теченіе 1841 г. постоянно арестовывали эмисаровъ демократическаго общества, проникавшихъ въ Царство Польское изъ Галиціи и Познани. Въ ихъ дѣятельности ничего серьезнаго не было и не могло быть, но они поддерживали постоян-

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Бергъ. О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 52.

ное волненіе въ странѣ, распространяли ложные слухи и ту политическую мечтательность, которая при удобномъ случаѣ легко могла перейти въ безумныя и кровавыя дѣйствія.

Въ 1841 г. была окончательно введена новая система народнаго образованія, установленная Высочайшимъ указомъ 20-го ноября (2-го декабря) 1836 г. Новый уставъ для училищъ Царства, соглашенный въ главныхъ чертахъ съ уставомъ училищъ въ Имперіи, былъ приведенъ въ полное дѣйствіе.

Общее число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ варшавскаго учебнаго округа относилось къ общему числу жителей Царства Польскаго (4,488,000) какъ 1:70 *). Но это отношеніе было очень различно по мѣстностямъ. Оно наиболѣе благопріятно было въ средоточіяхъ католическаго и евангелическаго духовенства, нѣмецкой колонизаціи и въ промышленныхъ центрахъ, именно въ губерніяхъ: Мазовецкой (1 : 34) и Калишской (1 : 60), и наименѣе благопріятно въ населенной жмудью и русскими раскольниками Августовской губерніи (1 : 144), а также въ Подляшьѣ (1 : 146) и въ уніатской Холмской Руси (1 : 134).

Народное образованіе не могло всецѣло находиться въ рукахъ правительства, такъ какъ начальныя учебныя заведенія созидались и содержались на счетъ

*) Изъ отчета попечителя учебнаго варшавскаго округа генерала Окунева. Всего учащихся въ 1840—41 году въ краѣ было: мужского пола 45,014; женскаго 19,068. Итого 64,082. Въ томъ числѣ: дѣтей дворянъ 5,531, гражданскихъ чиновниковъ 3,250, военныхъ 354, купцовъ 57, мѣщанъ 37,542, земледѣльцевъ 17,348.

мѣстнаго духовенства и жителей. Въ Царствѣ Польскомъ бюджетъ народнаго образованія покрывалъ исключительно только расходы среднихъ учебныхъ заведеній: гимназій, обводовыхъ училищъ, института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, института учителей въ Ловичѣ, а также юридическихъ курсовъ и содержанія стипендіатовъ Царства въ университетахъ Имперіи.

Въ общемъ, всѣхъ учащихся въ этихъ заведеніяхъ было 8 тыс. человѣкъ, на которыхъ казна расходовала ежегодно 219 тыс. рублей, или, въ среднемъ, по 27 рублей на человѣка, а на элементарное образованіе въ народныхъ училищахъ, въ которыхъ было тогда 56 тыс. учениковъ, изъ казны расходовалось въ годъ 3,224 рубля, т. е., въ среднемъ, по 5³/₄ копѣйки на ученика. Такимъ образомъ, первоначальное народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ зависѣло отъ участія въ немъ духовенства и жителей, а правительство могло имѣть надъ нимъ только общій полицейскій надзоръ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, съ населеніемъ болѣе образованнымъ, низшихъ школъ было много, а, напримѣръ, въ Холмской Руси, среди уніатскаго населенія, не было ни одного начальнаго училища.

Всѣхъ вообще народныхъ училищъ въ краѣ было 1004, изъ нихъ начальныхъ школъ римско-католическаго и евангелическаго духовенства 862; остальныя содержались средствами частныхъ лицъ.

Весь годовой бюджетъ Царства Польскаго по народному образованію не превышалъ 386,000 рублей серебромъ; но въ эту сумму еще входили расходы: на

содержаніе высшей администраціи учебнаго вѣдомства, цензурнаго комитета, на новыя постройки и ремонтъ училищныхъ зданій и расходы по надзору за типографіями, литографіями и по поощренію русской книжной торговли. Несмотря на относительную незначительность этой суммы въ началѣ 1840 года, въ особенности послѣ неурожая въ Россіи, Государь требовалъ сокращенія расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ и постоянно писалъ о томъ фельдмаршалу, а потому увеличить бюджетъ народнаго просвѣщенія не было никакой возможности. Тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ обратилъ особое вниманіе на отсутствіе народныхъ школъ среди уніатскаго населенія и по его приказанію попечитель варшавскаго округа, генералъ Окуневъ, предложилъ совѣту народнаго просвѣщенія выработать проектъ начальныхъ училищъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія.

Преподаваніе русскаго языка въ то время началось довольно успѣшно. Русскому языку учились всѣ, даже чиновники, состоящіе на государственной службѣ. Такъ, въ годовомъ отчетѣ 1841 года, попечитель варшавскаго округа писалъ, что „въ числѣ вольныхъ слушателей „*дополнительныхъ или педагогическихъ курсовъ* *) было „много *апликантовъ* (т. е. кандидатовъ на судебныя и

---

*) На основаніи постановленія совѣта управленія Царства, отъ 1-го (13-го) сентября 1836 года, учреждены при варшавской губернской гимназіи дополнительные или педагогическіе курсы, которые, будучи соединены съ экзаменаціоннымъ комитетомъ, имѣли цѣлью образовать для низшихъ учебныхъ заведеній способныхъ учителей и раздѣлялись на три отдѣленія: *a*) филологическое, *b*) физико-математическое и *c*) рисованія и чистописанія.

„административныя должности), слушавшихъ лекціи по „избраннымъ ими отдѣленіямъ“, и что „израсходовано „4770 рублей на жалованье учителямъ, обучавшимъ *чи-„новниковъ* русскому языку.“

Въ то время въ Царствѣ Польскомъ было только одно казенное женское среднее учебное заведеніе. Это былъ Александринскій институтъ для воспитанія дѣвицъ, состоявшій въ вѣдѣніи IV-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но заведеніе это, вмѣщавшее отъ 100 до 200 воспитанницъ, предназначено было въ особенности для дѣтей русскихъ офицеровъ и чиновниковъ; что же касается дѣвицъ польскаго общества, то, кромѣ семейнаго воспитанія, онѣ получали образованіе въ частныхъ пансіонахъ.

Вообще воспитаніе и образованіе лицъ женскаго пола польскаго общества всецѣло находилось въ рукахъ частныхъ лицъ и духовенства. Это объясняетъ ту стойкость, съ которою польскія женщины чуждались русской національности и государственности. Въ такомъ направленіи женское воспитаніе причинило не малое зло всему населенію, развивая и поддерживая въ странѣ безцѣльную, но упорную враждебность къ Россіи и къ государственнымъ ея началамъ.

Попечитель варшавскаго округа утѣшалъ себя тѣмъ, что въ его распоряженіи имѣлись визитаторы, для ревизій и осмотровъ частныхъ мужскихъ заведеній, и визитаторши, для такой же цѣли по женскимъ заведеніямъ. Посредствомъ этихъ визитаторовъ генералъ Окуневъ надѣялся направлять какъ женскіе пансіоны и

школы, такъ и элементарныя мужскія училища. Но, въ дѣйствительности, эта мѣра не имѣла и не могла имѣть серьезнаго значенія. Во первыхъ, потому, что визитаторы сами принадлежали къ мѣстному населенію, а затѣмъ, при значительномъ числѣ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, едва ли визитаторамъ возможно было имѣть дѣйствительное и постоянное за ними наблюденіе.

Болѣе цѣлесообразною мѣрою надзора за частнымъ преподаваніемъ были экзамены, назначаемые въ экзаменаціонныхъ комитетахъ для всѣхъ учителей и учительницъ, какъ домашнихъ, такъ и частныхъ заведеній *).

Въ 1841 году по учебному вѣдомству въ Царствѣ Польскомъ былъ оконченъ громадный трудъ. Это былъ пересмотръ всѣхъ учебныхъ книгъ по предметамъ, преподаваемымъ въ среднихъ и начальныхъ училищахъ. При этомъ многія книги были изданы заново и въ

*) Что эти экзамены производились серьезно, доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ извлеченіемъ изъ годового отчета за 1840—41 годъ попечителя варшавскаго учебнаго округа: „въ комитетѣ было „экзаменовано на званіе учителей обводовыхъ училищъ 11 человѣкъ. „Изъ нихъ 8 удостоены этого званія, а тремъ отказано: двумъ изъ „сихъ послѣднихъ позволено давать частные уроки по домамъ. Сверхъ „того, подвергались испытанію 24 кандидата на званіе домашнихъ наставниковъ и учителей въ высшихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. „Изъ сихъ кандидатовъ признаны способными къ учительскому званію 16. Для полученія свидѣтельствъ на право содержать высшіе „женскіе частные пансіоны, или преподавать въ оныхъ уроки, было „экзаменовано въ комитетѣ 22 кандидатки, изъ которыхъ комитетъ „призналъ способными 21. Доказательствъ кандидатокъ, желающихъ „содержать элементарныя училища или заниматься преподаваніемъ въ „оныхъ уроковъ, разсмотрѣно 24; изъ этого числа признано способ„ными 21, а тремъ отказано *по причинѣ неудовлетворительныхъ свѣ„дѣній*.“

изданіяхъ самый текстъ былъ частью измѣненъ, а частью исправленъ. Затѣмъ, въ томъ же году, было введено обученіе славянскому языку какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ обводовыхъ училищахъ. Необходимость преподаванія славянскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго была указана фельдмаршаломъ, послѣ того, какъ король прусскій учредилъ каѳедры славянскаго языка въ университетахъ и гимназіяхъ Восточной Пруссіи и Познани.

Вникая въ дѣйствительное положеніе народнаго образованія Царства Польскаго, нельзя не придти къ заключенію, что въ то время громадное большинство учащихся воспитывалось и образовывалось почти исключительно мѣстнымъ духовенствомъ. Какъ выше было сказано, изъ 64 тыс. учащихся въ Царствѣ Польскомъ 56 тыс. учениковъ начальныхъ училищъ въ дѣйствительности воспитывались только духовенствомъ; затѣмъ всѣ женщины получали образованіе подъ вліяніемъ того же духовенства. Контроль правительства въ элементарныхъ школахъ и въ женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ не могъ имѣть особо серьезнаго значенія по причинамъ, нами уже высказаннымъ. При этомъ нельзя не признать, что большинство духовенства въ Царствѣ Польскомъ (римско-католическаго) весьма усердно, безкорыстно и ретиво относилось къ дѣлу народнаго образованія. Этимъ путемъ оно завоевало себѣ громаднѣйшее вліяніе и значеніе во всемъ краѣ. Къ сожалѣнію, оно легко увлекалось направленіемъ политическимъ, чуждымъ религіозной сферѣ. Вотъ почему какъ Государя,

такъ и фельдмаршала постоянно озабочивало настроеніе и дѣятельность духовенства Царства Польскаго. Государь надѣялся, что, объединивъ управленіе римско-католической церкви учрежденіемъ коллегіи въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, онъ дастъ всему духовенству Царства Польскаго направленіе, согласное съ видами русской государственности. Въ 1841 г. отношенія наши съ римскимъ дворомъ значительно улучшились. „Мы съ папой въ большихъ ладахъ,“ писалъ Государь фельдмаршалу, „и вчера онъ написалъ „мнѣ премилое письмо. Я надѣюсь, что и впредь дѣло „пойдетъ ладно“ *).

Государь полагалъ, что наступило время осуществить свои цѣли. Папа утвердилъ епископа Павловскаго **), пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Государя, въ званіи митрополита всѣхъ католическихъ церквей (въ Имперіи, а не въ Царствѣ Польскомъ). При митрополитѣ учреждалась коллегія и Государь потребовалъ отъ фельдмаршала, чтобы онъ прислалъ членами въ эту коллегію двухъ епископовъ изъ Царства Польскаго. Фельдмаршалъ, какъ намъ уже извѣстно, не раздѣлялъ въ этомъ отношеніи мнѣнія Государя, но въ данномъ случаѣ затруднялся еще слѣдующими соображеніями. Утвержденіе митрополита Павловскаго не

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 6-го (18-го) мая 1841 г. Всѣ письма Императора Николая Павловича къ фельдмаршалу за 1841 годъ, въ числѣ 14-ти, помѣщены въ прилож. № 49.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу, отъ 18-го (30-го) марта 1841 г.

имѣло каноническаго значенія для епархій Царства Польскаго, и безъ особаго распоряженія римскаго двора. римско-католическая коллегія въ Петербургѣ не могла имѣть вліянія на управленіе церковью Царства Польскаго. Государь Николай Павловичъ относился къ этому дѣлу совершенно своеобразно. Потребовавъ отъ фельдмаршала, чтобы онъ избралъ двухъ епископовъ и прислалъ ихъ въ Петербургъ, Государь писалъ: „Когда „же они сюда будутъ, тогда просто назначу ихъ членами духовной коллегіи. Этимъ положу начало, позднѣе „рѣшимъ, какъ дѣла духовныя Польши относить сюда" *).

Итакъ, фельдмаршалу предстояло найти епископовъ, готовыхъ безпрекословно исполнять приказанія Императора, явно несогласныя съ постановленіями буллы папы Пія VII, отъ 30-го іюня 1813 г. Постановленія эти были впослѣдствіи подтверждены особымъ конкордатомъ, заключеннымъ нашимъ правительствомъ съ папою въ 1847 году. Въ этомъ конкордатѣ повторено постановленіе, которое никогда не было оспорено, но всегда признавалось русскимъ правительствомъ, а именно: „судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи „принадлежитъ *исключительно* епископу оной, безъ на„рушенія однако-жъ канонической подчиненности свя„тѣйшему престолу." Слѣдовательно, петербургская коллегія, вмѣшиваясь въ управленіе епархіями Царства Польскаго, явно нарушила бы каноническія права святѣйшаго престола. Являлся вопросъ: кто изъ еписко-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу, отъ 5-го (17-го) апрѣля 1841 г.

повъ Царства Польскаго согласится на такого рода смѣлость? Фельдмаршалъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ для присутствованія на бракосочетаніи Наслѣдника Цесаревича, разсчитывалъ лично объяснить Государю всѣ трудности этого дѣла, но въ дорогѣ заболѣлъ и долженъ былъ вернуться въ Варшаву. Между тѣмъ Государь энергично настаивалъ и требовалъ „присылки" двухъ епископовъ въ Петербургъ. „Присылка епископовъ," писалъ фельдмаршалъ Государю, „весьма важное дѣло, такъ что не знаю, какъ приступить, ибо, „если они откажутся, надобно силу употребить; еслибъ „у меня былъ предлогъ... Я постараюсь исполнить. „Дай Богъ, чтобы сія мысль Ваша исполнилась безъ „непріятностей" *).

Предлогъ вскорѣ нашелся. Его доставилъ митрополитъ Павловскій. Онъ пригласилъ въ Петербургъ, для посвященія новаго епископа, двухъ епископовъ Царства Польскаго. Государь былъ этимъ очень доволенъ.

Въ Петербургъ отправлены были калишскій и августовскій епископы. Фельдмаршалъ назначилъ имъ значительное содержаніе. „Католическіе епископы отправлены „въ С.-Петербургъ тому четыре дня", писалъ фельдмаршалъ Государю 8-го (20-го) іюня: „Епископъ калишскій при прощаніи со мной сказалъ, что онъ всегда „съ удовольствіемъ исполняетъ повелѣнія Государя Императора, и что въ этомъ случаѣ онъ не только готовъ

*) Черновой набросокъ письма, съ пропусками, помѣченный апрѣлемъ 1841 г., безъ числа. Сем. арх. кн. Паскевича.

„на посвященіе, но если бы и на дольшее время остаться „въ С.-Петербургѣ — онъ согласенъ, и что онъ радъ „случаю доказать Государю свою преданность и въ дѣлѣ „важнѣе, нежели посвященіе. Слѣдственно, на этого „можно надѣяться. О другомъ же я не знаю; но думаю, „что онъ не такъ-то подастся на засѣданіе въ с.-пе- „тербургской консисторіи (духовной коллегіи). Осмѣли- „ваюсь доложить, что если бы можно было обойтись „однимъ епископомъ, то калишскій готовъ на всѣ при- „казанія правительства.“

Не смотря на энергію Николая Павловича, римско-католическая коллегія въ Петербургѣ не установилась въ томъ смыслѣ, въ которомъ желалъ Государь. Дѣло кончилось безъ особыхъ противодѣйствій со стороны присланныхъ въ Петербургъ епископовъ. Кажется, митрополитъ Павловскій мало по малу съумѣлъ если не разубѣдить Государя, то, по крайней мѣрѣ, отложить дѣло на неопредѣленное время, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ дѣлѣ уніатской церкви Царства Польскаго въ особенности выяснялось вліяніе римско-католическаго духовенства. Нельзя отрицать, что въ средѣ уніатскаго духовенства было много сторонниковъ перехода въ православіе, но еще болѣе сознавалась законность введенія въ уніатскіе храмы греко-восточной обрядности, и это тѣмъ болѣе, что въ Галиціи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, обрядность эта почти повсемѣстно сохранилась. Тѣмъ не менѣе, когда, назначенный викаріемъ къ уніатскому епископу Шумборскому, священникъ Те-

рашкевичъ приступилъ къ исправленію церковныхъ обрядовъ, то его начинанію воспрепятствовали провинціалъ базиліанскаго ордена Михаилъ Дубровскій и монахъ того же ордена Краевскій *). Распоряженіе, сдѣланное отъ имени епископа, было пріостановлено монахами, не имѣющими никакой епархіальной власти, только потому, что ихъ противодѣйствіе согласовалось съ видами польскаго католичества.

12-го августа 1841 г. епископъ Шумборскій, подъ вліяніемъ фельдмаршала, рѣшился издать пасторское посланіе, коимъ предписывалось исправленіе церковнаго богослуженія въ греко-восточномъ смыслѣ, а монахи Дубровскій и Краевскій были сосланы на житье въ люблинскій монастырь (откуда они вскорѣ бѣжали въ Римъ) **). Хотя распоряженіе, сдѣланное епископомъ Шумборскимъ, не противорѣчило основнымъ положеніямъ уніатской церкви, утвержденнымъ папою, тѣмъ не менѣе Дубровскій и Краевскій съумѣли представить дѣло такъ, что папа 23-го февраля 1842 года издалъ повелѣніе, въ которомъ, не одобряя дѣйствій Шумборскаго, приказывалъ отмѣнить епископское его распоряженіе относительно измѣненія чина уніатскаго богослуженія. Тогда Шумборскій, 1-го марта, въ пастырскомъ посланіи повинился и, признавая себя виновнымъ „въ смущеніи и въ соблазнѣ“, вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлялъ то, что имъ было отмѣнено въ августѣ 1841 г.

---

*) Нилъ Поповъ. Судьбы уніи въ русской холмской епархіи, стр. 66—67.

**) Тамъ же.

Римскій дворъ впадалъ почти всегда по отношенію къ польскимъ уніатамъ въ подобнаго рода ошибки, въ особенности потому, что уніатское духовенство Царства Польскаго и Холмской Руси не имѣло своихъ представителей въ Римѣ.

Тѣмъ не менѣе движеніе населенія къ переходу изъ уніи въ православіе снова проявилось въ 1841 году. Жители селенія Бабичи (въ 12-ти верстахъ отъ селенія Люхова), въ числѣ болѣе 1,000 душъ, подали прошеніе о присоединеніи ихъ къ православію, не смотря на то, что передъ тѣмъ епископъ Шумборскій совершалъ богослуженіе въ церкви села Бабичи и со слезами уговаривалъ жителей не покидать уніи *).

Переходы эти (въ селѣ Люховѣ и селѣ Бабичи) въ православіе тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что фельдмаршалъ, въ полномъ убѣжденіи, что возвращеніе Холмской Руси въ православную церковь можетъ состояться не путемъ народнаго движенія, а дѣйствіемъ уніатскаго духовенства, вовсе не поощрялъ подобныя единичныя, случайныя присоединенія, хотя, конечно, и не препятствовалъ имъ. Это были дѣйствительно движенія доброй воли народа и, можетъ быть, послѣдствія тайной пропаганды галиційскихъ уніатовъ, среди которыхъ уже тогда проявлялись противодѣйствія польскому латинству.

Не смотря, однако, на несомнѣнно враждебное настроеніе польскаго духовенства къ правительству, влія-

---

*) Изъ дѣлъ варшавской консисторіи.

ніе фельдмаршала было на столько сильно, что эта враждебность не осмѣливалась высказываться сколько нибудь явно; напротивъ, публично высказывались чувства преданности правительству. Такъ, напримѣръ, 17-го ноября 1841 года, въ годовщину революціи 1831 года, фельдмаршалъ съ большою торжественностью открывалъ извѣстный памятникъ на Саксонской площади *). На площади, у самаго памятника, римско-католическій епископъ Хмѣлевскій служилъ молебствіе со всѣмъ варшавскимъ духовенствомъ, при чемъ аббатъ Котовскій громогласно произнесъ проповѣдь, въ которой упрекалъ поляковъ за *бунтъ* (именно употребляя въ проповѣди это слово), восхвалялъ тѣхъ поляковъ, которые остались вѣрными законному правительству, и увѣщевалъ всѣхъ быть искренно и нелицемѣрно вѣрными Монарху и его велѣніямъ. Проповѣдь эта, на польскомъ языкѣ, была произнесена при всемъ духовенствѣ и при огромномъ стеченіи народа и вскорѣ стала извѣстна всему Царству Польскому.

Фельдмаршалъ умѣлъ устрашать людей, но умѣлъ и приласкать ихъ; выказывая при всѣхъ случаяхъ уваженіе и покровительство римско-католической церкви, онъ искусно и твердо отдѣлялъ политическую неблагонадежность отъ вопросовъ религіи. Именно это и помогало ему находить въ средѣ римскаго духовенства людей, правительству преданныхъ.

Нѣсколькими днями раньше открытія памятника на

---

*) „Полякамъ, погибшимъ за вѣрность своему Государю" (въ 1830 г.).

Саксонской площади происходило торжественное освященіе памятника-церкви на Вольскомъ кладбищѣ. Торжество было военное, съ участіемъ православнаго духовенства. По этому поводу между фельдмаршаломъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ произошелъ обмѣнъ привѣтствій. Фельдмаршалъ вспоминалъ славное и дѣятельное участіе Великаго Князя въ дни штурма Варшавы. Приводимъ дословно весьма знаменательный отвѣтъ Великаго Князя: „Я имѣлъ честь получить „письмо Ваше отъ 17-го (29-го) ноября и истинно не „знаю, какъ Вамъ выразить, до какой степени оно меня „тронуло до глубины признательнаго моего сердца. „Вамъ угодно было обо мнѣ вспомнить въ торжествен„ную минуту освященія церкви въ Волѣ, на томъ са„момъ мѣстѣ, гдѣ за десять лѣтъ тому назадъ наши „храбрыя войска, подъ предводительствомъ знаменитаго „и непобѣдимаго своего вождя, пріобрѣли себѣ новые, „неувядаемые лавры. Гдѣ происходили жаркія пренія „о сдачѣ коварной Варшавы и гдѣ хитрый и кичливый „польскій характеръ столь часто такими яркими чертами „описывался и единственно былъ сокрушенъ Вашею „личною прозорливостью и благоразумною настойчи„востью. Вамъ ко всему вышеписанному благоугодно „было припомнить и то мое душевное сокрушеніе, когда „въ самую рѣшительную минуту рана Ваша, судя по „человѣчеству, должна была лишить нашу армію на „время своего начальника; но и тутъ мысль о благѣ „общемъ превозмогла страданія тѣлесныя; Вы не хо„тѣли оставить и не оставили поля сраженія и, един-

„ственно внимая моему убѣжденію, согласились дозво-
„лить себя отвести на такое мѣсто, съ котораго, видя
„все, по крайней мѣрѣ каждый изъ насъ каждую минуту
„не долженъ былъ страшиться лишиться навсегда обо-
„жаемаго своего полководца. Наконецъ, послѣ двухъ
„дней жаркаго упорнаго боя Вы заплатили врагу за
„зло добромъ, водворя миръ и спокойствіе, какъ вели-
„кодушный побѣдитель. Вотъ Ваши великія дѣла, изло-
„женныя безъ лести, но по влеченію души. Мое соуча-
„стіе въ нихъ было ничтожное, но могу ли я довольно
„благодарить Всевышняго творца, что сподобилъ мнѣ
„быть свидѣтелемъ ихъ" *).

Относясь безпристрастно къ описываемой нами эпохѣ, нельзя не замѣтить, что тогда существовали нѣсколько преувеличенныя опасенія относительно либеральныхъ идей и революціоннаго направленія; изъ Петербурга они передавались въ Варшаву. Въ Варшавѣ опасенія эти имѣли въ нѣкоторой степени дѣйствительную почву, но и тамъ, подъ вліяніемъ Петербурга, они иногда принимали размѣры, не соотвѣтствовавшіе дѣйствительности. Такъ въ 1841 г. произошли несчастные случаи, которые легко отнесены были къ послѣдствіямъ революціонной пропаганды. 17-го апрѣля, въ Лазенкахъ, взорванъ былъ артиллерійскій паркъ личностью, погибшей въ произведенномъ ею взрывѣ; затѣмъ 80 человѣкъ солдатъ съ оружіемъ перешли въ Пруссію; наконецъ, лѣтомъ 1841 г.,

*) Письмо Великаго Князя Михаила Павловича къ фельдмаршалу отъ 3-го (15-го) декабря 1841 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

произошли крестьянскіе безпорядки въ Лифляндіи и одновременно бѣжало нѣсколько раскольниковъ изъ Гомеля и его окрестностей. Совокупность этихъ фактовъ, происшедшихъ почти одновременно, приписана была революціоннымъ проискамъ и заговорамъ. Государь писалъ по этому поводу фельдмаршалу: „происшествіе въ „Лифляндіи и въ твоихъ гомельскихъ владѣніяхъ есть „важное событіе, указывающее на какое-то глухое бро„женіе умовъ и на тайную работу на глупый народъ, „но весьма хитро и адски соображенную, противъ ко„торой во-время направить должно всѣ усилія“ *).

Въ то время полагали, что революціонное настроеніе, переходя изъ Франціи чрезъ Германію, проникало въ Царство Польское и Россію. Въ этомъ былъ увѣренъ Государь, а отчасти и князь Варшавскій. Такъ какъ центръ польской эмиграціи все-таки находился во Франціи, то мнѣніе это нельзя было не признать, до нѣкоторой степени, основательнымъ. Конечно, могилевскіе раскольники бѣжали потому, что правительство закрывало ихъ молельни, а лифляндскіе крестьяне возмутились отъ непомѣрныхъ требованій мѣстныхъ помѣщиковъ; но тѣмъ не менѣе секретныя общества въ то время дѣйствительно образовались въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ по образцу, а можетъ быть и по инструкціи такихъ же обществъ въ западной Европѣ, и вліяніе Франціи въ этомъ дѣлѣ могло быть весьма дѣйствительнымъ. Въ 1841 г. процесъ по дѣлу рабочаго

---

*) Письмо 22-го сентября 1841 г.

Кениссе возбудилъ нѣкоторыя опасенія въ Европѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что 13-го сентября, въ Парижѣ, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, при тріумфальномъ возвращеніи нѣкоторыхъ полковъ изъ Алжира, во главѣ которыхъ ѣхали всѣ сыновья короля Луи-Филиппа, фабричный рабочій Кениссе выстрѣлилъ въ группу принцевъ (при чемъ была ранена лошадь сопровождавшаго ихъ генерала Шнейдера). Слѣдствіе по этому дѣлу открыло, что значительное число парижскихъ рабочихъ составило заговоръ для низверженія трона и предложено было начать движеніе убійствомъ одного изъ принцевъ. Это открытіе и необыкновенная дерзость французской политической прессы того времени, сторону которой постоянно держали суды присяжныхъ, давали поводъ къ предположенію, что Франція наканунѣ революціи.

Фельдмаршалъ писалъ тогда Государю: „Франція „не успокоилась; духъ возмущенія, поддерживаемый „секретными обществами, перемѣнчивымъ характеромъ „французовъ и *страшными налогами*, которые заставляютъ желать *какой бы ни было перемѣны*, все сіе „дѣлаетъ, что при смерти короля Франціи надобно ожидать большихъ бунтовъ даже и въ другихъ земляхъ, „ибо секретныя общества, которыя по всему свѣту разбросаны, воспользуются симъ случаемъ. Наслѣдникъ же „престола, дюкъ Орлеанскій, другого средства не будетъ имѣть, чтобы удержаться на престолѣ, какъ ввергнуть Францію въ войну, хотя бы то было со всею „Европою, ибо не надо забывать, что онъ и прошлаго

„года, при министерствѣ Тіера, настоятельно старался, „дабы объявить войну. Это черта характера, достойная „замѣчанія. Бросивъ мысли на счетъ Европы, скажу о „Россіи. Я увѣренъ, что въ Польшѣ и въ провинціяхъ „есть и, по существующему духу, должны быть секрет-„ныя общества. Я не ручаюсь и за Россію. Нельзя „статься, чтобы пропагандисты оставили насъ въ по-„коѣ“ *).

Въ теченіе всего 1840 года здоровье фельдмаршала не было въ удовлетворительномъ положеніи. Князь Варшавскій страдалъ лихорадкой, ревматизмомъ и болѣзнью глазъ. Государя это сильно безпокоило. До какой степени личныя отношенія Государя къ фельдмаршалу были дружественны, выясняетъ отчасти то, что Государь писалъ князю Варшавскому по поводу его нездоровья: „Все было бы хорошо, ежели бы ты былъ здо-„ровъ, но какъ то, что ты самъ мнѣ пишешь, такъ и „то, что узналъ отъ воротившагося флигель-адъютанта „Пашкова, меня крайне безпокоитъ, тѣмъ болѣе, что не „добьюсь знать, что ты дѣлать намѣренъ, чтобы по-„правиться. Умоляю тебя именемъ дружбы нашей не „пренебрегай здоровьемъ. Тебѣ надо ѣхать на воды, „не откладывай сего, я прошу и требую, чтобъ ты по „совѣту докторовъ ѣхалъ, куда велятъ. Ты слишкомъ „легко забываешь, что *ты* для отечества! и, воля твоя, „готовъ за это тебя побранить, ибо ты грѣшишь передъ

*) Письмо 26-го сентября (8-го октября) 1841 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

„Богомъ, передъ отечествомъ и передъ мною; тебѣ „должно и о себѣ думать. Лѣто стоитъ прекрасное, са-„мое удобное для леченія, надо тебѣ имъ воспользо-„ваться; не теряй время. Ожидаю съ будущимъ фельдъ-„егеремъ извѣщенія когда и куда ѣдешь. Больно мнѣ „было слышать, что и Горчаковъ слабо поправляется, „его тоже надо купать или поить, я это требую“ *).

Не смотря на настоятельные совѣты Государя, фельдмаршалъ за границу не поѣхалъ, а весною лечился въ Скерневицахъ; въ іюлѣ онъ производилъ смотры войскамъ, а въ августѣ, въ Калишѣ, открывалъ памятникъ, сооруженный въ память пребыванія тамъ покойнаго короля прусскаго Фридриха Вильгельма III-го. На это торжество прибылъ принцъ прусскій (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I-й) и вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ изъ Калиша поѣхалъ въ Варшаву и тамъ ожидалъ прибытія Государя. Государь прибылъ въ Варшаву въ концѣ августа и почти ежедневно производилъ смотры войскамъ, но въ то же время Его Величество обсуждалъ съ фельдмаршаломъ учрежденіе въ Варшавѣ двухъ департаментовъ сената (гражданскаго и уголовнаго). Замѣняя высшій судъ въ краѣ, сенатъ до нѣкоторой степени устранялъ судебную обособленность Царства Польскаго; но это было явнымъ нарушеніемъ уставной грамоты 14-го (26-го) февраля 1832 г. Сенатъ, гдѣ бы его департаменты ни находились, составлялъ единое имперское учрежденіе; были департаменты сената и въ

*) Письмо 8-го іюня 1841 года.

Москвѣ, могли быть и въ Варшавѣ, но этимъ не нарушалась цѣлостность правительствующаго сената Россійской Имперіи. Между тѣмъ, по уставной грамотѣ 1832 года, всѣ высшія судебныя и административныя управленія въ Царствѣ учреждались на основаніяхъ автономныхъ, при чемъ не предполагалось образовывать имперскія правительственныя установленія.

Государь выѣхалъ изъ Варшавы въ началѣ сентября, а разработкою вопроса о варшавскомъ сенатѣ фельдмаршалъ занялся лично со статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго, Туркуломъ, и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Старынкевичемъ.

Передъ отъѣздомъ Государя изъ Варшавы, фельдмаршалъ на маневрахъ упалъ съ лошади и сильно расшибся. Государь былъ очень опечаленъ этимъ несчастнымъ случаемъ. „Прибывъ сюда въ 11 часовъ вечера", писалъ онъ фельдмаршалу 13-го (25-го) сентября, по возвращеніи въ Царское Село, „и совершивъ путь (отъ „Ковно) въ два дня и 20 часовъ, по телеграфу узналъ „я, что, благодаря Бога, тебѣ нѣсколько лучше, мой „любезный отецъ-командиръ, и что лихорадка не возоб„новлялась; молю душевно Бога, чтобъ приключеніе съ „тобой не имѣло дурныхъ послѣдствій; это одно испор„тило пріятность моего пребыванія сего года въ Вар„шавѣ."

И 22-го сентября:

„Письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, по„лучилъ я три дня назадъ; всему былъ бы радъ, „ежели бъ главное въ немъ нашелъ, т. е. твое со-

„вершенное выздоровленіе; теперь только судить можно, „сколь важенъ былъ твой ушибъ; и не могу сказать, „какъ мнѣ прискорбно, что конецъ моего пребыванія „долженъ былъ ознаменоваться столь непріятнымъ со- „бытіемъ.“ Изъ письма графа Чернышева видно, что пользовавшій фельдмаршала врачъ Чатыркинъ представлялъ лейбъ-медику Арендту рапорты о состояніи здоровья своего паціента. Эти рапорты Арендтъ, съ своими объясненіями, докладывалъ Государю. 1-го (13-го) октября Государь писалъ фельдмаршалу: „очень радъ „былъ узнать, что, благодаря Бога, теперь тебѣ легче, „отъ ушиба; желаю, чтобъ скорѣе и всѣ его слѣды „исчезли.“

Съ отъѣздомъ Государя на очереди стояло разрѣшеніе двухъ существенно важныхъ и неотложныхъ вопросовъ: 1) о займѣ и 2) о сокращеніи расходовъ по содержанію арміи.

Въ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1840 года, обнаружился значительный недоборъ въ податяхъ и явились усиленныя востребованія вкладовъ изъ правительственныхъ кредитныхъ учрежденій. Для покрытія дефицита предполагалось заключить заемъ, черезъ посредство голландскаго банкира Гоппе, но отреченіе отъ престола нидерландскаго короля произвело замѣшательство на амстердамскомъ денежномъ рынкѣ и успѣхъ займа становился сомнительнымъ. При такихъ обстоятельствахъ Государь обратился къ фельдмаршалу съ вопросомъ: „нельзя ли заключить заемъ въ Царствѣ Польскомъ?“ Фельдмаршалъ обратился къ банкирскому дому Антона

Френкеля, который составилъ группу банкировъ (синдикатъ); условія займа, ими представленныя, были выгоднѣе первыхъ предложеній дома Гоппе.

Но дѣло не двигалось. Графъ Канкринъ ни на что не рѣшался. По проекту, представленному управленіемъ финансовъ Царства Польскаго, заемъ на 50 лѣтъ соединялся съ проектомъ конверсіи старыхъ 5 % займовъ въ 4 %. Въ сентябрѣ 1841 года, за отсутствіемъ министра финансовъ графа Канкрина, его товарищъ Вронченко подалъ записку Государю, въ которой доказывалъ, что, во первыхъ, предположенія фельдмаршала могутъ повредить или помѣшать займу министерства финансовъ черезъ банкировъ Гоппе; во вторыхъ, заемъ на 50 лѣтъ и при немъ конверсія 5 % бумагъ невыгодны, въ особенности потому, что казна при этой операціи теряетъ 156,000,000 злотыхъ. Государь переслалъ записку Вронченко фельдмаршалу. Князь Варшавскій доказывалъ, что товарищъ министра финансовъ ошибается и что, по его расчету, казна теряла всего 3,600,000 злотыхъ.

Такъ какъ Государю крайне желательно было согласить фельдмаршала съ министромъ финансовъ, то фельдмаршалъ послалъ въ Петербургъ для переговоровъ и соглашенія съ графомъ Канкринымъ своего директора финансовъ Фурмана и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ Государю слѣдующую записку: „Въ прошломъ году, „когда Вашему Величеству угодно было повелѣть со„образить: нельзя ли взять денегъ изъ польскаго банка, „я представлялъ, что можно выпустить третью серію

„облигацій и получить отъ сего 20 мил. злотыхъ, ко„торые можно обратить на сооруженіе крѣпостей, если „продолженіе работъ признается нужнымъ. Вашему Ве„личеству угодно было утвердить мое представленіе. „Но облигацій вдругъ продать нельзя было. Между „тѣмъ, на счетъ сихъ 20 мил. казначейство издержало „уже до 12 мил., такъ что само стѣсняется теперь въ „оборотахъ. Отчего на будущій (1841) годъ уже не было „возможности производить на крѣпости расходы изъ „казны, ибо продажа облигацій не вѣрна и не совсѣмъ „выгодна. Тогда же и представилось новое средство: „конверсія старыхъ 5-ти процентныхъ долговъ въ 4-хъ „процентные, съ увеличеніемъ займа (т. е. капитальной „суммы государственнаго долга). Конверсія оказывалась „выгодною и потому я объ ней представилъ. Если она „можетъ вредить кредиту Имперіи, то ее можно не дѣ„лать, а мы будемъ стараться выпускать третью серію“ *). Кончилось тѣмъ, что фельдмаршалъ, не ожидая уже более рѣшеній министерства финансовъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1841 года приступилъ къ выпуску и къ реализаціи третьей серіи облигацій, для покрытія экстраординарныхъ расходовъ Царства Польскаго **).

Въ это же время совершилось дѣло крайне важное въ смыслѣ объединенія Царства Польскаго съ Россіею. Это было уничтоженіе таможенъ на границахъ Царства

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 27-го декабря 1841 года Сем. арх. кн. Паскевича.

съ Имперіей. Графъ Канкринъ долго препятствовалъ осуществленію этого дѣла, находя его въ экономическомъ отношеніи невыгоднымъ. Но фельдмаршалъ, а затѣмъ Государь настояли, и внутреннія таможни Царства Польскаго были сняты, а стража переведена на внѣшнія границы Царства, австрійскую и прусскую *).

Покуда шли переговоры о займахъ, бюджетъ Имперіи на 1842 годъ оказался съ значительнымъ дефицитомъ. Государь и его министры изыскивали мѣры къ сокращенію расходовъ всѣхъ вѣдомствъ, но по отношенію къ арміи Государь старался вести дѣло такъ, чтобы сколь возможно менѣе разстроить этими сокращеніями составъ и образованіе войскъ. Главныя сокращенія предполагалось сдѣлать по кавалеріи, упразднивъ всѣ резервные эскадроны, кромѣ гвардейскихъ; затѣмъ четвертые баталіоны пѣхоты переформировать въ кадры. Эти двѣ мѣры давали сокращеніе на 17 тыс. человѣкъ пѣхоты, 9 тыс. человѣкъ кавалеріи и столько же лошадей. Кромѣ того предполагалось сдѣлать значительныя сокращенія по конной резервной артиллеріи, по жандармскому корпусу и вовсе упразднить 31-й резервный саперный баталіонъ.

Передавая фельдмаршалу эти предположенія, Государь писалъ: „ Всѣ эти сокращенія составятъ сбере-„женія до 2-хъ мил. сер., но болѣе сего ничего убавить „не придумаю. Остается мнѣ просить тебя настоятельно

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1841 года.

„обратить вниманіе: не найдешь ли возможность сдѣ-
„лать съ твоей стороны какихъ-либо убавокъ по штату „арміи, ибо онъ, съ интендантствомъ и съ прочими дроб- „ными частями по Царству, составляетъ издержки на „1,500,000 р. серебромъ. Убавь чиновниковъ, адъютан- „товъ или другихъ лицъ, которыхъ, полагаю, есть много „лишнихъ или не необходимыхъ; но все это стоитъ „дорого, а теперь каждая копѣйка дорога. Жду нетер- „пѣливо твоего отвѣта“ *).

Фельдмаршалъ представилъ слѣдующія соображенія: изъ 6-ти сотенъ мусульманскаго полка оставить 4, а въ горскомъ полку изъ 6-ти сотенъ оставить 2; жандармскій дивизіонъ, который въ Варшавѣ дорого стоилъ, вывести въ Кіевъ **).

Затѣмъ фельдмаршалъ предлагалъ уменьшить въ Царствѣ Польскомъ число комендантовъ и плацъ-адъютантовъ, но, какъ общую мѣру для всей арміи, находилъ возможнымъ въ мирное время не имѣть въ дивизіяхъ бригадныхъ командировъ. „Можно“, писалъ фельдмаршалъ, „совершенно во всей арміи упразднить званіе „бригадныхъ командировъ. Я думаю объ этомъ пред- „метѣ такъ: имѣть генералъ-маіора въ каждой бригадѣ „по одному; но они будутъ имѣть полки, какъ то было „до 1815 года. Дѣло шло и даже въ самую сильную „войну. Это положеніе имѣть только во время мира; „съ объявленіемъ же войны они сдаютъ полки и вхо-

*) Письмо 16-го (28-го) декабря 1841 года.

**) Письмо къ Государю отъ 28-го декабря того же года. Сем. арх. кн. Паскевича.

„дятъ въ командованіе бригадъ. Это уменьшеніе сдѣ-„лаетъ первоначально до 74,000 руб. сер., а впослѣд-„ствіи до 105. Отдавши полки генералъ-маіорамъ мы „выиграемъ также, что ½ полковъ будетъ весьма хо-„рошо командована. Дивизіонному 12 баталіоновъ не „трудно надсматривать. Другое же предположеніе, чтобы „уменьшить на половину бригадныхъ командировъ, а „одного бригаднаго командира оставить, дабы онъ былъ „помощникомъ дивизіонному командиру. Также въ томъ „смыслѣ уменьшить и бригадныхъ артиллерійскихъ ко-„мандировъ, что сдѣлаетъ, по первому плану, первона-„чально до 248 тыс., а потомъ 293 тыс.“ *).

Государь не соглашался уничтожить званіе бригадныхъ генераловъ, опасаясь, какъ Его Величество выражался, „перемѣнъ начальства передъ открытіемъ кам-„паніи“ **). Но за то состоялось полное соглашеніе относительно прекращенія выдачъ войскамъ жалованья, какъ тогда выражались „по грузинскому положенію“, т. е. по усиленнымъ окладамъ, утвержденнымъ для Закавказья. Однако оклады эти отмѣнялись постепенно, по мѣрѣ того, какъ новыя войска замѣняли тѣ, которыя возвращались въ Россію. Такимъ образомъ 1-й корпусъ былъ смѣненъ 2-мъ осенью 1842 года, 2-й корпусъ усиленнаго оклада не получалъ, а 1-й сохранилъ его

*) Разъясненіе, вызванное письмомъ Государя отъ 5-го (17-го) января 1842 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо къ фельдмаршалу отъ 5-го (17-го) января 1842 года. См. прил. № 50, гдѣ помѣщены всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1842 годъ, въ числѣ 7-ми.

до выступленія изъ Царства Польскаго. Это распоряженіе составило значительную экономію въ военныхъ расходахъ.

Въ это время, т. е. въ концѣ 1841 года, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV отправился въ Лондонъ, не сообщивъ Николаю Павловичу о цѣли своей поѣздки. Государь былъ этимъ крайне недоволенъ, и въ особенности потому, что предполагалъ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что Фридрихъ Вильгельмъ IV, по дорогѣ въ Англію, будетъ имѣть свиданіе съ королемъ Луи-Филиппомъ и Леопольдомъ бельгійскимъ. Нѣсколько странно, что въ то время, какъ въ Петербургѣ еще не знали, зачѣмъ король прусскій ѣдетъ въ Лондонъ, фельдмаршалъ имѣлъ объ этомъ весьма положительныя свѣдѣнія. 27-го декабря 1841 года онъ писалъ Государю: „На счетъ путешествія короля прусскаго въ „Англію извѣстно, что онъ ѣдетъ, дабы упрочить су„ществованіе лютеранской религіи; ибо папа въ по„слѣднее время такъ усилился, что находятъ лютеран„скую связь государей, дабы противустать ему. Это „офиціальная (причина)". Кромѣ того фельдмаршалъ предполагалъ возможнымъ, что прусскій король желаетъ сыграть роль посредника между королями Луи-Филиппомъ и Леопольдомъ, съ одной стороны, и сѣверными державами — съ другой. По этому поводу фельдмаршалъ довольно смѣло писалъ Его Величеству, что каждому Государю, вновь вступившему на престолъ, желательно выказать себя въ томъ или другомъ смыслѣ и совершить что-либо новое. „Я беру въ этомъ случаѣ",

писалъ фельдмаршалъ Государю, „въ примѣръ искрен-
„нее признаніе Фридриха Великаго въ *Histoire de mon*
„*temps*. Разсказывая о причинахъ войны за Силезію,
„(онъ) говорилъ: при томъ же, желаніе ознаменовать
„себя и новое царствованіе славными дѣлами входило
„въ расчетъ въ началѣ этой войны“ *).

---

*) Письмо къ Государю отъ 27-го декабря 1841 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

Глава IX.

Учрежденіе варшавскихъ департаментовъ сената и его политическое значеніе.—Именной Высочайшій указъ 6-го сентября 1841 г. — Сенаторы варшавскихъ департаментовъ. — Коммисія прошеній Царства, ея предсѣдатель и члены. — Нововведеніе въ формѣ изданія указа. — Высочайшій указъ 26-го марта 1842 г. — Открытіе варшавскихъ департаментовъ сената.—Апелляціонный судъ.—Полномочія фельдмаршала по судебной части. — Замѣна пожизненнаго заключенія ссылкою въ каторжныя работы.—Заботы фельдмаршала о лучшей постановкѣ защиты обвиняемыхъ.—Переговоры съ Пруссіей о возобновленіи картельной конвенціи. — Враждебное настроеніе прусской печати и жалобы на нее со стороны императорскаго правительства. — Озлобленіе торговою политикою гр. Канкрина. — Побѣги солдатъ и рекрутъ. — Неудовольствіе евреевъ.—Недостатокъ единства дѣйствія въ прусскомъ правительствѣ. — Отзывъ Государя о прусскихъ дѣлахъ.—Упорное преслѣдованіе нападокъ на Россію прусской печати.—Грамота, пожалованная Государемъ прусской торговлѣ. — Неумѣренное желаніе прусскаго правительства.— Негодованіе германской печати.—Еврейскій вопросъ.—Секта аббата Шателя. — Присоединеніе къ православію жителей Горнаго Потока. — Іеромонахъ Антоній Пасичъ. — Неудовольствіе римскаго двора. — Рѣчь папы. — Отъѣздъ въ Галицію Гутковскаго.—Посвященіе въ епископы Терашкевича.— Удаленіе на покой Шумборскаго.—Католическіе монастыри

и монашествующіе. — Отзывъ фельдмаршала о нравственности и духѣ римско-католическаго духовенства. — Необходимость хорошихъ отношеній съ римскимъ дворомъ. — Надежды на Терашкевича.—Желаніе фельдмаршала увеличить число крестьянъ - собственниковъ и чиншевиковъ. — Старообрядческія, раскольничьи и православно-русскія поселенія въ Царствѣ Польскомъ.—Нѣмецкая колонизація и ея культурное для края значеніе.—Пути сообщенія.—Штрафы за самовольное открытіе учебныхъ заведеній. — Обнаруженіе злоупотребленій въ Польскомъ банкѣ.—Мысли фельдмаршала о казачьихъ и крестьянскихъ поселеніяхъ на Кавказѣ. — Причина убійства Бей-Булата. — Обмѣнъ мыслей между Государемъ и фельдмаршаломъ по вопросу о способахъ вліянія на иностранную печать.—Пребываніе Государя въ Варшавѣ.— Письмо вел. кн. Михаила Павловича.

Мы уже видѣли, что фельдмаршалъ съ Туркуломъ и Старынкевичемъ работалъ надъ составленіемъ проекта положенія о сенатѣ въ Варшавѣ. Помимо законодательныхъ трудностей, при составленіи такого проекта, являлась еще и политическая сторона дѣла, до такой степени серьезная, что она какъ бы предвѣщала начало административнаго слiянія Царства Польскаго съ Имперіей. Дѣйствительно, съ учрежденіемъ департаментовъ сената, предполагалось упразднить и государственный совѣтъ Царства Польскаго. Между тѣмъ учрежденіе это составляло существенную и нераздѣльную часть системы автономнаго управленія, созданнаго органическимъ статутомъ, или уставною грамотою 14-го февраля 1832 года. При упраздненіи государственнаго совѣта—этого высшаго учрежденія автономнаго управленія краемъ, откры-

валась возможность полнаго слiянiя съ общеимперскимъ управленiемъ и широкое поле для дальнѣйшаго движенiя въ этомъ объединяющемъ направленiи.

Конечно, упраздненiе государственнаго совѣта могло вызвать въ краѣ нѣкоторое неудовольствiе, хотя за 10 лѣтъ управленiя фельдмаршаломъ Царствомъ Польскимъ, въ глазахъ сколько нибудь разумныхъ поляковъ, автономное начало уже не имѣло важнаго значенiя.

Въ то время въ Царствѣ Польскомъ существовала одна сильная власть, это былъ князь Варшавскiй, все остальное служило ему оружiемъ; какъ бы это „остальное“ ни называлось.

Въ концѣ августа 1841 года въ Варшавѣ былъ изготовленъ слѣдующiй Высочайшiй указъ на имя намѣстника Царства, подписанный Государемъ 6-го (18-го) сентября 1841 года. „Признавъ за благо учредить въ „1832 году въ Нашемъ государственномъ совѣтѣ особый департаментъ дѣлъ Царства Польскаго, въ который поступаютъ всѣ важнѣйшiя дѣла, до Царства „относящiяся, Мы находимъ дальнѣйшее существованiе „отдѣльнаго государственнаго совѣта въ Царствѣ не „соотвѣтствующимъ настоящему положенiю края, а какъ „вмѣстѣ съ тѣмъ настоитъ необходимость дать высшей „палатѣ суда прочнѣйшее основанiе, то и положили „Мы, упразднивъ какъ нынѣшнiй государственный совѣтъ Царства, такъ и высшую палату суда, замѣнить „ихъ въ Варшавѣ, для всего Царства Польскаго, двумя „департаментами правительствующаго сената, кои примутъ послѣдовательные номера: „девятаго“ и „деся-

„таго“ и общимъ правительствующаго сената варшав-„скихъ департаментовъ собраніемъ“ *).

Вѣроятно, чтобы смягчить тягостное впечатлѣніе этого важнаго нововведенія, одновременно, т. е. того же 6-го (18-го) сентября, были изданы еще два указа: однимъ изъ нихъ польскимъ членамъ бывшаго государственнаго совѣта Царства (генералу отъ кавалеріи графу Ожаровскому, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Ваневскому, генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту Влодеку и отставному генералъ-лейтенанту Курнатовскому) повелѣвалось присутствовать въ варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ **); другимъ указомъ учреждалась въ Варшавѣ особая коммисія, подъ наименованіемъ коммисіи прошеній Царства, для разсмотрѣнія просьбъ, на Высочайшее имя приносимыхъ „подданными Нашего Царства Польскаго“ ***).

Предсѣдателемъ коммисіи назначался полякъ, сенаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Влодекъ ****). Въ ст. 4-й декрета сказано: „Дѣйствія ком-

---

*) Сборн. адм. постан. Царства Польскаго, ч. II, т. VI (учредительные уставы гражданскихъ судовъ), стр. 210—224.

**) Въ тѣхъ же департаментахъ присутствующими сенаторами изъ русскихъ назначены: оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго двора *князь Оболенскій* и варшавскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ *Писаревъ*.

***) Архивъ государственнаго совѣта, дѣло 1841 г. № 14.

****) Членами коммисіи тѣмъ же декретомъ назначены: свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ *Толстой*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коссаковскій*, статсъ-секретарь совѣта управленія Царства статскій совѣтникъ *Тымковскій*, директоръ канцеляріи намѣстника статскій совѣтникъ *Эліашевичъ* и чиновникъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ коллежскій совѣтникъ *Очкинъ*.

„мисіи открыты будутъ въ то время, когда утверждено „будетъ Нами ея образованіе.“

Нововведеніе было и въ томъ, что именной указъ намѣстнику объ учрежденіи варшавскихъ департаментовъ сената не скрѣпленъ (przez Cesarza Króla Minister и проч.) тогдашнимъ министромъ статсъ-секретаремъ Игнатіемъ Туркуломъ, а только въ польскомъ текстѣ имъ удостовѣрена вѣрность перевода (za zgodność tłómaczenia).

Государь возложилъ на фельдмаршала составленіе соображеній касательно дальнѣйшаго развитія главныхъ основаній, высказанныхъ въ указѣ 6-го (18-го) сентября, и уже въ февралѣ 1842 года фельдмаршалъ представилъ въ Петербургъ, въ государственный совѣтъ, два проекта: 1) учрежденія варшавскихъ сената департаментовъ, девятаго и десятаго, и общаго ихъ собранія и 2) положенія о порядкѣ принесенія и разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія и приговоры судовъ низшихъ инстанцій.

Затѣмъ воспослѣдовалъ Высочайшій указъ отъ 26-го марта 1842 года, въ которомъ сказано: „по подробномъ „разсмотрѣніи проектовъ сихъ государственнымъ совѣ„томъ въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, на„ходя, что изложенныя въ нихъ постановленія, сохраняя „основныя начала уставовъ гражданскаго и уголовнаго „судопроизводства, имѣющихъ въ Царствѣ силу и „дѣйствіе, съ тѣмъ вмѣстѣ соотвѣтствуютъ и видамъ „Нашимъ о доставленіи Нашимъ вѣрноподданнымъ въ „Царствѣ надежнѣйшихъ и удобнѣйшихъ средствъ къ

„достиженію правосудія, Мы признали за благо означен-„ныя учрежденіе и Положеніе утвердить совокупно со „штатомъ канцеляріи варшавскихъ сената департамен-„товъ и, прилагая у сего, повелѣваемъ: препроводивъ „оныя къ намѣстнику Царства, сдѣлать надлежащія „распоряженія для обнародованія и приведенія ихъ въ „дѣйствіе“ *).

Открытіе въ Варшавѣ двухъ департаментовъ сената послѣдовало 20-го сентября (2-го октября) 1842 года. Одновременно была упразднена высшая палата суда, съ ея кассаціонными отдѣленіями; апелляціонному суду оставлено было значеніе послѣдней (при разсмотрѣніи дѣлъ по существу) судебной инстанціи.

Новое учрежденіе предоставило намѣстнику Царства такія полномочія по судебной части, какими въ Имперіи не пользовалось ни одно лицо, не исключая и министра юстиціи. Полномочія эти выступаютъ въ особенности въ постановленіяхъ объ *общихъ собраніяхъ* департаментовъ сената. Они пережили фельдмаршала, такъ какъ общія собранія варшавскаго сената упразднены лишь съ учрежденіемъ, на новыхъ основаніяхъ, государственнаго совѣта Царства Польскаго (указомъ 24-го мая (5-го іюня) 1861 года), которому между прочимъ присвоены были и всѣ права общихъ собраній варшавскихъ правительствующаго сената департаментовъ.

---

*) Сборнникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго, ч. II, т. VI. Особый именной указъ о томъ же намѣстнику Царства см. въ приложеніи № 51.

Вотъ важнѣйшія полномочія фельдмаршала по отношенію къ сенату: Въ общемъ собраніи, вмѣсто Императорскаго Величества, *предсѣдательствуетъ* Его *намѣстникъ* въ Царствѣ (ст. 3). Общее собраніе имѣетъ *присутствіе въ дни, назначаемые его предсѣдателемъ* (ст. 12). Въ каждый департаментъ, а если онъ раздѣляется на отдѣленія, то въ каждое отдѣленіе, *назначается* Императорскимъ Величествомъ, *ежегодно, по представленію намѣстника Царства, первоприсутствующій* (ст. 5). Сенаторы и члены сената распредѣляются по департаментамъ и отдѣленіямъ *ежегодно* Императорскимъ Величествомъ, *по представленію намѣстника Царства.*

Если приговоръ сената подлежитъ Высочайшему утвержденію *), то подносится отъ него Императорскому Величеству **) всеподданнѣйшій докладъ, подписанный сенаторами и членами сената, участвовавшими въ сужденіи дѣла. Помянутый всеподданнѣйшій докладъ препровождается оберъ-прокуроромъ къ главному директору правительственной коммисіи юстиціи, который представляетъ его *намѣстнику* Царства (ст. 78 и 79) и уже намѣстникъ „при своемъ мнѣніи" повергаетъ его на усмотрѣніе Государя. Всѣ жалобы на высшіе чины судебнаго вѣдомства по служебнымъ ихъ дѣйствіямъ и всѣ дѣла, касающіяся представленій и доказательствъ о правахъ состояній, вносились оберъ-прокурорами въ сенатъ не иначе, какъ по предварительному разсмотрѣнію главнаго директора юстиціи, т. е. лица, прямо и

---

*) Въ случаяхъ лишенія дворянства, чести или жизни (дворянъ же).
**) Нигдѣ къ слову „Императорскому" не прибавляется „и Царскому."

по всѣмъ дѣламъ непосредственно подчиненнаго намѣстнику. Точно также надзоръ за соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для производства дѣлъ, и за точнымъ изъясненіемъ законовъ, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи варшавскаго сената, возлагался на главнаго директора юстиціи, который и въ этомъ отношеніи могъ дѣйствовать только по указаніямъ и разрѣшеніямъ намѣстника. Наконецъ всѣ назначенія по прокуратурѣ и канцеляріи сената зависѣли отъ выбора главнаго директора юстиціи, а болѣе высокія назначенія лично отъ самого намѣстника.

За шесть дней до подписанія указа сенату объ учрежденіи въ Варшавѣ двухъ его департаментовъ, было объявлено Высочайшее повелѣніе, чтобы преступники гражданскаго вѣдомства, приговоренные къ *пожизненному* крѣпостному заключенію (więzienie warowne na całe życie), отправляемы были въ Сибирь, на каторжныя работы въ рудникахъ. Это нововведеніе состоялось по простому объявленію выписки изъ журнала засѣданія совѣта управленія (отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1842 года № 24060), гдѣ сказано только: „Намѣстникъ „въ Царствѣ объявилъ совѣту управленія, что Государь „Императоръ, для отвращенія неудобствъ, съ которыми „сопряжено содержаніе въ тюрьмахъ преступниковъ „гражданскаго вѣдомства, *по всеподданнѣйшему докладу* „*его намѣстника*, Высочайше повелѣть соизволилъ *) „и проч.“

---

*) Варшавскій архивъ старыхъ дѣлъ и Сб. адм. постановл. Ц. П., т. V, приб. 172, стр. 54.

Вводя въ Царство Польское суровыя наказанія русскихъ уголовныхъ законовъ, фельдмаршалъ заботился въ то же время о возможно лучшей обстановкѣ защиты обвиняемыхъ и о скоромъ судѣ. Въ этихъ видахъ правительственная коммисія юстиціи снабдила уголовные суды Царства инструкціей слѣдующаго, въ главныхъ основаніяхъ, содержанія:

Для изготовленія и представленія въ судѣ защитительныхъ рѣчей (писанныхъ), назначать защитникамъ по возможности краткіе сроки, принимая во вниманіе важность и обширность дѣла. Защитниковъ, неисполнившихъ въ опредѣленный срокъ возложенной на нихъ обязанности, побуждать къ тому взысканіемъ установленнаго денежнаго штрафа, безъ всякихъ предварительныхъ распоряженій. Если по одному дѣлу приходится защищать нѣсколькихъ обвиняемыхъ, то изготовленіе защитительныхъ рѣчей для всѣхъ ихъ слѣдуетъ поручать по возможности одному защитнику (на сколько это окажется примѣнимымъ); если же нѣкоторые обвиняемые должны имѣть особаго отъ остальныхъ защитника, или если каждому изъ обвиняемыхъ необходимо назначать особаго защитника, въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе замедленія, вслѣдствіе передачи дѣла каждому защитнику порознь, слѣдуетъ обязать ихъ, чтобы они собрались одновременно въ помѣщеніи суда или въ частной квартирѣ, для совмѣстнаго чтенія дѣла и составленія нужныхъ каждому, для защиты, извлеченій и записокъ, а если бы это оказалось рѣшительно невозможнымъ и встрѣтилась настоятельная на-

добность сообщить дѣло каждому защитнику порознь, то судъ обязанъ строго наблюдать, чтобы дѣло не оставалось въ рукахъ каждаго изъ нихъ болѣе 3-хъ дней *). Вообще князь Варшавскій особенно зорко слѣдилъ за дѣлопроизводствомъ уголовныхъ судовъ, настоятельно требуя возможной быстроты ихъ производства. „Дабы,“ какъ выражался фельдмаршалъ, „не томить людей дол-„гими арестами въ тюрьмахъ.“

Въ то время, когда учреждался варшавскій сенатъ, истекалъ срокъ картельной конвенціи, заключенной въ 1830 году между Россіею и Пруссіею (на 12 лѣтъ, т. е. до 17-го (29-го) марта 1842 года). „Опытъ показалъ,“ писалъ графъ Нессельроде барону Мейендорфу (20-го января 1842 года), „что статьи конвенціи 1830 года „вызываютъ много затрудненій. Въ особенности было „бы желательно лучше обезпечить выдачу военныхъ „бѣглыхъ и рекрутовъ.“ Но прусское правительство сообщило черезъ генерала Рауха петербургскому кабинету, что общественное мнѣніе Пруссіи настолько высказывается противъ возобновленія конвенціи 1830 года, что прусскіе министры не считаютъ удобнымъ заняться этимъ дѣломъ. При томъ генералъ Раухъ добавлялъ, что если бы русское правительство согласилось дать новое облегченіе для пограничныхъ сношеній, то въ такомъ случаѣ прусскія власти могли бы скорѣе оправдать свои уступки Россіи предъ общественнымъ мнѣ-

---

*) Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго т. XIII, приб. № 232, стр. 24—38.

ніемъ страны. Иначе говоря, Пруссія соглашалась возобновить картельную конвенцію и внести статьи въ эту конвенцію, которыя обязывали бы пограничныя прусскія власти передавать бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ, при условіи новыхъ со стороны Россіи уступокъ по взиманію таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ.

Извѣстно стало, что пограничныя съ Россіею провинціальныя власти Пруссіи единодушно предложили высшему берлинскому правительству не возобновлять картельной конвенціи съ Россіей, съ цѣлью понудить ее на таможенныя уступки. То же самое проповѣдывалось во всѣхъ прусскихъ газетахъ и журналахъ того времени. Въ особенности „Кенигсбергская“ газета убѣждала въ необходимости принудить Россію къ перемѣнѣ тарифа, отказываясь заключить съ ней картельную конвенцію о выдачѣ бѣглыхъ. Прусская печать въ то время была крайне враждебна Россіи и высказывалась до такой степени несдержанно и рѣзко, что графъ Нессельроде, по приказанію Государя, поручилъ барону Мейендорфу обратить серьезнѣйшее вниманіе прусскаго министерства на безотлагательную необходимость *положить предѣлъ безобразіямъ періодической печати*. „Распространяемыя прусскими газетами клеветы,“ писалъ Нессельроде Мейендорфу, „не могутъ оскорбить Императорское правительство, но онѣ имѣютъ очевидно „цѣлью заставить думать, что узы, соединяющія оба „правительства, начинаютъ ослабѣвать, и подкрѣпляетъ „такое убѣжденіе то, что такія низкія инсинуаціи публикуются на глазахъ правительства и остаются безна-

„казанными.“ Баронъ Мейендорфъ немедленно предъявилъ жалобу на прусскія газеты и доказывалъ министрамъ полную неосновательность обвиненій Россіи прусскою печатью въ томъ, что она, будто бы, старается установить „китайскую стѣну“ между собою и Пруссіей, съ цѣлью тормазить свободу торговыхъ сношеній. Прусское правительство обязалось издать распоряженіе, запрещающее газетамъ обсуждать отношенія между обоими правительствами, въ особенности по коммерческимъ дѣламъ. „Этотъ любопытный эпизодъ“ (часто повторявшійся), говоритъ профессоръ Мартенсъ, „доказываетъ, насколько общественное мнѣніе Пруссіи не „только тяготилось давленіемъ русской политики на „прусское правительство, но не менѣе было озлоблено „торговою политикою графа Канкрина“ *).

Между тѣмъ фельдмаршалъ доносилъ Государю, что въ пограничной мѣстности съ Познанью распространяется слухъ, что картельная конвенція съ Россіею не будетъ возобновлена и что вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ прусскихъ газетахъ появляются свѣдѣнія о невѣроятномъ количествѣ бѣглыхъ русскихъ солдатъ, перешедшихъ границу и поселившихся въ прусскихъ городахъ. Въ дѣйствительности число бѣглыхъ далеко не доходило до численности, передаваемой газетами. Фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что „все это только средства „принудить Россію къ перемѣнѣ тарифа“ **), но что за-

*) Мартенсъ, т. 8, стр. 276.

**) Письмо къ Государю 5-го (17-го) апрѣля 1842 г Сем. арх. кн. Паскевича.

ставить замолчать газеты не въ силахъ прусскаго правительства. Впрочемъ, фельдмаршалъ вскорѣ писалъ, что побѣги за границу въ войскахъ прекратились, что же касается побѣговъ рекрутъ, то, по мнѣнію Государя, „такъ какъ за бѣглыхъ должны брать другихъ рекрутъ, „то сами поляки строго наблюдать будутъ, чтобъ ихъ „рекрута не могли укрыться“ *).

Относительно рекрутскихъ наборовъ въ 1842 году, по представленію фельдмаршала, былъ уничтоженъ денежный сборъ, замѣнявшій для евреевъ, воинскую повинность. Съ тѣхъ поръ евреи Царства Польскаго, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ страны, поставляли рекрутъ для военной службы **). Эта мѣра возбудила неудовольствіе евреевъ нетолько Царства Польскаго, но и всей Европы. Замѣчательно, что какъ только за границей стало извѣстно, что предположеніе фельдмаршала относительно евреевъ утверждено и что евреи Царства Польскаго окончательно и безповоротно будутъ подвергаемы рекрутскимъ наборамъ, такъ немедленно еще съ большею энергіею въ прусской и германской печати возобновились рѣзкія клеветы на Россію и ея правительство. Баронъ Мейендорфъ, хотя опять предъявилъ берлинскому кабинету жалобу на печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ въ Петербургъ, что безпорядокъ и противорѣчіе въ дѣлахъ Пруссіи „происходятъ главнымъ

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 26-го мая (7-го іюня) 1842 г. См. прил. № 50.

**) Письмо къ Государю 28-го ноября (10-го декабря) 1842 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

„образомъ отъ коренного недуга прусскаго правитель-„ства, который состоитъ въ полномъ недостаткѣ опре-„дѣленной системы и положительныхъ началъ“. Прусское правительство запрещаетъ-де сегодня то, что завтра позволяетъ, и наоборотъ.

Въ началѣ царствованія короля Фридриха Вильгельма IV были попытки, составивъ однородное министерство, придать прусскому правительству ясное, опредѣленное и твердое направленіе. Попытки генерала Рохау, Альвенслебена и Мальцана окончились полною неудачею, и Рохау вмѣстѣ съ Мальцаномъ должны были подать въ отставку. „Въ Пруссіи дѣла идутъ такъ“, писалъ тогда Государь фельдмаршалу, „что нельзя ни „понять ничего, ни отгадать, что будетъ; безпорядокъ, „путаница, противорѣчія достигли крайности. Ненависть „или зависть къ намъ ежедневно возрастаетъ. Словомъ, „горько слышать и читать! Нужнѣе, чѣмъ когда-либо, „елико можно имѣть менѣе съ ними дѣла, но быть го-„товыми на все, избѣгая всего, что ихъ раздражить „может“ *). Тѣмъ не менѣе баронъ Мейендорфъ съ замѣчательнымъ упорствомъ преслѣдовалъ рѣзкія нападки прусской печати на Россію. Такъ, напримѣръ: когда адъютантъ военнаго министра Циммерманъ издалъ сочиненіе о походѣ англичанъ въ Афганистанъ, въ которомъ враждебно и рѣзко отозвался о русской арміи, нашъ посланникъ немедленно офиціально спросилъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ: „не раздѣляетъ ли

*) Письмо къ фельдмаршалу 26-го декабря 1842 года (7-го января 1843 года). См. прил. № 50.

„военный министръ, генералъ Бойенъ, мнѣнія своего „адъютанта, книга котораго издана подъ его покровительствомъ?“ Военный министръ на другой же день пріѣхалъ извиняться къ барону Мейендорфу *). Эти постоянныя извиненія въ русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ то одного, то другого министра прусскаго, прекращали только на короткое время выраженія враждебности прусской печати къ Россіи. Постоянная враждебность печати, конечно, имѣла непосредственное вліяніе на международныя отношенія государствъ; такъ мы уже видѣли, что прусское министерство боялось, въ виду общественнаго мнѣнія, возобновить картельную конвенцію съ Россіею.

Лѣтомъ 1842 года Государь ждалъ пріѣзда короля и принца прусскаго. Фельдмаршалъ былъ приглашенъ въ Петергофъ, именно для пріѣзда короля Фридриха Вильгельма IV.

Переговоры о торговомъ договорѣ съ Пруссіей, по невозможности придти къ какому-либо соглашенію въ то время, были прерваны и, по волѣ Государя, пріостановленъ даже „всякій обмѣнъ мыслей“ по этому предмету **). Но когда пріѣхалъ король, то, по соглашенію фельдмаршала съ графами Нессельроде и Канкринымъ, былъ составленъ актъ, подъ заглавіемъ: „Окончательныя „уступки, дѣлаемыя Россіей въ пользу Пруссіи“ ***).

---

*) Мартенсъ, l. c., стр. 279.

**) Депеши графа Нессельроде къ барону Мейендорфу отъ 9-го іюня 1842 года.

***) Concessions définitives accordées par la Russie à la Prusse.

На основанiи этого акта Россiя ничего не требовала отъ Пруссiи, за исключенiемъ развѣ справедливой взаимности въ отношенiи положенiя обоюдныхъ флаговъ и взиманiя пошлинъ съ товаровъ и сырья, составляющихъ предметъ вывоза изъ обоихъ государствъ. Всѣ другiя уступки были сдѣланы Пруссiи безъ взаимности, какъ то: преобразованiе таможенъ, согласно прусскимъ желанiямъ; расширенiе правъ смѣшанныхъ подданныхъ и отмѣна главныхъ видовъ судоходныхъ пошлинъ. Эти уступки дарованы Государемъ исключительно только въ интересахъ нашихъ отношенiй съ Пруссiей, основанныхъ на добромъ согласiи и сосѣдствѣ *).

Названный актъ врученъ графомъ Нессельроде, сопровождавшимъ прусскаго короля въ Петергофъ кабинетъ-совѣтникамъ Мюллеру и Удену, 2-го (14-го) iюля. Онъ получилъ для Россiи значенiе добровольнаго обязательства, принятаго относительно Пруссiи, и является не международнымъ договоромъ, а „скорѣе грамотою, „пожалованною Государемъ Императоромъ на пользу „прусской торговли“ **).

Прусскiй король, желая съ своей стороны быть прiятнымъ Государю, предложилъ, чрезъ своихъ министровъ, возобновить картельную конвенцiю на одинъ годъ и продолжать переговоры о торговой конвенцiи. Графъ Нессельроде отвѣчалъ прусскому правительству, что „Государь благодаритъ за желанiе короля возобно-

---

*) Мартенсъ, l. c., стр. 279—280.
**) Тамъ же.

„вить картельную конвенцію, но Его Величество принять этой уступки не можетъ, ни вступить въ новые „переговоры о торговой конвенціи, и что на этотъ счетъ „рѣшеніе Его Величества безповоротно“ *).

По этому поводу Государь, въ декабрѣ мѣсяцѣ **), писалъ фельдмаршалу (возвратившемуся еще въ концѣ іюля въ Варшаву): „На счетъ картельной конвенціи „мое мнѣніе тебѣ извѣстно; я его не измѣню, и доколь „*сами* пруссаки не будутъ меня объ томъ *умолять*, до „того не соглашусь“ ***).

Великодушная уступчивость русскаго правительства побудила берлинскій кабинетъ выразить желаніе, чтобы актъ, подписанный въ Петергофѣ въ іюлѣ 1842 года, былъ распространенъ на всѣ германскія государства, вошедшія въ составъ германскаго таможеннаго союза. Русское правительство отклонило это требованіе, давъ понять Берлину, что въ Петергофѣ были сдѣланы уступки и жертвы только какъ залоги дружбы Государя съ королемъ ****).

Ненависть въ Германіи къ Россіи стала тогда выражаться въ печати въ крайне рѣзкомъ и неумѣренномъ

---

*) Тамъ же.

**) 26-го числа.

***) Еще раньше, именно 25-го августа, Государь писалъ фельдмаршалу: „Пруссія дала мнѣ знать, что опять продолжаетъ картель, я „благодарю и *не принимаю*, доколь не заставлю ихъ признаться, что „они лгали, настаивая объ мнимой тягости сего положенія для восточ„ной Пруссіи, и напротивъ умолять меня не будутъ согласиться вновь „его принять. Иначе съ ними не сладишь какъ такъ.“

****) Депеша графа Нессельроде къ барону Мейендорфу отъ 18-го декабря 1842 г. Мартенсъ, l. c., стр. 332—333.

тонѣ. Конечно, въ этой ненависти, проявляемой германской печатью, немаловажное значеніе имѣлъ и еврейскій вопросъ. Въ то время евреи были сильно раздражены на русское правительство и въ особенности на дѣйствія фельдмаршала. Помимо закона объ отбываніи рекрутской повинности евреями, состоялся, по настоянію князя Варшавскаго, законъ 24-го января 1842 г. (ст. 261 т. XIV св. зак. изд. 1842 г.), въ силу котораго евреи, покинувшіе Россію безъ паспортовъ, теряютъ русское гражданство и право возвращенія въ предѣлы Имперіи и Царства *).

Кромѣ того въ этомъ же году (1842) были взысканы крупные долги, сдѣланные упраздненными еврейскими кагалами **).

Слѣдуя за настроеніемъ, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ, западной Европы, фельдмаршалъ въ началѣ 40-хъ годовъ особенно интересовался такъ называемою сектою аббата Шателя, которая довольно сильно распространилась во Франціи и даже въ Германіи. Это было ученіе, нынѣ извѣстное подъ именемъ

---

*) Прусское правительство при переговорахъ по заключенію картельной конвенціи домогалось права немедленной передачи ближайшей русской пограничной власти всякаго безпаспортнаго русскаго или польскаго еврея, застигнутаго на прусской территоріи. По заявленію прусскихъ уполномоченныхъ, изгнаніе евреевъ считалось въ глазахъ населенія прусскихъ восточныхъ провинцій единственнымъ вознагражденіемъ за возобновленіе картельной конвенціи (Мартенсъ, l. c., стр. 338). Мы видѣли, что Государь считалъ это заявленіе ложнымъ. Во всякомъ случаѣ не могло быть предоставлено Пруссіи право выпроваживать въ Россію всѣхъ евреевъ-бродягъ, пребываніе которыхъ въ Пруссіи признавалось неудобнымъ.

**) Постановленіе совѣта управленія Царства Польскаго отъ 24-го ноября (6-го декабря) 1842 г. Варш. арх. стар. дѣлъ.

старо-католиковъ, т. е. католиковъ, не признающихъ въ смыслѣ римско-католическомъ главенства папы. „Еслибы она“ (секта Шателя), писалъ фельдмаршалъ Государю, „распространилась болѣе, сіе бы было, по „мнѣнію моему, одна изъ причинъ спокойствія въ „Европѣ“ *). Государь отвѣчалъ на это:

„Раздѣляю твое мнѣніе, что ежели-бъ могла секта „аббата Шателя распространиться на всѣхъ католиковъ, „то сіе было бы счастливымъ событіемъ; но, къ не„счастію, многіе, ежели не большая часть католиковъ, „вѣруютъ въ папу, какъ въ самого Бога, и это все „такъ смѣшно у нихъ, что мудрено намъ и понимать „ихъ“ **).

Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства, по духовнымъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ, снова возбудили неудовольствіе римскаго двора. Снова цѣлое селеніе Польши, Горный Потокъ, въ Замостьскомъ обводѣ, заявило желаніе присоединиться къ православію и уже въ октябрѣ 1842 года была устроена тамъ временная православная церковь, которую, впрочемъ, не успѣли освятить православнымъ обрядомъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ воспользовался, прибывшій въ селеніе Горный Потокъ, іеромонахъ холмскаго базиліанскаго монастыря Антоній Пасичъ и, при содѣйствіи сосѣдняго ксендза, самовольно освятилъ церковь, собралъ жителей селенія и уговаривалъ ихъ не переходить въ

*) Письмо 14-го (26-го) октября 1842 г. Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Письмо 21-го октября 1842 г. См. прил. № 50.

схизматическую вѣру, но, сознавъ свое заблужденіе, оставаться вѣрными уніатскому исповѣданію. Предпріятіе это окончилось тѣмъ, что Пасичъ мѣстною полиціею былъ возвращенъ въ Холмъ. Римскому двору обстоятельства присоединенія селенія Горнаго Потока къ православію и дѣйствія Пасича были переданы въ искаженномъ видѣ, и папа произнесъ по этому поводу рѣчь, для управленія Царства Польскаго весьма рѣзкую и неодобрительную. „Рѣчь папы", писалъ тогда Государь фельдмаршалу, „исполнена лжи и несправедливостей, я „не намѣренъ на нее отвѣчать, ибо не хочу начинать „съ нимъ явной ссоры; но велѣлъ сказать, что подобное „дѣйствіе не только не обѣщаетъ успѣха дѣлъ, но ставитъ меня въ невозможность слѣдовать влеченію моему „ко благу католической церкви" *).

Отзывъ Государя, вѣроятно, нѣсколько напугалъ римскій дворъ и побудилъ папу окончательно уговорить епископа Гутковскаго отказаться отъ управленія подляшскою епархіею. Затѣмъ Гутковскій былъ отпущенъ во Львовъ **), гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Кромѣ того папа въ то же время согласился посвятить въ епископы викарія уніатскаго епископа Шумборскаго, Іоанна Терашкевича, личность римскому двору неугодную за приверженность къ славянской обрядности. Епископъ Шумборскій съ этихъ поръ совершенно уже предоставилъ епархію Терашкевичу и капитулу, а самъ предался

*) Письмо 25-го августа 1842 г. См. прил. № 50.

**) Записка фельдмаршала, приложенная къ письму его къ Государю отъ 20-го мая (1-го іюня) 1842 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

исключительно занятіямъ научнымъ (метеорологическимъ наблюденіямъ) *).

Къ концу 1842 года обращено было особое вниманіе на римско-католическіе монастыри Царства Польскаго. Была составлена вѣдомость какъ монастырямъ, такъ и монашествующимъ лицамъ. Изъ этой вѣдомости видно, что въ Царствѣ было 19 мужскихъ монашествующихъ орденовъ и 11 женскихъ. Мужскихъ монастырей насчитывалось 151, съ 1,633 монахами, и женскихъ 32, съ 386 монахинями. Наиболѣе распространенными и многолюдными мужскими монастырями были монастыри орденовъ бернардинскаго и реформатскаго: первыхъ 29, съ 369 монахами; вторыхъ 25, съ 363 монахами. Бѣлаго римско-католическаго духовенства значилось 2,271 лицо **). Всего римско-католическаго духовенства, не считая воспитанниковъ духовной академіи (34) и 11 семинарій (318), было 4,290 на 3,568,483 души римско-католическаго населенія, или 1 духовное лицо на 830 человѣкъ обоего пола. Въ то же время евангелическаго исповѣданія было 34 пастора и 24 кандидата въ пасторы, всего 48 духовныхъ лицъ на 238,203 души населенія, или 1 духовное лицо почти на 5,000 душъ ***). Управлять духовными наставниками $^9/_{10}$ населенія Царства Польскаго было тѣмъ труднѣе, что, по словамъ фельдмаршала, относящимся частію къ предшествовав-

---

*) Шумборскій умеръ въ 1851 году.

**) Извлеченіе изъ отчета по управленію Царствомъ Польскимъ за 1841 г. Варш. арх. стар. дѣлъ, Sek. II, 8 a, № 5575 a.

***) Тамъ же.

шей, частію къ послѣдующей эпохѣ, римско-католическое духовенство въ Царствѣ, „не отличаясь ни чистотою нравовъ, ни строгостью правилъ религіозныхъ, „заражено было, *въ большей его части*, духомъ непріязни „къ законному правительству; послѣ мятежа, по возвращеніи законнаго порядка, надлежало очистить составъ духовенства и потому, съ самаго начала, многіе „изъ духовныхъ были удалены въ учрежденный въ Августовской губерніи исправительный институтъ. Но „дѣло Гутковскаго, равно участіе духовныхъ лицъ почти „въ каждомъ изъ открываемыхъ въ Царствѣ заговоровъ „доказываютъ, что тотъ же духъ существуетъ и нынѣ „въ римско-католическомъ духовенствѣ Царства“ *).

Заключеніе это побудило фельдмаршала къ строгому выбору на епископскія каѳедры; но и это могло удаваться только при добрыхъ отношеніяхъ съ римскимъ дворомъ. Вотъ почему фельдмаршалъ находилъ, что переходъ въ православіе одного или другого уніатскаго селенія только ссорилъ насъ съ папою, въ дѣйствительности не принося особой пользы. Иное дѣло—общее присоединеніе всѣхъ уніатовъ Польши къ православной церкви, какъ это было въ Литвѣ въ 1839 году; но для достиженія этой цѣли необходимо было назначать епископами уніатской церкви подходящихъ для сего личностей, для чего добрыя отношенія съ римскимъ дворомъ опять-таки были необходимы.

---

*) Докладъ фельдмаршала, составленный по поводу исполнившагося 25-ти лѣтія царствованія Императора Николая Павловича. Сем. арх. кн. Паскевича.

Когда Терашкевичъ замѣнилъ фактически епископа Шумборскаго, то фельдмаршалъ писалъ: „теперь можно „надѣяться, что уніаты вдругъ всѣ подадутъ подписки „на присоединеніе. Я бы этого скорѣе желалъ, ибо „только одинъ разъ мы бы поссорились съ папою, а „теперь всякая переходящая деревня въ православіе „насъ ссоритъ“ *). Надежды на епископа Терашкевича не оправдались: онъ былъ приверженъ славянскому обряду, но вовсе не расположенъ къ присоединенію уніатовъ къ православной церкви. Во всякомъ случаѣ Терашкевичъ былъ врагъ насилія, и при немъ не могли проявиться дѣйствія въ родѣ тѣхъ, которыя произошли въ селеніи Горномъ Потокѣ при самовольномъ появленіи тамъ іеромонаха Пасича.

Въ томъ же году (1842) фельдмаршалъ обратилъ вниманіе, что число крестьянъ, владѣющихъ собственной землею и платящихъ чиншъ, оставалось къ числу крестьянъ, отправляющихъ барщину, то же, что и въ 1841 году, „а желательно бы было,“ писалъ фельдмаршалъ въ отчетѣ по управленію Царствомъ Польскимъ за 1842 годъ, „чтобы пріобрѣтеніе крестьянами въ собственность земли годъ отъ году усиливалось, такъ „какъ крестьяне собственники и чиншевики въ большинствѣ отличаются старательною обработкою полей, „а выгоды отъ этого для края неоспоримы“ **).

Относительно русской колонизаціи въ Царствѣ Польскомъ выяснилось обстоятельство, во всякомъ случаѣ

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 20-го мая (1-го іюня) 1842 года.
**) Варш. арх. стар. д., Sek. II. 8. a. № 5575

замѣчательное и на которое въ то время не было обращено особаго вниманія. Дѣло въ томъ, что населеніе русскихъ старовѣровъ и раскольниковъ въ Польшѣ уживалось и процвѣтало, сохраняя всѣ свои національныя, религіозныя и бытовыя особенности; колонизаціи же русскихъ православныхъ положительно не удавались. Поселенія православныя частью расходились, частью утрачивали свою національность и сливались съ сосѣдними поляками. Такъ, напр., нѣсколько семействъ старообрядцевъ разныхъ толковъ, еще въ 20-хъ годахъ поселившіяся близъ Сувалокъ, въ началѣ 40-хъ годовъ въ числѣ 4 тыс. душъ занимали окрестности городовъ Сувалки и Сейны. Они всѣ отличались хорошимъ домоводствомъ, хозяйствомъ, зажиточностью, сохраняя при томъ не только свое вѣроисповѣданіе и языкъ, но и всѣ бытовыя особенности и даже внѣшній видъ чисто русскаго населенія. Это былъ богатый уголокъ Великороссіи на сѣверѣ Царства Польскаго. При проѣздѣ черезъ Сувалки они особенно пріятно поразили Государя Николая Павловича. Часть старовѣрческаго Сувалкскаго населенія, близъ города Сейны, перешла въ 1842 году въ единовѣріе.

Между тѣмъ православно-русскія поселенія въ окрестностяхъ Ново-Георгіевска, которыя стоили правительству много заботъ и значительныхъ затратъ матеріальныхъ средствъ, въ началѣ 40-хъ годовъ почти не существовали и, не смотря на многочисленныя льготы, они частью разбѣжались, а частью вполнѣ ополячились. Приведенныя явленія можетъ быть объясняются спло-

ченностью, свойственною всѣмъ обществамъ старообрядческимъ, но при томъ слѣдуетъ все-таки имѣть въ виду, что какъ надѣлы землею, такъ и другія льготы были несравненно шире дарованы русскимъ православнымъ поселенцамъ, чѣмъ старообрядцамъ. Тѣмъ не менѣе русское правительство не рѣшалось населять свободныя земли Царства Польскаго старообрядцами и раскольниками. Относительно же православныхъ постановлено было: не выводить поселенцевъ изъ Россіи, не воспрещая, впрочемъ, желающимъ русскимъ пріобрѣтать покупкою земельную въ Царствѣ Польскомъ собственность. Послѣднее правило дѣйствовало только на бумагѣ, ибо населеніе Имперіи стремилось тогда на югъ Россіи, въ Новороссійскій край, а не въ Царство Польское, болѣе населенное, чѣмъ самыя густо-населенныя губерніи Имперіи.

Въ то время въ Царствѣ Польскомъ успѣхи земледѣлія во всѣхъ его отрасляхъ признавались всѣми. Экономическому развитію края способствовала, въ значительной степени, постоянная, ежегодная колонизація края переселенцами изъ Германіи.

Они ввели въ край лучшіе способы обработки полей, улучшенное овцеводство и вообще высшую сельско-хозяйственную культуру, тогда еще въ Польшѣ малоизвѣстную. Они же водворили фабричныя производства, съ развитіемъ которыхъ образовалась цѣлая фабричная мѣстность между городами Калишемъ и Варшавою, городъ Лодзь съ того же времени ведетъ начало своей настоящей извѣстности и своего богатства. Къ концу

1842 года число заграничныхъ колонистовъ въ Царствѣ простиралось до 7859 семействъ (или 30,569 душъ). Болѣе противъ 1841 года на 253 семейства *).

Въ 1842 году устройство путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ вызвало особое вниманіе общества. Шоссейныя дороги перерѣзывали Царство Польское по всѣмъ главнымъ направленіямъ: на Вѣну, Берлинъ и Петербургъ. Къ большимъ шоссейнымъ линіямъ примыкали узкія шоссейныя дороги, постепенная постройка которыхъ производилась мѣстнымъ населеніемъ. Эти мѣстныя, малыя шоссейныя дороги строились посредствомъ такъ называемой *шарварковой* повинности, которая обязывала каждый дымъ (т. е. домъ съ трубою), выставлять ежегодно, осенью и весною, на нѣсколько дней, извѣстное число рабочихъ. Такимъ образомъ постепенно и ежегодно главныя селенія и города соединялись между собою шоссейными дорогами, построенными безъ роскоши, но содержимыми въ порядкѣ тою же системою.

Новороссійскій генералъ - губернаторъ, извѣстный графъ Воронцовъ (впослѣдствіи князь), писалъ фельдмаршалу, что, проѣзжая чрезъ Царство Польское, онъ восхищался устройствомъ его шоссейныхъ дорогъ и хотѣлъ бы видѣть когда-нибудь нѣчто подобное въ Имперіи.

Богатство края развивалось; увеличивалось и матеріальное благосостояніе населенія. Это признавали даже

---

*) Всеподданнѣйшій отчетъ намѣстника.

наиболѣе враждебные русскому правительству поляки Оставалось трудное дѣло: умиротворить воспитаніемъ духъ враждебности къ Россіи, столь сильно вкоренившійся въ высшемъ и среднемъ сословіи Царства Польскаго. Въ этихъ видахъ, въ 1842 году, принята была мѣра противъ уклоненія частныхъ учебныхъ заведеній отъ правительственнаго надзора. Министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ фельдмаршала, что, получивъ отъ попечителя варшавскаго учебнаго округа донесеніе, что фельдмаршалъ находитъ весьма полезнымъ распространить на варшавскій учебный округъ существующее въ Имперіи постановленіе на счетъ штрафа съ лицъ, открывающихъ частныя учебныя заведенія безъ дозволенія начальства, онъ, министръ, докладывалъ о томъ Государю Императору и Его Величество 26 октября повелѣть соизволилъ: 1) взыскивать штрафъ, по 75 руб. серебромъ, съ лицъ обоего пола, какъ иностранцевъ, такъ и подданныхъ Имперіи или Царства, которые открываютъ у себя школы или заведенія въ родѣ пансіоновъ безъ испрошенія на то разрѣшенія установленнымъ порядкомъ; 2) тѣхъ изъ иностранцевъ обоего пола, которые, подвергшись уже разъ вышесказанному оштрафованію, начнутъ обучать у себя дѣтей безъ надлежащаго дозволенія, отправлять установленнымъ порядкомъ за границу; 3) взыскиваемые на семъ основаніи штрафы обращать въ пособіе недостаточнымъ ученикамъ высшихъ классовъ гимназій варшавскаго округа *).

*) Отношеніе Уварова къ Паскевичу отъ 29-го октября 1842 года № 10745. Варш. арх. стар. дѣлъ, Sek. III, 4 a, № 4105 в.

Въ концѣ 1842 года началось слѣдствіе по открывшимся злоупотребленіямъ въ Польскомъ банкѣ. Фельдмаршалъ былъ принужденъ смѣнить президента и вице-президента банка, а также арестовать нѣсколько чиновниковъ, изобличенныхъ въ злоупотребленіяхъ при тиражѣ билетовъ государственнаго займа. Злоупотребленія по существу своему не были опасны для состоятельности банка, но огласка всего дѣла могла за границей поколебать кредитъ учрежденія, неоспоримо полезнаго для всего края. Государь полагалъ, что публичный судъ виновныхъ и ссылка ихъ въ Сибирь возбудили бы огласку, опасную для кредита банка, и предлагалъ фельдмаршалу выслать виновныхъ административнымъ порядкомъ и подъ политическимъ предлогомъ въ крѣпости Шлиссельбургъ и Кексгольмъ *). Но въ концѣ 1842 г. слѣдствіе это только что еще начиналось, а для окончательнаго рѣшенія дѣла надлежало еще выяснить бывшія злоупотребленія во всѣхъ ихъ подробностяхъ.

Въ теченіе 1842 года графъ Чернышевъ ѣздилъ на Кавказъ, для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, которыя, казалось Государю, принимали рѣшительный оборотъ на обоихъ флангахъ. Какъ военный министръ, такъ и Государь переписывались съ фельдмаршаломъ по поводу этихъ дѣлъ, совѣтовались съ нимъ и пользовались его указаніями, основанными на опытѣ. Такъ, извѣстившись о томъ, что линія наша по

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 26-го декабря 1842 г. (7-го января 1843 г.). См. пр. № 50

Лабѣ и Сунжѣ подвинулась, фельдмаршалъ писалъ Государю: „Осмѣливаюсь доложить о семъ счастливомъ „событіи, что мѣра эта очень хороша; но, чтобы она „имѣла совершенный успѣхъ, нужно при каждомъ изъ „таковыхъ фортовъ сдѣлать поселеніе изъ линейныхъ „казаковъ и подселять русскихъ крестьянъ. Сіи селенья „должны быть отъ 500 до 1000 домовъ. Жителей же, „хотя они и мирные будутъ называться, выселить какъ „можно далѣе. Я знаю, что эта мѣра несправедливая; „но это одно средство, чтобы возстановить тамъ спо„койствіе *).

На это съ первымъ же курьеромъ Государь отвѣчалъ: „Мысли твои о заселеніи Лабинской линіи уже исполняются, и симъ лѣтомъ поселены 4 станицы; по Сунжѣ „начнется въ наступающемъ мѣсяцѣ, но все дорого „стоитъ, а необходимо, что я вполнѣ думаю“ **).

Фельдмаршалъ находилъ ошибочнымъ неуклонно держаться рыцарскихъ правилъ въ войнѣ съ горцами и считалъ обязательнымъ щадить кровь солдатъ, если она можетъ быть замѣнена деньгами. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ писалъ Государю: „Что же касается до тѣхъ черкесъ, которые дерутся, то, я думаю, „можно ихъ, т. е. начальниковъ, подкупить; мнѣ это „удавалось. Я увѣренъ, что съ расторопностью и самъ „Шамиль не устоитъ. Бей-Булатъ, который съ (гене-

---

*) Письмо безъ числа, писанное передъ новымъ (1842) годомъ. См. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 5-го (17-го) января 1842 года.

„раломъ) Ермоловымъ 5 лѣтъ въ Чечнѣ воевалъ, былъ „мною подкупленъ и обласканъ такъ, что съ депутатами „былъ въ Эрзерумѣ, остался вѣренъ и убитъ своими за „преданность къ намъ; но все это время Чечня была „спокойна 5 лѣтъ. Командующіе тамъ должны умѣть „привести это въ исполненіе“ *).

Не менѣе любопытный происходилъ обмѣнъ мыслей, въ концѣ 1842 года и въ началѣ 1843 года, между Государемъ и фельдмаршаломъ относительно иностранной печати.

Постоянная враждебность въ особенности германской прессы имѣла извѣстное вліяніе на все грамотное населеніе Царства Польскаго. Признавая это вліяніе, князь Варшавскій находилъ полезнымъ и возможнымъ бороться съ иностранною печатью. Въ Германіи, какъ и во всей западной Европѣ, извѣстно было о Россіи только то, что печаталось въ газетахъ, которыя наполняли свои столбцы слишкомъ часто клеветами и почти всегда враждебностью къ Россіи. „Никто“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „въ нашу пользу не скажетъ ни „слова, а мы сами молчимъ“.

Между тѣмъ въ Европѣ существовали партіи, которыя легко могли прислушаться къ органамъ печати, опровергающимъ данныя враждебной Россіи прессы. „Не думаю“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „чтобы „можно было совершенно перемѣнить общественное „мнѣніе; но можно имѣть на него вліяніе, пользоваться

*) Письмо, писанное передъ новымъ (1842) годомъ.

„раздѣленіемъ мнѣній и доказать несправедливость часто дерзкой клеветы, которой теперь принуждены вѣрить люди всѣхъ партій оттого, что мы не отвѣчаемъ".

Нельзя отрицать, что клеветы иностранной прессы, возводимыя на Россію и ея правительство, могли быть приняты и въ Царствѣ Польскомъ вполнѣ благонамѣренными людьми за достовѣрныя и правдивыя свѣдѣнія, въ особенности потому, что въ то время въ Имперіи, а тѣмъ болѣе въ Царствѣ Польскомъ политической прессы не было и населенію не легко было (а слишкомъ часто совершенно невозможно) имѣть сколько нибудь положительныя свѣдѣнія о внутренней и внѣшней политикѣ правительства. Сознавая это, фельдмаршалъ хотѣлъ устроить секретно свои органы печати за границей. „Если это удастся", писалъ фельдмаршалъ Государю, „то мы, можетъ быть, этимъ самымъ избѣжимъ „большихъ непріятностей. По крайней мѣрѣ, почему не „сдѣлать сему опытъ" *).

Государь былъ другого мнѣнія. „Мнѣ уже часто „предлагали", писалъ Его Величество фельдмаршалу 14-го (26-го) января 1843 года,—„отвѣчать на статьи и „брошюры, издаваемыя за границей съ ругательствами „на насъ. Не соглашался я на это по той причинѣ, „что кромѣ того, что считаю сіе ниже нашего достоинства, но и пользы не предвижу; мы будемъ говорить „одну истину, на насъ же лгутъ завѣдомо, потому неравенъ бой. Сильнѣе гораздо опроверженіе въ самихъ

*) Письмо къ Государю 3-го (15-го) января 1843 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

„дѣлахъ, когда они доказываютъ ложь торжественно. „Нынѣшнее усугубленіе злости возбуждается непонят-„ными дѣйствіями Пруссіи. Ихъ неосновательность, „опрометчивость и непонятныя противорѣчія самимъ „себѣ поставили всѣхъ въ недоумѣніе къ чему это вести „должно, и приступаютъ къ нимъ съ требованіемъ объ-„ясненія, въ томъ числѣ и по торговымъ дѣламъ; чѣмъ „бы признаться, что они въ требованіяхъ къ намъ „ошиблись, имъ легче было вывернуться, давъ видъ, „что будто они просили за всѣхъ, а *мы* сего не хотѣли, „согласясь *для нихъ однихъ*. Какъ же намъ тягаться „съ подобнымъ образомъ дѣйствій? Мы идемъ чисто, „прямой дорогой, а вотъ чѣмъ намъ платятъ. Поэтому „согласиться заводить полемику и теперь не могу; пусть „лаятъ на насъ, имъ же хуже. Придетъ время и они „же будутъ предъ нами на колѣняхъ, съ повинной, „прося помощи“ *).

Послѣ такого категорическаго объясненія причинъ отказа фельдмаршалъ не находилъ возможнымъ настаивать на исполненіи своей мысли: имѣть вліяніе на иностранную печать посредствомъ печати же, и отвѣчалъ Государю 31-го января (12-го февраля) 1843 года:

„Не смѣю болѣе говорить объ отвѣтѣ на дурныя „газетныя статьи; но, право, Всемилостивѣйшій Госу-„дарь, иногда досадно, когда читаешь ложь и неспра-„ведливую клевету на Россію.“

---

*) Письмо 14-го (26-го) января 1843 года. Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1843 годъ помѣщены въ прил. № 52.

Въ концѣ сентября 1842 года Государь посѣтилъ Варшаву. На этотъ разъ пребываніе Государя въ Царствѣ Польскомъ не ознаменовалось ни распоряженіями, ни обсужденіями какого-либо предмета по управленію. Государь провелъ двѣ недѣли въ Варшавѣ, не выходя изъ комнаты: Его Величество былъ нездоровъ.

Великому Князю Михаилу Павловичу было въ то время поручено производить смотры войскамъ, расквартированнымъ почти во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Великій Князь, возвратясь въ Петербургъ, во второй половинѣ октября *), писалъ фельдмаршалу: „Польшу „я знаю съ 1814-го года и нынѣ еще вновь убѣдился „въ быстрыхъ ея успѣхахъ, не смотря на все зло, ко- „торое она себѣ добровольно сдѣлала. Кому же обя- „заны всѣмъ вышесказаннымъ, если не лично вамъ; а „потому я, какъ преданный душой и сердцемъ моему „отцу командиру, осмѣливаюсь откровенно доложить, „что *унывать не слѣдуетъ, а надо радоваться послѣд- „ствіямъ своихъ трудовъ*" **).

Фельдмаршалъ не унывалъ, но здоровье его было неудовлетворительно, что въ особенности безпокоило Государя***). „Я началъ уставать, чего со мною прежде не бывало", писалъ тогда фельдмаршалъ.

---

*) Именно 19-го (31-го) числа.

**) Въ концѣ того же письма Великій Князь сообщаетъ: „Сегодня „я видѣлъ вашего сына, который славу Богу здоровъ и служитъ „усердно". Сем. арх. кн. Паскевича.

***) См. письмо Государя 7-го (19-го) декабря 1842 г. въ прил. № 50.

Глава X.

Увольненіе и смерть Косецкаго. — Смерть Раутенштрауха. — Заключеніе картельной конвенціи съ Пруссіей. — Конвойные маіоры. — Безсрочно-отпускные изъ поляковъ. — Назначеніе архіепископа Антонія митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ. — Результаты его служенія въ Царствѣ. — Архіепископъ Никаноръ. — Отношенія съ римскимъ дворомъ.—Иллирійская партія.—Панславистская пропаганда. — Окончаніе слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Польскомъ банкѣ. — Отзывъ фельдмаршала. — Отзывъ гр. Блудова о трудахъ варшавскаго сената. — Поѣздка фельдмаршала въ Карлсбадъ. — Письмо Государя о семейныхъ дѣлахъ. — Письмо фельдмаршала о массонахъ въ Пруссіи. — Заговоръ въ Варшавѣ. — Неудовольствіе Государя на Пруссію. — Письмо гр. Орлова. — Выстрѣлъ въ Познани во время проѣзда Государевой свиты. — Увертка поляковъ. — Бездѣятельность прусской полиціи. — Дункертъ и Мюфлингъ. — Лейпцигъ — средоточіе враждебныхъ Россіи замысловъ. — Венгерскія дѣла. — Проектъ постройки крѣпости въ Жванцахъ. — Административное дѣленіе Царства на 5 губерній. — Предположеніе выдѣлить Августовскую губернію. — Затрудненія по постройкѣ Вѣнской желѣзной дороги. — Тревожное начало 1844 года. — Причина негодованія Государя на слабость прусскаго правительства. — Безпорядки въ Познани и Галиціи. — Ложный секретъ. — Адамъ Чарторыйскій и Луи-Филиппъ.— Новые варшавскіе заговоры. — Таинственность главарей. — Посвященіе въ епископы гр. Лубенскаго. — Отказъ папы возвести Котовскаго въ санъ епископа. — Фіалковскій. — Канеликъ Декертъ. — Выстрѣлъ по королю прусскому. — Горе, постигшее семью Государя и

семью фельдмаршала. — Наводненіе. — Поврежденіе крѣпостей. — Кружокъ „народниковъ“. — Ксендзъ Сцѣгенный. — Его замыслы. — Подложная папская булла. — Тайныя сношенія папы чрезъ гр. Ледуховскую. — Отзывъ Государя по поводу заговора Сцѣгеннаго. — Послѣдствія фальшивой буллы. — Отзывъ ректора с.-петербургской духовной католической академіи о духѣ католическаго духовенства въ Царствѣ. — Назначеніе епископа Томашевскаго членомъ коллегіи. — Переименованіе правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ во 2-й департаментъ с.-петербургской духовной коллегіи. — Ожиданіе конституціи въ Пруссіи. — Заявленіе, сдѣланное фельдмаршаломъ гр. Арниму. — Свиданіе Меттерниха съ королемъ прусскимъ въ замкѣ Штольценфельсъ. — Аресты въ Пруссіи. — Адресъ представителей гор. Кенигсберга. — Конфирмація по дѣлу Сцѣгеннаго. — Государь усматриваетъ слабость въ конфирмаціяхъ фельдмаршала. — Неудачная попытка замѣны польской азбуки русскою. — Голодъ въ Россіи. — Замѣчанія фельдмаршала относительно вооруженія пѣхоты и казаковъ. — Записка г.-а. Ридигера о Западномъ краѣ. — Приглашеніе на службу молодыхъ дворянъ Царства Польскаго. — Новый заговоръ въ концѣ 1845 г. — Государь въ Палермо. — Эмигрантъ Яловицкій и монахиня. — Ожиданіе Государя въ Варшаву къ Рождеству 1845 г. — Отзывъ фельдмаршала по поводу ненависти Европы къ Россіи.

Въ концѣ 1842 года фельдмаршалъ находилъ неудобнымъ оставлять главнымъ директоромъ правительственной коммисіи юстиціи стараго генерала бывшихъ польскихъ войскъ Косецкаго. Какъ уже нами было сказано, генералъ Косецкій участвовалъ въ нѣсколько темной исторіи сокрытія капиталовъ эмигрировавшаго графа Паца *). Получивъ о томъ донесеніе, Государь требовалъ его немедленнаго увольненія, но фельдмаршалъ, въ

*) Смотри главу IV, стр. 144—145.

январѣ *) 1843 года, писалъ Государю: „О Косецкомъ „осмѣливаюсь доложить, что, во уваженіе преданности „его во время мятежа, я бы думалъ позволить ему „подать въ отставку или проситься въ сенаторы, какъ „мѣсто наиболѣе согласное съ его лѣтами и здоровьемъ**). На его должность фельдмаршалъ предположилъ назначить сенатора Войцеховскаго.

Косецкій умеръ прежде, чѣмъ о немъ состоялось окончательное распоряженіе.

Одновременно умеръ старый сотрудникъ фельдмаршала по управленію краемъ — генералъ-адъютантъ Раутенштраухъ, генералъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставшійся вѣрнымъ во время мятежа законному Монарху. Послѣ революціи, въ теченіе приблизительно двухъ лѣтъ, онъ завѣдывалъ внутренними и духовными дѣлами и народнымъ просвѣщеніемъ. Затѣмъ былъ назначенъ членомъ совѣта Управленія и „занималъ“, какъ писалъ фельдмаршалъ Государю, „шесть должностей. Трудно „найти, писалъ фельдмаршалъ Государю,—людей способ„ныхъ, дабы замѣнить всѣ эти мѣста; но я думаю „отдать цензуру газетъ генералъ-маіору Окуневу, рекрут„скій наборъ графу Толстому, сухопутныя и водяныя „сообщенія князю Тенишеву. Но на другія должности „до сихъ поръ еще я не рѣшился кого назначить ***).

Остальныя должности, которыхъ фельдмаршалъ не

---

*) 3-го (15-го) числа.

**) Сем. архивъ князя Паскевича.

***) Письмо къ Государю отъ 21-го августа (2-го сентября) 1842 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

называетъ, были: главное завѣдываніе внутренними и внѣшними политическими агентурами и управленіе театрами.

Въ началѣ 1843 года положеніе пограничныхъ дѣлъ съ Пруссіей было крайне тягостное и фельдмаршалъ находилъ необходимымъ заключить картельную конвенцію съ прусскимъ правительствомъ, хотя бы для выдачи бѣглыхъ и преступниковъ.

Въ прошломъ 1842 году, когда прусское правительство соглашалось возстановить картельную конвенцію только при условіи измѣненія таможенныхъ пошлинъ въ ущербъ русской промышленности, фельдмаршалъ писалъ Государю, что нѣтъ надобности настаивать на возобновленіи конвенціи, „и что если будетъ около 200 „бѣжавшихъ, то это обстоятельство не можетъ войти „въ сравненіе съ невыгодою согласія на требованія, „дѣланныя Пруссіею съ неумѣстною настойчивостью“ *).

Между тѣмъ обстоятельства измѣнились. Петергофскимъ іюльскимъ актомъ 1842 года Пруссія была до нѣкоторой степени удовлетворена. Фельдмаршалъ находилъ возможнымъ въ настоящее время устроить дѣло къ „обоюдной пользѣ и тѣмъ самымъ отклонить могущіе „продолжаться еще нѣкоторое время побѣги“. Но Государь все еще ждалъ „повинной“ отъ Пруссіи и еще 8-го (20-го) іюля 1843 года писалъ фельдмаршалу: „Побѣги должны скоро уменьшиться, а потомъ и прекратиться. Но цѣль наша скоро достигнется, ибо

*) Письмо къ Государю 25-го марта 1843 года. Сем. арх кн. Паскевича.

„пруссакамъ не въ терпежъ, и, видя свою ошибку, ищутъ „какъ бы воротиться къ прежнему; я же жду, чтобы „выговорили *виноваты;* тогда все придетъ въ прежній „порядокъ, что одного мы желали“ *).

Лѣтомъ 1843 года, передъ отъѣздомъ Государя въ Берлинъ, фельдмаршалъ писалъ Его Величеству, настаивая на необходимости заключенія картельной конвенціи съ Пруссіей. Побѣговъ не особенно много было, но за то, какъ выражался фельдмаршалъ, всѣ большіе злодѣи уходили за границу безнаказанно. Наконецъ, при отсутствіи картельной конвенціи пограничныя дѣла усложнялись, порождались безпрестанныя недоразумѣнія, ссоры, которыя, по мнѣнію фельдмаршала, неблагопріятно вліяли на дружескія отношенія Берлина къ Петербургу.

Годъ спустя послѣ личнаго свиданія Государя съ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, 8-го (20-го) мая 1844 г., наконецъ подписана была въ Берлинѣ картельная конвенція.

Въ то время въ Царствѣ Польскомъ побѣги польскихъ новобранцевъ въ Пруссію сдерживались весьма строгимъ конвоемъ, препровождавшимъ ихъ въ Россію. Къ сожалѣнію, начальники этихъ конвоевъ, такъ называемые „конвойные маіоры“, во время слѣдованія партій дозволяли себѣ массу злоупотребленій. Партіи польскихъ рекрутъ таяли на пути слѣдованія, наполняя собою попутные военные госпитали.

---

*) См. прил. № 52.

Тогда возникла мысль предоставить конвоированіе польскихъ рекрутъ безсрочно-отпускнымъ полякамъ-солдатамъ, возвратившимся въ Польшу изъ войскъ, расположенныхъ въ Россіи и Литвѣ. Фельдмаршалъ былъ ими особенно доволенъ: какъ поведеніе, такъ и настроеніе ихъ были безукоризненны. Они служили очевиднымъ доказательствомъ того близкаго родства, которое, несомнѣнно, существуетъ въ средѣ крестьянской и солдатской между славянскими племенами, русскимъ и польскимъ. Къ сожалѣнію, мысль эта, хотя особенно нравилась Государю Императору, не могла, однако, осуществиться. Явились затрудненія для сборовъ безсрочно-отпускныхъ и вообще по организаціи сего дѣла *). Но фельдмаршалъ не отказывался въ будущемъ замѣнить для рекрутъ Царства Польскаго конвойныя команды безсрочно-отпускными, что конечно имѣло бы весьма полезное нравственное вліяніе на все населеніе Польши и въ особенности на новобранцевъ.

Въ началѣ 1843 года (въ февралѣ мѣсяцѣ) архіепископъ Антоній, первый варшавскій православный епископъ, былъ назначенъ митрополитомъ въ Петербургъ, на мѣсто умершаго митрополита Серафима. 21-го февраля (5-го марта) фельдмаршалъ писалъ Государю: „Митрополитъ Антоній долженъ уже быть въ С.-Петербургѣ. Здѣсь вообще объ немъ сожалѣютъ; даже „католики его хвалятъ и поставляютъ его въ при-

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 5-го (17-го) марта 1843 года (прилож. № 52) и отвѣтное письмо фельдмаршала 25-го марта того же года. Сем. арх. кн Паскевича.

„мѣръ своимъ епископамъ, говоря, что у нихъ таковаго „нѣтъ“.

Преосвященный Антоній оставилъ своему преемнику по варшавской каѳедрѣ 17 православныхъ церквей. На каждую церковь приходилось, среднимъ числомъ, приблизительно 800 прихожанъ, такъ какъ все православное населеніе Царства Польскаго, въ началѣ 1843 года, не превышало 12,749 душъ, за исключеніемъ, конечно, воинскихъ нижнихъ чиновъ, у которыхъ при полкахъ были свои походныя церкви. Преемникомъ Антонія назначенъ былъ архіепископъ волынскій Никаноръ, продолжавшій въ то же время управлять и прежнею своею епархіею. Живя въ Варшавѣ, архіепископъ Никаноръ ѣздилъ ежегодно на 2 или на 3 лѣтнихъ мѣсяца на Волынь.

Въ началѣ 1843 года отношенія русскаго правительства съ римскимъ дворомъ казались весьма удовлетворительными. Великая княгиня Марія Николаевна съ супругомъ своимъ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ, находясь въ то время въ Римѣ, были приняты папою съ изысканною любезностью. Государь писалъ фельдмаршалу, что папа въ разговорѣ съ герцогомъ жаловался, что въ Баваріи фанатизмъ и нетерпимость вредятъ католической религіи. „Каково! и онъ на попятный дворъ“, добавлялъ Государь *). Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, отношенія съ папою вскорѣ снова стали непріязненными.

*) Письмо къ фельдмаршалу 14-го (26-го) января 1843 г. (прил. № 52).

Союзъ съ Австріей, въ которомъ Императоръ Николай I-й усматривалъ „фундаментъ своихъ наиболѣе „сознательныхъ интересовъ“ *), въ то время не былъ помраченъ какими-либо недоразумѣніями; напротивъ, дружеское согласіе было полное. Связующіе интересы заключались въ безусловномъ охраненіи начала абсолютной монархіи и подчиненіи всѣхъ національностей государственной объединяющей дисциплинѣ. По вопросу о національностяхъ Государь Николай Павловичъ, въ концѣ 1842 года, высказался ясно и опредѣлительно. Въ ноябрѣ этого года въ Кроатіи происходили смуты, при чемъ австрійское правительство въ особенности безпокоили дѣйствія иллирійской партіи, имѣвшія цѣлью соединеніе всѣхъ славянскихъ земель, находящихся между Адріатическимъ моремъ, съ одной стороны, и венгерскими и нѣмецкими областями Австріи — съ другой. Всѣ эти славянскія части должны были составить Иллирійское королевство, столицею котораго назначался Тріестъ. Вѣнскій кабинетъ подозрѣвалъ, что этой партіи содѣйствовали въ особенности выходцы изъ Россіи и Польши. На депешѣ графа Медема (нашего посла въ Вѣнѣ), въ которой излагались какъ опасенія вѣнскаго кабинета, такъ и высказанное имъ подозрѣніе, Государь собственноручно написалъ: „Правительство мое „никогда не унизится до того, чтобы поддерживать „революціонную агитацію въ сосѣднемъ государствѣ.“

---

*) Выраженіе Государя въ инструкціи нашему послу въ Вѣнѣ графу Медему.

Но въ то же время Государь приказалъ графу Нессельроде напомнить вѣнскому кабинету, что Его Величество уже давно и не разъ обращалъ вниманіе австрійскаго правительства на возбужденіе умовъ въ южнославянскихъ земляхъ вслѣдствіе того покровительства, которое тамъ оказывали католической пропагандѣ. Австрійскій кабинетъ отвѣчалъ уклончиво, но выразилъ радостное убѣжденіе, что „панславистская пропаганда" никогда не найдетъ поддержки въ русскомъ правительствѣ. Отношенія русскаго правительства къ Австріи дошли послѣ того до такой пріязни, что, по поводу бывшихъ въ концѣ 1842 года политическихъ осложненій между Россіею и Оттоманскою Портою (вслѣдствіе неправильнаго выбора княземъ Сербіи Александра Карагеоргіевича), вѣнскій кабинетъ предложилъ провести въ Сербію русскій 20-ти тыс. отрядъ, для возстановленія тамъ „прочнаго порядка". Большаго довѣрія вѣнскій кабинетъ не могъ оказать Россіи, но въ Петербургѣ не пришлось обсуждать это предложеніе. Почти въ то же время (т. е. въ августѣ 1842 года) въ Сербіи причины бывшихъ тамъ безпорядковъ были устранены правильнымъ выборомъ князя подъ давленіемъ и въ присутствіи русскаго коммисара въ Бѣлградѣ барона Ливена.

Оконченное въ началѣ 1843 года слѣдствіе, по злоупотребленіямъ Польскаго банка, выяснило, что сумма денежныхъ выдачъ изъ этого банка безъ вѣрнаго ихъ обезпеченія простирается до 1,000,000 руб. серебромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры для пополненія этой суммы имуществомъ бывшаго президента Любо-

вицкаго и его помощника графа Лубенскаго. Уголовному преслѣдованію должны были подвергнуться второстепенные чиновники банка, уличенные въ злоупотребленіяхъ при тиражѣ облигацій банка на 175 тыс. руб. Они и были препровождены, какъ этого желалъ Государь, въ Шлиссельбургскую и Кексгольмскую крѣпости. Излагая все дѣло въ письмѣ своемъ къ Государю, фельдмаршалъ подробно указывалъ полезность Польскаго банка, какъ для страны, такъ и для самого правительства, которое только благодаря банковымъ пособіямъ могло выходить въ 30-хъ годахъ изъ финансовыхъ затрудненій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ высказывалъ и неудобную сторону организаціи банка. Трудно было контролировать дѣйствія и операціи банка, вслѣдствіе чего приходилось оказывать слишкомъ большое довѣріе его директорамъ. „Начальники банка", писалъ фельдмаршалъ, „должны быть самые честные люди и „пользоваться совершенною довѣренностью правительства; ибо, если ихъ учитывать, то и банкъ былъ бы „связанъ, а слѣдственно и такой пользы не могъ бы „приносить. Даже и учесть ихъ невозможно, не удаливъ „прежде отъ мѣстъ, что опасно для кредита банка за „границею" *).

Слѣдствіе надъ польскимъ банкомъ было окончено, но продолжалось еще разслѣдованіе спеціально по дѣйствіямъ его бывшихъ директоровъ (Любовицкаго и Лубенскаго).

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 21-го февраля (5-го марта) 1843 года.

Въ началѣ 1843 года въ Варшавѣ, для наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ новооткрытомъ варшавскомъ сенатѣ, проживалъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, членъ государственнаго совѣта графъ Блудовъ. Изъ донесеній его Государю оказывалось, что варшавскій сенатъ оканчивалъ дѣла правильно и быстро, такъ что къ вакаціонному времени старыя дѣла были всѣ покончены *).

26-го іюня 1843 года фельдмаршалъ выѣхалъ для лѣченія въ Карлсбадъ. Передъ отъѣздомъ князь Варшавскій сообщалъ Государю, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ прусское правительство начинаетъ стѣснять выходцевъ изъ Литвы и Царства Польскаго, но что, изъ опасенія общественнаго мнѣнія, всѣ принятыя по сему предмету мѣры отличаются неувѣренностью и слабостью.

Государь Николай Павловичъ былъ тогда удрученъ болѣзнью почти всей царской семьи и на этотъ разъ Его Величество, не вдаваясь въ политическія и государственныя соображенія, писалъ фельдмаршалу: „У „меня госпиталь въ семьѣ, Саша и жена его въ кори, „дочь близка къ родамъ и старшая внучка опасно больна „коклюшемъ и гастрической горячкой. Это, при всѣхъ „другихъ заботахъ, меня доконаетъ. Но при этомъ Богъ „порадовалъ насъ сговорить дочь Александру за принца „гессенскаго, которымъ я очень доволенъ... Желаю, „чтобъ Карлсбадъ тебя совершенно возстановилъ. Не

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 5-го (17-го) марта 1843 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

„могу похвалиться моимъ курсомъ водъ; много было „заботъ, а нуженъ покой“ *).

Фельдмаршалъ возвратился изъ-за границы въ Варшаву въ августѣ того же года. „Въ Карлсбадѣ было „смирно“, писалъ онъ Государю, „вообще въ Австріи „существуетъ большой порядокъ, полиція у нихъ не „дремлетъ“ **). Но за то въ Пруссіи, по свѣдѣніямъ фельдмаршала, „нѣту теперь не только города, но и „мѣстечка, гдѣ бы массонскія ложи не были заведены, „въ которыхъ разсуждаютъ о всѣхъ политическихъ „дѣлахъ въ самомъ дурномъ смыслѣ, и всѣ разговоры „клонятся противу Россіи въ самыхъ дурныхъ выраже„ніяхъ. И такъ, мы окружены нитью секретныхъ об„ществъ по всему пространству нашей границы.“

Какъ бы въ доказательство справедливости этихъ свѣдѣній, немедленно послѣ пріѣзда фельдмаршала изъ Карлсбада, въ Варшавѣ открылся политическій заговоръ. Замѣшано было нѣсколько офицеровъ въ революціонномъ секретномъ обществѣ, имѣющемъ связи съ заграничными революціонными партіями. Въ Варшавѣ дѣло это не успѣло дорости до серьезныхъ размѣровъ, тѣмъ не менѣе 6 человѣкъ были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь.

„Дурной духъ въ Пруссіи“, писалъ тогда Государь фельдмаршалу, „долженъ отражаться и на поляковъ, и

---

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 8-го (20-го) іюля 1843 года. См. пр. № 52.

**) Письмо къ Государю 6-го (18-го) августа 1843 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

„одна твердость и постоянство нашихъ мѣръ можетъ, „ежели не одолѣть, то по крайней мѣрѣ преграждать „развитіе худшаго. Мы неизмѣнны и въ чувствахъ, и „въ правилахъ; будемъ продолжать дѣйствовать по „прежнему, прочее въ рукахъ Божіихъ!“ *).

Вскорѣ неожиданное происшествіе еще болѣе усилило неудовольствіе Государя на прусское правительство. 20-го августа (1-го сентября) Государь выѣхалъ въ Берлинъ съ большою свитою. „Везу съ собою нѣ„которыхъ гвардейскихъ генераловъ“, писалъ Государь князю Варшавскому, „чтобы показать имъ прусскія „войска и высмотрѣть, что у нихъ новаго и полезнаго **). „Желаю, чтобъ ты мнѣ прислалъ къ тому времени и „числу генералъ-адъютанта Берга и генералъ-маіора „Безака, ежели можешь на короткое время безъ нихъ обойтись ***). Бергъ и Безакъ отправились сейчасъ же въ Пруссію и присоединились къ свитѣ Государя.

Изъ писемъ, того времени, людей близкихъ къ Государю, какъ, напримѣръ, изъ писемъ графа Орлова къ князю Варшавскому, видно, что общее настроеніе всѣхъ приближенныхъ Государя, какъ къ правительству прусскому, такъ и къ прусскимъ войскамъ было нѣсколько презрительное. Вотъ что, между прочимъ, писалъ тогда графъ Орловъ къ князю Варшавскому: „что-жъ касается „до нашего житья-бытья здѣсь, честь имѣю донести,

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 15-го (27-го) августа 1843 года. См. прил. № 52.

**) Тогда еще не существовало военныхъ уполномоченныхъ и агентовъ.

***) Письмо къ фельдмаршалу 15-го (27-го) августа 1843 г. Прил. № 52.

„что ласкаютъ ужасно, принимаютъ...... повидимому „отлично, но что въ сердцѣ, ни за что не отвѣчаю, „кажется боятся, чтобъ мы отъ нихъ совсѣмъ не отшатнулись. Парадъ былъ вчерась, ученіе корпусное „сегодня, учиться у нихъ нечему, новые мундиры, „театральные костюмы, совершенный маскарадъ; по моему, подъ сими перемѣнами кроются большія затѣи, „которыхъ многіе не понимаютъ: съ бывшими мундирами и нынѣ уничтоженными исчезъ послѣдній памятникъ ихъ славы, и мнѣ кажется, что изъ всего, что „я вижу, путнаго ничего ожидать невозможно“ *).

На обратномъ пути Государя изъ Берлина въ Варшаву, въ Познани, въ самомъ городѣ, при слѣдованіи Государя, былъ сдѣланъ выстрѣлъ по свитскимъ колясcкамъ. Народу было много, часть народа выкрикивала насмѣшки надъ русскими, тѣмъ не менѣе мѣстная полиція никого не арестовала. Толковъ въ газетахъ было много, предполагали, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ полякомъ, пріѣхавшимъ изъ Франціи. Большинство газетъ познанскихъ, гамбургскихъ и бреславльскихъ утверждали, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ свитскихъ колясокъ русскими, съ цѣлью взвалить на поляковъ преступную попытку убійства. Какъ ни странно было такое нареканіе, но прусская печать утверждала, что „не въ первый разъ русскіе дѣлаютъ такія выдумки“ **). Нашъ

---

*) Письмо отъ 28-го августа, писанное наполовину по русски, наполовину по французски. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Изъ письма гр. Рачинской къ гр. Кисилевой изъ Познани. Черновая рукопись, безъ даты, въ арх. кн. Паскевича.

посолъ въ Берлинѣ Мейендорфъ писалъ, что „чуть было „не затѣяли въ Познани послать адресъ къ королю съ „жалобой на оклеветаніе". Государь по этому поводу писалъ фельдмаршалу. „Этого только не доставало! Меня „ничто подобное не удивляетъ, все отъ нихъ ожидать „можно, кромѣ хорошаго" *).

Агенты князя Варшавскаго изъ Познани доставили въ Варшаву списокъ личностей, участвовавшихъ въ познанскомъ безпорядкѣ. Князь Варшавскій препроводилъ этотъ списокъ къ барону Мейендорфу и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Государю: „Изъ сихъ бумагъ видно, „что если бы хотѣли только прислушаться (къ тому), „что говорятъ на улицахъ, то узнали бы все; но полиція познанская не хотѣла сего" **).

Почти черезъ два мѣсяца послѣ происшествія, т. е. въ концѣ октября, въ Варшаву пріѣхалъ директоръ прусской полиціи Дункертъ. Князь Варшавскій доносилъ Государю: „Дункертъ пріѣхалъ чтобы удосто„вѣриться, есть ли прострѣлы въ кожѣ коляски; „я его пристыдилъ и онъ принужденъ былъ признаться „потомъ въ разговорѣ, что у нихъ безпорядки и что „правительство съ трудностью можетъ удержаться отъ „вліянія Демагогическаго общества" ***). Наконецъ король, въ послѣднихъ числахъ октября, назначилъ для производства слѣдствія по познанскому происшествію генерала отъ инфантеріи Мюфлинга съ большими пол-

*) Письмо 14-го октября 1843 г. Прил. № 52.
**) Письмо 26-го октября 1843 г. Сем. арх. кн. Паскевича.
***) Письмо къ Государю 26-го октябqя 1843 г. Тамъ же.

номочіями. Тѣмъ не менѣе дѣло не выяснилось и виновные не были открыты *).

Казалось, что безнаказанность виновниковъ познанскаго происшествія и неумѣренность прусско-германской прессы въ враждебныхъ выходкахъ противу Россіи должны были имѣть непосредственное вліяніе на настроеніе жителей Царства Польскаго и Варшавы въ особенности. Но на самомъ дѣлѣ все было тихо. Варшава увлеклась тогда танцовщицей Лолла-Монтесъ; были притомъ и безпорядки театральные, и даже уличные, но они не имѣли политическаго характера **). Свѣдѣнія, получаемыя фельдмаршаломъ изъ Германіи, указывали тогда на Лейпцигъ, какъ на средоточіе враждебныхъ Россіи массонскихъ ложъ и иныхъ тайныхъ обществъ, настроенныхъ особенно враждебно противу Россіи***). Съ своей стороны Государь писалъ фельдмаршалу, что „за границей видимо есть какая-то работа противъ „насъ; источникъ искать надо въ вѣчной революціонной „пропагандѣ, вездѣ существующей, и которая въ насъ „однихъ видитъ порогъ, объ который оступается, потому „и ищетъ сломить его. Бороться съ ней наша участь „навсегда“ ****).

---

*) Письмо къ Государю 22-го сентября (3-го октября) 1843 года. Тамъ же.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю 12-го ноября 1843 года и письмо Государя къ фельдмаршалу 20-го числа того же мѣсяца (прил. № 52).

***) Письмо къ Государю 5-го (17-го) декабря 1843 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

****) Письмо къ фельдмаршалу отъ 13-го (25-го) декабря 1843 года. Прил. № 52.

Государя безпокоили въ особенности дѣла венгерскія. „Тамъ не на шутку дурно", писалъ Государь фельдмаршалу, „и легко можетъ быть, что дойдетъ и до драки" *). Повидимому за шесть лѣтъ до венгерскаго возстанія политическія тамъ осложненія на столько обострились, что уже тогда Государь опасался вооруженнаго возстанія Венгріи. Въ этомъ предвидѣніи Государь писалъ фельдмаршалу: „Я рѣшился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Жванцахъ, какъ въ „наилучшемъ пунктѣ близъ австрійской и турецкой границъ. Проектъ дѣлаютъ предварительный, я видѣлъ и „апробовалъ. Построеніе поручу Дену: будетъ хорошая „крѣпость и на выгодномъ мѣстѣ, для обезпеченія нашего лѣваго фланга" **).

Фельдмаршалъ соглашался, что крѣпость въ Жванцахъ нужна, но при томъ настаивалъ на возобновленіи крѣпости Хотина, которая находится на противоположномъ берегу Жванца ***).

Тогда же фельдмаршаломъ былъ представленъ планъ раздѣленія Царства Польскаго на 5 губерній (или на 4 губерніи). Государь утвердилъ дѣленіе на 5 губерній. По мысли фельдмаршала имѣлось въ виду со временемъ Августовскую губернію выдѣлить изъ Царства Польскаго и присоединить частію къ Ковенской, а частію къ Виленской, и тогда, писалъ фельдмаршалъ „округ-

---

*) Письмо 20-го ноября. Тамъ же.

**) Тамъ же.

***) Письмо къ Государю 5-го (17-го) декабря 1843 г.

„ленное Царство Польское будетъ состоять изъ 4-хъ „губерній“ *).

Въ финансовомъ отношеніи раздѣленіе Царства на 5 губерній, вмѣсто бывшихъ 8-ми, уменьшало бюджетъ по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго. Въ политическомъ отношеніи дѣленіе это имѣло также нѣкоторое значеніе. Варшавская губернія увеличивалась и, слѣдовательно, пріѣздъ дворянъ помѣщиковъ, по дѣламъ, въ Варшаву становился многочисленнѣе и чаще. Вообще въ виды фельдмаршала входило привлекать возможно большее число помѣщиковъ въ большіе города и центры, для болѣе удобнаго наблюденія за политическимъ ихъ поведеніемъ.

Въ концѣ 1843 года дѣла по постройкѣ варшавовѣнской желѣзной дороги находились въ затруднительномъ положеніи. На будущій 1844 годъ не доставало денегъ для продолженія работъ. Фельдмаршалъ опять возбудилъ вопросъ о займѣ съ конверсіей государственнаго долга Царства Польскаго; но въ то время графъ Канкринъ былъ боленъ и дѣла финансовыя задерживались въ ожиданіи его выздоровленія.

Начало 1844 года было тревожно, какъ для Государя, такъ и для князя Варшавскаго. Въ Пруссіи, въ Познани въ особенности, начались проявляться политическіе заговоры и, пользуясь нерѣшительностью и

*) Царство Польское, по предположенію князя Варшавскаго, раздѣлилось на 5 губерній: Варшавскую, Люблинскую, Радомскую, Плоцкую и Августовскую. Тамъ же.

слабостью прусскаго правительства, начались явныя попытки какой-то революціонной организаціи, такъ, напримѣръ: у познанскаго помѣщика Мальчевскаго, по дошедшимъ до фельдмаршала слухамъ, собиралось до 2 тыс. человѣкъ, будто на охоту. Въ Галиціи также, хотя въ меньшей степени, но дѣйствіе революціонной партіи высказывалось болѣе или менѣе явно *). Наконецъ въ Италіи ожидались революціи, и какъ Государь, такъ и князь Варшавскій полагали возможнымъ заподозрить короля французовъ Луи-Филиппа въ участіи и даже въ подстрекательствѣ революціоннаго броженія Европы **).

Въ Познани, когда подъ предлогомъ охоты познанскіе помѣщики стали съѣзжаться на многолюдные сеймы, мѣстныя власти повидимому растерялись, но тѣмъ не менѣе рѣшились на аресты: „Но съ какими предосторожностями!" писалъ фельдмаршалъ Государю ***): „гар„низонъ подъ ружьемъ, патроны розданы, чтобы аресто„вать 26 человѣкъ!... Они (представители власти въ „Познани) говорили сначала, какъ будто для своего „оправданія, что услышали, что 7000 человѣкъ войска „перешло границу: боялись нападенія русскихъ на ци„тадель; но послѣ нашли, что только два полка дезер-

*) Письмо къ Государю 30-го января (12-го февраля) 1844 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу 7-го (19-го) февраля 1844 г. Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1844 г., въ числѣ 10-ти, см. въ прилож. № 53.

***) Письмо 30-го января (12-го февраля) 1844 года.

„тировъ перешло границу и тогда приняли ихъ какъ „братьевъ, и сія ложь такъ велика, что даже ни объ „одномъ дезертирѣ я не имѣю извѣстія; но думаю, что „имъ теперь трудно выпутаться изъ сей лжи, ибо стыдно, „что гарнизонъ былъ подъ ружьемъ."

Относительно Пруссіи Государь, не смотря на родственныя связи съ королемъ, писалъ фельдмаршалу: „къ королю исчезло довѣріе, какъ въ подчиненныхъ его, „такъ и во всѣхъ насъ, ибо никто не можетъ положиться на его постоянство" *).

Негодованіе Государя на слабость внутренней политики Пруссіи проистекало отъ весьма правильнаго пониманія того вліянія, которое оказывали дѣла Познани и Галиціи на Царство Польское. Послѣднее составляетъ одинъ и тотъ же край съ Галиціей и Познанью и во всѣхъ трехъ, такъ называемыхъ, „захватахъ", одни и тѣ же политическія традиціи, тотъ же народъ и тотъ же языкъ и вѣроисповѣданіе. При этомъ условіи, умиротвореніе и сколько нибудь спокойное настроеніе въ краѣ возможны только при однообразномъ управленіи всѣхъ трехъ захватовъ, т. е. всѣхъ частей бывшаго королевства польскаго. Но если, напримѣръ, познанскіе поляки могли, безъ особыхъ затрудненій, проявлять стремленіе къ политической самостоятельности, то едва ли возможно было надѣяться, что тѣ же стремленія будутъ имѣть успѣхъ въ Царствѣ Польскомъ. Государь и князь Варшавскій сознавали, что насколько въ Пруссіи или

---

*) Письмо отъ 12-го (24-го) января 1844 г. Прил. № 53.

въ Галиціи допускались стремленія къ политической независимости, настолько въ Царствѣ Польскомъ должно было усиливать репрессивныя мѣры, всегда крайне тяжелыя какъ для правительства, такъ и для населенія. Послабленія, оказываемыя прусскимъ правительствомъ познанскимъ полякамъ, ни въ чемъ, понятно, не улучшали ни политическій, ни экономическій ихъ бытъ, но поддерживали только мечтательность и политическія надежды, которыя, распространяясь до Варшавы, Вильны и Могилева, вызывали, со стороны нашего правительства, строгости, увеличивавшія враждебность поляковъ къ русскимъ. Такого рода отношенія двухъ славянскихъ національностей, присужденныхъ исторіею къ общей государственной жизни, не могли не огорчать и не озабочивать Государя и его ближайшихъ сотрудниковъ. Вотъ почему во всей долголѣтней перепискѣ Государя съ фельдмаршаломъ постоянно обсуждаются малѣйшія проявленія революціоннаго движенія въ Галиціи и Познани. Даже европейское революціонное и либеральное броженіе имѣло въ ихъ глазахъ особо важное значеніе, преимущественно по вліянію его на Польшу.

Между тѣмъ, одновременно съ познанскими безпорядками и въ Галиціи открылся значительный политическій заговоръ, въ который замѣшаны были не только помѣщики и ксендзы, но и офицеры квартировавшаго тамъ полка Бертольди.

„Президентъ Галиціи прислалъ полученныя имъ „свѣдѣнія изъ Парижа“, писалъ фельдмаршалъ Государю: „онъ не говоритъ ничего о своихъ дѣлахъ, а

„пишетъ будто есть заговоръ въ нашихъ провин-„ціяхъ“ *).

Тайна или, вѣрнѣе, замалчиваніе австрійскаго правительства относительно политическихъ дѣлъ Галиціи, открытыхъ тамъ заговоровъ, образованія секретныхъ обществъ и т. п., вызывало въ фельдмаршалѣ сильное негодованіе. Дѣло было общее; очевидно, что революціонное броженіе въ Галиціи неминуемо переходило въ Царство Польское и наоборотъ — изъ Польши въ Галицію. Фельдмаршалъ писалъ Государю 22-го марта (3-го апрѣля) 1844 года: „если открытъ у насъ заговоръ „либеральный, я всегда даю знать главнымъ правите-„лямъ Галиціи и Познани, но они никогда не извѣ-„щаютъ меня, если у нихъ что случится. Отчего сіе „происходитъ, ибо наши интересы одинаковы, я не могу „догадаться; развѣ отъ дурного понятія о секретѣ: по-„нятіе фальшивое, которое возрождаетъ холодность, а „потомъ и непріязнь.“

Общее положеніе дѣлъ безпокоило Государя и фельдмаршала. Въ Италіи и въ Венгріи готовилась революція, въ Познани и въ Галиціи открывались политическіе заговоры, въ Германіи основывались массонскія ложи, въ особенности враждебно направленныя противъ Россіи, и по мѣрѣ того, какъ обстоятельства эти выяснялись, сила секретныхъ обществъ, густою сѣтью покрывавшихъ всю Европу, все болѣе казалась могущественною. По мнѣнію фельдмаршала, двигатель всего революціоннаго,

*) Письмо къ Государю, отправленное 21-го февраля (4-го марта 1844 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

а потому враждебнаго Россіи, сосредоточивался въ Парижѣ. „Я часто думалъ", писалъ фельдмаршалъ Государю, „сія столь сильная власть могла всѣ замѣшатель-„ства дѣлать, а особливо нынѣшняго года. Въ Позенѣ, „въ Галиціи, въ Италіи, гдѣ берутъ деньги? Въ По-„зенѣ всѣ пріѣхавшіе изъ Франціи не только хорошо „жили, но даже мотали: покупали имѣнія, дома заво-„дили. Въ Парижѣ князь Чарторыйскій (Адамъ) купилъ „домъ, извѣстную отель Ламбертъ: менѣе милліона нельзя „его было купить. Онъ давалъ праздники всему городу. „Состояніе князя Чарторыйскаго очень не значущее; „онъ, бывши здѣсь, былъ въ большихъ долгахъ. От-„куда онъ взялъ деньги? Кромѣ короля французовъ не „кому ему дать. Луи-Филиппъ, выигравъ теперь довѣ-„ренность французовъ, нашелъ: чтобы удержаться, то „надобно дѣйствовать въ смыслѣ своего народа, т. е. „возмущать сосѣдей, и для того деньги, интриги, се-„кретныя общества онъ употребляетъ...

„Вотъ какъ я могу понять теперешнія необыкно-„венныя дѣла, особливо секретныя общества, никто ихъ „не знаетъ; они вездѣ; они съ нами; мы живемъ съ „ними и не знаемъ ихъ.

„Если прибавить сіе расположеніе къ заговору „Европы къ нашему здѣсь быту, въ Польшѣ, гдѣ на-„ціональность и религія противу насъ (много ли оста-„нется намъ преданныхъ?), то положеніе наше дѣлается „весьма труднымъ" *).

---

*) Письмо къ Государю 21-го февраля (4-го марта) 1844 г. Тамъ же.

Государь не только въ этомъ отношеніи раздѣлялъ мнѣніе фельдмаршала, но добавлялъ, что австрійское правительство достовѣрно знаетъ, что „онъ (Луи-Фи-„липпъ) ежегодно посылаетъ въ Римъ отъ 10-ти до „12-ти мил. франковъ, для подкупа въ пользу револю-„ціонныхъ правилъ, а я ничуть не сомнѣваюсь, что, быть „можетъ, онъ-то и причиной недоброжелательства папы „къ намъ и всѣхъ затрудненій, симъ порожденныхъ“ *).

Легко себѣ представить, какъ въ то время, т. е. въ февралѣ 1844 года, принято было въ Варшавѣ, а за тѣмъ и въ Петербургѣ извѣстіе, что въ самой Варшавѣ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью взять цитадель, напасть на замокъ, арестовать или убить князя Варшавскаго. Но оказалось, что докладъ по этому дѣлу фельдмаршалу варшавскаго оберъ-полицеймейстера, генерала Соболева, былъ нѣсколько преувеличенъ, такъ что никто изъ тогда арестованныхъ не былъ преданъ суду, а всѣ были подвергнуты административнымъ взысканіямъ. Серьезная сторона этого дѣла заключалась въ томъ, что варшавскій заговоръ оказывался слабою отраслью общаго польскаго заговора, средоточіе котораго находилось въ тайномъ заграничномъ обществѣ „Централизація“ **).

Одновременно изъ той же среды образовался другой

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 7-го (19-го) февраля 1844 года. Прил. № 53.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю 21-го февраля (4-го марта) 1844 г. Сем. арх. кн. Паскевича. См. также въ прил. № 54 рапортъ слѣдственной коммисіи 14-го (26-го) іюня 1844 г. № 146.

заговоръ, въ сентябрѣ открытый въ Варшавѣ, имѣвшій цѣлью захватить Государя во время его путешествія въ Польшу и заставить Его Величество повелѣть вывести войска изъ Царства Польскаго и возстановить *старую Польшу*. Варшавская цитадель до самой осени, постоянно, то опоражнялась, то наполнялась снова арестованными. „Благодаря Бога," писалъ фельдмаршалъ Государю въ сентябрѣ *), „не дѣлается имъ притѣ-„сненій; ибо такъ много выпущенныхъ жаловались бы „и дошло (бы) до Вашего свѣденія." Хотя варшавскіе заговоры, казалось, были только слабою отраслью заграничныхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ секретныхъ обществъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительные руководители и главари революціоннаго движенія оставались неизвѣстными.

Еще въ мартѣ мѣсяцѣ фельдмаршалъ писалъ Государю: „И теперь я больше еще увѣряюсь, что изъ тѣхъ, „которыхъ мы открываемъ, никто изъ нихъ не знаетъ, „кто ими управляетъ. Виновныхъ очень много; распро-„странить допросы очень можно, очень многихъ ввести „подъ наказаніе; но открыть первую нить, кто дѣй-„ствуетъ, того еще нигдѣ не найдено" **).

Въ началѣ 1844 года къ трудностямъ борьбы съ тайными пружинами революціи присоединились еще затрудненія по дѣламъ католическаго духовенства Царства Польскаго. Извѣстное уже намъ настойчивое тре-

---

*) 23-го числа. Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Письмо отъ 5-го (17-го) марта 1844 г. Тамъ же.

бованіе Государя — подчинить церковь католическую Царства Польскаго католическому митрополиту и с.-петербургской католической духовной коллегіи — возбуждало неудовольствіе и даже почти явное противодѣйствіе католическаго духовенства. Въ то время предстояло посвященіе въ епископы люблинскаго прелата графа Лубенскаго. Государь требовалъ, чтобы это посвященіе происходило непремѣнно въ Петербургѣ. Фельдмаршалъ, какъ уже мы имѣли случай высказать, не сочувствовалъ этому требованію, и писалъ Государю: „Въ теперешнемъ политическомъ положеніи на„шемъ съ римскимъ дворомъ стоитъ ли еще вновь огор„чать его, давъ всѣмъ католическимъ интригантамъ сред„ство говорить, что мы хотимъ ихъ превратить въ нашу „церковь“ *). Но Государь твердо стоялъ на своемъ. „Посвященіе архіерея“, отвѣчалъ онъ, „я предпочитаю „дѣлать *здѣсь*, ибо въ такихъ вещахъ я папѣ не усту„плю, и, удовлетворивъ тому, что было справедливо въ „его требованіяхъ, на прочее я не поддамся“ **).

Лубенскій былъ посвященъ въ Петербургѣ, но за то папа не упускалъ случая оказывать противодѣйствіе желаніямъ и просьбамъ русскаго правительства. Такъ, фельдмаршалъ настаивалъ, чтобы капитулъ выбралъ въ администраторы варшавской епархіи аббата Котовскаго, отличившагося своею проповѣдью, сказанною народу на церемоніи открытія памятника на Саксонской пло-

---

*) Письмо къ Государю отъ 5-го (17-го) марта 1844 года.

**) Письмо къ фельдмаршалу отъ 28-го марта (9-го апрѣля) 1844 г. Прил. № 53.

щади *); но папа не изъявилъ согласія на возведеніе Котовскаго въ санъ епископа, а потому и капитулъ отказался избрать его, и администраторомъ епархіи былъ избранъ епископъ Фіалковскій — личность, въ то время, совершенно неизвѣстная. Не желая еще болѣе возбуждать неудовольствіе римскаго двора и раздражать духовенство Царства Польскаго, фельдмаршалъ согласился на избраніе Фіалковскаго. „Всѣ средства „употреблены были безуспѣшно на выборъ Котовскаго", писалъ тогда фельдмаршалъ Государю. „Неутвержденіе „папою его въ епископствѣ тому причиною; такъ же „вліяніе одного изъ каноииковъ — Декерта, котораго „пора унять; но правительство не имѣетъ на сіе власти" **).

Раннею весною того же года въ Берлинѣ былъ произведенъ выстрѣлъ въ короля Фридриха-Вильгельма IV, но, какъ кажется, это не было послѣдствіемъ заговора: король прусскій не возбуждалъ къ себѣ ненависти въ средѣ революціонныхъ партій, какъ въ Германіи, такъ и во всей Пруссіи.

Лѣтомъ на Царскую семью и на семью князя Варшавскаго обрушилось одинаковое горе. Скончались Великая Княжна Александра Николаевна и старшая дочь фельдмаршала ***). 1-го августа Государь писалъ изъ Царскаго Села: „Пораженный тѣмъ же тяжелымъ уда-

*) См. главу VIII.

**) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 27-го іюля (8-го авг) 1844 года. Сем арх. кн. Паскевича.

***) Бывшая въ замужествѣ за флигель-адъютантомъ Балашевымъ.

„ромъ, какъ и ты, любезный мой отецъ командиръ, „солью мою невыразимую скорбь съ твоею; ибо чув-„ствовалъ заранѣе, а теперь вполнѣ ощущаю то, что и „твое отцовское сердце терпитъ; на это словъ нѣтъ, и „кто прошелъ чрезъ подобное, можетъ только смиряться „предъ Богомъ и говорить отъ глубины растерзаннаго „сердца: да будетъ воля Твоя!“

Новыя и неожиданныя заботы, несмотря на семейное горе, вызвали усиленную дѣятельность фельдмаршала. Въ концѣ іюля вòды рѣки Вислы поднялись на 22 фута, чего еще въ настоящемъ столѣтіи не было ни разу. Почти всѣ береговыя хозяйства, на всемъ протяженіи рѣки, были разорены наводненіемъ. Хлѣбъ и всѣ припасы подорожали вдвое. Въ Варшавѣ фельдмаршалъ распорядился въ теченіе 10-ти дней прокармливать болѣе 2 тыс. человѣкъ *). Но главная забота состояла въ оказаніи помощи разореннымъ береговымъ хозяйствамъ. Государь приказалъ выдавать имъ пособія въ память скончавшейся Великой Княжны **).

Необходимо было тогда же сколь возможно быстрѣе исправить и поврежденія, причиненныя наводненіемъ крѣпостямъ. Наводненіе смыло большую часть дерновой ихъ обшивки. Придумывались средства для охраненія крѣпостныхъ верковъ отъ подобныхъ же поврежденій при возможныхъ будущихъ наводненіяхъ. Нѣсколько системъ огражденій были предложены военными инже-

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 27-го іюля (8-го августа) 1844 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу 1-го августа. Прил. № 53.

нерами, и тогда же часть крѣпостныхъ верковъ была облицована каменной обшивкой, а нѣкоторымъ веркамъ были приданы значительныя высоты съ увеличеніемъ глубины рвовъ.

Затѣмъ проявились и серьезныя попытки революціонныхъ замысловъ. Въ 1843 году, въ Тарновскомъ округѣ восточной Галиціи, изъ революціонныхъ кружковъ выдѣлился кружокъ народниковъ (plebejuszów), руководимый Стефанскимъ. Это новое революціонное общество состояло преимущественно изъ ремесленниковъ. Такое же общество народниковъ организовалъ близъ Келецъ ксендзъ Сцѣгенный. Но Стефанскій только шумѣлъ и грозилъ подняться, а ксендзъ Сцѣгенный дѣйствовалъ рѣшительнѣе, и уже въ октябрѣ 1844 года собиралъ крестьянъ въ лѣсу и уговаривалъ ихъ къ возстанію. Шайка, кое-какъ вооруженная, организовалась и собиралась въ келецкихъ лѣсахъ. Но тогда же, въ концѣ октября, одинъ изъ помѣщиковъ Келецкой губерніи и одинъ крестьянинъ указали мѣстнымъ военнымъ властямъ, гдѣ именно бунтовщики собирались и кто ими руководилъ (ксендзъ Сцѣгенный). Шайка разбѣжалась, а главные ея руководители были захвачены войсками *).

Замыслы ксендза Сцѣгеннаго были настолько же безразсудны, насколько и сложны. Возстаніе имѣло цѣлью не только ниспровергнуть русское правительство въ

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 24-го октября 1844 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

Польшѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и польскихъ дворянъ помѣщиковъ, за то, „что дворяне", какъ говорилъ на слѣдствіи ксендзъ Спѣгенный, „въ 1831 году „обѣщали поселянамъ очиншеваніе, а теперь уже казна „у себя очиншевываетъ, а они, которые все сіе обѣ„щали, обманули бѣдныхъ поселянъ и еще болѣе угне„таютъ ихъ" *).

Воззванія Спѣгеннаго составлены были въ формѣ посланія папы. Это была фальшивая булла, сочиненная отъ имени папы кѣмъ-то въ Варшавѣ и въ нѣсколькихъ экземплярахъ отправленная въ Кельцы, къ ксендзу Спѣгенному. Кромѣ крестьянъ, въ заговорѣ съ Спѣгеннымъ были ремесленники и личности изъ мелкой безпомѣстной шляхты (въ дворянствѣ не утвержденныя). Конечно, мнимое воззваніе отъ имени самого папы имѣло на нихъ громадное вліяніе.

Изъ Келецъ въ Варшаву, въ цитадель, было доставлено 30 человѣкъ зачинщиковъ этого бунта. „И всякій „день они еще называютъ новыхъ лицъ", доносилъ фельдмаршалъ, — „такъ, что трудно сказать, сколько „будетъ замѣшанныхъ, отчего слѣдствіе продолжается „и судъ еще время возьметъ" **). Дѣло длилось болѣе года.

Въ то же время новыя обстоятельства вынудили фельдмаршала къ болѣе бдительному надзору за католическимъ духовенствомъ Царства Польскаго. Откры-

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 13-го (25-го декабря) 1844 г. Тамъ же.

**) Тамъ же.

лось, что римскій дворъ, помимо узаконенныхъ сношеній, находился въ тайной перепискѣ съ польскимъ духовенствомъ. „Римъ", писалъ фельдмаршалъ Государю, „въ „совершенной секретной перепискѣ былъ съ Варшавою „черезъ графиню Ледуховскую; а она передавала на „Волынь. Изъ всего видно, что папа, не смотря на „положенія, по которымъ онъ не долженъ бы быть въ „сношеніяхъ, находится въ таковыхъ, и съ людьми, „къ намъ не расположенными" *).

Государь не особенно былъ огорченъ извѣстіемъ о заговорѣ Сцѣгеннаго. „Въ описываемомъ событіи двѣ „вещи мнѣ хороши", писалъ Его Величество фельдмаршалу: „то, что помѣщикамъ угрожаетъ опасность, и „что потому ихъ выгода быть съ нами за одно, а „другая уже плодъ того, что *помѣщикъ* доноситъ на „ксендза; это славно! Какъ-то папа защититъ бунтов„щика и убійцу?" **).

Фальшивая булла была отправлена фельдмаршаломъ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою сообщить о ней римскому двору, „чтобы знали", писалъ фельдмаршалъ „что безпрестанныя противодѣйствія римскаго „правительства производятъ бунты" ***).

Вообще вліяніе этихъ фальшивыхъ буллъ на высшее духовенство Царства Польскаго было удручающее. Во всякомъ случаѣ въ римско-католическомъ смыслѣ это

---

*) Письмо къ Государю отъ 19-го апрѣля 1845 года. Тамъ же.
**) Письмо къ фельдмаршалу 29-го октября 1844 года. Прил. № 53.
***) Письмо къ Государю 16-го (28-го) января 1845 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

было нѣчто въ родѣ святотатства, совершеннаго священникомъ католической церкви.

Государь, послѣ открытія заговора ксендза Сцѣгеннаго, еще дѣятельнѣе и энергичнѣе подготовлялъ преобразованіе католическаго духовенства Царства Польскаго, въ томъ убѣжденіи, что централизація этого управленія въ Петербургѣ воспитаетъ духовенство въ духѣ порядка и вѣрноподданства. Повидимому, петербургское высшее католическое духовенство поддерживало въ Государѣ это убѣжденіе; такъ, напримѣръ, въ декабрѣ (1844 года) Его Величество писалъ фельдмаршалу: „Я былъ третьяго дня въ прекрасно устроен-„ной римско-католической духовной академіи; ректоръ „очень хорошъ и говорилъ мнѣ съ ужасомъ про духъ „духовенства въ Царствѣ, про дурное вліяніе, которое „старались здѣсь пріобрѣсть пріѣзжавшіе епископы, и „просилъ меня настоятельно не присылать въ академію „учениковъ изъ Царства, не ручаясь за послѣдствія, „ежели придутъ въ сообщеніе съ его учениками, кото-„рыми покуда доволенъ. Однако надо будетъ подумать, „какъ сему помочь; ибо пора подумать о будущемъ ду-„ховенствѣ Царства и приготовить его такимъ, какимъ „намъ надо“ *).

Государь полагалъ положить начало задуманному имъ преобразованію католическаго духовенства назначеніемъ одного изъ епископовъ Царства Польскаго,

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 20-го декабря 1844 (1-го января 1845) года.

Томашевскаго, къ присутствованію въ петербургской римско-католической коллегіи. Епископъ Томашевскій принялъ Высочайшее повелѣніе съ покорностью, но при этомъ выразилъ опасеніе, что папа отрѣшитъ его отъ епископства *). Государь былъ убѣжденъ, что папа не рѣшится на столь явное противодѣйствіе русскому правительству.

Одновременно Государь приказалъ „переименовать „коммисію духовную въ Варшавѣ во 2-й департаментъ „римской духовной коллегіи, а здѣшній назвать 1-мъ „департаментомъ, оставя, впрочемъ, весь нынѣшній въ „обоихъ порядокъ дѣлъ и подчиненія. Кажется мнѣ", добавлялъ Государь, „мысль хорошая и устраняетъ всѣ „затрудненія" **).

При такомъ положеніи вопроса папа не имѣлъ основательнаго повода для противодѣйствія распоряженіямъ Государя. Римскому двору было совершенно безразлично, какъ назывались управленія, состоящія при петербургскомъ католическомъ митрополитѣ и архіепископѣ варшавскомъ, а дѣло было въ томъ, чтобы церковь Царства Польскаго не управлялась митрополитомъ петербургскимъ безъ особаго на то разрѣшенія папы. Покуда Государь этого еще не предписывалъ, а разсчитывалъ только въ будущемъ подчинить духовенство Царства

---

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу 24-го іюня (5-го іюля) 1845 г. Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1845 г., въ числѣ 10-ти, помѣщены въ прилож. № 55.

**) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 24-го іюня (5-го іюля) 1845 г.

Польскаго петербургской коллегіи митрополита всѣхъ католическихъ церквей Имперіи, но намѣреніе это не было еще опредѣлительно ни высказано, ни обнародовано. Присутствіе же епископа Томашевскаго въ петербургской коллегіи могло быть истолковано какъ мѣра временная, вызванная потребностью обсужденія какого-либо общаго вопроса.

Въ бытность свою за границей фельдмаршалъ пришелъ къ убѣжденію, что въ Пруссіи въ скоромъ времени, т. е. года черезъ два, установится конституціонное правленіе. „Прусскій король", писалъ фельдмаршалъ Государю, „не устоитъ отъ сильныхъ требованій „народа о конституціи, ибо сіе желаніе во всѣхъ со„словіяхъ почти существуетъ; но что сего не должно „ожидать прежде двухъ лѣтъ, при сборѣ земскихъ „штатовъ" *). Конечно, въ Познани это ожидалось, и при томъ еще болѣе усиливалась враждебность къ самодержавной Россіи. Государь допускалъ возможность введенія конституціоннаго правленія въ Пруссіи, но признавалъ, что обстоятельство это отразится крайне неблагопріятно на Царствѣ Польскомъ.

Тѣмъ болѣе Его Величество считалъ необходимымъ еще съ большею послѣдовательностію и твердостью преслѣдовать свои цѣли по управленію Царствомъ Польскимъ. „Если король не удовлетворитъ ихъ (пруссаковъ) общему желанію (получить конституцію)", писалъ Государь, „то непремѣнно припишутъ это моему

---

*) Письмо 1-го апрѣля 1845 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

„вліянію и увѣщаніямъ. Это мнѣ *похвальный листъ*, „ибо доказываетъ, что мой образъ (мыслей) не под- „верженъ сомнѣнію“ *).

Вѣроятно, общее настроеніе и ожиданія въ Пруссіи конституціоннаго правленія повліяли и на цензуру прусскую. Фельдмаршалъ счелъ необходимымъ, войдя въ сношеніе съ прусскимъ министромъ графомъ Арнимомъ, весьма твердо поставить ему на видъ неприличную брань познанской печати, относительно Россіи. Фельдмаршалъ замѣтилъ прусскому министру, что брань „газетчиковъ познанскихъ, допускаемая правительствен- „ной цензурой, конечно, ни въ какой степени не мо- „жетъ оскорбить Россію“; но что подобныя дерзости (допускаемыя прусскимъ правительствомъ) даютъ поводъ полякамъ въ Царствѣ Польскомъ предполагать въ прусскомъ правительствѣ сочувствіе къ стремленіямъ польской національности. Между тѣмъ, писалъ фельдмаршалъ, мюнхенгрецкая конвенція еще существуетъ и она обязываетъ правительства всѣхъ трехъ захватовъ (т. е. частей стараго королевства польскаго) поддерживать другъ друга въ единообразномъ направленіи внутренней, въ польскихъ земляхъ, политики.

Это заявленіе князя Варшавскаго имѣло, какъ кажется, сильное вліяніе на прусское правительство; но, какъ это всегда бывало въ правительствѣ Фридриха Вильгельма IV, вліяніе это было непродолжительно.

Почти одновременно съ этимъ князь Меттернихъ,

---

*) Письмо Государя 6-го (18-го) апрѣля 1845 года. Прил. № 55.

при свиданіи съ королемъ прусскимъ въ замкѣ Штольценфельсѣ (18-го августа 1845 года), старался отклонить короля отъ намѣренія созвать общее земское представительство (генеральные штаты, Reichsstände), указывая на опасность такой мѣры для монархіи; но долженъ былъ прекратить разговоръ, изъ котораго вынесъ убѣжденіе, что король не измѣнитъ своего рѣшенія *).

Тѣмъ не менѣе, въ Пруссіи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1845 года правительство стало открывать заговоры и пропаганду революціонную и рѣшилось арестовать виновныхъ. По этому поводу Государь писалъ фельдмаршалу: „Столько разъ пруссаки принимались за дѣло и опять „бросали, что я и сей разъ плохо вѣрю, чтобъ при„вело къ лучшему концу. Нашихъ, которые въ дѣлѣ у „нихъ замѣшаны, не требовать назадъ, но ежели бу„дутъ намъ высланы, то судить военнымъ судомъ, какъ „всегда дѣлаемъ“ **).

Ранѣе того король прусскій былъ въ Кенигсбергѣ и упрекалъ явившихся къ нему представителей города въ настроеніи неконсервативномъ. Въ отвѣтъ на это городъ представилъ ему адресъ, въ которомъ высказывалъ, что они „милости къ себѣ не просятъ, но тре„буютъ только справедливости.“ „Каково!“ писалъ тогда Государь фельдмаршалу: „Хорошо бы королю ихъ по„садить въ Пилау, а гарнизону велѣть при первомъ „движеніи въ городѣ отвѣчать картечью, тогда бы все

---

*) Мартенсъ. Трактаты, т. IV, ч. 1 стр. 540—541.
**) Письмо изъ Палермо 23-го ноября 1845 года. Прил. № 55.

„кончилось разомъ; но онъ на это, думаю, никогда не „рѣшится“ *).

Дѣйствительно прусскій король не думалъ рѣшаться на столь крутыя мѣры; напротивъ, подобныя выходки убѣждали его въ необходимости *обѣщать* народонаселенію конституціонныя формы правленія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1845 года фельдмаршалъ конфирмовалъ приговоръ военнаго суда по дѣлу ксендза Спѣгеннаго. Ксендзъ Спѣгенный подведенъ былъ подъ висѣлицу, а затѣмъ сосланъ на каторжныя работы вмѣстѣ съ 13-ю своими сообщниками **).

Слѣдуетъ при томъ замѣтить, что Государь не всегда былъ доволенъ конфирмаціями фельдмаршала, въ особенности по дѣламъ не политическимъ, находя ихъ не достаточно строгими ***).

Въ стремленіи Государя къ сліянію, хотя бы внѣшнему, Царства Польскаго съ Имперіей у Его Величества еще въ 1844 году явилась мысль о замѣнѣ польской азбуки русскою. Фельдмаршалъ, исполняя волю Государя, предложилъ министру народнаго просвѣщенія Уварову образовать особый комитетъ изъ ученыхъ, хорошо знающихъ славянскія нарѣчія, которымъ и поручить исполненіе мысли Государя. Въ 1845 году коми-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 24-го іюня (5-го іюля) 1845 года. Прил. № 55.

**) Бергъ, стр. 53—54.

***) См. въ приложеніи № 56 (а) секретное отношеніе военнаго министра отъ 5-го іюня 1845 года за № 69, по дѣлу подпоручика Ерогина. Тамъ же (б) резолюція Государя по дѣлу б. экспедитора Мрозовскаго (гл. V).

тетъ окончилъ свои занятія. Разсмотрѣвъ его труды, министръ народнаго просвѣщенія пришелъ къ заключенію, съ которымъ вполнѣ согласился и фельдмаршалъ. Оказывалось, что, при желаніи выразить звуки польскаго языка русскими буквами, необходимо прибѣгнуть къ изобрѣтенію новыхъ, неупотребительныхъ знаковъ и къ заимствованію буквъ изъ другихъ алфавитовъ, напр., латинскаго. Такая новая азбука была бы совершенно чужда полякамъ и въ значительной части непонятна русскимъ, разумѣя общую массу того и другого народа, знающаго только свой родной языкъ. Слѣдовательно цѣль и выгоды не достигаются.

Въ заключеніе Уваровъ писалъ: „Всякое изобрѣте-„ніе новаго алфавита бываетъ успѣшно только при „первоначальномъ возникновеніи письменности у народа; „исторія языковъ, по крайней мѣрѣ, не представляетъ „примѣровъ, чтобы изобрѣтеніе ея или даже значитель-„ныя въ ней нововведенія въ эпоху позднѣйшаго раз-„витія имѣли успѣхъ“ *).

Въ 1845 году снова былъ сильный неурожай въ 12-ти среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Снова общая дороговизна припасовъ и фуража вынудила фельдмаршала вывести часть войскъ въ южную Россію и Малороссію (такъ, напримѣръ: 27-ю кавалерійскую дивизію въ Черниговскую и Полтавскую губерніи).

Осенью того же года, производя смотры войскамъ, расквартированнымъ въ Царствѣ Польскомъ, фельд-

---

*) Арх. гос. сов., дѣло 1844 года № 715.

маршалъ обратилъ вниманіе на недостатки вооруженія нашей пѣхоты и казаковъ. Хотя мы надѣемся современемъ изложить управленіе арміею фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ въ особомъ для сего изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе въ настоящемъ очеркѣ слѣдуетъ, намъ кажется, отмѣтить сдѣланныя фельдмаршаломъ замѣчанія, относительно вооруженія казаковъ и пѣхоты. Фельдмаршалъ писалъ Государю, что надлежитъ значительно увеличить число штуцеровъ въ пѣхотѣ, а у казаковъ замѣнить пистолеты ружьями, и что слѣдуетъ обратить особое вниманіе на стрѣльбу въ войскахъ. „Если во время мира сего не нужно, то для войны „очень нужно“, писалъ фельдмаршалъ. Въ особенности князь Варшавскій настаивалъ на необходимости усилить штуцерами кавказскую армію *).

Въ это время, т. е. въ 1845 году, генералъ-адъютантъ Ридигеръ, очерчивая политическое положеніе западныхъ нашихъ губерній (въ которыхъ квартировалъ тогда ввѣренный ему корпусъ), писалъ, что настроеніе дворянъ того края политически неблагонадежно, но что дворяне, проживая въ деревняхъ своихъ, находятся почти внѣ правительственнаго надзора и совершенно отдѣлены отъ русскаго общества; „такимъ образомъ „съ сомнительнымъ ихъ политическимъ направленіемъ „вполнѣ ознакомиться весьма трудно“. — „Изъ этого „видно“, — заключаетъ фельдмаршалъ, — „что тамъ дѣ-

---

*) Письмо къ Государю 7-го (19-го) октября 1845 года и переписка съ А. И. Чернышевымъ въ сем. арх. кн. Паскевича.

„лается: что я въ Польшѣ предвидѣлъ, т. е. что дво-„ряне, живучи въ деревняхъ, вреднѣе могутъ быть, „нежели въ городахъ. Вотъ отчего я имѣлъ счастіе пред-„ставить Вашему Императорскому Величеству, чтобы „Калишъ соединить съ Варшавою *), дабы они поне-„волѣ, имѣя дѣла, могли пріѣзжать сюда, гдѣ, я на-„дѣюсь, надзоръ лучше можетъ быть **).

Въ этихъ же видахъ, по Высочайшему повелѣнію, фельдмаршалъ приглашалъ дворянъ Царства Польскаго на службу, въ особенности въ ряды гвардіи и арміи. „По собраннымъ свѣдѣніямъ", писалъ фельдмаршалъ, „они служатъ усердно, нѣкоторые даже отлично" ***). Дворяне поляки Царства Польскаго, поступая на службу, по мнѣнію князя Варшавскаго, тѣмъ самымъ избавлялись отъ несчастнаго и крайне для нихъ опаснаго положенія: состоять членами тайныхъ противуправительственныхъ обществъ. Большинство молодыхъ дворянъ, слишкомъ часто только отъ праздности, поступало въ подобнаго рода общества; служба спасала ихъ. На службѣ, въ особенности въ рядахъ арміи, они становились людьми полезными и политически вполнѣ благонадежными.

Дѣйствительно, приходилось спасать молодежь Царства Польскаго отъ увлеченій безразсудными, но постоянными заговорами. Изъ Познани сообщали фельд-

---

*) См. выше объ образованіи Варшавской губерніи.

**) Письмо къ Государю 1-го апрѣля 1845 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

***) Письмо къ Государю 23-го сентября 1844 года. Тамъ же.

маршалу, что „составился заговоръ, чтобы захватить „познанскую цитадель, Торнъ, Грауденцъ, также и „Новогеоргіевскъ". Планъ захвата послѣдней крѣпости основывался на предположеніи, что богатый сосѣдній помѣщикъ позоветъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ новогеоргіевскаго гарнизона и за столомъ „отравитъ ихъ „ядомъ". „Точно такъ, какъ въ оперѣ Борджіа", замѣчаетъ фельдмаршалъ. „До чего легкомысленность и „дерзость у сихъ людей простирается, сколько надобно „терпѣнія, чтобы съ ними дѣло имѣть" *).

Осенью 1845 года Государь сопровождалъ Императрицу въ Палермо. Слабое здоровье Государыни принуждало ее провести тамъ зиму.

Въ Италіи, къ пріѣзду Государя, эмигрантъ Яловицкій показывалъ въ Римѣ какую-то монахиню, будто бы замученную въ Варшавѣ! Эта клевета занимала Римъ, даже римская курія производила нѣчто въ родѣ разслѣдованія, и хотя сейчасъ же раскрылась вся гнусность этой выдумки, тѣмъ не менѣе самый фактъ разслѣдованія столь несообразной и дерзкой клеветы возбуждалъ негодованіе Государя **).

Къ Рождеству 1846 года фельдмаршалъ ожидалъ прибытія Государя въ Варшаву. На всѣ проявленія ненависти къ Россіи, о которыхъ Государь писалъ изъ за границы, князь Варшавскій отвѣчалъ, въ отдѣльной

*) Письмо къ Государю передъ поѣздкою въ Петербургъ въ началѣ 1845 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письма къ фельдмаршалу изъ Палермо 25-го октября и 23-го ноября 1845 года. Прил. № 55.

запискѣ, слѣдующими словами: „Направленіе умовъ въ „Европѣ отдѣлило Россію отъ прочихъ государствъ. „Массы народа въ Англіи, Франціи, Пруссіи и вообще „на сѣверѣ Германіи заражены идеями демократіи, даже „анархіи. Правительства тѣхъ государствъ или увле- „чены тѣми же идеями, или безсильны противъ нихъ. „Австрія могла бы еще, какъ правленіе вѣрное своей „системѣ, удерживать нѣсколько вліяніе Запада, если „бы у нея не было Венгріи, Италіи и Галиціи, гдѣ „духъ народа не лучше, чѣмъ въ Пруссіи.

„Итакъ, Россія остается одна постоянно въ идеяхъ „монархическихъ, въ идеяхъ порядка.

„Западу это извѣстно. Отъ сего боязнь и ненависть „къ Россіи въ Европѣ“ *).

---

*) Записка послана Государю въ декабрѣ 1845 года; она имѣла цѣлью доказать необходимость усиленія арміи штуцерами и хорошо выученными старослуживыми унтеръ-офицерами. Приводимъ здѣсь вступленіе (или начало записки).

Глава XI.

Заговоръ. — Мирославскій и Домбровскій. — Познанскіе съѣзды. — Съѣздъ революціонныхъ дѣятелей въ Краковѣ. — День возстанія. — Начальникъ движенія. — Инструкція Мирославскаго. — Партія Домбровскаго. — Потоцкій. — Нападеніе на Сѣдльцы. — Безпорядки въ Краковѣ и Галиціи. — Избіеніе дворянъ-помѣщиковъ. — Усиленіе пограничной охраны со стороны Познани. — Энергическая дѣятельность фельдмаршала. — Быстрая расправа. — Казнь Потоцкаго и его „офицеровъ". — Объявленіе военнаго положенія въ Царствѣ, на Волыни и въ Подоліи. — Неисполненіе Высочайшаго повелѣнія. — Записка фельдмаршала о пользѣ и значеніи военнаго положенія въ краѣ. — Распоряженія фельдмаршала о движеніи войскъ къ Кракову. — Письма Государя. — Бѣгство изъ Кракова диктатора Тиссовскаго. — Занятіе Кракова войсками ген. Панютина. — Сдача Тиссовскаго пруссакамъ. — Вступленіе въ Краковъ австрійцевъ. — Прибытіе пруссаковъ. — Временное правленіе. — Арестъ Милославскаго съ сообщниками. — Предложеніе фельдмаршала раздѣлить Краковъ и его территорію на три части. — Государь предпочитаетъ обмѣнить Галицію на часть Польши (по Бзуру и Вислу). — Сомнѣнія фельдмаршала. — Отраженіе Галиційскихъ кровавыхъ происшествій.—Строгія мѣры фельдмаршала.—Одобреніе Государя. — Порученіе, данное командированному въ Берлинъ ген.-адъют. Бергу. — Мнѣніе фельдмаршала о причинахъ раздраженія третьяго сословія въ Пруссіи. — Отказъ короля. — Переговоры съ нимъ. — Просьба короля относительно переданныхъ Россіи политическихъ преступниковъ. — Заговоръ варшавскихъ гимназистовъ (Рудскій). — Закрытіе

юридическихъ курсовъ и высшихъ классовъ варшавской гимназіи.—Опасенія прусскаго правительства.—Доводы Государя.—Рѣшеніе участи Кракова. — Объяснительная записка фельдмаршала.—Указъ о крестьянахъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 г.—Его громадное значеніе для всего экономическаго быта края.—Распоряженіе совѣта управленія о барщинѣ. — Разъясненіе вопроса объ очиншеваніи. — Крестьянскія волненія. — Совѣщанія фельдмаршала съ Блудовымъ относительно конкордата.—Сомнѣнія фельдмаршала.—Кажущійся либерализмъ папы. — Результатъ работы слѣдственной коммисіи за 1846 г. — Замѣчательное пиротехническое изобрѣтеніе. — Статуя Торвальдсена. — Записка фельдмаршала о необходимости въ Царствѣ, и вообще на окраинахъ, самостоятельной, сильной и пользующейся довѣріемъ власти. — Переписка фельдмаршала съ Государемъ по поводу общегосударственнаго сейма въ Пруссіи. — Успѣхи радикализма. — Рѣчь Мирославскаго на судѣ. — Возложеніе на помѣщиковъ Царства обязанности кормить голодающихъ крестьянъ. — Ожиданіе холеры.

Заграничные политическіе заговорщики и тайныя революціонныя общества, по выраженію фельдмаршала, „густою сѣтью окаймляя Царство Польское", въ 1846 году рѣшились вызвать возстаніе всѣхъ земель бывшаго королевства Польскаго. Въ началѣ 1845 года членъ заграничнаго революціоннаго общества „Централизаціи" маіоръ Людвикъ Мирославскій прибылъ изъ Швейцаріи въ Познань, чтобы руководить этимъ дѣломъ *).

*) Въ чинѣ маіора Мирославскій значится въ нашихъ оффиціальныхъ документахъ того времени. Гдѣ и какъ онъ получилъ его—неизвѣстно. Выходя за границу при корпусѣ генерала Рыбинскаго, Мирославскій былъ только поручикомъ. Бергъ, стр. 71.

Въ то время въ Галиціи и Познани революціонная организація, подъ различными наименованіями, дѣйствительно усилилась; но въ Царствѣ Польскомъ „страхъ имени Паскевича“ *) сильно парализовалъ революціонное движеніе. Тайный варшавскій революціонный комитетъ, едва существовавшій, рѣшительно отказывался организовать возстаніе въ какихъ бы то ни было размѣрахъ. Слишкомъ трудно было найти въ Царствѣ Польскомъ людей, готовыхъ повторить роль Завиши или Сцѣгеннаго, и почти невозможно было набрать сколько нибудь значительныя вооруженныя шайки.

Между тѣмъ въ Познани заговорщики собирались во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и гостиныхъ, вездѣ слышались громкія разсужденія поляковъ всѣхъ партій о приготовленіяхъ къ обширному возстанію, для освобожденія *всей* Польши и возстановленія ея границъ 1772 года. Въ богатыхъ имѣніяхъ познанскихъ помѣщиковъ назначались многолюдные съѣзды, какъ это бывало всегда, подъ предлогомъ охоты. На этихъ съѣздахъ обсуждались планы дѣйствій и подготовлялись молодые люди для боевого дѣла. Изъ ихъ среды и былъ избранъ начальникомъ возстанія въ Царствѣ Польскомъ Брониславъ Домбровскій, сынъ извѣстнаго генерала Наполеоновскаго времени. Богатый помѣщикъ въ Познани и владѣлецъ, кромѣ того, по женѣ, значительнаго имѣнія въ Варшавской губерніи, Домбровскій, не вызывая подозрѣнія, могъ безпрепятственно переѣзжать

---

*) Бергъ, стр. 57.

изъ Царства Польскаго въ Познань и обратно. Это, конечно, представляло не малое удобство для революціонной дѣятельности, но затѣмъ только одно популярное его въ Польшѣ имя могло служить основаніемъ для даннаго ему назначенія. Самъ Домбровскій былъ человѣкъ слабой воли, вовсе не расположенный и не подготовленный къ общественной, а тѣмъ болѣе къ революціонно-военной дѣятельности. Онъ сознавалъ силу и энергію правленія въ Польшѣ и страшно боялся фельдмаршала, въ домѣ котораго былъ принятъ съ женою. Тѣмъ не менѣе, Мирославскому удалось частью угрозами, частью лестью заставить его принять опасное назначеніе „начальника возстанія Царства Польскаго“. Такъ же, какъ изъ Польши, Мирославскому доставлялись изъ Литвы и Малороссіи весьма неблагопріятныя для его замысловъ свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, изъ Литвы писалъ ему революціонный эмисаръ Рёръ, что „тамъ все спитъ; молодежь глупа и не развита“; что его „принимали мѣстами какъ шпіона. Если можно гдѣ „начать дѣйствія, такъ развѣ между Бугомъ и Щарой *).

Въ Познани и вообще за границей неблагопріятнымъ извѣстіямъ не придавали особаго значенія; тамъ, какъ во всѣхъ эмиграціяхъ, дѣйствительное положеніе дѣлъ затемнялось представленіями воображенія и воспоминаніями прошлаго. Эмиграціи все еще мерещилась Польша 1830 года, и возстаніе во всѣхъ польскихъ земляхъ было рѣшено безповоротно.

---

*) Бергъ, стр. 63.

Въ январѣ 1846 года, въ Краковѣ, подъ предсѣдательствомъ Мирославскаго, состоялся съѣздъ всѣхъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей польской эмиграціи. Отъ Царства Польскаго прибылъ туда депутатомъ помѣщикъ Радомской губерніи Николай Лисовскій, который объявилъ съѣзду, что Царство Польское возстанетъ поголовно, какъ только появятся повстанскія колонны изъ Галиціи и Пруссіи, и что революціонная организація всего Царства подчинится краковскому съѣзду.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, поражающемъ вообще какимъ-то дѣтскимъ недомысліемъ, не менѣе замѣчательно, что заявленіе Лисовскаго принято было въ Краковѣ какъ нѣчто достовѣрное, хотя Лисовскій, въ лучшемъ случаѣ, могъ говорить только отъ имени нѣсколькихъ ему знакомыхъ помѣщиковъ.

На краковскомъ съѣздѣ возстаніе было назначено во *всѣхъ* земляхъ польскаго королевства на 21-е февраля н. ст., съ субботы на воскресенье послѣдняго дня масляницы.

Начальниками движенія окончательно были опредѣлены: въ Царствѣ Польскомъ помѣщикъ Брониславъ Домбровскій; въ Литвѣ—Иванъ Рёръ; на Жмуди—Теофилъ Магдзинскій; въ Западной Пруссіи — полковникъ Михаилъ Бесекирскій; въ княжествѣ Познанскомъ — самъ маіоръ Людвигъ Мирославскій *).

Въ Галиціи и Краковѣ возстаніе готовили: нѣкто

---

*) Бергъ, стр. 71.

Тисовскій и Альціата. Первый былъ изъ мелкихъ дворянъ, управляющій одного изъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ *), а второй — человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія—пріѣхалъ изъ Германіи, и былъ однимъ изъ главныхъ членовъ „Централизаціи".

Мирославскій, прежде чѣмъ возвратиться изъ Кракова въ Познань, составилъ общій планъ возстанія и написалъ инструкціи отдѣльнымъ начальникамъ. Мы не будемъ передавать всѣ подробности стратегическихъ соображеній Мирославскаго: они изложены талантливымъ историкомъ „Польскихъ заговоровъ и возстаній"**), но замѣтимъ только, что, по инструкціямъ Мирославскаго, революціонные, еще не существовавшіе, отряды овладѣвали городами, двигались на большихъ пространствахъ, поддерживали другъ друга, соединялись и снова раздѣлялись, словомъ—распоряжались въ странѣ, какъ это могла бы дѣлать сильная армія среди разстроенныхъ и слабо вооруженныхъ непріятельскихъ силъ.

Домбровскій въ началѣ февраля прибылъ въ Варшаву. При помощи варшавскаго купца Добрича набраны были офицеры его дѣйствующаго отряда; это были: двое студентовъ и одиннадцать мелкихъ чиновниковъ. Въ разныхъ экипажахъ и стараясь выѣхать изъ Варшавы, не возбуждая подозрѣній полиціи, все это общество съ Домбровскимъ во главѣ отправилось въ подваршавское имѣніе жены Домбровскаго — Куфлевъ.

---

*) О Тисовскомъ см. въ прилож. № 57 разговоръ фельдмаршала съ Mr Д.

**) Бергомъ. Изданіе „Русскаго Архива" 1873 года.

Согласно инструкціи Мирославскаго, слѣдовало начать движеніе захватомъ крѣпости Иванъ-городъ или города Сѣдльцы. Но прежде всего предстояло собрать и вооружить крестьянъ. Начались съ ними переговоры; старались уговорить ихъ идти „на большую охоту". Крестьяне догадались въ чемъ дѣло, но рѣшительно ни на какія увѣщанія не поддавались; о возстаніи становилось даже опаснымъ заговаривать съ ними. Въ это время въ Куфлевъ явился помѣщикъ, изъ имѣнія, лежавшаго въ 10-ти верстахъ отъ Сѣдлецъ, нѣкто Панталеонъ Потоцкій.

Насколько можно судить по извѣстнымъ дѣйствіямъ Потоцкаго, это былъ человѣкъ не вполнѣ нормальный. Ему грезились вездѣ повстанцы десятками тысячъ, однѣ варшавскія окрестности должны были, по его мнѣнію, выставить 30 тыс. вооруженнаго войска. Совѣщанія съ нимъ кончились тѣмъ, что Домбровскій объявилъ намѣреніе идти на Иванъ-городъ, а Потоцкій съ тремя „офицерами" отряда Домбровскаго отправился въ свое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы 21-го февраля захватить городъ Сѣдльцы, гдѣ, по его убѣжденію, поджидала его вполнѣ готовая и многочисленная революціонная организація.

Домбровскій, оставшись въ Куфлевѣ, помышлялъ только, какимъ бы способомъ поскорѣе бѣжать за границу, что̀ ему дня черезъ два и удалось. Въ это время Потоцкій, съ тремя офицерами, поилъ въ своемъ имѣніи крестьянъ виномъ и уговаривалъ ихъ идти съ нимъ на охоту. Крестьяне и тутъ, какъ въ Куфлевѣ, догада-

лись въ чемъ дѣло и на отрѣзъ объявили „что бунтовать не пойдутъ.“ Однако человѣкъ около 9-ти, совершенно пьяныхъ, кричали, что готовы идти „въ огонь и въ воду съ паномъ.“ Затѣмъ всѣ, съ заряженными ружьями, сѣли въ сани и поѣздъ двинулся, около 12-ти часовъ ночи 21-го февраля н. ст., въ г. Сѣдльцы. Дорогой 2—3 человѣка изъ крестьянъ свалились съ саней и убѣжали. Потоцкій во 2-мъ часу ночи вошелъ въ городъ, оставя лошадей и сани у заставы.

Планъ нападенія, сочиненный незадолго до отъѣзда самимъ Потоцкимъ, былъ слѣдующій: „Прежде „всего ударить на гауптвахту, перебить тамъ солдатъ „и ружья ихъ роздать мѣстной революціонной органи-„заціи, которая, безъ сомнѣнія, не замедлитъ явиться „на выстрѣлы. Потомъ, захвативъ въ уѣздномъ казна-„чействѣ и въ провіантской коммисіи деньги (которыхъ „считали не менѣе милліона рублей) идти на собраніе, „гдѣ долженъ быть балъ; перебить тамъ всѣхъ рус-„скихъ, между прочимъ ненавистнаго всѣмъ начальника „уѣзда Гинча, арестовать начальника гарнизона гене-„рала Ладыженскаго и вынудить у него приказаніе вой-„скамъ, какое будетъ потребно. Въ собраніи вѣроятно „еще пристанетъ нѣсколько народу; тогда идти и осво-„бодить арестантовъ, снабдить ихъ оружіемъ гарнизона, „а далѣе дѣйствовать по усмотрѣнію“ *).

На гауптвахтѣ заговорщики бросились внезапно на часового и ударили его въ бокъ кинжаломъ. Солдатъ,

---

*) Бергъ, l. c.

застонавъ, упалъ. Шумъ и стоны раненаго вызвали вниманіе караула. Двери растворились и въ нихъ выглянуло нѣсколько головъ. Потоцкій съ товарищами дали по нимъ залпъ, ранили одного солдата, послѣ чего всѣ побѣжали къ казначейству. Въ казначействѣ произошла та же исторія: бросились на часового, ранили его, а потомъ стрѣляли въ проходящихъ: одного солдата и жандарма. Сочтя ихъ убитыми, Потоцкій, съ своей командой, побѣжалъ къ собранію. Крестьяне хотя шли за нимъ, но старались держаться поодаль.

Въ собраніи праздновали конецъ масляницы — балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Большинство поляковъ, бывшихъ тамъ, дѣйствительно знали о намѣреніи Потоцкаго и поджидали его.

Потоцкій, со своими сообщниками, вбѣжалъ въ переднюю съ крикомъ: „кто полякъ, соединяйся со мною“, и вмѣстѣ съ тѣмъ выстрѣлилъ и ранилъ стоявшихъ тутъ жандармскаго унтеръ-офицера и 2-хъ служителей, находившихся при шинеляхъ. Однако поляки, наполнявшіе залы собранія, хотя, какъ мы сказали, поджидали Потоцкаго, но всѣ послѣдовали за дамами, которыя въ испугѣ бросились въ заднія комнаты, успокаивая ихъ словами: „*не бойтесь — это наши*“.

Въ передней къ выходу стали собираться офицеры съ уѣзднымъ начальникомъ Гинчемъ; Потоцкій, увидавъ ихъ, выбѣжалъ съ своей компаніей на улицу и, опасаясь преслѣдованія, скрылся въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Крестьяне его были арестованы, безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Они только молча слѣдовали

по улицамъ за Потоцкимъ, не принимая никакого участія въ его убійствахъ.

На другой день, т. е. 22-го февраля, Потоцкій былъ захваченъ съ товарищами въ лѣсу мѣстными крестьянами и представленъ по начальству.

При этомъ нельзя не замѣтить, что крестьяне, задержавшіе заговорщиковъ, дѣйствовали безъ всякаго внушенія или приказанія; начальство не успѣло еще оповѣстить о бывшемъ происшествіи сосѣднія къ Сѣдльцамъ деревни.

Въ Краковѣ и въ Галиціи послѣдствія общаго польскаго заговора были нѣсколько серьезнѣе. Днемъ раньше назначеннаго дня, въ ночь съ 8-го на 9-е, стали собираться вокругъ Кракова банды, довольно значительныя. Австрійское правительство было заранѣе объ этомъ предувѣдомлено; еще за три дня передъ тѣмъ австрійскій отрядъ (1,300 человѣкъ пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи и 6 орудій), подъ начальствомъ генерала Коллинъ-де-Кольштейна, вступилъ въ Краковъ. Не смотря на то, революціонныя банды пытались проникнуть въ городъ. Австрійскія войска заставили ихъ разбѣжаться, при чемъ въ самомъ городѣ войска вырѣзали цѣлый домъ, изъ котораго былъ данъ залпъ по австрійской пѣхотѣ. Казалось, все было кончено, но на слѣдующій день, 22-го февраля н. ст., генералъ Коллинъ неожиданно очистилъ городъ и отступилъ во внутрь страны. Вслѣдъ за нимъ выѣхали: президентъ сената съ своими помощниками и полицейскія власти.

Трудно объяснить, почему австрійскія войска от-

ступили и такимъ образомъ передали Краковъ въ руки революціи или, вѣрнѣе, анархіи, потому что почти ежедневно одна партія возставала противъ другой и въ самомъ Краковѣ происходили постоянныя волненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Кракова посылались во всѣ мѣста Галиціи манифесты Тисовскаго, призывавшіе поляковъ къ оружію. Во всей Галиціи стали быстро формироваться повстанскія шайки, которыя прежде всего бросились въ казначейства мелкихъ галиційскихъ городовъ и грабили тамъ казенныя деньги. Испуганные бургомистры и кригсъ-коммисары Галиціи обратились за помощью къ хлопству (крестьянству) противъ революціи пановъ. Крестьяне ринулись на дворянъ-помѣщиковъ. На пространствѣ нѣсколькихъ округовъ дома и хутора помѣщиковъ были разграблены и сожжены. Конечно, всѣ тѣ дворяне, которые могли, разбѣжались, многіе спаслись бѣгствомъ въ Царство Польское; но тѣмъ не менѣе до 800 семействъ дворянскихъ были вырѣзаны. Въ одномъ Торковскомъ округѣ убито было 180 человѣкъ дворянъ и при томъ такъ жестоко, что только 16 можно было кое-какъ узнать въ лицо.

Эти происшествія тѣмъ болѣе тягостны и печальны для славы австрійскаго правительства, что нельзя отвѣтственность этой кровавой драмы возложить только на второстепенные правительственные органы — Вѣна не могла не знать о томъ, что дѣлается въ Галиціи. Тисовскій, между тѣмъ, продолжалъ управлять Краковомъ,

несмотря на постоянныя интриги и уличныя волненія его сообщниковъ.

Фельдмаршалъ въ началѣ февраля собирался въ Петербургъ,—его остановили происшествія въ Сѣдльцахъ и въ Краковѣ. Еще передъ тѣмъ имѣя свѣдѣнія, что въ Познани собираются помѣщики, заготовляютъ оружіе и лошадей, и что вообще революціонное движеніе на западныхъ границахъ Польши усиливается, кн. Варшавскій выставилъ казачьи полки вдоль западныхъ границъ и увеличилъ составъ пограничной стражи *). По полученіи же извѣстія о сѣдлецкомъ происшествіи, фельдмаршалъ разослалъ по всему Царству офицеровъ, которымъ приказано было прослѣдить: не замѣчается ли гдѣ нибудь революціонное движеніе, и если что нибудь будетъ замѣчено, немедленно, собравъ расквартированныя въ мѣстности войска, распорядиться быстро и энергично.

Нѣкоторыя, застигнутыя врасплохъ, мелкія банды (у австрійской границы) были схвачены и виновные подвергнуты столь же быстрому суду и строгому наказанію. Все, что, можетъ быть, еще думало поднять голову, спряталось и затихло. Кое-гдѣ начали собираться помѣщики *„на охоту“*, но немедленно разъѣхались по своимъ угламъ. А тѣмъ временемъ слѣдственная коммисія менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ окончила дѣло о захваченныхъ лицахъ. По судебному приговору, Потоцкій и

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю въ концѣ января (дата на черновой не обозначена) 1846 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

его два офицера, Коцышевскій и Жарскій, были повѣшены, остальные сосланы въ Сибирь.

Не ожидая распоряженій изъ Петербурга, фельдмаршалъ объявилъ военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ и, пославъ о томъ донесеніе Государю, испрашивалъ Высочайшее утвержденіе принятой имъ мѣры. Военное положеніе, по Высочайшему повелѣнію, было объявлено не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Волыни и Подоліи. Конечно, Государь сознавалъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при трудныхъ сообщеніяхъ того времени, фельдмаршалъ былъ вынужденъ принимать на себя иниціативу распоряженій, превышающихъ его полномочія *). Приходилось иногда даже не исполнять Высочайшія повелѣнія. Такъ, напримѣръ, Государь, повелѣвъ объявить военное положеніе, тогда же приказалъ собрать *„сейчасъ же“* всѣхъ безсрочно отпускныхъ Царства Польскаго и привести въ военное положеніе 4-й корпусъ. Эти два повелѣнія не были исполнены. Фельдмаршалъ донесъ Его Величеству, что какъ призывъ безсрочныхъ, такъ и приведеніе 4-го корпуса въ военное положеніе, по объяснившимся обстоятельствамъ, безполезны, но стоили бы казнѣ значительныхъ затратъ. Намѣстникъ Царства Польскаго писалъ Государю, что приведеніе 4-го корпуса въ военное положеніе выразило бы нѣкоторое опасеніе за спокойствіе Царства Польскаго и тѣмъ придало бы значеніе ничтож-

---

*) Письма Государя отъ 14-го (26-го) и 16-го (28-го) февраля 1846 г. Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1846 г., въ числѣ 27-ми, помѣщены въ прил. № 58.

нымъ бандамъ, уже несуществовавшимъ, когда получено было въ Варшавѣ Высочайшее о томъ повелѣніе.

Князь Варшавскій придавалъ военному положенію значеніе предупредительной мѣры, долженствовавшей обезпечить будущее спокойствіе края, подчинивъ революціонный элементъ страны военно-полицейскому надзору, стѣснительность и пользу котораго фельдмаршалъ разъяснялъ слѣдующимъ образомъ:

„Безпрестанныя", писалъ князь Варшавскій, „такъ „сказать, вспышки къ бунту въ Царствѣ Польскомъ „сдѣлали то, что нужно было дать отдѣльнымъ воин„скимъ начальникамъ и даже ротнымъ командирамъ, въ „кругу ихъ расположенія, власть брать кого хотятъ и „представлять за карауломъ. Преступниковъ необходимо „казнить смертію и судить по полевому положенію. Это „и выдача большихъ суммъ для войскъ заставили меня „просить объявить Польшу въ военномъ положеніи. „Распоряженіе, которое даетъ теперь власть даже рот„нымъ командирамъ, есть одно средство удержать не„истовое дворянство и шляхту въ повиновеніи. Они, „дворяне, шляхта и другіе, болѣе мѣсяца держатъ въ „страхѣ хорошихъ и честныхъ гражданъ. Тѣмъ же на„добно и имъ отплатить, за страхъ — страхомъ. На„добно, чтобы онъ, вечеромъ засыпая, боялся ночью „быть взятымъ подъ караулъ. А какъ, въ продолженіе „дня, дѣла его и слова почти всегда противозаконны, „то онъ уснетъ очень дурно. Такимъ образомъ, не годъ, „не два, но три, четыре продержать ихъ въ страхѣ; и „тогда возвысятся военные, всѣ русскіе и честные

„граждане, а дворяне, шляхта и другіе, терпя всег-
„дашнюю опасность, смирятся. Разумѣется, что нѣко-
„торыя изъятія личныя будутъ“ *).

Князь Варшавскій весьма скоро узналъ о революціи въ Краковѣ и какъ только получены были свѣдѣнія, что генералъ Коллинъ отступилъ во внутрь края и очистилъ городъ, такъ немедленно приказалъ начальнику 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Панютину, сосредоточить въ городѣ Кельцы большой отрядъ въ 10 баталіоновъ пѣхоты при 20-ти орудіяхъ, 13-ти сотняхъ казаковъ и 4-хъ эскадронахъ кавалеріи. Но покуда этотъ отрядъ собирался, генералу Панютину приказано было идти немедленно въ Краковъ съ тѣми силами, которыми онъ располагалъ въ то время, т. е. съ 3-мя баталіонами пѣхоты, 3-мя сотнями казаковъ и 4-мя, подъ начальствомъ князя Бебутова, сотнями горцевъ при 12-ти орудіяхъ.

Панютинъ нѣсколько медлилъ. Князь Паскевичъ послалъ къ нему генералъ-маіора Безака съ приказомъ: „Идти сейчасъ съ 3-мя баталіонами, артиллеріей и ка-
„заками, какіе у васъ уже есть, и отрядомъ князя Бе-
„бутова, впередъ къ Михаловице, а Краковъ окружите
„казаками. Бояться нечего, стыдно! Держитесь и дер-
„жите бунтовщиковъ въ страхѣ“.

Недоумѣвая относительно отступленія австрійскаго генерала изъ Кракова, фельдмаршалъ допускалъ, что

*) См. въ прил. № 59 сообщенное Ад. П. Берже письмо фельдмаршала къ Государю отъ 19-го февраля 1846 года.

можетъ быть въ Краковѣ образовались болѣе или менѣе значительныя шайки, имѣющія видъ регулярныхъ войскъ, а потому въ предписаніи командиру 3-го корпуса, генералу Ридигеру (въ составѣ котораго находилась 8-я дивизія Панютина), начерталъ краткую инструкцію для предстоящихъ боевыхъ дѣйствій. „Артиллерія", писалъ онъ, „должна разстроить непріятеля. Она дѣй-„ствуетъ предпочтительно прежде и пѣхота отнюдь не „должна ее заслонять. Если непріятель выдержитъ кар-„течь, послать пѣхоту, которая должна быть въ двухъ „линіяхъ, никакъ не въ одной. Потомъ кавалерію. „Мусульманъ не посылать въ атаку на пѣхоту, ибо „они будутъ только горячиться, а употреблять ихъ „только въ перестрѣлкахъ и фланкерахъ противъ ка-„валеріи, равно на флангахъ, когда атакуютъ казаки".

Въ концѣ этого предписанія фельдмаршалъ собственноручно прибавилъ: „А лучше, чтобы онъ (Панютинъ), по полученіи сего предписанія, форсированно „пошелъ до Мѣхова; ибо, ставши тамъ, онъ ближе бу-„детъ къ секкурсамъ, которыя идутъ изъ Пруссіи или „Австріи. Ему же нечего бояться. Странно будетъ, „если австрійцы или пруссаки прежде насъ придутъ. „А генералу Панютину нечего опасаться".

19-го февраля Панютинъ вошелъ въ Краковъ. Наканунѣ, т. е. 18-го февраля, Государь, въ Петербургѣ, писалъ фельдмаршалу: „Вчера рано утромъ получилъ „я письмо твое, любезный отецъ командиръ, съ неожи-„даннымъ извѣстіемъ оставленія австрійцами Кракова. „Сколь ни непонятна подобная мѣра, однако, соображая

„съ прочими извѣстіями изъ Галиціи, кажется припи-
„сать это можно или ненадежности войскъ или опасе-
„нію быть отрѣзанными отъ своихъ главныхъ силъ.
„Ты очень хорошо сдѣлалъ, что собираешь значитель-
„ный отрядъ, дабы ничего не компрометировать; но
„вели теперь *Панютину* идти брать Краковъ и, ежели
„защищаться будетъ, *городъ не щадить и бомбардиро-
„вать;* надо это гнѣздилище въ зародышѣ уничтожить,
„*но не грабить*“ *).

Краковскія дѣла, повидимому, безпокоили Государя. Два дня спустя, т. е. 20-го февраля, Его Величество снова пишетъ фельдмаршалу: „Взять Краковъ coûte „que coûte; сдадутся—тѣмъ лучше, нѣтъ—брать силой „и *непремѣнно взять*“.

Когда 18-го февраля къ Кракову подходилъ Панютинъ, то диктаторъ Тисовскій, чрезъ высланныхъ депутатовъ отъ городского совѣта, вступилъ въ переговоры съ генераломъ Коллиномъ, но, получивъ извѣстіе о движеніи Панютина, онъ сейчасъ же прекратилъ переговоры съ австрійцами, быстро собралъ свой отрядъ (около 900 косиньеровъ, 200 стрѣлковъ и 200 кавалеристовъ) и съ огромной свитой направился къ границѣ Пруссіи. Между тѣмъ городское управленіе (такъ называемый въ то время „комитетъ общественной безопасности“) поспѣшно выслало депутатовъ своихъ къ генералу Панютину съ завѣреніемъ его расположенія къ русскимъ.

---

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 18-го февраля (2-го марта) 1846 года.

При вступленіи Панютина въ Краковъ, жители кричали: „Да здравствуетъ русскій императоръ!“

Нѣсколько сотенъ казаковъ были посланы вослѣдъ Тисовскому, но онъ былъ уже у прусскаго города Холмы, гдѣ повстанцы сожгли бумаги, прокламаціи, раздѣлили между собою, собранныя для революціи, деньги и сложили оружіе передъ прусскимъ отрядомъ.

Черезъ три часа послѣ Панютина вступили въ Краковъ австрійцы, имѣя 5 ротъ пѣхоты и 2 эскадрона кавалеріи.

Тремя днями позже прусскія войска (2 баталіона пѣхоты и 4 эскадрона кавалеріи) расположились на краковской территоріи въ мѣстечкѣ Хшаново. Немедленно было учреждено временное союзное военное управленіе, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта графа Кастильони.

Что касается возстанія въ Познани, то хотя Мирославскій съ Бѣсикирскимъ и другими заговорщиками успѣли объѣхать часть Познани и вручить нѣкоторымъ личностямъ свои инструкціи, но 8-го февраля онъ со всѣми главарями возстанія былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ; то же самое произошло и въ Силезіи *).

Такъ окончилось задуманное возстаніе 1846—1847 г.

Оставалось рѣшить участь занятаго союзными войсками Кракова и его территоріи.

---

*) О броженіи умовъ въ Познани см. въ прил. № 60 разговоръ фельдмаршала съ гр. Лубинскимъ (Лубенскимъ).

Князю Варшавскому было извѣстно, что еще въ Теплицѣ, 6 лѣтъ передъ тѣмъ, условлено было между тремя державами уступить Краковъ съ его территоріей Австрійской Имперіи, но съ тѣхъ поръ обстоятельства нѣсколько измѣнились. Быстрымъ окончаніемъ краковскихъ безпорядковъ Австрія была обязана движенію русскихъ войскъ; затѣмъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV, опасаясь протестовъ Англіи и Франціи, вовсе не былъ расположенъ дать согласіе на уничтоженіе Краковской республики, и склонить его къ тому могло только настоятельное требованіе русскаго императора.

Такимъ образомъ, Краковская республика и ея участь были вполнѣ въ рукахъ русскаго правительства и князю Варшавскому казалось справедливымъ, въ данномъ случаѣ, доставить Россіи хотя какія нибудь выгоды.

Въ этихъ видахъ фельдмаршалъ предлагалъ Государю: краковскую территорію раздѣлить между тремя державами, а такъ какъ на всей территоріи считается до 140 тыс. жителей, то на каждую часть прійдется около 46 тыс. При этомъ дѣленіи, согласно теплицкому предварительному соглашенію, австрійцы могли бы занять городъ Краковъ, а Пруссія и Россія территоріи, смежныя съ ихъ границами. Если же Его Величеству не угодно будетъ присоединить часть краковской территоріи къ своимъ владѣніямъ, то, писалъ фельдмаршалъ Государю, „отдадимъ ее австрійцамъ съ заплатою намъ „въ нѣсколько лѣтъ *солью*, которую мы теперь у нихъ „покупаемъ. Если милліона два серебромъ намъ дадутъ,

„весьма достаточно будетъ; на сіе они скоро согла-„сятся, ибо не деньгами платить, а солью и въ нѣ-„сколько лѣтъ. Но сначала надобно настаивать, чтобы „раздѣлить на три части было условіе. Такимъ образомъ „мы избавимся сего бунтовщицкаго гнѣзда. Лучше бы „было сначала не говорить, что мы свою часть отдаемъ „австрійцамъ, чтобы не встрѣтить противодѣйствія въ „Пруссіи“ *).

Государь не соглашался съ мнѣніемъ князя Паскевича. „Брать себѣ ничего не хочу“, отвѣчалъ Его Величество. „Дѣло рѣшено еще въ Теплицѣ, Краковъ „долженъ быть австрійскимъ, а не прусскимъ; такъ „этому и быть. Но ежели хотятъ австрійцы помѣняться „и отдать мнѣ Галицію, взамѣнъ Польши, по Бзуру „и Вислу, отдамъ и возьму Галицію сейчасъ, ибо нашъ „старый край“ **).

Князь Варшавскій не отстаивалъ своего мнѣнія по краковскому дѣлу, но, признавая, что „замѣнъ Галиціи „на часть Польши — мѣра настоящая Великаго Россій-„скаго Государя“ ***), онъ тѣмъ не менѣе сомнѣвался въ возможности ея осуществленія. Въ особенности, какъ кажется, потому, что австрійцамъ несравненно легче и удобнѣе управлять Галиціею, въ которой постоянно борются двѣ національности (русская и польская), чѣмъ

---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 3-го (15-го) марта 1846 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо изъ Москвы отъ 14-го (26-го) марта. Прил. № 58.

***) Письмо фельдмаршала къ Государю 4-го (16-го) апрѣля. Сем. арх. кн. Паскевича.

краемъ съ сплошнымъ польскимъ населенiемъ. „А затѣмъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „въ части той „Галицiи, которая была въ старину русская, или гдѣ „теперь православные, а особливо унiаты, жителей болѣе 2,200,000. Въ части же, которую Вамъ угодно „уступить имъ, только 1,600,000“ *).

Галицiйскiя кровавыя происшествiя не могли не отозваться на настроенiи крестьянъ не только Галицiи, но и Познани, Царства Польскаго, Волыни и Подолiи. Эрцгерцогъ Фердинандъ (управлявшiй Галицiею) жаловался, что крестьяне, послѣ жестокой расправы съ дворянами, отказываются во многихъ мѣстностяхъ платить подати.

Въ Царствѣ Польскомъ, почти во всѣхъ мѣстахъ безъ исключенiя, крестьяне выказали полную преданность правительству, а также стремленiе преслѣдовать и ловить заговорщиковъ и революцiонныя банды.

Щедро награждая ихъ, фельдмаршалъ былъ, однако, вынужденъ принять строгiя мѣры относительно крестьянъ южной части Польши, также отказавшихся платить подати. Затѣмъ въ Мѣховскомъ уѣздѣ (и въ другихъ мѣстахъ на югѣ Царства Польскаго) крестьяне нѣсколькихъ деревень стали хватать, вязать и приводить въ уѣздные города ни въ чемъ неповинныхъ помѣщиковъ. Движенiе это было энергично остановлено фельдмаршаломъ въ самомъ его началѣ и вскорѣ все стало спокойно. Государь писалъ фельдмаршалу изъ

*) Тамъ же.

Москвы *): „Ты очень хорошо сдѣлалъ, что воли мужикамъ не даешь; ихъ дѣло слушаться и подъ предлогомъ усердія не нарушать порядка и повиновенія.“

Послѣ учрежденія временнаго военно-союзнаго управленія въ Краковѣ, фельдмаршалъ отправилъ въ Берлинъ генералъ-адъютанта Берга съ особымъ порученіемъ. Оффиціально генералу Бергу поручено было объяснить берлинскому кабинету вредное вліяніе, которое оказываютъ познанскія газеты, поддерживая въ Польшѣ духъ возстанія и революціи, и войти въ переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ относительно покровительства, оказываемаго познанскими властями бѣглымъ политическимъ преступникамъ Царства Польскаго; но главное и неоффиціальное порученіе генерала Берга заключалось въ томъ, чтобы склонить короля прусскаго къ согласію на уничтоженіе Краковской республики и присоединеніе ея территоріи къ Австрійской Имперіи.

Донося Государю, въ письмѣ отъ 14-го (26-го) марта, о данномъ порученіи Бергу, фельдмаршалъ выражалъ сомнѣніе, чтобы легко было уговорить короля прусскаго согласиться на вышесказанное рѣшеніе будущей участи Кракова. Общественное мнѣніе въ Пруссіи рѣшительно высказывалось противъ такого рѣшенія. Кромѣ того, король Фридрихъ Вильгельмъ IV опасался въ данномъ дѣлѣ неудовольствія Франціи. „Общественное мнѣніе,“ писалъ фельдмаршалъ Государю, „въ Пруссіи составляется среднимъ классомъ, т. е. гражда-

*) 14-го (26-го) марта.

„нами, отъ банкира до сапожника, и чиновниками, ко-„торые такъ сильны въ Пруссіи и всѣ заражены ду-„хомъ своевольства. Партія эта," добавлялъ фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ къ Государю, „никогда не ду-„мала о народѣ, т. е. поселянахъ и крестьянахъ; кре-„стьяне же, чувствуя, что одни правительства о ихъ „благѣ пекутся, не послушались бунтовщиковъ и во-„оружились противъ нихъ. Такими дѣйствіями крестьяне „сняли маску съ средняго сословія, которое съ 1793 „года называло себя народнымъ. Я сказалъ: маска снята, „и они сего очень боятся; она снята не только со „шляхты польской, которая, будучи во всегдашнемъ воз-„мутительномъ положеніи, вездѣ и во всякое время при-„стаетъ къ бунту, но со средняго состоянія въ цѣлой „Европѣ — и вотъ истинная причина, отчего всѣ люди „сей партіи такъ ожесточены."

Дѣйствительно, король прусскій отказался дать согласіе на уничтоженіе Краковской республики. Повидимому, былъ поводъ королю прусскому особенно опасаться неудовольствія средняго класса, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Германіи. Пруссія переживала тогда тяжелое время. Генералъ-адъютантъ Бергъ, возвратясь изъ Берлина, говорилъ, какъ писалъ фельдмаршалъ Государю 4-го (16-го) апрѣля, что „6 разъ уже собира-„лись въ Берлинѣ разсуждать о конституціи. Изъ про-„винцій Силезіи, Помераніи и Старой Пруссіи пишутъ, „что тамъ безъ всякаго зазора, не боясь никого и ни-„чего, громко говорятъ, что надобно требовать консти-„туцію, если же не дастъ король, *то и безъ него обой-*

„*тись*; послѣднее я въ первый разъ слышу; видно, „правда, ибо прежде не говорили и ко мнѣ не доходило.“

Начались переговоры съ королемъ прусскимъ. Государь писалъ въ Берлинъ и Вѣну, что если „по теплицкому условію *кончить Краковъ* не хотятъ — я *кончу*“ *).

Отклоняя вопросъ о Краковѣ, король просилъ Государя, „чтобы переданныхъ изъ Пруссіи“ политическихъ преступниковъ Царства Польскаго „не казнить „смертію и не ссылать въ Сибирь. На первое,“ писалъ Государь, „могу согласиться, на второе же нѣтъ; самъ „Іисусъ Христосъ изгналъ плетью изъ храма воровъ— „не въ долгѣ ли мы очистить край нашъ отъ разбой„никовъ? Далѣе хочетъ онъ предложить, чтобы всѣ мы „сложились, чтобъ отослать въ Америку всѣхъ бунтов„щиковъ, т. е дать имъ возможность или дорогой бун„товать, или изъ Америки воротиться когда захотятъ. „Непонятно!“ **).

Австрійское правительство, съ своей стороны, въ вопросахъ, относящихся до управленія Галиціи, дѣйствовало нѣсколько двойственно. Съ одной стороны оно допустило крестьянскую рѣзню въ Галиціи, съ другой — сильная католическая партія въ Вѣнѣ, находясь подъ польскимъ вліяніемъ, оказывала покровительство польскимъ національнымъ стремленіямъ. При такихъ данныхъ, рѣшеніе краковскаго вопроса представлялось не легкою задачею, но и спокойствіе въ Царствѣ Поль-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 28-го февраля (12-го марта) 1846 г. Прил. № 58.

**) Письмо къ фельдмаршалу 9-го (21-го) апрѣля 1846 г. Тамъ же.

скомъ возможно было только при томъ паническомъ страхѣ, который князь Варшавскій съумѣлъ внушить революціонерамъ подвѣдомственнаго ему края. Въ этомъ было убѣждено все населеніе Польши и всѣ главари польской эмиграціи. Вездѣ, во всѣхъ польскихъ документахъ того времени, выражается всеобщее мнѣніе, что не будь „Эривана“ возстаніе 1846 года несомнѣнно удалось бы *). Эмиграція прибѣгла тогда къ послѣдней мѣрѣ: убить „Эривана.“ За это взялись нѣсколько взрослыхъ варшавскихъ гимназистовъ. Брошенъ былъ между ними жребій, но ученикъ 7-го класса 1-й варшавской гимназіи Антонъ Рудскій, хорошій стрѣлокъ изъ ружья и пистолета, вызвался убить „Эривана.“

Заговоръ былъ открытъ, Рудскій и его сообщники арестованы. Государь, узнавъ объ этомъ, умолялъ фельдмаршала быть осторожнымъ „болѣе, чѣмъ когда-либо,“ а виновныхъ приказалъ предать суду по полевому положенію. „Ежели въ гимназіи сей много виновныхъ,“ писалъ Государь 22-го апрѣля, „*вели ее закрыть*, а „сумму, на нее опредѣленную, обратить на покупку до„мовъ подъ эспланаду цитадели. Мальчишекъ изъ нея „возвратить родителямъ, а учителей выслать въ Россію, „ежели *чуть* сомнительны; такъ и впредь поступать.“ Фельдмаршалъ не нашелъ нужнымъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ 1846 года, когда политическая полиція Царства Польскаго открыла опасное общество, такъ называемое „коммунистовъ,“

*) Записки Берга, стр. 126.

имѣвшее связь съ Познанью и съ Галиціею, и одновременно замѣчено было участіе какъ въ этомъ обществѣ, такъ вообще во всѣхъ политическихъ заговорахъ учениковъ высшихъ классовъ гимназій, то тогда же состоялось распоряженіе намѣстника Царства Польскаго о закрытіи въ варшавскихъ гимназіяхъ юридическихъ курсовъ и трехъ высшихъ классовъ.

О тайномъ обществѣ коммунистовъ фельдмаршалъ доносилъ Государю: „*Они ничего на бумагѣ не дѣлаютъ*. Принимаетъ одинъ только 5, которыхъ онъ и „знаетъ. И такъ, только онъ знаетъ, кто его принялъ „и 5, которыхъ онъ принялъ" *). Участіе въ особенности въ этомъ обществѣ учениковъ высшихъ классовъ вынудило, какъ кажется, фельдмаршала закрыть эти классы. Но, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія, высшіе классы варшавской реальной гимназіи закрыты не были **).

Заговоръ Антона Рудскаго, выражая собою не внутреннее настроеніе гимназій, а случайное, внѣшнее вліяніе дѣятелей революціонной эмиграціи, не вызывалъ необходимости въ особыхъ общихъ мѣрахъ.

Между тѣмъ король прусскій, не смотря на убѣжденія Государя Николая Павловича, все еще не соглашался на уничтоженіе Краковской республики.

Кромѣ опасеній общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, король имѣлъ въ виду общее настроеніе парижскихъ

*) Письмо 24-го января 1846 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Дѣло Д—та народнаго просвѣщенія № 83982 и Сб. постан. по м—ству нар. просв., т. II, стр. 803—811.

либераловъ. Въ то время Франціею управляло министерство Гизо, вполнѣ дружелюбно расположенное къ прусскому правительству. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV опасался, что министерство это не удержится, какъ только Краковъ будетъ присоединенъ къ Австріи. Затѣмъ берлинскій кабинетъ выражалъ опасеніе, что нарушеніе одной изъ статей вѣнскаго трактата можетъ дать поводъ вообще къ нарушенію всякихъ трактатовъ. На это Государь Николай Павловичъ указывалъ на Бельгію, отдѣльное существованіе которой есть несомнѣнное нарушеніе вѣнскаго трактата *). При обсужденіи этого вопроса, австрійское правительство хотя соглашалось на присоединеніе краковской территоріи, но желало предоставить одной Россіи убѣждать Пруссію въ необходимости этой мѣры. Повидимому, въ Вѣнѣ двойственность направленія правительства, т. е. ультра-католическаго (придворные) и самодержавнаго (князь Меттернихъ), придавало нерѣшительный характеръ всѣмъ дѣйствіямъ и сношеніямъ вѣнскаго кабинета, и только благодаря нѣсколько повелительному убѣжденію Государя Николая Павловича, Меттернихъ рѣшился объявить берлинскому кабинету, что Австрія вмѣстѣ съ Россіею рѣшила уничтожить Краковскую республику. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года, благодаря этимъ настояніямъ, присоединіе Кракова съ его территоріей къ Австріи состоялось. Нѣсколько на-

---

*) Письмо къ фельдмаршалу 22-го апрѣля (4-го мая) 1846 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

тянутыя въ то время отношенія между Англіею и Франціею способствовали безмолвному согласію Европы *).

Причины безпорядковъ, происходившихъ въ 1846 г. во всѣхъ земляхъ бывшаго королевства Польскаго, и тѣ обстоятельства, которыя они выяснили, не были вполнѣ ясно сознаваемы въ Петербургѣ. Нельзя было обвинить все населеніе Польши въ революціонныхъ стремленіяхъ; необходимо было указать на тѣ слои населенія, которые не сочувствовали мятежнымъ движеніямъ. Князь Варшавскій, въ особой запискѣ, поданной имъ Государю въ маѣ 1846 года, подробно изложилъ имѣвшіяся у него по этимъ вопросамъ свѣдѣнія и освѣтилъ ихъ выводами, добытыми 15-ти лѣтнимъ изученіемъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ.

„Источникъ", писалъ фельдмаршалъ, „откуда про„истекаютъ всѣ безпокойства въ разныхъ частяхъ быв„шей Польши есть безъ сомнѣнія польская эмиграція „въ Парижѣ и Лондонѣ". Эмиграція раздѣляется на двѣ партіи: демократическую и аристократическую. Намѣстникъ Царства Польскаго придавалъ особо важное значеніе первой, какъ весьма дѣятельной и безпокойной, состоящей изъ лицъ средняго состоянія, „часто", прибавляетъ фельдмаршалъ, „не безъ способностей". Собственно наименованіе этой партіи демократическою князь Варшавскій признавалъ не вполнѣ правильнымъ—о благѣ массы народа, о поселянахъ она

---

*) Письма Государя къ фельдмаршалу, отъ 14-го ноября и 9-го декабря 1846 года. Прилож. № 58.

никогда не думала. Ближайшія ея цѣли заключались, напротивъ, въ полномъ подчиненіи себѣ низшихъ слоевъ народа и въ уничтоженіи всякаго значенія аристократіи. Сознавая, что революціонное движеніе можетъ достигнуть своихъ цѣлей только при участіи народныхъ массъ, демократическая партія старалась воздѣйствовать на крестьянъ,—но всегда безуспѣшно.

Аристократическая партія, богатая, но не рѣшительная и не смѣлая, задавалась цѣлями медленными, но можетъ быть не менѣе опасными, хотя крайне фантастическими. Она не сочувствовала отдѣльнымъ заговорамъ и безумнымъ предпріятіямъ въ родѣ тѣхъ, которыми наполняются лѣтописи истекшаго пятнадцатилѣтія (1831—1846 г.). Она замышляла общее возстаніе Польши, при явномъ, фактическомъ покровительствѣ и содѣйствіи Англіи и Франціи. Надежды эти, конечно, безумныя, потому что конечная ихъ цѣль заключалась въ европейской войнѣ изъ-за независимости Польши, имѣли однако нѣкоторое кажущееся основаніе. Франція съ Англіей покровительствовали эмиграціи, поддерживая ее и матеріяльно, и нравственно, то-есть деньгами и постояннымъ сочувствіемъ, высказываемымъ польской національности въ палатахъ. Пруссія, съ воцареніемъ короля Фридриха-Вильгельма IV, внутренней своей политикой и снисходительнымъ, нѣсколько даже покровительственнымъ отношеніемъ къ польской эмиграціи (которой она открыла свои границы) возбудила надежды, „что при общемъ движеніи она присоединится къ по„литикѣ Франціи и Англіи“. „Австрія“, писалъ далѣе

фельдмаршалъ, „при нынѣшнемъ императорѣ и эрц-„герцогѣ Людовикѣ, не показала энергіи, дозволивъ „безпрепятственно развитію духа провинціальнаго, и „если порядокъ еще держится, то это благодаря силѣ „еще прежней австрійской системы въ управленіи. Князь „Меттернихъ допускаетъ право пристанища (droit d'asile), „но съ обязанностью надзора. Такимъ образомъ преступ-„ники, законами на смерть осужденные, находятъ по-„кровительство, пособіе, а надзоръ за ихъ поступками „и происками внѣ Государства — есть только вообра-„жаемый".

Ободренная покровительствомъ Англіи и Франціи и послабленіями Австріи и въ особенности Пруссіи, аристократическая партія приступила къ объединенію всѣхъ силъ національнаго польскаго движенія. Ею была измышлена *цѣпная система пятковъ*, о которой мы уже говорили; но система эта вовсе не имѣла цѣлью немедленныя дѣйствія, напротивъ, всякое участіе въ отдѣльныхъ заговорахъ, бунтахъ, вооруженныхъ шайкахъ и т. п. признавалось опаснымъ и вреднымъ дѣйствіемъ. Требовалось только подготовлять умы, поддерживать надежды, распространяя всякаго рода ободряющія извѣстія и терпѣливо ожидать, *когда настанетъ благопріятное для общаго возстанія время*, что конечно зависѣло отъ указаній западной Европы. Массы народа должны были быть подготовляемы исподволь, обѣщаніями избавленія отъ барщины, раздачи имъ земель и освобожденія отъ платежа податей и повинностей. Впрочемъ, собственно аристократическая партія расчи-

тывала поднять народъ чрезъ духовенство, которое, опираясь на покровительство и сочувствіе папы римскаго, во всѣхъ земляхъ бывшаго королевства Польскаго старалось внушить болѣе или менѣе тайно ненависть къ правительствамъ, — русскому въ особенности. При томъ необходимо было имѣть въ виду, что всякое революціонное польское движеніе имѣло и будетъ всегда имѣть главною цѣлью своихъ усилій Варшаву, какъ по географическому ея положенію, такъ и по историческимъ ея воспоминаніямъ, но противовѣсомъ всѣхъ вышеизложенныхъ замысловъ является именно эта масса простого народа, которая, вопреки всѣмъ ухищреніямъ средняго и высшаго сословій, болѣе довѣряетъ правительству, чѣмъ дворянству, и вовсе не вмѣщаетъ въ себѣ идеаловъ польской независимости.

„Смѣю ручаться", писалъ князь Варшавскій, заканчивая свою записку, „что спокойствіе въ Царствѣ Польскомъ нарушено нынѣ не будетъ" *).

Вдумываясь въ изложенныя фельдмаршаломъ обстоятельства и соображенія, выясняется, что для русскаго правительства въ Польшѣ наиболѣе вредный элементъ— это, всеконечно, духовенство, и тѣмъ болѣе вредный, что духовенство, овладѣвая путемъ исповѣди народнымъ сознаніемъ, ускользаетъ отъ правительственнаго надзора. Тѣмъ не менѣе, какъ высказывалъ фельдмаршалъ всегда и при всѣхъ случаяхъ, религіозное гоненіе, не

---

*) См. въ прил. № 61 записку фельдмаршала съ препроводительной къ ней бумагой, май 1846 года.

приносяни малѣйшей пользы, можетъ только обострить и ухудшить положеніе дѣлъ. Только князь Варшавскій сложной системой страха и поощреній, неумолимой строгостью въ дѣлахъ политическихъ и выраженіемъ уваженія собственно въ вопросахъ религіозныхъ умѣлъ держать это духовенство въ повиновеніи.

Князь Варшавскій дѣйствительно могъ ручаться за спокойствіе края. Подробно изучившій настроеніе Польши того времени Н. Бергъ *) говоритъ, что съ 1846 года въ Царствѣ Польскомъ всѣ культурные слои населенія примирились съ положеніемъ, созданнымъ въ краѣ его управленіемъ: исчезла мысль о возможности возстанія; но сознавалась необходимость покориться, и даже въ тиши домашняго быта грозный обликъ фельдмаршала мерещился тѣмъ, которые пытались заикнуться о заговорахъ, и разговоры эти мгновенно умолкали.

Весьма вѣроятно, что высказанныя политическія соображенія побудили фельдмаршала приступить къ скорѣйшему и безотлагательному улучшенію быта крестьянъ.

26-го мая (7-го іюня) 1846 года, по предварительному докладу намѣстника Царства Польскаго, состоялся Высочайшій указъ объ улучшеніи состоянія земледѣльческаго класса. Указъ этотъ имѣлъ громадное значеніе для всего экономическаго быта Царства Польскаго. До этого указа бытъ тамошнихъ крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ зависѣлъ отъ произвола помѣщиковъ, такъ какъ обязательныя повинности крестьянъ къ помѣщику

*) „Записки“.

не были точно опредѣлены. Часть этихъ повинностей, подъ названіемъ „даремщины“, заключала въ себѣ безплатное исполненіе работъ, размѣръ которыхъ также не былъ точно опредѣленъ. Хотя другія повинности были платныя, но помѣщику предоставлялось безапеляціонно опредѣлять вознагражденіе за крестьянскій трудъ. Вообще не было опредѣлено число дней для крестьянскихъ работъ въ пользу помѣщиковъ и договоры крестьянъ съ помѣщиками не имѣли законной силы. Помѣщики могли выселять крестьянъ изъ своихъ имѣній, а равно отнимать и уменьшать крестьянскіе земельные участки. Высочайшій указъ 26-го мая (7-го іюня) уничтожилъ даремщину и принудительные наймы на работы, лишилъ помѣщиковъ права выселенія крестьянъ и уменьшенія пространства ихъ полевыхъ участковъ. Развитіе сего Высочайшаго указа и установленіе судебной инстанціи для рѣшенія споровъ крестьянъ съ помѣщиками поручены были совѣту управленія. При семъ постановлено было, что предоставляется крестьянамъ переселяться съ одного мѣста на другое, но съ условіемъ, чтобы они предупреждали о томъ помѣщика за 3 мѣсяца до окончанія хозяйственнаго года. Затѣмъ потребованы были со всѣхъ имѣній, такъ называемые, „престаціонныя табели“, съ показаніемъ, чѣмъ каждый крестьянинъ владѣетъ, какія его обязанности, какія несетъ повинности и на чемъ онѣ основаны, а табели эти должны были быть засвидѣтельствованы гминными войтами, подлежащими отвѣтственности личной и имущественной за ихъ вѣрность.

По этимъ табелямъ, были пересмотрѣны всѣ крестьянскія повинности и оставлены только тѣ, которыя были дозволены Высочайшимъ указомъ. Къ 1847 году различныя даремщины уничтожены въ 9,400 селеніяхъ, а принудительные наймы въ 7,728 селеніяхъ. Имѣній, въ коихъ не было ни даремщинъ, ни принудительныхъ наймовъ, оказалось въ Царствѣ Польскомъ къ тому времени 6,640. Впрочемъ коммисія внутреннихъ дѣлъ не вполнѣ довѣряла престаціоннымъ табелямъ, и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не было показано ни даремщины, ни принудительныхъ наймовъ, поручено было гражданскимъ губернаторамъ лично удостовѣриться въ точности показаній престаціонныхъ табелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться на мѣстахъ: дѣйствительно ли заключенныя условія между помѣщиками и крестьянами были совершены по добровольному соглашенію и безъ принужденія. Воспрещено было помѣщикамъ лишать крестьянъ пользованія угодьями въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ оно существовало до изданія Высочайшаго указа. Вообще престаціонныхъ табелей было представлено и провѣрено въ весьма короткое время 16,529 *).

Такой экономическій переворотъ не могъ, конечно, произойти безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Кое-гдѣ крестьяне отказывались отъ всякихъ повинностей и отъ всякаго, по обязательнымъ работамъ, повиновенія помѣщикамъ. Въ особенности возникли недоразумѣнія

---

*) См. въ прилож. № 62, а, б, выписки изъ полныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ намѣстника за 1846 и 1847 годы.

тамъ, гдѣ даремщина и принудительные наймы были замѣнены установленными указомъ 2-мя или 3-мя днями барщины; однако, въ общемъ, случаи эти были не многочисленны, они проявились въ 27 имѣніяхъ и немедленно были прекращены понудительными мѣрами, при чемъ только 23 человѣка крестьянъ были преданы суду.

Одновременно и въ связи съ разъясненіями Высочайшаго указа 26-го мая послѣдовало весьма важное распоряженіе коммисіи внутреннихъ дѣлъ, утвержденное намѣстникомъ, въ силу котораго помѣщикамъ воспрещалось откладывать барщину съ одного времени на другое, а барщина могла быть исполняема крестьянами только въ то время года, въ которое она опредѣлена престаціонными табелями. Многочисленныя просьбы поселянъ объ очиншеваніи ихъ (т. е. о выкупѣ всѣхъ повинностей) побудили намѣстника Царства Польскаго тогда же предписать мѣстному начальству: объяснить крестьянамъ, что вообще очиншеваніе допускается только по обоюдному добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Кромѣ того нотаріальные акты объ очиншеваніи имѣній получали законную силу, по утвержденіи ихъ административнымъ начальствомъ. Это послѣднее условіе вызывалось слѣдующими соображеніями: при неразвитости крестьянъ и при нѣкоторыхъ понудительныхъ мѣрахъ, очиншеваніе могло поставить крестьянъ въ болѣе отяготительное положеніе въ сравненіи съ отправленіемъ барщины; затѣмъ представлялось необходимымъ наблюдать, чтобы при очиншеваніи

имѣній не были приняты въ основаніе повинности, въ Высочайшемъ указѣ не предусмотрѣнныя.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что даремщины въ имѣніяхъ, отданныхъ въ арендное содержаніе до 1-го января 1846 года, уничтожались только по истеченіи контрактнаго срока арендъ. Такъ какъ такое положеніе вещей могло возбудить неудовольствіе и ропотъ крестьянъ, то намѣстникъ Царства Польскаго предписалъ коммисіи внутреннихъ дѣлъ изыскать средства для скорѣйшаго избавленія крестьянъ отъ даремщины и въ арендныхъ имѣніяхъ, путемъ тщательнаго пересмотра всѣхъ арендныхъ контрактовъ и поощренія помѣщиковъ и арендаторовъ къ добровольному соглашенію, прежде истеченія срока контрактамъ, вслѣдствіе чего изъ 1,023 арендныхъ имѣній къ январю 1848 года остались даремщины только въ 380 имѣніяхъ *).

27-го августа 1847 года фельдмаршалъ писалъ Государю: „Указъ, по которому крестьяне избавляются „отъ нѣкоторыхъ податей помѣщику, хотя въ нѣко„торыхъ мѣстахъ и дурно толкованъ былъ крестьянами, „для того, что перестали было работать барщину; но „теперь вездѣ сіи толки прекратились, спокойствіе воз„становлено безъ всякихъ строгостей и одними увѣща„ніями мѣстныхъ властей, т. е. начальниковъ уѣздовъ, „и только въ одномъ мѣстѣ посланъ былъ съ командою „подполковникъ жандармовъ“ **).

Такъ какъ въ политическомъ отношеніи намѣстнику

*) Тамъ же.
**) Сем. арх. кн. Паскевича.

были подчинены всѣ губерніи смежныя съ Царствомъ Польскимъ, то фельдмаршалъ доносилъ о крестьянскихъ безпорядкахъ, быстро оконченныхъ, въ Гродненской губерніи. Тамъ, въ 5-ти деревняхъ, крестьяне отказались идти на барщину, какъ оказалось, по наущенію нѣкоторыхъ зачинщиковъ изъ средняго класса, но быстро принятыя мѣры водворили и тамъ должное повиновеніе *).

Въ то же время фельдмаршалъ занятъ былъ съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга графомъ Блудовымъ составленіемъ проекта конкордата съ римскимъ дворомъ. Успѣхъ этого дѣла казался фельдмаршалу сомнительнымъ, такъ какъ въ то время, по выраженію князя Варшавскаго, „папа весьма передается на сторону либераловъ“ **) и въ Италіи, въ папскихъ владѣніяхъ, политическія волненія были въ полномъ разгарѣ. По этому поводу Государь писалъ фельдмаршалу 19-го сентября (1-го октября): „Волненіе въ папскихъ владѣніяхъ должно было „во всякомъ случаѣ быть, и я думаю, чуть ли папа не „по необходимости сдѣлалъ и амнистіи, и реформы, ко„торыя предпринимаетъ. На что, можетъ быть, рѣ„шился и не по либерализму, а по необходимости; скоро „этому повѣрка будетъ, ибо надо ему будетъ укрощать „своевольство, которое иначе поняло его намѣреніе; „посмотримъ, сдѣлаетъ ли“ ? ***).

---

*) Особая записка при письмѣ фельдмаршала къ Государю, отъ 21-го октября 1846 г. Тамъ же.

**) Письмо къ Государю 27-го августа 1846 года. Тамъ же.

***) Приложеніе № 58.

Въ августѣ 1846 года окончились дѣйствія слѣдственной коммисіи по политическимъ безпорядкамъ начала 1846 года. Всѣхъ арестованныхъ по этимъ заговорамъ было 316 человѣкъ. Дальнѣйшія открытія, какъ писалъ фельдмаршалъ, было трудно дѣлать, именно потому, что „по новому образованію секретныхъ обществъ „одинъ только про пятерыхъ знаетъ; что снисхожденіе „прусскихъ и австрійскихъ властей сему также причи„ною и что на Литвѣ и Волыни очень мало открыто. „Въ Царствѣ Польскомъ цифра 316 людей весьма удо„влетворительна, и я надѣюсь, что открытія прусскія „могутъ увеличить число заговорщиковъ. На австрій„цевъ же я не надѣюсь; они, какъ мнѣ кажется, мало „намъ будутъ открывать“ *).

Къ концу 1846 года относится замѣчательное пиротехническое изобрѣтеніе, принадлежащее русскому человѣку. По возвращеніи изъ Москвы, Государь писалъ фельдмаршалу изъ Царскаго Села 9-го октября: „От„крытіе гремучей хлопчатой бумаги очутилось въ Мо„сквѣ за 20 лѣтъ уже извѣстнымъ, и найдено бѣдня„комъ музыкантомъ, русскимъ, и онъ съ дуру все про „это молчалъ; теперь, услышавъ про это мнимое от„крытіе, пришелъ съ нимъ къ Щербатову **), и я ви„дѣлъ опыты точно изумительные.“ Начались опыты и въ Варшавѣ. Фельдмаршалъ доносилъ: „Выдумка по„роха изъ хлопчатой бумаги неимовѣрно распростра-

---

*) Письмо 27-го августа 1846 года.

**) Князь А. Г. Щербатовъ былъ тогда московскимъ генералъ-губернаторомъ.

„нится, ибо столь легко его дѣлать. Здѣсь главный „инспекторъ Четыркинъ *) съ аптекаремъ не сдѣлалъ. „Я приказалъ ему вмѣстѣ съ генераломъ Гилленшми-„томъ **) симъ заняться, и это открытіе весьма успѣшно „идетъ. Между тѣмъ я приказалъ Четыркину запретить „выдавать селитряную кислоту, изъ которй такъ легко „сей новый составъ можно дѣлать" ***).

Заканчивая 1846 годъ, мы считаемъ умѣстнымъ упомянуть о знаменитомъ произведеніи извѣстнаго датскаго скульптора Торвальдсена, о его конной статуѣ (изъ бронзы) князя Іосифа Понятовскаго, маршала наполеоновской арміи. Во время польскаго возстанія 1830—1831 годовъ и до 1840 года эта статуя, въ разобранномъ видѣ, находилась въ крѣпости Модлинѣ. Въ началѣ 1840 года фельдмаршалъ, къ пріѣзду Государя, приказалъ ее собрать. Его Величество тогда же подарилъ ее фельдмаршалу, приказавъ ее поставить на эспланадѣ гомельскаго замка. По причинѣ ея тяжести, она доставлена была въ Гомель водою, при чемъ по рѣкамъ и каналамъ плыла до мѣста назначенія въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Государь, предоставляя фельдмаршалу почти диктаторскую власть по управленію Царствомъ Польскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ въ бесѣдахъ съ нимъ выражалъ убѣжденіе, что при жизни князя Варшавскаго такая система управленія вполнѣ согласуется и съ об-

---

*) Генералъ-штабъ-докторъ дѣйствующей арміи.
**) Начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи.
***) Приложеніе № 58.

стоятельствами, и съ тѣмъ довѣріемъ и нравственнымъ авторитетомъ, которые вполнѣ заслуживаетъ князь Варшавскій, „но мы съ тобой не вѣчны“, говорилъ Государь фельдмаршалу: „нужно подумать, что будетъ послѣ насъ“ *).

По этому поводу фельдмаршалъ въ 1847 году представилъ особую записку **) Государю, въ которой доказывалъ, что въ Царствѣ Польскомъ всегда будетъ необходима власть *исключительная*, т. е. внѣ закона, и отступающая отъ формъ закона. Казалось, писалъ фельдмаршалъ, что было бы легко и цѣлесообразно соединить управленіе Царства Польскаго съ общимъ управленіемъ Имперіи, но, во первыхъ, имѣя въ виду вѣнскій трактатъ, Государь въ 1833 году даровалъ Польшѣ органическій статутъ, а во вторыхъ, „уничтожимъ ли мы „этимъ непріязненное отношеніе поляковъ? Всеконечно „нѣтъ“ — отвѣчалъ на вопросъ фельдмаршалъ и приводилъ въ примѣръ сѣверо- и юго-западный край, хотя тамъ громадное большинство населенія не принадлежитъ къ польской національности. „Устроивъ въ Царствѣ „русскій порядокъ“, писалъ фельдмаршалъ, „мы такъ же, „какъ и нынѣ, принуждены будемъ выйти изъ обыкно- „веннаго порядка; то есть: увеличить власть мѣстную; „ибо причины, по которымъ мы нынѣ увеличиваемъ „власть противъ статута, остаются тѣ же. Мы выигры-

---

*) Собственноручно карандашемъ написанныя Государемъ слова Сем. арх. кн. Паскевича.

**) См. прил. № 63, а, б.

„ваемъ однѣ лишь названія, а дадимъ поводъ говорить „о нарушеніи трактатовъ.“

Затѣмъ фельдмаршалъ находилъ, что обыкновенный порядокъ централизаціоннаго управленія министрами вообще неудобенъ на окраинахъ Россіи, придавая всему ходу управленія слишкомъ медленное бюрократическое теченіе, при которомъ обыкновенно упускаются изъ вида мѣстныя условія края.

Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ событія быстро, а иногда внезапно проявляются и гдѣ, весьма часто, дѣлаемыя распоряженія принимаютъ совершенно неожиданное значеніе, необходимо сосредоточить въ Варшавѣ сильную, исключительную власть, пользующуюся довѣріемъ Государя. Бюрократическое теченіе дѣлъ, по мнѣнію фельдмаршала, слишкомъ часто замѣняетъ перепиской самое дѣло, затѣмъ несогласія министровъ съ мѣстнымъ начальствомъ всегда вредно отзываются и останавливаютъ ходъ дѣла. „Наконецъ,“ писалъ фельдмаршалъ, „въ дѣйствіяхъ министровъ нѣтъ единообразія.“ У каждаго изъ нихъ свое направленіе, что также не можетъ не имѣтъ вреднаго вліянія на мѣстныя обстоятельства окраинъ. Кромѣ того фельдмаршалъ находилъ, что такъ какъ, при громадности Россійскаго государства, министры не въ состояніи входить во всѣ подробности весьма разнообразныхъ условій окраинъ, то направленіе большинства дѣлъ зависитъ отъ второстепенныхъ чиновниковъ-бюрократовъ, т. е. людей исключительно кабинетныхъ, поглощенныхъ формальностями переписки и совершенно незнакомыми съ мѣстными

условіями нашихъ окраинъ. „И такъ,“ заканчиваетъ князь Варшавскій, „власть министровъ не достаточна, „управленіе не пойдетъ, если испрашивать разрѣшенія, „когда надо дѣйствовать. Правда и нынѣ многое осно-„вано на довѣренности ко мнѣ, но власть моя раздѣ-„ляется съ совѣтомъ управленія, при томъ вся граждан-„ская часть въ Царствѣ, хотя и составляетъ отдѣльное „управленіе, но находится не только въ сношеніяхъ съ „общимъ управленіемъ Имперіи, но и въ нѣкоторой отъ „него зависимости; *часть учебная* въ связи съ мини-„стерствомъ Имперіи; по части *финансовой*, о всѣхъ „дѣлахъ мы сообщаемъ, а о важнѣйшихъ сносимся, „предварительно, съ министромъ финансовъ. Для *су-„дебной* части устроенъ сенатъ; по части *полицейской*, „даемъ знать шефу жандармовъ. Остается часть распо-„рядительная и *внутреннихъ* дѣлъ; но вообще всѣ „важнѣйшія дѣла вносятся въ государственный совѣтъ.“

Эту связь управленія Царства Польскаго съ учрежденіями Имперіи князь Варшавскій, по условіямъ времени и мѣстныхъ обстоятельствъ, находилъ вполнѣ достаточною.

Въ началѣ 1847 года (въ концѣ января) король прусскій созвалъ въ Берлинѣ общегосударственный сеймъ. При тогдашнемъ настроеніи умовъ всей страны и при слабости прусскаго правительства, это было несомнѣнно началомъ новой правительственной системы — конституціонной. Впрочемъ, проектъ конституціи былъ уже выработанъ, но онъ еще не былъ утвержденъ королемъ. Покуда, для рѣшенія экономи-

ческихъ и финансовыхъ вопросовъ, былъ собранъ временный сеймъ изъ депутатовъ всего королевства.

Государь Николай Павловичъ вполнѣ сознавалъ значеніе этого событія. „Насъ было трое“ (Австрія, Пруссія и Россія), писалъ Его Величество фельдмаршалу 5-го (17-го) февраля, „теперь мы много что двое“ *). Пруссія переставала быть самодержавной монархіею, и на границахъ Польши либерализмъ пріобрѣталъ значеніе партіи, стоящей у кормила правленія всей страны. Такая Пруссія могла быть, по убѣжденію Государя, только враждебна самодержавной Россіи. Закрытіе сейма въ іюнѣ того же года не успокоило Государя, не смотря на нѣсколько рѣзкія и непріятныя отношенія короля къ сейму. По этому поводу фельдмаршалъ писалъ Государю, что хотя король „увлекается либерализмомъ и „хочетъ быть въ смыслѣ общихъ мнѣній, но въ то же „время „хочетъ быть королемъ.“ Демагоги (оппозиція) „не разсудили хорошо о его характерѣ и думали, что „не посмѣетъ показать характеру. Если бы демагоги „прусскіе хорошо взялись за это дѣло, не отказывали „бы во всемъ, въ разсужденіяхъ въ камерахъ не были „бы такъ ѣдки, если бы сказали ему, что онъ пре„образователь Пруссіи, просвѣщенъ, идетъ съ теперешнимъ вѣкомъ, даетъ новый видъ правительству, то его „самолюбіе было бы удовлетворено и онъ на многое „согласился бы“ **).

---

*) Всѣ письма къ фельдмаршалу Императора Николая Павловича за 1847 годъ, въ числѣ 8-ми, помѣщены въ прилож. № 64.

**) Письмо 4-го (16-го) іюля 1847 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

Государь не раздѣлялъ мнѣнія фельдмаршала относительно отказа короля немедленно ввести конституціонный образъ правленія. „Между тѣмъ революціонная „партія,“ писалъ Государь князю Варшавскому, „узнала „свои силы, показывала много умныхъ говоруновъ и „всю слабость такъ называемой правительственной сто„роны, и, что всего хуже, она выставила всю неосно„вательность короля и прикрылась мнимой личиной при„вязанности къ нему; и подъ этой же личиной гото„вится во всемъ краѣ грозная будущность порчею по„нятій, общаго мнѣнія массы народа, сію пору чуждой „еще подобныхъ мыслей, но неминуемо должной испор„титься отъ непрестанной адской работы революціони„стовъ. Старой Пруссіи нѣтъ, она погибла невозвратно; „нынѣшняя — ни то, ни сё, что-то переходное, а бу„дущее — ужасно. Вотъ мое убѣжденіе, отъ котораго „желалъ бы, но не могу отойти“ *). Впрочемъ, въ то время приближеніе политическихъ переворотовъ сознавалось во всей Западной Европѣ. Швейцарія открыла эру революцій: радикалы, осенью 1847 года, возстали противъ консервативной, тогда управлявшей Швейцаріею партіи. Австрія, опасаясь вообще проявленія въ Европѣ политическихъ волненій и радикализма въ особенности, предложила германскому союзу выставить войска вдоль границъ съ Швейцаріею; большинство германскихъ государствъ не согласились на предложеніе Австріи. „Теперь уже Зондербундъ исчезъ,“ писалъ Го-

---

*) Письмо 10-го (22-го) іюля 1847 года. См. прил. № 64.

сударь фельдмаршалу, „и огонь мятежа готовъ вспых-„нуть въ южной Германіи; ежели и теперь не очнутся, „то я убѣжденъ, что въ скоромъ времени все будетъ „тамъ вверхъ дномъ. Вообще, все въ такой безтолочи, „въ такомъ пошломъ положеніи, что тошно и говорить“ *).

Въ концѣ 1847 года окончились въ Познани слѣдствіе и судъ по бывшимъ въ 1845 — 46 гг. политическимъ волненіямъ и безпорядкамъ. Замѣчательно, что на публичномъ засѣданіи въ уголовномъ познанскомъ судѣ, Мирославскій, въ защитительной рѣчи своей, высказалъ, что цѣль его заговора была вовсе не Пруссія, а только Россія, „и никто его рѣчи не остановилъ“, замѣчаетъ фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ къ Государю **).

Зимою 1847 года, отъ неурожая, бывшаго въ предшествовавшемъ 1846 году въ Польшѣ, въ Галиціи и Познани, цѣны на хлѣбъ поднялись до небывалыхъ еще размѣровъ. Въ Галиціи крестьяне, поставленные въ безвыходное положеніе, жгли и грабили помѣщичьи усадьбы. Голодъ угрожалъ и населенію Царства Польскаго. Фельдмаршалъ ассигновалъ значительныя денежныя пособія для покупки зернового хлѣба крестьянамъ, на продовольствіе и посѣвы, но требованія на хлѣбъ естественно къ веснѣ увеличивались; тогда князь Варшавскій постановилъ, что помѣщики, имѣющіе хлѣбные запасы обязаны были ихъ выдавать крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы осенью крестьяне уплатили эти хлѣбные

---

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1847 года. См. прил. № 64.

**) Письмо 28-го іюля (9-го августа) 1847 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

займы деньгами или рабочими днями. Такое распоряженіе фельдмаршалъ признавалъ незаконнымъ, но оно было во всѣхъ отношеніяхъ вынуждено: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне стали поговаривать, что и они послѣдуютъ примѣру ихъ галицийскихъ сосѣдей *). Среди этихъ тревожныхъ заботъ появилось еще ожиданіе холеры. Съ Кавказа она пододвинулась къ Харькову, ее ожидали въ Москву, и едва ли Царству Польскому не предстояло вынести ея появленіе. „Гнѣвъ сей Божій," писалъ Государь фельдмаршалу, „должно сносить съ „покорностію и съ терпѣніемъ; но это гибель ужасная, „ибо все разстраиваетъ. Остановить ёе и думать нельзя, „остается только соблюдать что можно, дабы зло уменьшить, что и дѣлается; надѣюсь, что и ты употребишь „всѣ способы, чтобъ войска елико можно менѣе отъ „сего пострадали **).

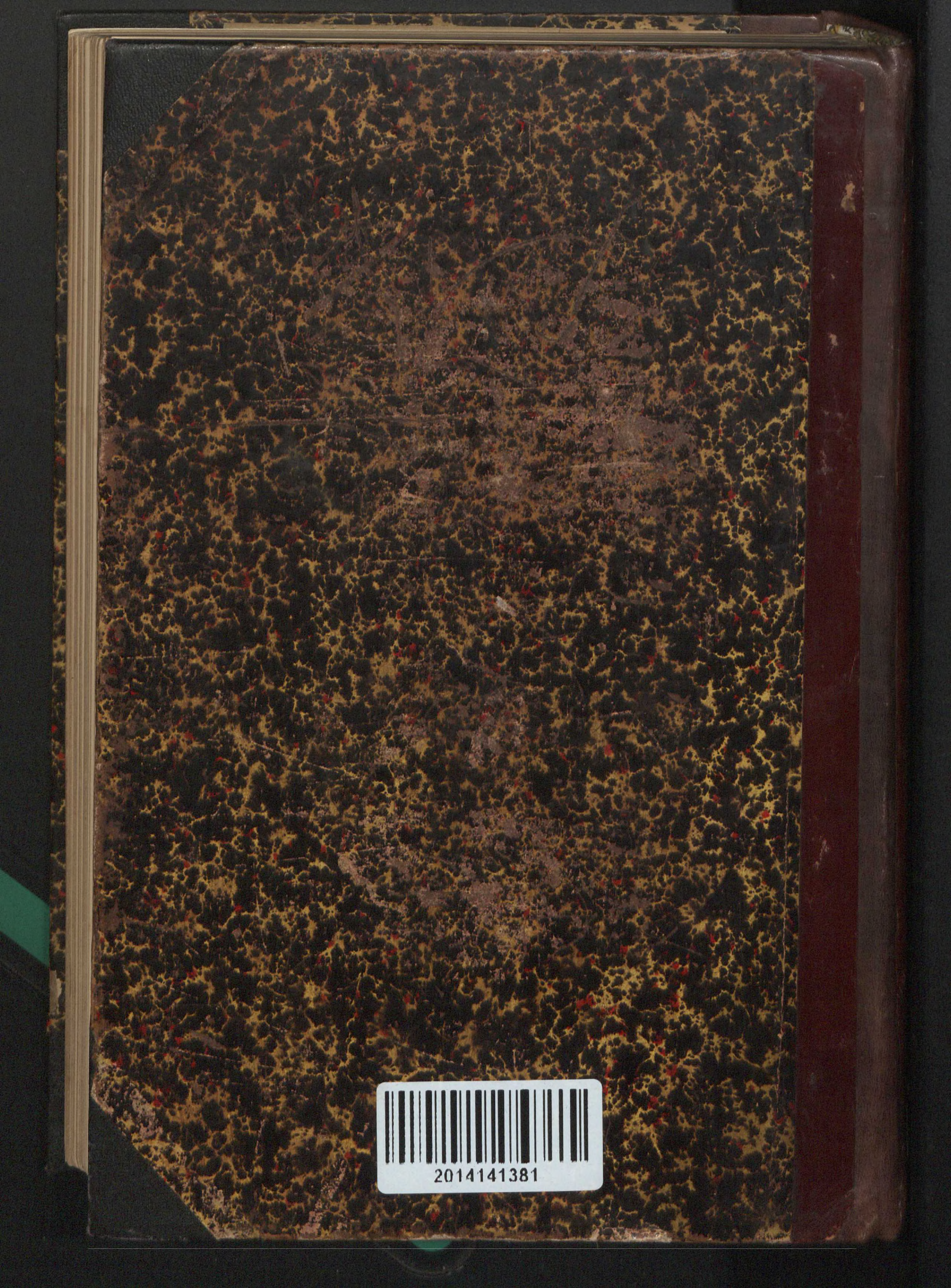
---

*) Письмо фельдмаршала къ Государю 11-го (23-го) мая 1847 года Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо изъ Александріи отъ 10-го (22-го) августа 1847 года. Прил. № 64.

оря-
оно
ыхъ
по-
реди
хо-
, ее
не
ій,“
съ
ная,
зя,
нь-
шь
отъ

а
а.

2014141381